

Бьянка
Питцорно

Французская няня

Annotation

Париж, 1830-е годы, идеи Великой французской революции всё еще носятся в воздухе. Девятилетняя Софи и ее мама живут в нищете и кое-как перебиваются шитьем белья на заказ. Однажды, чтобы помочь тяжело больной матери, Софи берется отнести сшитые сорочки в богатый район Парижа. Так она попадает в дом знаменитой балерины Селин Варанс, которая принимает в свою семью осиротевшую девочку и заботится о ней.

Став воспитанницей балерины, Софи знакомится с ее окружением: старым аристократом и революционером Гражданином Маркизом, который обучает всех детей независимо от их социального положения, и чернокожим мальчиком-рабом Туссенем, привезенным из колоний. Казалось бы, теперь, в кругу друзей, Софи может уже не тревожиться о будущем.

Но счастье обманчиво: спустя несколько лет балерина в один миг лишается дома, семьи и свободы. И тогда юная Софи становится верной защитницей Селин, няней и ангелом-хранителем ее маленькой дочери и героиней приключений, за которыми мы будем следить затаив дыхание.

Исторический роман «Французская няня» знаменитой итальянской писательницы Бьянки Питцорно, изящно вплетенный в канву другого романа, написан в лучших традициях классического романа, полного оригинальных отсылок к произведениям культуры и искусства XIX века.

-
- [Бьянка Питцорно](#)
 -
 -
 -
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Во Франции, 1830–1836. Сиротка и балерина](#)
 - [Глава первая. Париж, май 1837](#)
 - [1](#)
 - [Глава вторая. Париж, 1830–1832](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [Глава третья. Париж, июнь 1837](#)
 - [1](#)
- [Глава четвертая. Париж, январь 1832](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
- [Глава пятая. Париж, июнь 1837](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
- [Глава шестая. Париж, январь 1832](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
- [Глава седьмая. Париж, июнь 1837](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
- [Глава восьмая. Париж, январь-февраль 1832](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [Глава девятая. Париж, июнь 1837](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
- [Глава десятая. Париж, 1832–1837](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
- [Глава одиннадцатая. Париж, июнь-июль 1837](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
- [В Англии. Няня и гувернантка](#)
 - [Глава первая. Лондон, затем Торнфильд, июль-ноябрь 1837](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [Глава вторая. Торнфильд, зима 1837–1838](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
- [Глава третья. Париж — Торнфильд, март-июнь 1838](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
- [Глава четвертая. Париж — Торнфильд, июнь-июль 1838](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
- [Глава пятая. Торнфильд, июль 1838](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)

- [12](#)
- [Глава шестая. Бристоль, 16 апреля 1840](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
- [Глава седьмая. Старый Багамский пролив, 12 мая 1840](#)
 - [От автора](#)
 - [Давайте дружить!](#)
 - [Над книгой работали](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)

- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)

- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)

Бьянка Питцорно

Французская няня

Москва

Самокат

Bianca Pitzorno
La bambinaia francese

Перевод с итальянского Ольги Гуревич и Татьяны Никитинской

Работая с теми частями книги, которые неразрывно связаны с «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте, переводчики опирались на русскоязычные переводы этого романа, выполненные В. Станевич и И. Гуровой.

Художественное электронное издание

Для среднего и старшего школьного возраста

В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря 2010 года маркируется знаком 12+

© 2004 Arnoldo Mondadori Editore S.p.A., Milano

© 2015 Mondadori Libri S.p.A., Milano

© Гуревич О., Никитинская Т., перевод на русский язык, 2020

Издание на русском языке, оформление © ООО «Издательский дом „Самокат“», 2021

* * *

Бьянка Питцорно родилась в городе Сассари на острове Сардиния, а живет и работает в Милане. С 1970 года она пишет книги для детей и подростков. У нее вышло уже больше сорока книг, многие из которых имели огромный успех. Бьянка Питцорно считается самым значительным итальянским автором, пишущим для детей в наше время. Ее книги переведены и издаются во Франции, Германии, Испании, Греции, Польше, Венгрии, Корее и Японии. Бьянка — Посол доброй воли ЮНИСЕФ. После окончания университета, где ее выпускной работой стал диплом по доисторической археологии, Бьянка переехала в Милан и поступила в Высшую школу медиакоммуникаций на специальность «Кино и телевидение». Несколько лет она проработала на итальянском телевидении, вела программы о культуре «Знание» и «Все о книгах» и передачи для детей «Кто знает того, кто знает?» и «Говорилки», стала одним из авторов «Голубого дерева». У Бьянки Питцорно есть также пьесы для театра, сценарии, песни. С 1970 года, когда вышла первая ее книга, она почти все время пишет. В книгах Бьянки всегда присутствует глубокое нравственное измерение, а дети легко узнают себя в ее героях. Самые известные ее книги для малышей — «Когда мы были маленькими», «Джулия Гав и Феликс Мяу», «Хлорофилла с синего неба», «Кукла алхимика», «Живая кукла», «Дом на дереве», «Школа для Лавинии», «Тайный голос», а для читателей постарше — «Послушай мое сердце», «Диана, Купидон и Командор», «Удивительное путешествие Полисены Пороселло», «У царя Мидаса ослиные уши», «Торнатрас».

* * *

С Софи я болтала по-французски и иногда расспрашивала ее о родине; но у нее не было дара ни к описанию, ни к рассказу, и она обычно давала такие краткие и неопределенные ответы, что они могли скорее отбить охоту к расспросам, чем вызвать ее.

Каррер Белл

Памяти моей матери.

*А также Лалли, которая показала мне
великое Саргассово море.*

Предисловие

Самое большое искушение для писателя — взять своих персонажей и поместить в знаменитую, всем известную историю. И делается это вовсе не потому, что у автора «нет своих идей», а — из любви. Если в детстве или в юности, в начале нашего читательского пути, мы полюбили какую-то книгу, ее сюжет и героев, то разместить рядом с ними собственные творения — значит приблизиться к автору, который нас очаровал и увлек, вступить с ним в тесные и глубокие отношения. Это одна из привилегий тех, кто сочиняет и пишет истории.

Бьянка Питцорно создала множество собственных историй. Но на этот раз придуманные ею события в какой-то момент пересекаются с сюжетом знаменитого романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр».

Действие книги Бьянки Питцорно происходит во Франции 1830-х годов, в период Реставрации после Великой революции, когда условия жизни французского народа стали существенно тяжелее: аристократия вернула себе былые привилегии и былую надменность, в стране, как и почти во всей Европе, заново утвердился монархический строй. А бедняки так и остались бедняками, притом утратили то единственное, что на несколько лет дала им Революция, — звание граждан.

Софи, главная героиня романа, принадлежит к беднейшим — тем, кто живет в нечеловеческих условиях, едва сводя концы с концами. Ей повезло, она научилась читать и писать и развила в себе любовь к познанию еще до того, как ее отец, типограф, погиб на баррикадах во время одного из народных восстаний. Яркие живые описания, проникнутые атмосферой того времени, — кажется, будто читаешь Диккенса или кого-то из французских авторов XIX века. Пропасть между слоями общества настолько глубока, а социальные проблемы настолько серьезны, что в сравнении с ними все наши сегодняшние сложности кажутся не стоящими внимания. Писательница досконально знает наряды описываемого периода, стиль жизни, язвы общественного устройства, культуру, политику. Она воспроизводит все эти признаки эпохи с поразительной точностью и непосредственностью, что делает повествование достоверным и одновременно рельефным и выразительным.

В центре романа — женские образы, однако нельзя не упомянуть и Гражданина Маркиза, аристократа и революционера, создателя вдохновляющего «детского Парнаса» — школы, в которой юным

аристократам, буржуа и маленьким оборвышам — всем детям, вне зависимости от социального положения их родителей, предоставлены равные возможности для познания и для развития собственной личности. Даже после своей смерти маркиз де ла Поммельер, как *deus ex machina* — «бог из машины», помогает героям выйти из коллизий, достойных самого остросюжетного приключенческого романа.

Крестница Гражданина Маркиза, звезда балетной труппы парижского театра Опера, замужем за таинственным англичанином по имени Эдвард — или, по-французски, Эдуар, — окруженным еще более таинственными связями. Он дарит Селин не только дочь Адель, но и чернокожего мальчика-раба, купленного на Ямайке. Мальчик носит имя героя гаитянского восстания против французского владычества — Туссена. Судьба разлучит мать и дочь, но рядом с девочкой останется ее ангел-хранитель, няня Софи, которая последует за ней в мрачное имение Торнфильдхолл, принадлежащее сэру Эдварду. Именно там девочки повстречаются с гувернанткой по имени Джейн Эйр, героиней романа Шарлотты Бронте, и проживут с ней под одной крышей почти год. Эти главы дают нам ключ ко всему роману. Чтобы войти внутрь чужого произведения и развить идеи другого автора, которого уже нет на свете, нужна изрядная смелость. Джейн из романа Питцорно удивительным образом сочетает в себе черты живой женщины и литературного призрака.

А еще в этом романе много писем, коротких и длинных. Они позволяют с помощью особого стиля, свойственного эпистолярному жанру, изящно и лаконично изложить хитросплетения сюжета.

В конце романа все сложности стиля и повествования разрешаются с необычайной легкостью, а в сердце зачарованного читателя остается глубокое и теплое чувство.

Валерио Массимо Манфреди

Во Франции, 1830–1836. Сиротка и балерина

Во Франции 1830-1837

Сиротка и балерина

Глава первая. Париж, май 1837

1

ПАРИЖ, УЛИЦА СЕНТ-ОГЮСТЕН, ДОМ ФРЕДЕРИКОВ,

30 МАЯ 1837 ГОДА

Мадам,

умоляю Вас, не тревожьтесь о судьбе Адели. Ваша дочь со мной, в безопасности: никто не причинил и, обещаю, не причинит ей зла. Поверьте, несмотря на мой юный возраст, я смогу позаботиться о нашей крошке и уберечь ее от любой опасности. Поэтому думайте не о нас, а о своем здоровье и о том, как лучше разрешить Ваши трудности.

Моя дорогая мадам, надеюсь, что Вы очень скоро сможете прочитать это письмо. Мне неизвестно, куда Вас отвезли, но Туссен обещал сделать все возможное, чтобы выяснить Ваше местонахождение. К счастью, прежде чем ему пришлось

покинуть дом, мы с ним успели переговорить и условиться, как будем поддерживать связь. Эти бешеные псы — не знаю, как еще назвать племянников Вашего крестного, — считают его своей собственностью, вещью: будто он картина, ковер или кровать с балдахинном. Или лошадь из конюшни Жан-Батиста. И все это лишь потому, что у Туссена черная кожа и он не смог предъявить подписанную Вами бумагу о своем освобождении. Мы судорожно искали ее в ящиках секретера, пока племянники грабили дом, не проявляя и тени уважения к усопшему дядюшке, — а ведь он все еще лежал в своей комнате на втором этаже. Бедный Гражданин Маркиз! И часу не прошло, как наш друг и покровитель закрыл глаза, а его благородные родственники уже набросились на нас, точно звери, не оставив ни времени, ни возможности оплакать его, как он того заслужил своей великой добротой и любовью.

Мы с Тусси были уверены, что документ находится в третьем ящике справа, вместе с дарственной месье Эдуара, который подарил Вам Тусси восемь лет назад, вернувшись с Ямайки. Туссен просил Вас сохранить его вольную у себя, помните? И Вы тогда же показали ему, где она лежит — вдруг она понадобится ему в Ваше отсутствие. Но все ящики секретера оказались пусты. И все остальные бумаги, письма, деньги, Ваши драгоценности — тоже исчезли!

Была еще самая первая дарственная, 1829 года, — та, что удостоверяла Ваше право на владение «чернокожим рабом лет девяти, уроженцем Вест-Индии, по имени Туссен Лувертюр Дешатр Лакруа», но мы и ее не нашли: она завалилась на дно секретера. Ах, если бы мы вытащили ящики и поставили их на пол, как сделал спустя полчаса виконт Лагардьер! Тогда мы бы сами ее обнаружили, спрятали или уничтожили, и Тусси пользовался бы сейчас всеми правами свободного человека. Но, к несчастью, дарственная оказалась в руках племянников Гражданина Маркиза.

Не обращая внимания на наши возражения, как и на возражения всех слуг, наследники заявили, что эта бумага, за неимением других документов, — единственное подтверждение состояния Туссена. И увели нашего друга с собой, записав его как Вашу «вещь» в счет возмещения ущерба, который Вы, по их словам, им нанесли, якобы обманом выудив у Гражданина

Маркиза деньги.

Надеюсь, мадам, что, получив это письмо, Вы скоро сможете сообщить нам, что произошло: успели ли Вы перед приездом родни крестного извлечь содержимое ящичков и спрятать или забрать с собой? Или же племянники завладели ценностями и уничтожили все свидетельства, которые могли воспрепятствовать их алчности?

Я всей душой надеюсь, что Вам удалось забрать деньги и драгоценности и что они станут для Вас неоценимым подспорьем, в какие бы ужасные обстоятельства ни ввергли Вас эти негодяи.

Не беспокойтесь за нас с Аделью. Я спрятала во внутреннем кармане юбки чулок со всеми моими сбережениями; их немного, но до Вашего возвращения должно хватить. Теперь мы живем в доме мадам Фредерик, старой гладильщицы с улицы Сент-Огюстен — помните ее? — муж которой работает в меловой карьере. Она пустила нас к себе, не требуя ни единого су. По правде сказать, Фредерики не знают, что мы в состоянии оплачивать хотя бы пропитание. Я не стала сообщать им о своем «тайном ларчике». Поначалу мне было неловко пользоваться щедростью семейства, которое и так с трудом сводит концы с концами. Но я решила не притрагиваться к деньгам и сохранить их на крайний случай. Мы ведь сможем возместить гладильщице и ее мужу расходы и еще добавить хороший подарок, когда Вы вернетесь.

Что касается Адели — поверьте, мадам, она ни в чем не испытывает нужды. Прежде чем негодные племянники добрались до детской, мы с Соланж уложили в зеленый сундук для нашей девочки полный гардероб и любимых кукол, и я успела убедить Жан-Батиста спрятать сундук в мастерской по соседству. Позже муж мадам Фредерик помог мне его забрать и перенести к ним в дом.

Разумеется, в сундук не поместились ни лошадка-качалка, ни коляска Пупет. И я не удивлюсь, если завтра они обнаружатся у какого-нибудь старьевщика на блошином рынке.

Почему мы укрылись в доме Фредериков, спросите Вы. Да потому что никто больше не пожелал принять нас, когда алчные родственники, спешно поделив мебель, картины, серебро, карету с лошадьми и все прочее, что можно было увезти с собой, велели

нам убираться. Дом, заявили они, отныне принадлежит им, у нас же нет на него никаких прав. Глупцы — они даже не знают, что дом взят в аренду: им придется платить, если они захотят оставить его себе.

Услыхав шум, мадам Фредерик вместе с другими зеваками подошла ближе — поглядеть, что происходит. Тут младший из племянников, маркиз д'Арконвиль, приподнял Адель и поставил на тротуар по другую сторону решетчатой ограды со словами: «Желаю удачи, соплячка. Иди своей дорожкой и не вздумай больше нам попадаться».

Знаю, знаю, что стыдиться должны они, но... Какое унижение! Наша крошка, изгнанная из собственного дома у всех на глазах, как шелудивая собачонка! Дитя неполных шести лет, до сих пор знавшее лишь любовь и нежность... я бросила на молодого маркиза полный презрения взгляд и, не сдержавшись, крикнула ему в лицо: «Зверь! Стыдитесь!» Он сделал вид, что не услышал, и вернулся в дом. Я взяла Адель за руку. «Пойдем отсюда», — сказала я, показав взглядом и собственным примером, что, когда находишься среди людей, которые радуются твоему несчастью, следует идти с высоко поднятой головой — именно так учил нас поступать Гражданин Маркиз. Куда идти, я и сама не знала. Единственным утешением был чулок, набитый монетами, который при каждом шаге постукивал по моей правой ноге.

Тут мадам Фредерик подошла и погладила Деде по головке. «Идите жить ко мне, — сказала она, — пока не вернется мама этого чудесного ребенка». Вот истинное великодушие, подумала я.

Дом, где живут мадам Фредерик с мужем, невелик и небогат; нас устроили в комнатухе без окон, где места хватает только для стула да узкой железной кровати, на которой нам приходится спать тесно обнявшись, чтобы не упасть. А на обед и на ужин Фредерики не могут предложить нам ничего, кроме картофеля с селедкой. Но обращаются они с нами так любезно, что лучше и не пожелаешь.

Адель не жалуется. Она умница и понимает даже больше, чем хотелось бы. Она ни разу не спросила, почему нас выгнали из нашего собственного дома и почему Вы не пришли на помощь. К счастью, она не видела, как стража силой оттащила Вас от

смертного одра крестного и увела прочь.

Но недавно, когда она молилась на коленях перед сном, я услышала, как она тихонько шепчет: «Пожалуйста, прошу тебя, Пресвятая Дева, сделай так, чтобы мама поскорее вернулась. А ты, добрый Иисус, пошли своих ангелов на бульвар Капуцинов, чтобы они отнесли душу Гражданина Маркиза на небеса».

Как же трогательна и невинна наша девочка!

А ведь Ваш крестный столько раз объяснял ей, что он, как участник Революции, верует не в Пресвятую Деву, а в Высший Разум и в Богиню Рассудка.

Вы, верно, утомились читать такое длинное письмо. Мне и самой жжет глаза, а свечка едва горит. Заканчиваю, пока она совсем не погасла.

От души желаю Вам всего наилучшего, мадам. Дайте знать о себе как можно скорее. И не тревожьтесь за Адель. Я буду ей ангелом-хранителем и смогу защитить ее от любых бед, пусть даже ценой собственной жизни. Ведь я с самого начала Вам это обещала, помните? Когда Вы впервые дали мне ее поддержать, в тот ужасный день... Нет, не хочу сейчас об этом думать! Свеча вот-вот погаснет. Прощайте, мадам. И да ниспошлет Вам Высший Разум столько же добра, сколько его получили от Вас я, Туссен, Гражданин Маркиз и все, кто когда-либо нуждался в Вашей помощи. Да хранит Вас Богиня Рассудка вместе с Пресвятой Девой, Господом Иисусом и всеми святыми Рая.

Ваша верная и всегда благодарная

Софи

Глава вторая. Париж, 1830–1832

1

Пламя вспыхнуло в последний раз, и комнатка погрузилась в темноту. Софи нащупала стул, который служил ей письменным столом, положила на него перо, закрыла чернильницу, подула на письмо, чтобы чернила скорее высохли, — и в изнеможении упала на кровать. Она старалась не слишком прижиматься к Адели. В крохотном помещении без окон стояла духота, неподвижный воздух был пропитан влажностью.

А в тот день, когда Софи впервые входила в дом, где жила Адель, было так холодно, что ноги у нее посинели, она почти их не чувствовала. Теперь эти далекие воспоминания, хоть она их и отгоняла, выплывали из памяти, вызывая сладостное и одновременно горькое чувство.

Сладостное, потому что в тот ледяной вечер много лет назад, к великому удивлению Софи, молодая и прекрасная хозяйка дома не выставила ее вон, не отругала за то, что замерзшая грязь с ее ног пачкает сверкающий мрамор, — нет, она подняла ее и усадила на столик в форме полумесяца, так что мокрые лохмотья соприкасались с фарфором и

серебряными вазами, полными прекрасных цветов. Потом она встала перед Софи на колени, сняла с нее разбитые башмаки и в ключья изорванные чулки, все в снегу, и нежно вытерла ей ноги одной из нарядных сорочек в складочку, которые мать Софи сшила с таким трудом.

— Не беспокойся, — сказала прекрасная дама, заметив встревоженный взгляд девочки. — Лизетта постирает, и сорочка снова будет как новенькая.

Как все казалось легко в этой теплой, напоенной ароматом прихожей... а бедная вдова Фантина Гравийон в промерзшей мансарде почти без освещения прилагала столько стараний, чтобы не замарать прекрасные сорочки во время шитья! Уже целую неделю мать Софи кашляла не переставая, и каждый приступ кашля сопровождался ручейком крови или крохотными красными брызгами — прижатый к губам платок не всегда успевал их впитать.

Денег на врача не было. Да и зачем было его звать, если они и так знали, что он пропишет лекарства, питательную еду, горячее вино, шерстяные чулки, огонь в жаровне — словом, всю ту роскошь, какую мать и дочь не могли себе позволить уже целый год!

Отец Софи, пока был жив, давал им все необходимое, хотя был простым рабочим: он расстилал бумагу и крутил вал в маленькой типографии на улице Шампюанне.

Но полтора года назад, 28 июля 1830 года, Жан-Жак Гравийон погиб, расстрелянный из артиллерийских орудий на баррикадах улицы Риволи. Перед самой своей смертью он размахивал трехцветным флагом и кричал: «Долой Бурбонов! Да здравствует Республика!»

А что еще мог сделать типографский рабочий, объясняла девочке мать, когда король-узурпатор злоупотребляет властью, распускает парламент и запрещает свободу печати? Только взбунтоваться и выйти на улицу вместе с товарищами, встав на защиту своего труда.

Газетчики тоже отказались выполнять приказ. Невзирая на запрет, газеты все равно выходили, и на первых страницах был протест. Возмущенных парижан на улицах становилось все больше, хотя на их разгон власти послали отряды солдат. Сверху, из окон, народ швырял в солдат все, что было под рукой: горшки с цветами, кастрюли, поленья... На улице ребяташки, перебегая с места на место, бросали в них камни. Когда солдаты, которых теснили со всех сторон, начали стрелять в толпу, выросли первые баррикады, а на другой день их укрепили стволами деревьев, срубленных на Больших бульварах. Чтобы остановить атаки кавалерии, землю посыпали битыми бутылками. Парижане сражались с таким мужеством, что, несмотря на потери, на третий день захватили

дворец Бурбонов и Лувр. В час ночи король Карл X и его двор бежали из Парижа.

Так, благодаря отцу Софи и многим другим патриотам, сражавшимся и павшим в борьбе, которую в Париже окрестили «Тремя славными днями», прогнившая династия Бурбонов была сметена с престола и на трон воссел новый просвещенный правитель, принц Луи-Филипп Орлеанский. Свобода печати была восстановлена. Бело-красно-синий флаг Первой республики вновь развевался над дворцом Тюильри. Поэт Виктор Гюго написал в честь сражавшихся героев трогательную «Оду к молодой Франции».

Но семьи многих мучеников, лишённые поддержки отцов и старших братьев, впали в нищету. Именно это и случилось со вдовой и дочерью Жан-Жака Гравийона.

2

Когда скромная сумма, выданная Комиссией по возмещению как милостыня матери Софи, была потрачена, им пришлось постепенно продать всю мебель, белье, лучшую одежду и переселиться из маленькой, но приличной квартирки на пятом этаже в мансарду того же дома. Фантина пыталась хоть немного заработать стиркой на несколько благополучных семейств в квартале. Стирала она во дворе, который числился за привратницей мадам Анно, и за его использование Фантине вместе с дочкой приходилось носить воду, ведро за ведром, в квартиры всех шести этажей. Работа была тяжелая, а заработок такой скудный, что матери и дочери едва хватало на еду. Они не могли позволить себе ни огня, ни теплой одежды; и когда наступили первые холода, мать Софи заболела.

Она так и не поправилась, хотя приступы кашля и лихорадки чередовались с краткими улучшениями — и тогда она шила дамское белье. Уж в этом она была настоящая мастерица! Да и как еще она могла бы поправить свое положение, не имея сил выходить из дому? Им еще повезло, что такую работу удалось раздобыть.

— Ничего страшного, — сказала Фантина в тот день, чтобы успокоить дочку, но сначала удостоверилась, что кровь не замарала сорочку, которую она подшивала. — Вот увидишь, завтра мне полегчает. Помогли-ка мне с этими складочками, тогда мы успеем закончить до прихода месье Фелисьена.

За предыдущие дни Софи до крови стерла себе ногти, загибая на ткани тончайшие складочки, которые, начинаясь от ворота сорочки, создавали

пышную, легкую как пена рябь. Этот прекрасный заказ они получили от месье Фелисьена неделю назад: дюжина элегантных сорочек из белого муслина, по двадцать су за сорочку. Чтобы вовремя закончить работу, Фантина трудилась день и ночь, портя себе глаза, при свете единственной свечки, и еще привлекала на помощь дочку. Иногда они переговаривались вполголоса — обсуждали, что купят себе на ту небольшую сумму, которая останется после уплаты долга бакалейщику.

И вот двенадцать сорочек готовы, аккуратно уложены в корзину и прикрыты куском белого полотна, чтобы не испачкались в дорожной пыли и копоти: ведь на улице январь, во всех каминах Парижа пылает огонь.

Однако в назначенный час месье Фелисьен не пришел.

Не пришел он и на следующий день. А ведь он говорил, что работа срочная. Что эти сорочки нужны к первому дню нового года: если он доставит их пусть даже одним днем позже, то потеряет заказчицу.

Мать и дочь не имели понятия, как с ним связаться. Они не знали ни его адреса, ни даже фамилии. Прошлой зимой, когда Фантина еле оправилась от бронхита, он сам пришел в мансарду на улицу Маркаде с отрезом ткани и готовой сорочкой — образцом.

— Это вы вдова Гравийон? Мне сказали, что вы искусная белошвейка и прекрасно шьете сорочки для дам, — обратился он к Фантине прямо с порога. — Если желаете сшить на пробу, может, у меня найдется для вас работа.

Да только он еще не знает, правда ли она такая искусница и умеет содержать работу в чистоте, а рисковать, что Фантина испортит ему ткань, не может — так он сказал. Поэтому он вынужден взять залог — сорок су за отрез ткани и еще столько же за сорочку, которую оставляет как образец.

— Если послезавтра, когда я приду забирать работу, я увижу, что меня не обманули, то верну ваши восемьдесят су и заплачу за работу еще пятнадцать.

Но не было у Фантины для залога даже такого небольшого капитала: каждая монета, которую ей удавалось заработать, сразу же тратилась на прожитье; в их хозяйстве не было никакой возможности откладывать. Сделка, к отчаянию Фантины, могла вот-вот сорваться, как вдруг взгляд месье Фелисьена упал на башмаки у девочки на ногах. Крепкие и почти новые башмаки, которые отец в феврале прошлого года присмотрел у перекупщика для дочери, хотя они тогда свободно болтались у нее на ногах.

— Тем лучше, — заметил Жан-Жак Гравийон. — Если ты будешь хорошо с ними обращаться, они прослужат тебе много лет.

И Софи обращалась с ними хорошо. Она мазала их каждое воскресенье свиным жиром и старалась аккуратно ступать по камням мостовых, когда башмаки были у нее на ногах.

Месье Фелисьен быстро их оглядел и сказал:

— Я не привередливый: эти башмаки прекрасно меня устроят.

— Но они стоят дороже восьмидесяти су, — слабо запротестовала Фантина. — Мы заплатили за них три франка.

— Ну и что? Вы получите их назад послезавтра. Или вы не уверены в себе и боитесь испортить ткань?

И хотя стоял март и улицы Монмартра превратились в болото, Софи два дня проходила босиком, пока ее мать, вооружившись ножницами и иглой, трудилась над белым полотном. К счастью, у месье Фелисьена не нашлось претензий к сшитой сорочке, и с того дня работы у Фантины хватало.

3

Мать Софи не знала, кем были заказчицы белья, которое она шила, не знала она, и сколько зарабатывает месье Фелисьен за посредничество, но это ее не интересовало. Она понимала только одно: чтобы заплатить за жилье, за нехитрую снедь, какую они с Софи могли себе позволить, за ношеную одежду, за иглы и нитки, за свечи (чтобы работать после заката), ей нужно шить не меньше дюжины сорочек в неделю — если месье Фелисьен будет так добр, что предоставит ей заказы.

Это означало пятнадцать часов работы каждый день, включая воскресенье, или тринадцать, если Софи помогала матери подгибать и застипать. Но Фантина не хотела, чтобы дочка тратила все дни на шитье.

— Это еще почему? — возмущалась мадам Анно. — Девчонке скоро девять. Пора покончить с играми и начать зарабатывать себе на жизнь. Вам сколько было, когда вы начали работать?

Но, к неодобрению привратницы, бедная вдова предпочитала делать всю работу сама, чтобы дочь могла ходить в Школу рабочей взаимопомощи, открытую в их квартале Обществом друзей народа.

Это Пьер Донадье, работавший вместе с отцом Софи, уговорил его два года назад отдать дочь учиться и объяснил, что образование важно не только для мальчиков, но и для девочек. Сам Жан-Жак Гравийон и его жена были неграмотны. Жан-Жак был из тех рабочих, которых на типографском жаргоне прозвали «медведями», потому что они, как медведи в клетке,

ходили туда-сюда от матриц к типографским прессам и проворачивали тугие рычаги, чтобы текст с матрицы отпечатывался на бумаге. Это был тяжелый труд, но грамота для него была не нужна. Умение читать и писать требовалось от наборщиков, которых звали «обезьянами», потому что они постоянно суетились — искали необходимые литеры в ста пятидесяти двух ящичках типографского набора.

— Видела бы ты их, Софи, — смеясь, говорил Гравийон дочери. — Ну чисто мартышки, будто блох ищут!

Так что «обезьяны» были людьми образованными, они посещали библиотеки и читальные залы, а в типографии говорили если не о литературе и поэзии, то о политике. А «медведь» Жан-Жак Гравийон слушал их рассуждения о только что напечатанных страницах, смотрел, как они выправляют речи самых просвещенных людей Франции, утверждавших, что, только когда весь народ выучится читать и писать, можно будет вводить всеобщее избирательное право.

Когда Софи впервые у него на глазах написала все буквы своего имени на обрывке бумаги из мясной лавки, отец растрогался, поцеловал ее в лоб, взял с собой в пивную и купил ей кулек конфет и анисовый пончик.

— Она очень смышленная, — сказал он жене. — На будущий год она хорошо выучится и будет читать нам воскресную газету. И мы узнаем, какие пакости готовит правительство беднякам и как нас защищает оппозиция.

А потом он ласково похлопал Фантину по руке и добавил:

— Может, Софи и роман, что печатают по частям на последней странице, будет тебе читать. Я знаю, вы, женщины, с ума сходите по таким вещам.

Софи, при всей ее застенчивости, оказалась отличной ученицей — любознательной, жадной до знаний, с хорошей памятью. Она умела думать и видеть связь между вещами. Учителя ставили ее в пример старшим ученицам и поручали ей младших, чтобы она обучала их первым навыкам чтения и письма.

Увы, Жан-Жак Гравийон не успел порадоваться школьным успехам дочери. Но жена его слов не забыла. И теперь, три года спустя, она предпочитала, чтобы девочка в свободное от школьных занятий время не шила, а читала ей о событиях светской жизни из старых газет, в которые зеленщик заворачивал им репу или картофель. О политике Фантина после смерти мужа и слышать не желала. Чем ей помогло, что она вдова героя Июльской революции? Какая разница, кто сидит на троне — наследники Людовика XVI или Наполеона? И важно ли, что Республика сменилась

монархией? Зато Фантине казалось, что, если она будет знать, сколько раз графиня де Мерлен или виконтесса д'Абрант посетили театры — Опера или Порт-Сен-Мартен, Одеон или Итальянскую комедию — и как они были одеты, это облегчит ее тяжелый труд. Она знала имена всех самых знаменитых дам Парижа, знала всю их родню и все помолвки дочерей. Она знала самых известных актрис и у кого больше поклонников; знала, кто в каком театре играет, поет или танцует; знала, кто больше всех разбил сердце и кто диктует моду на наряды и прически...

Она была крайне увлечена скандалом в артистическом мире, который разразился из-за новой трагедии Виктора Гюго «Эрнани». И вовсе не оттого, что могла судить о достоинствах литературного произведения, — хотя годом раньше, когда к показу запретили еще одну пьесу Гюго, «Марион Делорм», вместе с мужем разделяла негодование Пьера Донадье и других «обезьян». На этот раз разрешение было дано, но в день премьеры поклонники поэта и его недруги устроили потасовки в театре и на улицах города. Среди сторонников Гюго, как рассказывал хроникер, был даже автор театральные пьес, высокий худой мулат с густыми курчавыми волосами, по имени Александр Дюма. А еще там был молодой художник, скульптор и поэт Теофиль Готье, с длинными черными локонами до пояса — «по моде Меровингов», как он объяснял газетчикам, — одетый в блестящий алый жилет.

Фантина слушала то с любопытством, то с негодованием. Недавно она была всерьез возмущена, когда Софи прочитала ей о молодой аристократке, баронессе Амандине Люсиль Авроре Дюдеван, урожденной Дюпен, которая оставила мужа, покинув замок в провинции, и переехала жить в Париж, где стала якшаться с самыми безалаберными художниками, писать романы вместе со своим юным возлюбленным и подписывать их мужским именем. А в довершение всего — о ужас! — она появлялась на людях в мужской одежде.

4

Привратница мадам Анно, неграмотная, как и большинство жителей дома, посмеивалась над пристрастием бедной швеи к новостям из жизни высшего света. Ей самой Софи читала страницы криминальной хроники или листки ценой в один су, в которых рассказывалось о насилии, тайнах и кровавых преступлениях. Она с большим воодушевлением слушала о премьерных показах «Роберта Дьявола» — оперы с леденящим душу

сюжетом, с балетом в третьем акте, когда на сцене появлялась толпа призраков: усопшие монахини во время ночной бури выходили из могил в белых саванах, чтобы соблазнить главного героя и заставить его совершить святотатство, которое низвергло бы его прямо в ад.

Софи тоже считала, что страшные истории такого рода куда увлекательнее светских сплетен; но, читая по часу, а то и больше, мадам Анно об интригах, предательствах, бледных духах мщения и окровавленных трупах, она — ради матери — брала с привратницы по полсу за каждое чтение.

Когда по прошествии четырех дней месье Фелисьен так и не явился, девочка, под впечатлением от прочитанного в привратницкой, сказала:

— Может, его убил соперник в любви, а тело бросил в Сену, чтобы скрыть следы преступления? И никто о нем больше ничего не узнает. Бедный месье Фелисьен!

— Бедные мы, если мне не заплатят за работу, — с горечью простонала мать, вытирая рот после очередного приступа кашля, разрывавшего ей грудь. Она горела, у нее даже не было сил поднять голову от подушки.

Накануне ужин Фантины состоял из стакана воды, а Софи она оставила сухие корки хлеба да кусочек сала, купленный на последние два су. Жаровня давно остыла, и во всей мансарде не было ни поленца, ни уголька, чтобы ее растопить. За окном шел снег, в щели между черепицами задувало. И вдобавок мадам Анно прокричала громким голосом снизу вверх, через все лестничные пролеты, что завтра придут от владельца за арендной платой.

Месье Дюкруа, который собирал деньги с жильцов, был человеком непреклонным, смягчить его обещаниями или мольбами было невозможно. Софи с матерью хорошо знали, что, если они не заплатят — деньгами или самой ценной вещью, — он немедленно выставит их на улицу. «И ничего нам не останется, как отправиться в дом призрения», — с ужасом думала девочка.

Мать дремала. Софи поправила старое одеяло и стала осматриваться в надежде обнаружить что-нибудь, что можно оставить в залог этому безжалостному человеку в счет уплаты за аренду.

Перечень того, чем они владели, был краток: лохмотья, в которые были одеты мать и дочь; одна простыня, дырявое одеяло; две тарелки, кувшин, стакан, нож — все оловянное, старое, с вмятинами; жаровня, три хромых стула с вылезшей соломой, один из которых служил им столом; рваный тоненький матрас на полу — потому что кровать была продана

старьевщику сразу после смерти отца Софи, чтобы заплатить за похороны.

Софи в отчаянии покачала головой. Ничего. В мансарде не было решительно ничего такого, что могло бы пробудить интерес в алчных глазах сборщика арендной платы. Вдруг взгляд ее упал на корзину, в которой лежали сорочки, своей белизной освещавшие дальний угол мансарды. Вот что спасет их от дома призрения! Искусство матери снова поможет им.

Это тончайшее белье можно предложить месье Дюкруа или заложить, как она уже делала много раз: по просьбе матери она носила в ломбард вещи куда хуже. А сорочки прекрасные, совершенно новые, целая дюжина. За них она получит в ломбарде никак не меньше пяти франков.

5

Фантина застонала во сне, как будто угадала, что задумала дочь, и выразила неодобрение. Софи словно слышала ее голос: «Они не наши... Это моя работа, верно... но ткань-то принадлежит месье Фелисьену. Как мы расплатимся с ним, если он придет, а их нет?»

«Если придет, мама. Если... — мысленно отвечала ей Софи. — Я-то опасаюсь, что его давно уже обглодали рыбы на дне Сены, я же тебе говорила. А вот месье Дюкруа придет завтра непременно. И если мы ему не заплатим...»

Софи решительно подошла к корзине и приподняла, взвешивая в руке. Ничего, от улицы Маркаде до ломбарда идти не так уж далеко, можно донести. Она сняла кусок полотна, чтобы еще раз пересчитать сорочки, и среди остатков муслина, аккуратно свернутых и перевязанных — ее мать была настолько честна, что не оставляла себе даже этих обрезков ткани, как другие швеи, а возвращала всё до последнего клочка месье Фелисьену, — увидела две бумажки. Софи осторожно вытащила их, развернула и пошла к единственному окошку, в которое падал отсвет снега на крыше, — тут можно было, не зажигая свечу, прочитать, что написано на бумажках.

На первом листочке была нарисована сорочка, а рядом с рукавами, вырезом и низом стояли числа. В те разы, когда месье Фелисьен не мог принести уже готовую сорочку как образец, он давал Фантине размеры единственным понятным ей способом: цифры она знала, а буквы нет.

На втором листке было написано следующее:

Дюжина утренних сорочек
для мадам Селин Варанс, бульвар Капуцинов, 83,

5 франков за штуку.

Пять франков за каждую сорочку! Не веря, Софи протерла глаза, потом снова перечитала каждое слово, водя пальцем по строчкам. Сомнений не было: пять франков за штуку. Софи нащупала спинку стула, чтобы опереться: у нее кружилась голова. В Школе рабочей взаимопомощи немного обучали арифметике, и она быстро сосчитала в уме: за эту корзину сорочек уговорились заплатить немислимую сумму — шестьдесят франков! Почему месье Фелисьен так непредусмотрительно оставил листок, вместе с тканью, у швеи, которая за всю работу получит всего два франка? Цена ткани тоже была известна Софи: весь отрез стоит не больше пяти франков. Так, всего-навсего получив заказ и забрав готовые сорочки, месье Фелисьен заработает целых пятьдесят три франка. Неужто торговец бельем не боялся, что швея, найдя эту бумажку, потребует у него прибавки за каждую сорочку?

Впрочем, месье Фелисьен мог быть совершенно спокоен: ведь он знал, что вдова Гравийон не умеет ни читать, ни писать; даже если увидит листок, она все равно не поймет. Фантина и в самом деле вложила листок между лоскутками муслина, ни о чем не задумавшись.

Но вот чего торговец уж совсем не мог предположить — так это что жалкая нищая швея может позволить себе роскошь отправить дочку учиться и что эта сопливая девчонка, вся в перелатанных и перештопанных лохмотьях, которая крадется вдоль стены мансарды как полудохлая мышь, прочтет его записку.

«Шестьдесят франков», — повторяла про себя сопливая девчонка, комкая бумажку в руках. Целое состояние, которое надолго разрешило бы все их трудности. Как все очень бедные дети, Софи, хотя ей было только девять лет, понимала, из чего складывается семейный бюджет. Она, например, знала, что месячное жалованье отца, когда он работал в типографии, равнялось двадцати пяти франкам, и на эти деньги семья рабочего могла дотянуть до конца месяца, не голодая, но и не позволяя себе ничего лишнего.

Шестьдесят франков! А если ей не закладывать сорочки, а самой отнести их на бульвар Капуцинов, придумав оправдание задержке и отсутствию месье Фелисьена? Но заплатят ли ей, маленькой девочке, такую большую сумму?

Она внимательно перечитала адрес. И вдруг поняла, что уже слышала имя Селин Варанс — не только слышала, но и сама не раз произносила его вслух, читая матери газетные хроники, в которых говорилось о балетной

труппе театра Опера.

Из этих хроник мать и дочь Гравийон составили себе представление о том, что балет — это такой особенный спектакль, прекрасный, изысканный, духовный, бестелесный. А балерины — необыкновенные женщины, поэтические натуры, которые живут среди простых смертных в ореоле волшебства.

Им были известны имена всех звезд первой величины, они знали об их успехах. Знали, что знаменитая Мари Тальони, дочь, сестра и племянница известных артистов, несколько лет назад имела невероятный успех как исполнительница главной партии в «Золушке» Фердинана Альбера, а недавно выступила в роли аббатисы в танце усопших монахинь из третьего акта «Роберта Дьявола». Они знали, что единственной достойной соперницей Тальони была австрийская танцовщица Фанни Эльслер, блиставшая в Вене и в турне по Европе, но пока не готовая принять вызов и выступить в парижском Опера. Софи читала Фантине, держа в руках половину газетного листка, что в Париже восходящей звездой храма Терпсихоры называют прекраснейшую Селин Варанс, а в Миланском театре Ла Скала поклонники балета с замиранием сердца следят за достижениями одиннадцатилетней Карлотты Гризи, которая со временем обещает затмить всех.

Разумеется, ни мать, ни дочь никогда не ходили из своего предместья Монмартр в Париж, чтобы посмотреть балетный спектакль. Билет стоил слишком дорого, а никого, кто мог бы пустить их бесплатно в шумные ряды клаки, они не знали; да и для театра, который посещала самая богатая публика города, требовалась приличная одежда, а ее у них не было. Их туманные представления основывались на отзывах критиков, а также на рисунках и цветных иллюстрациях, изображавших сцены или движения танцовщиц, легкие летящие костюмы, вдохновенные лица. Газета «Глобус» опубликовала портрет Селин Варанс в костюме крестьянской девушки, героини балета «Тщетная предосторожность».

Неужели дюжина сорочек предназначается для несравненной Селин? Софи даже захотелось разбудить больную мать, чтобы сообщить ей эту грандиозную новость. Как бы обрадовалась и взволновалась Фантина, узнав, что ее пальцы в последние дни работали для такой знаменитой красавицы-балерины, принятой во всех салонах, окруженной поклонниками, которые едут с разных концов света посмотреть, как она танцует...

Но больная спокойно спала, и будить ее было жестоко.

«Бульвар Капуцинов, кажется, не очень далеко», — подумала Софи.

Она знала, что это в районе улицы Пельтье, куда как-то водил ее отец поглядеть на выход балерин, певцов и музыкантов из театра Опера. «За пару часов обернусь. А если мама тем временем проснется, она решит, что я пошла читать газету привратнице».

6

Софи еще ни разу не уходила так далеко от дома. Но кого могла она попросить проводить ее, с Монмартра в самый центр Парижа, в изысканный квартал бульваров? Подруг у нее не было — она была слишком застенчива; да и мать никогда не отпускала ее играть на улице со сверстницами, боясь, что дочь наберется от них вольностей парижских девчонок, — хотя их предместье порядочно отстояло от города. До замужества Фантина служила в дворянском семействе и была уверена, что хорошее воспитание и скромность — лучшие украшения девушки. И хотя после замужества жить ей пришлось среди людей простых, она, при всей мягкости своего характера, была тверда в намерении воспитать дочь в соответствии с этими представлениями.

Когда Гравийоны переехали в квартиру на пятом этаже, а Софи была еще слишком мала, чтобы работать или ходить в школу, Фантина держала ее всегда при себе и не позволяла якшаться с проживавшей в доме ребятней. Дети целыми днями носились вверх-вниз по лестницам или играли на лестничных площадках. А ведь у них в доме, как и во всех других домах, где жил простой люд — будь то в предместьях или в самом Париже, — на каждой лестничной площадке было отверстие, которое вело прямо в выгребную яму: жильцы сливали туда грязную воду и ночные горшки. Ребенку не составляло труда сдвинуть каменную крышку, прикрывавшую вонючую дыру, и Фантина страшно боялась, что ее дочка, подстрекаемая разгоряченными товарищами по играм, наклонится над отверстием посмотреть вниз или достать упавший предмет и, не дай бог, упадет сама — и окажется в зловонных сточных канавах Парижа. Жан-Жак посмеивался над мрачными картинами, которые рисовало воображение жены. Но Пьер Донадье объяснил, что от этих отвратительных дыр исходит и еще более серьезная опасность — холера, которая год за годом с большей или меньшей силой выкашивает население Парижа, и поддержал Фантину в ее решимости держать девочку дома.

Тогда Софи придумала себе воображаемого друга, полурейбенка-полуэльфа по имени Пиполет, который играл с нею, не издавая ни звука,

под кухонным столом или в спальне, в укрытии между шкафом и стеной. Жан-Жак и Фантина снисходительно посмеивались: они уже привыкли, что девочка каждый день ставит на стол четвертый прибор и оставляет на своем стуле место, чтобы Пиполет мог сидеть за столом со всей семьей. Когда Софи перепало что-нибудь сладкое, она всегда оставляла кусочек для воображаемого друга, а когда по воскресеньям Жан-Жак вел жену с дочерью прогуляться вдоль Сены, Пиполет всегда шел вместе с ними, и Софи крепко держала его за руку, чтобы он не выбежал на дорогу и не попал под колеса проезжающей кареты.

А потом в один прекрасный день Пиполет вдруг исчез. Софи была в отчаянии от того, что не видела и не слышала его.

— Ты выросла, и больше он тебе не нужен, — сказал ей Жан-Жак. — Скоро ты пойдешь в школу, и у тебя будет много подруг из плоти и крови.

— Девочек, которые учатся, — добавила Фантина. — Воспитанных девочек, которые моются каждый день.

Но Софи не могла успокоиться, утратив друга. Она чувствовала себя покинутой, преданной. Она прекрасно понимала, что Пиполет — плод ее собственного воображения, но ведь он так скрашивал ее одиночество!

Прогнозы Жан-Жака относительно школьных подруг оказались совершенно необоснованными. Девочек в Школе рабочей взаимопомощи было очень мало, да и те целыми днями трудились — им едва удавалось выкраивать время на уроки. А времени на игру, шутки и болтовню, из которых рождается дружба, у них и вовсе не было. Из всех учениц для одной только Софи школа считалась основным занятием. Она единственная не вносила лепту в семейный бюджет; погружаясь дома в чтение, она не получала за это подзатыльники, и никто не кричал ей, чтобы она немедленно отложила книжку и мыла пол или присматривала за ревушим младенцем. В компании «обезьяны» Пьера Донадье (который и убедил отца отдать ее в школу и который, не кичась своей образованностью, по воскресеньям с удовольствием заходил к Гравийонам поболтать) она посещала Кабинеты публичного чтения, где можно было бесплатно читать не только литературные новинки, но и все свежие газеты и журналы. Под руководством Донадье Софи просматривала «Глобус», «Конститусьонель», «Монитор», «Обозрение Старого и Нового Света», «Парижское обозрение» и множество других изданий, читала статьи и любовалась иллюстрациями.

Из-за этого ее соученицы, как и сверстницы с близлежащих улиц, считали Софи странной, показывали пальцем и перешептывались; пристрастие к чтению казалось им пороком, едва ли не хворью, отделявшей маленькую Гравийон от остальных. Кто-то завидовал ей, кто-то

сочувствовал, кто-то насмехался или выкрикивал обидные слова. Смеялись над ее худобой и малым ростом. «Мелкий гравий-Гравийон, — дразнили ее. — Как же в тебя, такую мелкую, вмещается вся эта наука?»

Софи страдала и, не зная, как себя вести и что отвечать, просто избегала других детей.

А после смерти отца ей стало не до того: надо было думать о выживании и о здоровье матери. Теперь подружки казались Софи роскошью, какую она не могла себе позволить.

А хоть бы и была у нее подружка, разве могла бы Софи просить ее в тот день выйти из дому, чтобы вместе идти по пустынным улицам, где завывал ветер и снег летел прямо в глаза? Один только Пиполет, будь он все еще с ней, мог бы сопровождать ее в этом походе.

Так что Софи туго затянула на себе вязаный платок из серой шерсти, подхватила драгоценную корзину и бегом понеслась вниз по лестнице. Было так холодно, что вода в каменных бачках на лестничных клетках покрылась ледяной коркой. За окнами выла метель. Софи перепрыгивала через ступеньку, щеки ее горели от возбуждения.

Внизу мадам Анно чуть приоткрыла дверь, чтобы не выпускать тепло от жаровни, и спросила:

— Куда? В такое ненастье...

— По делу, — ответила Софи, не останавливаясь. — Если к пяти часам не вернусь, пожалуйста, загляните к маме.

Едва она вышла на улицу, северный ветер налетел с такой силой, будто хотел сорвать с нее одежду. К счастью, он дул в спину. Софи бежала вниз по улице Жозеф-де-Местр; ветер почти нес ее по воздуху — ей казалось, что она летит. Она бежала вдоль Монмартрского кладбища. Метель замела все могилы, и теперь за оградой было только ровное снежное поле. Где-то посреди этого поля лежал Жан-Жак Гравийон. Но у Софи не было времени остановиться и помолиться, она не могла даже поднести руку ко лбу и перекреститься — боялась выронить корзину. Поэтому она просто поздоровалась про себя с отцом и взволнованно сообщила, как будто он мог ее слышать: «Мне дадут шестьдесят франков!»

И побежала дальше по улице Коленкур, потом по дороге вдоль мелового карьера, мимо заснеженных полей без единого дома или фонаря, а потом по улице Фонтан. Путь в город на бульвар Капуцинов оказался не таким коротким, как ей помнилось, но зато под гору. Народу на улицах было мало, редкие прохожие шли торопливо, засунув руки в карманы, наклонив голову и надвинув фуражку на глаза. На Нотр-Дам-де-Лорет мимо Софи тихо-тихо проехали две кареты. От лошадиных морд

поднимались облачка пара.

Она уже задыхалась от бега, ноги промокли, в левом боку колело. Рука с корзиной совсем онемела — боясь уронить драгоценный груз, Софи повесила корзину на локте, а запястье, дважды обмотанное углом вязаного платка, сунула за пазуху. Она утратила представление о времени. Силы иссякали, но Софи понимала, что не может остановиться и перевести дух даже на минуту. Она просто замерзнет, превратится в ледяную статую и не дойдет до цели.

Ей хотелось пить, и она слизывала снежинки с губ.

Вот наконец улица Пельтье, на ней прекрасное здание театра Опера — оно превратилось в сказочный сахарный дворец. Вот бульвар Итальянцев, а там, вдали, бульвар Капуцинов. С какой стороны дом номер 83?

Может, та дверь с тремя ступеньками и блестящими латунными ручками — в глубине обнесенного решеткой сада? За окошком цветного стекла над дверью мерцал теплый розоватый свет. Софи толкнула калитку, которая, к счастью, оказалась не заперта, пробежала по короткой аллее к крыльцу и, задыхаясь, поставила корзину на верхнюю ступеньку. Увидела латунный дверной молоток в форме кулака. Поднялась на цыпочки и с силой постучала раз, другой, третий. Софи понимала, что невежливо так настойчиво стучать в незнакомый дом. Но теперь, когда она добралась до места, она едва держалась на ногах от слабости и боялась упасть и потерять сознание раньше, чем ей откроют.

7

Дверь приоткрылась, и на заснеженные ступеньки упала полоска света. Софи заморгала.

— Здесь ли живет мадам Варанс? — еле проговорила она, и в это время из двери высунулась рука и схватила ее за локоть. Софи крепко сжимала корзину, которую ветер рвал у нее из рук.

Но ее уже рывком втащили внутрь, и дверь закрылась.

— А ты-то кто будешь? — услышала Софи.

Удивительно, но перед ней стоял не взрослый человек, а мальчик чуть выше нее самой, совершенно невероятное существо, каких Софи никогда еще не встречала. Даже одежда на нем была странной: шелковые желтые чулки, короткие широкие штаны голубого бархата и рубинового цвета курточка с жемчужными пуговицами. На голове тюрбан персикового цвета. Но не одежда так потрясла Софи, а цвет его кожи — темно-коричневый,

почти черный. Девочка неуверенно протянула руку, дотронулась до его щеки, которая оказалась теплой и мягкой, и не обнаружила на руке никакого следа краски.

— Судя по твоему изумлению, ты никогда раньше не видела негра, — сказал мальчишка, весело смеясь. У него были белоснежные зубы, по-французски он говорил прекрасно, разве что не по-здешнему тягуче.

Софи онемела. От размеров комнаты, изящества мебелировки, тепла, а главное, от сильного аромата цветов, расставленных большими букетами на высоком столике у стены, у нее закружилась голова и возникло странное ощущение, как будто все это происходит во сне.

— Хочешь воды? — спросило у нее разноцветное создание.

Но не успела Софи ответить, как в прихожую стремительно вошел господин лет тридцати в темно-красном парчовом халате и громко, раздраженно сказал:

— Что происходит? Кто эта оборванка, Туссен? Зачем ты ее впустил?

Он говорил с сильным английским акцентом, но Софи заметила, что кожа у него смуглая, как у провансальца или итальянца. Резкие черты лица, решительный подбородок и черные глаза, строго глядевшие из-под густых бровей, напугали девочку.

— Она спрашивает мадам, — ответил черный мальчик, не смутившись.

— Я должна передать ей дюжину сорочек, — еле слышно проговорила Софи.

Эти слова, вместо того чтобы успокоить господина, разожгли его ярость.

— Для поставщиков есть задняя дверь. Ты что, запомнить не можешь, уродливая тупая обезьяна? — проговорил он в бешенстве, обращаясь к мальчику. — Какой из тебя привратник? Гони ее немедленно вон! — И добавил возмущенно, возведя глаза к небу: — В этой стране никто не желает знать свое место.

Софи в страхе попятилась к двери. Но маленький темнокожий привратник и не думал слушаться приказа. Он продолжал стоять возле столика с цветами, улыбаясь и сложив на груди руки, как будто он глухой или ничего не понял. А ведь до прихода англичанина он выглядел живым и смышленным — и он вовсе не показался Софи дурачком.

При виде такого непослушания господин побагровел от бешенства.

— Давно кнута не пробовал?

В этот же миг мальчишка, к удивлению Софи, бросился на землю и громко заверещал, будто его и впрямь хлестнули кнутом. Софи, как ни

была напугана поведением господина, совершенно не могла понять, почему мальчик ведет себя так странно: ведь руки у англичанина были пусты, а в комнате не было ничего, напоминающего кнут.

— Помилуйте меня, помилуйте, господин мой! — орал маленький привратник, корчась на полу, словно от боли.

— Эдуар, что вы делаете с бедным ребенком? — раздался строгий женский голос, и Софи так и застыла с открытым ртом. Потому что из внутренней двери в прихожую вышла молодая женщина в белом, самая прекрасная из всех, кого девочка не только видела, но и могла вообразить.

Она ничуть не походила на портрет из газеты, но двигалась с таким изяществом, будто была невесома, будто ее туфельки едва касались пола, а при этом по ее тону Софи сразу поняла, что это и есть хозяйка дома, та самая, которая обещала превзойти великую Тальони, та, которой предназначались сорочки, — знаменитая Селин Варанс.

8

Молодая женщина была одета в домашнее платье из легкого муслина, украшенное кружевами. Ее каштановые волосы лежали локонами на плечах, а свежие щеки и все черты лица говорили о том, что ей не больше восемнадцати или девятнадцати лет. Синие глаза, обрамленные длинными густыми ресницами, горели от негодования. Она решительно подошла к англичанину и взяла его за отворот халата. Она была такого же роста, как и он, и стояла перед ним, гордо глядя ему в глаза.

— Вам известно, что я не позволю использовать в этом доме кнут, — строго сказала она. А затем, смягчившись, добавила: — Возлюбленный мой, вы же не захотите портить прекрасный подарок, который сами мне привезли издалека и которому завидуют все дамы Парижа?

— Я даже пальцем не тронул этого лгунишку, этого комедианта, — возмутился господин.

— Ну, шоколадка моя сладкая, вставай, не бойся. Месье Эдуар не причинит тебе зла, — тепло сказала молодая женщина, склоняясь над мальчиком и помогая ему подняться. — Бедная крошка, ты больше не на Антильских островах. Здесь, в этом доме, ты в безопасности.

Она вытерла ему нос, помогла поправить одежду и похлопала по щеке.

— Посмотри, на кого ты похож! Мой мавреночек весь в слезах! Ну же, успокойся. Хочешь сахарку?

— Вы слишком балуете его, Селин. Так и испортите вконец, — уже

спокойнее проворчал англичанин. Казалось, присутствие балерины смягчило его: он совершенно забыл свою ярость. — Во всяком случае, — добавил он, — раз уж вы поручили вашему прекрасному мавру отворять двери гостям, пора бы ему выучить, что все поставщики заходят через дверь для прислуги.

— Какие поставщики?

Только сейчас Селин Варанс заметила Софи, которая стояла бледная, прислонившись к входной двери, и, хотя из-за тепла в комнате ей очень хотелось спать, смотрела на происходящее внимательно и тревожно, как зверек, попавший в капкан. Вокруг ног девочки, на сверкающем мраморном полу, росла лужица грязной воды.

— Ваши сорочки, — прошептала Софи, стряхивая оцепенение и указывая на корзину, стоящую на полу. — Месье Фелисьен не пришел за ними, и тогда...

Но прекрасная дама не дала ей закончить.

— Ты насквозь промокла, бедное дитя, — воскликнула она ласково. — У тебя, наверное, заledenели ноги. Иди сюда!

— У вас слишком нежное сердце, ангел мой. Только и делаете, что подбираете голодных котят на последнем издыхании! — заметил англичанин с веселым пренебрежением. И с этими словами удалился, показывая всем своим видом, что не разделяет и не поддерживает капризов хозяйки дома.

И тогда, не боясь испачкать прекрасное воздушное платье, Селин Варанс подхватила Софи и усадила на столик в форме полумесяца, так что подол серого перештопанного платья девочки оказался рядом с тонким фарфором и серебряными вазами, полными цветов. Потом хозяйка опустилась на колени и сняла с Софи истертые башмаки и мокрые рваные, в комочках снега, чулки.

— Туссен! Что-нибудь, чтобы вытереть ее, скорее! — приказала она. — Скорее же!

И, поскольку в прихожей ничего подходящего не было, Туссен подал хозяйке одну из прекрасных сорочек в складочку, которую мать Софи — много веков назад, в каком-то другом мире, казалось теперь девочке, — так аккуратно уложила в корзину.

— Беги живо на кухню, мальчик, и скажи кухарке сейчас же принести чашку горячего бульона, — добавила Селин, нежно растирая ступни Софи. — И пусть добавит туда ложку бренди. Бедняжка может умереть от переохлаждения.

Глава третья. Париж, июнь 1837

Париж, июнь 1837 }

1

ПАРИЖ, УЛИЦА СЕНТ-ОГЮСТЕН,

3 ИЮНЯ 1837 ГОДА

Дорогая мадам,
не знаю, когда Вы сможете прочитать эти строки. Туссену пока так и не удалось выяснить, где Вас держат, и передать Вам мои письма, и Вы по-прежнему не ведаете, что с Вашей дочерью. Но я надеюсь, что в эти мрачные часы Вы помните о моем обещании заботиться об Адели и оберегать ее от опасностей. Не тревожьтесь о ней, мадам, направьте все усилия на то, чтобы защититься от обвинений этих бешеных псов, которые вознамерились любой ценой вырвать у Вас наследство Гражданина Маркиза.

Не укладывается в голове, как эти недостойные племянники — виконт и молодой маркиз — могут быть такими бессовестными лгунами! Чистую правду говорил наш бедный друг: благородство души редко совпадает с титулами так называемой аристократии. Когда дядюшка был жив, эти два наглеца вовсе не заботились о нем, никогда не навещали, осуждали его и поднимали на смех за то, что он был верен идеалам своей молодости. А теперь, бросив Вас в тюрьму, они хотят убедить судей, будто готовы были заботиться о нем, но не могли даже видеться, так как Вы держали его под замком. Что с тех пор, как Гражданин Маркиз переехал к нам в дом, он впал в старческое слабоумие, совсем перестал что-либо понимать и сделался игрушкой в Ваших руках. Туссен мне это рассказал, потому что при разделении имущества он перешел к виконту Лагардьеру, старшему из племянников, у которого в доме проходят семейные собрания. И это еще не всё: оба кузена пытаются склонить Ваших слуг дать против Вас показания. Они хотят, чтобы слуги рассказали, будто бы наш покровитель на старости лет совершенно утратил способность соображать, вел себя как малое дитя и слушался всех Ваших приказаний. И что, вместо того чтобы возложить заботу о нем на врачей, Вы якобы давали ему настойки, которые еще больше замутняли его разум: это помогало Вам вертеть крестным по собственному усмотрению и вытягивать из него все его богатства.

Друзья, которые приходили к нам в дом, могли бы засвидетельствовать, что это обвинение — ложь от первого до последнего слова. Более того, они бы объяснили, что это Вы следовали советам Гражданина Маркиза и слушались его как родного отца, восхищались им и уважали. Но Туссен говорит, что еще никого из Ваших друзей ни разу не вызывали к судьям, которые слепо верят словам племянников — что крестный был Вашим пленником и что Вы не позволяли ему связываться с внешним миром, и потому полагают, что не смогут найти никого, кто бы общался с ним в последнее время.

Как могут эти двое поддерживать подобную ложь, когда весь Париж знает, что Вы принимали в своем салоне каждый четверг и что за ужином собиралось не менее шестидесяти человек!

Виконт, после того как Жан-Батист рассказал судьям о Ваших приемах, пытается убедить прислугу говорить, что

Гражданину Маркизу не разрешалось в эти дни спускаться вниз и встречаться с гостями и что по Вашему приказу его держали взаперти в спальне. Шарлотта по глупости подписала заявление, в котором сообщала, что по четвергам крестный ужинал у себя, но не объяснила, что он сам желал ужинать только со мной, Туссеном и маленькой Аделью потому, что не любил суматоху за столом. И что его комната была всегда открыта, а на лестнице стояла целая вереница посетителей, которые желали выразить ему свое почтение и побеседовать о политике и философии.

Когда Туссен стал возражать и потребовал, чтобы к заявлению служанки добавили и эти подробности, его новый хозяин пригрозил отхлестать его кнутом и отправить в деревню ходить за свиньями.

Можете представить себе, мадам, как дрожит от бешенства наш Тусси при мысли, что ему не позволят говорить с судьями. Именно ему, любимому ученику Гражданина Маркиза, который мог бы столько рассказать об обычаях нашего дома. Что, например, всякий раз, когда Вы танцевали в новом балете, крестный надевал парадное платье, чтобы сопровождать нас с Аделью в театр Опера на премьеру. И что в последний раз он сопровождал нас за месяц до смерти, и что в тот вечер к нему подходили десятки человек поздороваться и поговорить. И если бы он был тогда невменяем или страдал слабоумием, они не могли бы этого не заметить.

Но виконт заставил Туссена молчать, оскорбляя его и заявляя, что свидетельство рабов в суде не принимается, потому что «все негры — лгуны».

Признаюсь, мадам, не понимаю я их стараний только ради того, чтобы урвать небольшую часть наследства, которую оставил Вам крестный. Что виконт, что маркиз — богаты и не нуждаются в Ваших деньгах. А ведут себя так, будто для них это вопрос жизни и смерти.

Чем-то закончится эта история?.. Туссен, когда заходит, говорит всякий раз, чтобы мы не теряли надежду. К счастью, его обязанность в доме виконта Лагардьера — сопровождать виконтессу Виолен, даму весьма богобоязненную, в церковь. Он говорит, что у него нет других занятий в доме. Ему сшили роскошную ливрею — она еще «экзотичнее», чем та, которую он носил в одиннадцать лет по требованию месье Эдуара. У этой

множество позолоченных цепочек, чтобы подчеркнуть, как говорит Туссен, что его положение — полнейшая зависимость. Сегодня в Париже не так-то много найдется людей, которые могут себе позволить иметь цветного раба. А из тех, кто имеет, немногим достанет упорства и гордыни так им кичиться — после того, как Англия четыре года назад отменила рабство, а также после споров, вызванных во Франции трудами месье Виктора Шельшера и недавним учреждением Французского общества за отмену рабства. Но, судя по всему, виконтессу Лагардьер не гложут угрызения совести, а ведь она весьма благочестива, в обществе не появляется и бывает только в церкви. Она посещает все службы по нескольку раз в день, что очень кстати, потому что это дает Туссену возможность часто выходить из дому. По правде говоря, ему следует ждать виконтессу возле церкви, застыв как изваяние на запятках кареты. Но, к счастью, кучер к нему расположен и позволяет уходить с условием вернуться до окончания службы. Эти службы, должно быть, длятся подолгу, потому что Туссен каждый день забегает сюда, к мадам Фредерик, чтобы рассказать нам о происходящем; а все остальное свободное время он ходит по городу в надежде, что его примет кто-то из Ваших влиятельных друзей или из друзей Гражданина Маркиза; тогда он поведаст им о Вашей беде и убедит встать на Вашу защиту. Но, к несчастью, с наступлением лета почти все уехали за город.

Мы ожидали, что бабушка Олимпии, старая мадам Сулиньак — помните ее? — сможет нам помочь. Эту даму племянникам крестного не удастся сбить с толку. Но, к сожалению, она тяжело больна, и слуги не пускают к ней Тусси. Сама Олимпия в Италии. Семейство Анжелики и Максимильена еще не вернулось из Виргинии. Графиня де Мерлен гостит у друзей в Биаррице. Кажется, что против нас сама судьба. Но не отчаивайтесь. С начала Вашего заключения прошло всего пять дней, и у Тусси было не много времени, чтобы найти помощь. Вот увидите, очень скоро отыщется кто-нибудь, кто согласится выступить в Вашу защиту и восстановить истину.

Адель посылает Вам поцелуи. Она рядом со мной, спокойно играет со своей набитой лавандой тряпичной куклой, которую привез ей месье Жоливе из Граса. К счастью, я убедила Соланж положить ее в сундук вместе с Пупет. Деде не может заснуть без

своей Дагоберты — тем более сейчас, когда за считанные дни случилось столько всего нового и непонятного. Пупет, конечно, роскошная игрушка, но она мало подходит для того, чтобы лежать в обнимку с нею в кроватке. Если она упадет, то разобьется вдребезги, к тому же фарфор твердый и холодный.

Наверное, и Вам было бы приятно иметь рядом что-нибудь вроде мягкой ароматной Дагоберты — чтобы можно было ее обнять, спасаясь от тревоги и беспокойства. Надеюсь, в тюрьме у Вас хорошие товарки, которые обращаются с Вами по-доброму и утешат в минуты печали.

Надо ли добавлять, что мы с нетерпением ждем от Вас известий. Как только получите мои письма, умоляю, постарайтесь написать ответ.

Кланяюсь Вам с любовью и благодарностью,
Ваша преданная

Софи

Глава четвертая. Париж, январь 1832

1

Даже спустя много лет, вспоминая свою первую встречу с Селин Варанс, Софи не могла поверить, что это был не сон, а явь.

— Хочешь есть? — спросила молодая женщина, поднося к ее рту фарфоровую чашку, от которой поднимался восхитительный аромат горячего бульона. — Покрошить туда хлеба?

Это предложение ранило гордость Софи, которая за все свои девять лет ни разу не попросила еды у постороннего человека. А потому, хотя от слабости девочка еле держалась на ногах, а живот у нее подводило от голода, она покачала головой и выпила бульон в полной тишине. Все это время чернокожий мальчик пристально ее разглядывал.

Селин приняла пустую чашку из рук Софи и ласково похлопала девочку по щеке.

— Так что с этими сорочками? — спросила она. — Как случилось, что местье Фелисьен послал тебя, да еще в такой ужасный вечер? Ты его новая помощница?

Вероятно, во всем виновато было бренди, которое кухарка щедро

долила в бульон. Софи не привыкла к алкоголю. Она попыталась ответить, но язык ее не слушался, а в голове странно гудело. Бело-розовый мраморный пол перед ней закачался, поплыл навстречу... Она потеряла сознание.

Когда Софи пришла в себя, она лежала на бархатном диване в маленькой гостиной, обитой зеленым атласом, завернутая в мягкое одеяло, а рядом пылал камин. Хозяйка дома терла ей лоб одеколоном, а Туссен подкладывал под ноги подушки.

«Я сплю, — подумала Софи. — Наверное, я умерла и попала в рай». Но вместо облегчения она вдруг испытала горькие угрызения совести. Как она могла уйти вот так, оставив мать, у которой на всей земле нет никого, кроме нее? Софи зарыдала. Потом закашлялась и поняла, что она не умерла; кашляет же она потому, что Туссен поторопился сунуть ей в рот малиновую мармеладку, от которой она едва не задохнулась.

Селин Варанс похлопала ее по спине, потом взяла за руку.

— Почему ты плачешь, бедная малютка? Скажи, не бойся.

Ее голос был таким ласковым и искренним, что победил природную недоверчивость Софи. До этой минуты девочка никогда не делилась переживаниями с посторонними. Ее так воспитывали, ей внушили, что семейные трудности никоим образом не должны выходить за порог дома.

Но с Селин все было иначе. Хотя Софи видела ее впервые, она всем сердцем почувствовала, что этой молодой женщине можно доверять, а вот считать ее посторонней никак не получалось. И, захлебываясь слезами, девочка рассказала о матери, которая тяжело болеет, о пропавшем месяце Фелисьене, о сборщике арендной платы, который придет завтра и вышвырнет их на улицу, если они не заплатят...

— ...вот я и подумала, что сама могу их вам отнести, пока мама спит. Вы дадите мне шестьдесят франков? — закончила она неуверенно.

Английский господин, который зашел в комнату к концу рассказа, сказал:

— Сумма кажется мне чрезмерной. И кстати, Селин: если я не ошибаюсь, сорочки принесли с опозданием. Вы ждали это белье по крайней мере дней десять назад.

Прекрасная дама послала ему воздушный поцелуй.

— Ошибаетесь, любовь моя. Это я с нетерпением жду от месяце Фелисьена нижнюю юбку в оборку. А сорочки принесли даже раньше времени. Я ждала их завтра.

Она кокетливо засмеялась:

— Вы, мужчины, ничего не понимаете в женских нарядах. Вам

нравится видеть нас в облаках воздушной ткани, но отличить шитье от валансьенских кружев...

— Десять франков от десяти су я отличить умею, если учесть, что плачу за все я, — саркастически заметил месье Эдуар, вытаскивая из кармана портсигар.

— Нет! Только не в моей гостиной, прошу вас! — воскликнула с волнением Селин, останавливая его жестом. Прощу вас, ступайте курить к себе в кабинет, душа моя. И нечего вам беспокоиться о наших женских глупостях. Пришлите мне, пожалуйста, Лизетту. Она всем и займется.

На самом деле Лизетта всего-навсего выполнила то, что приказала ей хозяйка, прислушиваясь к советам Туссена, который к большому удивлению Софи, по-видимому, знал лучше нее, в чем нуждалась Фантина.

— Вот корзина, в которой малютка принесла сорочки. Лизетта, спустись на кухню и скажи кухарке наполнить эту корзину до самого верха, — приказывала Селин.

— Там оставался паштет из дичи, мадам. И жаркое, и сыр рокфор, а еще рисовая запеканка и брюква... — подсказывал мальчик. — И окорок, который мы только вчера начали. И свежий хлеб, и сдобная косичка, и миндальный пирог... и пусть еще положат бутылку сладкого вина, девушка, — добавил он в конце.

— Мадам, не успела эта мартышка здесь появиться, как стала повсюду совать свой гадкий нос. Не пора ли поставить его на место, — запротестовала было Лизетта, которую обидело обращение «девушка». Она считала, что маленький раб, выросший среди дикарей, должен звать ее «мадемуазель», хоть она и была всего лишь горничной.

Но хозяйка рассмеялась над ее обидчивостью.

— Место Туссена там, куда я его посылаю. Моя сладкая шоколадка очень мне помогает. Как бы я без него помнила все, что остается на кухне, прежде чем вы, слуги, это куда-то девааете?

Служанка, которая всего полчаса назад передала через окошко половину сладкого пирога подмастерью стекольщика, который за ней приударял, решила, что лучше будет промолчать. И, когда хозяйка сказала: «Последняя услуга, Лизетта: выбери из своих шерстяных чулок две лучшие пары. Завтра я дам тебе вместо них другие», — служанка ответила с улыбкой:

— Слушаюсь, мадам.

— И снеси вниз мою шерстяную шаль из Пиренеев, — добавила Селин. — Темно-зеленую, которую я больше не ношу, потому что месье не нравится цвет. Две льняных простыни и полосатое одеяло из комнаты для

гостей. И скажи Жан-Батисту, чтобы закладывал большую карету.

— По такой погоде, мадам? Лошади простудятся.

Селин бросила на служанку испепеляющий взгляд.

— Ну и что? Это их работа. Или ты хочешь, чтобы твоя хозяйка пешком тащилась на Монмартр провожать эту крошку?

— Вы — провожать, мадам? Благоразумно ли? Вас продует.

Хозяйка рассмеялась. Лизетта была ее личной горничной. Сколько раз она помогала ей одеваться вечерами, еще и не в такую метель, — и Селин выезжала из дому в открытом платье, отправляясь в театр или в гости.

— Молоко пропадет, — настаивала служанка.

При этих странных словах, которые Софи сочла каким-то испанским выражением, означаящим дурное расположение духа, лицо прекрасной дамы изменилось.

— Бог не допустит! — воскликнула Селин Варанс и прижала руки к груди. Потом задумалась на мгновение. — Ты права. Туссен поедет проводить... ты не сказала до сих пор, как тебя зовут, дитя мое.

— Софи Гравийон, — прошептала Софи, теряясь еще больше.

— Провожать Софи поедет Туссен. Беги собираться, моя сладкая шоколадная конфетка. Одевайся тепло.

2

Хотя карета была хорошо закрыта и обита изнутри бархатом, Туссен, к большому удивлению Софи, кутался в длинную, до пят, шубу.

— Знаешь, когда я приехал в Париж, я вообще не знал, что такое снег, — сказал мальчик, показывая на кружившие за окном кареты снежинки. — А когда впервые увидел его в саду у мадам, то бросился наземь и начал лизать. Я думал, это сахар или взбитые сливки. Вот какой я был дурак! У нас, чтобы не замерзнуть, достаточно полотняной рубашки с длинным рукавом.

«Где это — у нас?» — подумала Софи, не осмеливаясь задать вопрос. Ее спутник вызывал у нее жгучее любопытство. Она знала, что в Новом Свете, где у Франции есть колонии, в некоторых странах так жарко, что люди ходят голышом и ничуть не стыдятся. Пьер Донадьё в Кабинете публичного чтения показывал ей картинки в журналах и объяснял, что даже если они дикари и ходят голыми, это не повод, чтобы французы и другие европейцы лишали их свободы и кнутом заставляли работать в копиях или на плантациях. «Рабство» — вот какое он употребил слово.

«Несправедливо, что одни люди делают рабами других людей, Софи», — говорил он, сердито стуча пальцем по бумаге.

«Даже если у них черная кожа, — добавил дома ее отец. — Все люди равны, у всех равные права, вот как говорила Великая революция!»

«Так написали депутаты Национальной ассамблеи в „Декларации прав человека и гражданина“», — поправил его Пьер Донадье.

Сейчас обрывки тех разговоров беспорядочно крутились у Софи в памяти.

«Руссо, великий философ, — пояснял Пьер Донадье, — писал, что люди становятся злыми и жестокими из-за цивилизации. А до него это сказал граф Бугенвиль, исследователь, который первым открыл острова Тихого океана...»

«Который похоронен здесь, на Монмартре, в Голгофском монастыре», — перебила его Фантина.

«Бугенвиль, — продолжал Донадье, — во время своего путешествия лично удостоверился, что люди в естественном состоянии, те самые, кого мы называем дикарями, еще не развращены нашей страстью к деньгам и понятием личной собственности и полны добра».

Это очень утешительно, думала теперь Софи. И предупредительное отношение Туссена это только доказывало. В последний момент, когда мадам Варанс уже прикрепила булавкой к шали, в которую была закутана Софи, платок с шестьюдесятью франками, мальчик, прежде чем запрыгнуть внутрь, о чем-то пошептался с Жан-Батистом, и они вместе погрузили в карету мешок с углем.

— Это для жаровни ее матери, — услышала девочка их шепот.

Набравшись храбрости, она застенчиво дотронулась до руки своего юного провожатого.

— Ты ведь дикарь, правда?

Услышав эти слова, Туссен захохотал.

— Да, точно! Месье Эдуар то и дело называет меня дикарем, особенно когда злится. Хотя когда я был маленький, то там, в колонии, проводя целый день рядом с моей первой госпожой, я смог приобщиться к воспитанию, которое обыкновенно получают белые. К несчастью, когда мадемуазель Атенаис вышла замуж, ее супруг, погрязнув в долгах, решил, что за раба с моими достоинствами можно выручить хорошие деньги, и сразу же выставил меня на продажу.

Софи смотрела на него огромными глазами. Раб? На продажу? Как же он очутился в Париже, где нет ни плантаций, ни копей?..

— Что, никогда не встречала домашнего раба? — весело спросил

Туссен, видя ее изумление. — Знаешь, мне ведь очень повезло. Когда я был еще маленьким, мой хозяин, месье Жером Дешатр Лакруа, пришел вместе с младшей дочкой в хижину, где я жил с матерью и другими рабами. «Выбери себе малыша для игр», — сказал он ей. И мадемуазель Атенаис, которой тогда было девять лет, выбрала меня.

— А тебе сколько было?

— Не знаю. Три, четыре... Меня уже приставили к работе. Вместе с сестрой и другими детьми я лушил кукурузу.

— А твоя мать? Как они могли оторвать тебя от матери? — воскликнула Софи, ужаснувшись при мысли, что кто-то может так же поступить с ней и Фантиной. — Ты же был совсем малыш! Ты не плакал?

— Не думай, что я проводил целый день, держась за материнскую юбку. Мать работала на плантации и возвращалась в хижину поздно вечером, еле живая от усталости. Детями занималась старуха, которая не могла больше работать в поле. Если я и плакал, то из-за того только, что расставался с сестрой, которая была на год старше и всегда меня защищала. С того дня я ничего о ней не знаю, потому что мадемуазель Атенаис увезла меня в другую провинцию, в господский дом. Иногда она обращалась со мной, как с куклой, иногда как с собакой или кошкой. Однажды ее повезли в город показать цирк с лошадьми, а когда она вернулась на плантацию, то заставила меня ходить на руках, лазать по веревке, кувыркаться и прыгать, как цирковой акробат. А еще показывать фокусы — щелчком пальцев заставить исчезнуть ее браслет или вытащить у себя из носа или из уха шарф ее гувернантки, яйцо, монету или ракушку. Я должен был проделывать все, что она требовала, иначе она приказывала надсмотрщику сечь меня кнутом. Но я хотя бы не работал в поле, и мне доставались объедки с господского стола. Я всегда был рядом с «нинья Тенаи», так ее называли. Даже во время уроков. Ах, какая у нее была потрясающая гувернантка, мадам Джудит! Я часто задумывался: что за причуды судьбы привели эту прекрасно образованную даму в заброшенную восточную провинцию Сантьяго — воспитывать детей богатого плантатора? Она учила мою хозяйку французскому и давала читать очень сложные книги! Знаешь, Вольтера, Руссо, комедии Мольера... Не представляю, как ей удавалось добыть все это на острове Куба, где говорят только по-испански... у нее даже были два тома французской энциклопедии, которую составили просветители Дидро и Д'Аламбер...

Он умолк и с сомнением посмотрел на свою собеседницу: пожалуй, он чересчур увлекся. Что может знать маленькая и наверняка неграмотная девочка о великих философах, чьи теории он и сам не так уж хорошо

понимает, хоть и считает себя умным...

Но Софи взмолилась:

— Пожалуйста, продолжай! Мне знакомы эти имена. Мой отец был типографским рабочим, простым «медведем», но он печатал их книги... Он всегда говорил о них с Пьером Донадье и остальными друзьями-«обезьянами».

Туссен развеселился, услышав, что означают названия животных.

— Я думал, только меня в Париже называют мартышкой. Но, выходит, и великий Бальзак, и еще бог знает какие писатели в молодости были «обезьянами».

Имени Бальзака Софи не слыхала. Видимо, друзья отца, как и гувернантка «ниньи Тенаи» на Кубе, предпочитали читать философов Просвещения, а из современников — Ламартина и Гюго.

— Благодаря этим книгам я научился говорить и писать на хорошем французском языке, — продолжал ее провожать, — а благодаря мадам Джудит — прилично вести себя в обществе. Три года назад мадемуазель Атенаис исполнилось четырнадцать, и месье Дешатр Лакруа выдал ее за кузена, жившего на соседнем острове.

— В четырнадцать лет! — потрясенно воскликнула Софи.

— В колониях девушки вырастают быстро, — объяснил Туссен. — И мужчины тоже. Мадам Селин знакома с одной графиней, которая родилась в Гаване. Знаешь, сколько лет было ее благородным родителям, когда они вступили в брак? Ему пятнадцать, а ей двенадцать. Это ей графиня сама рассказывала и добавляла, смеясь, что, когда она родилась, ее мать не очень понимала разницу между куклой и младенцем.

Улыбаясь с чувством превосходства, юный раб любовался изумлением Софи и продолжил:

— Я был частью приданого хозяйки и покинул Кубу вместе с ней, когда она перебралась на Ямайку. Но кузен-муж, под предлогом того, что в доме у Дешатров Лакруа меня слишком избаловали и я мог послужить причиной зависти и недовольства остальных рабов, на другой же день после нашего приезда решил меня продать и велел напечатать в местной газете объявление, в котором восхвалял мои многочисленные достоинства. А я боялся, что мое хорошее воспитание и умение читать и писать мне не пригодятся вовсе, что меня купит какой-нибудь землевладелец и отправит работать на плантациях. Ямайка, к твоему сведению, принадлежит англичанам, а остров, на котором я родился, — испанцам. Но семейство Дешатр Лакруа было французского происхождения, говорило по-французски и переехало из Санто-Доминго. Дед и бабка мадемуазель

Атенаис укрылись в Сантьяго на Кубе, бежав с соседнего острова, который принадлежал французам, когда там разразилась революция рабов и наши братья негры основали Республику Гаити, вернув острову его древнее название. Первая республика в Южной Америке! Моя мать назвала меня Туссенем в честь героя, который возглавил борьбу гаитянских рабов за независимость. Его звали Туссен Лувертюр. Слыхала когда-нибудь это имя?

— Нет, — с огорчением призналась Софи.

— Он тоже был рабом, но королевской крови. Его дед, король Гау Гвину, правил народом арада в африканской стране Дагомее. Он верил белым и даже доверил своего сына одному французу, который обещал показать мальчику Европу. Но вместо этого королевского сына отвезли в Санто-Доминго и продали как раба. Его дети родились рабами, но тосковали о свободе, и когда Туссен узнал, что Французская революция провозгласила равенство и свободу для всех людей, он потребовал их и для своих черных братьев в колониях и повел их на борьбу с белыми.

— Пьер Донадье, друг моего отца, читал нам роман Виктора Гюго, в котором говорится о революции на Гаити, — сказала Софи. — Он называется «Бюг-Жаргаль». Ты читал его?

— Конечно, — ответил Туссен. — Мадам Селин получила эту книгу в подарок от крестного, хотя англичанину не нравится, что у моей хозяйки в библиотеке так много новинок. Он говорит: «Так вы станете „смешной жеманницей“, как те кривляки из комедии Мольера!» Но «Бюг-Жаргаль» — грустная книжка. Мне больше нравится «Простодушный» Вольтера, где есть индеец из Северной Америки, гурон, который приезжает во Францию, и его принимают при дворе. А поскольку он не знает всех правил этикета и не приучен к лицемерию, то устраивает ужасно смешную путаницу и неразбериху.

— Сколько же ты знаешь, хоть и дикарь! — воскликнула Софи в восхищении. — Никогда б не подумала, когда увидела, как ты вертишься и визжишь от страха, что тебя высекут.

— Ты что же, не поняла, что я просто притворился? Если бы моя хозяйка не пришла мне на помощь и не увидела тебя, месье Эдуар выгнал бы тебя без лишних слов — и все.

Благодарность Софи к чернокожему провожатому и восхищение им возросли безмерно. «Мне никогда не удастся отблагодарить его как следует», — подумала девочка и отважилась спросить:

— Но зачем ты все это для меня делаешь?

«Потому что ты похожа на мышку, которая, упав в лужу, не сдаётся, а пытается выкарабкаться», — мог бы ответить Туссен, но не захотел

обижать собеседницу таким сравнением. Он также не стал признаваться, что помощь, которую он, раб, оказывает свободной белой девочке, французской гражданке, по закону стоящей много выше него на социальной лестнице, придает ему значимости. И он не стал объяснять Софи, что ее появление на бульваре Капуцинов дает ему возможность поупражняться в хитрости, бросить вызов воле хозяина и еще раз испытать свое влияние на мадам Варанс.

3

Мальчик сделал вид, что не услышал вопроса Софи, и продолжил рассказ:

— Ты поняла, в какую я попал неприятность со всеми этими языками? Испанский я знал — я ведь родился на Кубе; знал и французский, потому что на нем говорили в семье моих хозяев. Но на Ямайке говорят по-английски, а этот язык мне тогда был незнаком. Поэтому там я никак не мог быть слугой при доме: меня должны были отправить на плантации резать сахарный тростник, и в том аду я бы не выжил. Ты знаешь, надсмотрщики очень жестоки, и на этом острове в прошлом году рабы тоже взбунтовались, как раз через несколько недель после моего отъезда. Их было более пятидесяти тысяч, но, в отличие от братьев на Гаити, они не сумели освободиться, и сейчас, в наказание, с ними обращаются еще хуже, чем прежде. Только представь: чтобы настигнуть беглецов и расправиться с ними, надсмотрщики вызвали на Кубу целый корабль сторожевых собак, приученных к человеческому мясу.

— Поверить не могу! — в ужасе вскричала Софи. — Такая жестокость! В школе нам говорили, что белые в колониях — христиане.

— Это правда. Детей рабов они крестят. И выжигают на них клеймо, как на телятах. А если рабы, когда вырастают, пытаются бежать, потому что, как все люди, стремятся к свободе, их отдают на растерзание псам, — горько добавил Туссен.

Софи взглянула на него с большим сочувствием.

— А что произошло потом?

— Как я тебе говорил, муж моей хозяйки дал объявление в газете Спаниш-Тауна, и я стал готовиться к худшему. Но, на мое счастье, как раз в тот момент управляющий плантациями месье Эдуара искал для своего хозяина раба — игрушку, еще ребенка, но умеющего говорить по-французски. Его хозяин приказал ему найти хорошенького здорового

мальчика и отправить в Европу, потому что он хотел подарить его... угадай кому?

— Мадам Варанс? — робко спросила Софи.

— Молодец! Именно ей. Месье Эдуар много за меня заплатил и был уверен, что такой дорогой и экзотический подарок поможет ему окончательно завоевать самую красивую балерину Парижа, у которой больше всего поклонников. Знаешь, у моей хозяйки их были дюжины. И до сих пор были бы, если бы в прошлом году она не ушла со сцены. Они ждали ее возле театра, у выхода для артистов, аплодировали и бросали ей цветы, даже посреди зимы. Они скидывали с себя меховые плащи и постилали их в лужи, чтобы она — их кумир — не замочила туфельки. Некоторые выпрягали лошадей и, впрягшись в оглобли, тащили карету до самого ее дома. Месье Эдуар тоже влюбился, когда увидел ее на сцене Опера: она танцевала одну из усопших монахинь в балете «Роберт Дьявол». Месье раньше жил на Ямайке и занимался своими владениями. А когда отец и старший брат умерли, он унаследовал титул баронета и несколько больших поместий в Англии. Тогда месье вернулся в Европу, но английский климат ему, вероятно, пришелся не по вкусу, потому что он всегда путешествует, разъезжает из России в Италию, из Германии во Францию... Его любимый город — это Париж, особенно с тех пор, как моя хозяйка оставила всех своих обожателей и отдала ему свое сердце и руку.

Руку! Софи недоверчиво распахнула глаза: в романтических историях, которые она читала на листочках у мадам Анно, баронеты обыкновенно не женились на балеринах — они соблазняли их, обманывали, и те умирали от разбитого сердца.

— Ты что, хочешь сказать, что они женаты? — удивилась она. В газетных хрониках она ничего об этом не встречала. Фантину очень бы увлекла такая необычная новость — почти история Золушки. Впрочем, на улице Маркаде газеты попадали не каждый день, да и те в виде грязных и мятых листков, так что мать и дочь не могли считать себя истинными знатоками всего происходящего в театральном мире.

— По правде сказать, вначале все усилия, клятвы, безумные траты, на какие англичанин шел, чтобы ее завоевать, — продолжал Туссен, — все было ради того, чтобы мадам стала его официальной любовницей. Чтобы заполучить ее, он готов был снять дом, содержать ее в роскоши, показываться с нею на праздниках и в театре — но без каких-либо обязательств законного союза. Аристократы и богатые буржуа всегда так поступают, когда влюбляются в артисток, которые зарабатывают на жизнь своим талантом, но не имеют ни приданого, ни знатной родни. Однако моя

хозяйка не как другие. Она по-настоящему верит в достоинство женщин. Вот что она ему сказала: «Мне безразлично, как поступают остальные. Мне безразлично, что актриса Корали согласилась стать содержанкой богатейшего месье Камюзо и одновременно держит в любовниках голодранца Люсьена Шардона. Завести любовницу, содержанку не менее гнусно, чем купить рабыню. Вы сами в конце концов будете считать меня низшим существом и начнете презирать. И как бы то ни было, я не продаюсь. У меня есть работа, я зарабатываю ежегодно четыре тысячи франков, этого довольно для достойной жизни, хотя и не для роскоши, какую вы мне обещаете». Тогда месье Эдуар, обезумевший от любви, согласился на ней жениться.

— И теперь мадам Селин — баронесса? — выдохнула в восхищении Софи.

— Не думаю, — ответил ее спутник. — Их брак пока что действителен только во Франции. Он был заключен в гостиной на бульваре Капуцинов нотариусом, другом англичанина. Свидетелями позвали Шарлотту и Жан-Батиста. Меня не было, и крестного мадам тоже — он находился в своем загородном доме, а когда вернулся в Париж, ему пришлось смириться с уже свершившимся фактом.

— И что же, ни белого платья, ни венка из флердоранжа? Ни свадебной процессии? — разочарованно спросила Софи. — А ведь мадам Варанс знаменита во всей Франции и даже за границей.

— Вот именно. Чересчур знаменита. Дело в том, что месье Эдуар — любимый племянник старой тетки, кузины его отца, богатой леди весьма строгих правил, которая никогда не согласится принять в родню балерину из Опера. Если она узнает, то перепишет завещание и все оставит другому племяннику. Поэтому, чтобы не навредить супругу, мадам Селин согласилась, чтобы брак был заключен тайно и признан в Англии только после смерти этой дамы.

— Она, наверное, очень его любит!

— Обожает! Лизетта, которая знала ее еще ребенком, говорит, что до него мадам не любила никого, хотя в театральном мире у артисток рано появляются любовные связи. Но и англичанин испытывает к ней величайшую страсть. Он готов на все, чтобы доставить ей удовольствие. У него ужасный характер, как ты могла заметить, но мадам Селин удается умирять его, с нею рядом он как ягненок. «Не держи на него зла, Туссен, — говорит она мне, когда месье срывает свою ярость на ком-то из слуг. — Не думай, что мой Эдуар жесток. Он просто очень несчастлив».

«Несчастлив богатый и благополучный человек, сумевший завоевать

вас? Человек, у которого в Париже прекрасный дом, а в Англии целый замок? Который владеет лошадьми и каретами, который объездил весь свет? — возражаю я ей. — Вы чересчур снисходительны, мадам. Что у него в жизни не так?»

«Не знаю, — отвечает она. — Не знаю. Есть что-то в его прошлом, в его воспоминаниях, что причиняет ему боль. Я много раз просила его рассказать, поделиться, позволить мне утешить его. Сегодня в моих объятиях ему ничто не угрожает, вот что я ему говорю. Неужели моей любви недостаточно, чтобы защитить его от призраков? Но Эдуар не хочет рассказывать о своем прошлом. „Я родился в тот день, когда ты согласилась выйти за меня замуж“, — говорит он».

Софи слушала, раскрыв рот. Ей казалось, что она читает роман из тех, что так нравятся ее матери. Как же сложна и романтична жизнь обитателей бульваров! А она-то думала, что все они счастливы, довольные судьбой!

Зато Туссена эта история несколько не умиляла.

— Если все, кто когда-то испытывал боль, будут требовать, чтобы за это расплачивались другие, тогда что прикажете делать нам, рабам? — заметил он. — По-моему, у месье Эдуара это не более чем предлог для оправдания собственной жестокости и себялюбия. Когда он женился, он знал, что мадам Селин артистка, а не девица, только что покинувшая монастырскую школу, и что благодаря знакомствам крестного она вхожа в высший свет Парижа. И все-таки, стоит какому-то аристократу или актеру поздороваться с нею в театре, стоит ей получить приглашение на концерт за подписью самого композитора — месье устраивает ужасную сцену ревности. А потом, чтобы заслужить прощение, забрасывает ее дорожками подарками: кашемировыми индийскими шальями за три тысячи франков, фламандскими кружевами, драгоценностями... моей хозяйке достаточно молвить слово, и любое ее желание исполняется. «Но мне совсем не хотелось иметь раба, Туссен, — сказала она, когда я оказался в их доме. — Я не одобряю рабства, хочу, чтобы его отменили, это варварский обычай. Ты всего лишь мальчик, и мне очень жаль, что тебя привезли в такую даль из твоих краев».

— Так отчего же она приняла тебя в подарок?

— Она умная женщина и понимала, что, если она откажется, месье Эдуар продаст меня кому-то еще... Может, какому-нибудь злому хозяину, который будет сечь меня кнутом каждый день.

— А ты не тоскуешь по своей стране?

— Я тоскую по теплу, по свету, по ярким краскам, по музыке, — ответил Туссен. — Но совсем не тоскую по жизни, которая была у меня на

Кубе или на Ямайке. И не скучаю по своим старым хозяевам. Там с рабами обращаются хуже, чем с животными. Я уже говорил: нас клеймят огнем, как телят, чтобы, если мы вдруг решим бежать, можно было узнать каждого.

— Даже если вы не сделали ничего дурного? Здесь, во Франции, клеймят только преступников, которых сажают в тюрьму и приговаривают к каторге за какие-нибудь ужасные злодеяния, — заметила Софи.

— Мне не было и пяти, когда они выжгли на моем правом плече клеймо с первыми буквами семейства Дешатр Лакруа. Какое преступление мог я совершить в таком возрасте? Сегодня слишком холодно, но, если мы встретимся летом, я расстегну ворот и покажу тебе рубец.

Софи откинулась на подушки кареты и вздохнула. Сколько всего она узнала за этот снежный вечер! Перед ней как будто распахнулся новый неизвестный ей мир — сошел с книжных страниц, ожил и затрепетал под ее взглядом.

Очарованная рассказом маленького раба, Софи почти забыла свою тревогу о матери, хотя всю дорогу прижимала к себе корзину, наполненную едой, и узел с бельем.

4

Карета резко остановилась, Жан-Батист обернулся, приоткрыл окошко и сказал:

— Приехали!

Снега навалило столько, что Софи с трудом смогла узнать тротуар улицы Маркаде и очертания дома, в котором жила. Сколько ее не было? Три часа? Четыре? Входная дверь была почему-то прикрыта, а не заперта. Софи подумала, что за время ее отсутствия мать наверняка проснулась. Не могла же она так долго спать. А если мама звала ее? А если выпила всю воду из кувшина, и теперь ее мучит жажда? Если у нее по-прежнему жар? А привратница поднималась ли к ней, как обещала?

Софи толкнула дверь и вошла. Привратницкая была пуста. Туссен с Жан-Батистом выгружали из кареты корзину, узел и мешок.

— Спасибо. Оставьте все здесь, внизу. Сейчас я отнесу наверх корзинку и белье. А потом мадам Анно поможет мне дотащить мешок с углем.

— Даже не думай! — возразил Туссен. — У нас доставка на дом. Жан-Батист останется на улице присмотреть за каретой, чтобы ее не увели

вместе с лошадьми, а я обещал мадам довести тебя до твоего жилья.

— Мы живем в мансарде. Это шесть этажей.

— Ну и что? Думаешь, у меня такие слабые ноги?

Смеясь, Туссен сбросил шубу и оставил ее кучеру. Потом взвалил себе на спину мешок с углем, а свободной рукой взялся за ручку корзины.

— А ты носи белье, — приказал он.

Пока они поднимались вверх, жильцы глядели из дверей. Было время ужина и, хотя было холодно, все держали двери на лестничные клетки открытыми для притока воздуха. Дети сновали с этажа на этаж и просили у соседей то дольку чеснока, то щепоть соли. Софи была так возбуждена, что не обратила внимания, как странно все на нее поглядывают. Точнее, она подумала, что, верно, они завидуют припасам, которые она несет, и удивляются ее темнокожему спутнику в необычном одеянии.

Она была так возбуждена, что, поднявшись на пятый этаж, отстегнула от шали платок с деньгами и бегом взлетела по лестнице, крича во все горло:

— Мама, мама! Мне дали шестьдесят франков!

Но, добежав до двери, она смолкла и внезапно остановилась — будто превратилась в каменное изваяние. Не потому, что дверь была закрыта: напротив, обе створки были распахнуты на лестничную клетку — они с матерью никогда так не делали. Она остановилась, потому что в мансарде было множество людей, которые в молчании обступили установленное посреди комнаты ложе. В его изножье горели две свечи.

Мадам Анно, заметив ее, бросилась ей навстречу вне себя от ярости.

— Шестьдесят франков, говоришь! Вовремя явилась, бродяжка! На похороны пригодятся. — Она дала девочке пощечину и выхватила из рук платок, который исчез у нее в кармане. — Где ты пропадала, несчастная, когда твоя мать помирала? Мне пришлось все делать самой. Перетаскивать ее, обрывать, да еще поставить свечей на десять су. А саван, которым я ее накрыла, — моя простыня. И ты мне за нее заплатишь, потому что я не собираюсь больше ею пользоваться.

Софи, потрясенная, открыла рот, не зная, что отвечать на обвинения... и не произнесла ни звука. Шатаясь, она подняла руку и дотронулась до щеки, которая горела от удара.

— Вы слишком суровы к ней, Франсуаза, — вступилась за Софи соседка. — Девочка не могла знать. Обними свою мать, Софи! — И она мягко подтолкнула ее к смертному одру.

Фантина лежала, до подбородка укрытая простыней, и, казалось, спала, но была очень бледна. Мадам Анно не так уж и расстаралась, как

уверяла, потому что волосы покойной были в беспорядке. В полной тишине Софи встала рядом с матерью на колени и начала причесывать ее пальцами. Дотронувшись до холодного лба, она зарыдала.

Туссен тоже вошел в мансарду и поставил на пол то, что принес. Он быстро понял, что случилось. Мадам Анно посмотрела на него с изумлением и одновременно с вызовом.

— Так эта соплячка весь день прогуляла с чернорожим паяцем, вместо того чтобы ухаживать за умирающей матерью?! — громко воскликнула она, привлекая внимание присутствующих к новому персонажу.

Туссен подошел к одру Фантины, не удостоив привратницу взглядом и словно не замечая жильцов, которые перешептывались и с любопытством указывали на него пальцами.

— Прощайся с нею, — прошептал он Софи, — и пойдем. Жан-Батист ждет нас. Тебе здесь больше нечего делать. Идем!

Софи, не поворачиваясь, покачала головой.

— Пойдем, Софи, — настойчиво повторил мальчик.

Она нашла в себе силы пробормотать, захлебываясь слезами:

— Нет. Я не могу оставить маму одну.

— Тогда я приду завтра. Жди меня, — прошептал ей на ухо Туссен. Он легко поднялся на ноги, бросил презрительный взгляд на мадам Анно, которая, развязав узел с бельем, с жадностью рассматривала его содержимое, и бегом спустился по лестнице.

5

Если первую встречу с Селин Варанс Софи всегда вспоминала с теплым, сладостным чувством, то завершение вечера и события следующего дня были так горьки, что и годы спустя в ней все замирало даже при невольном воспоминании.

Как забыть ту ночь в мансарде, которую она провела в одиночестве, прижимаясь к ледяному телу матери?

Соседки и зеваки разошлись. Мадам Анно тоже ушла к себе в привратницкую и унесла мешок с углем.

— Вам не понадобится. И вот что, Софи, оставь-ка ты открытым верхнее окошко. В тепле мертвецы быстро начинают вонять.

Софи не ответила. Она положила голову на грудь Фантины и не могла ни на чем сосредоточиться, кроме рассеянной мысли о том, что если она не перестанет плакать, то слезы намочат саван и потревожат мать в ее

последнем упокоении.

Позже ей показалось, что кто-то на цыпочках вошел в комнату и подошел к корзине с едой. Но она даже не подняла головы.

Пусть украдут хоть все! Она никогда больше не будет есть. Она умрет с голоду и уйдет в могилу вместе с матерью.

Еще через некоторое время легкие шаги вернулись и приблизились к ней.

— Пей! — раздался тихий голос соседки с четвертого этажа, жены плотника. — Это горячее вино. Тебе надо попить. А то еще замерзнешь тут.

Она подняла девочке голову и поднесла к губам стакан. Софи машинально глотнула.

— Ну вот! Умница.

Но едва женщина вышла, Софи встала, дошла до угла комнаты, где стоял ночной горшок, и ее вырвало. Потом она снова положила голову маме на грудь. Четыре свечи догорали, вскоре огарки потухли.

Софи была так истерзана страданием, что, несмотря на холод, заснула.

Ее разбудил незнакомый голос. Она открыла глаза и увидела, что наступил день. На подоконнике образовалась белая подушка из снега.

Низкий и хриплый старушечий голос обращался к мадам Анно:

— Да, я могу ее забрать. Мне как раз нужна девчонка ее лет. Остальные слишком малы.

— Вы дадите мне за нее десять франков.

Софи прислушалась и незаметно взглянула из-под согнутого локтя. Она вздрогнула от удивления и страха: голос был ей незнаком, но старуха она не раз видела прежде. С тех пор, как она себя помнила, эта старуха бродила по пыльным улицам Монмартра в сопровождении двух-трех тощих, грязных, оборванных и босых девочек, которые толкали или тащили тележку, наполненную вонючими костями.

В квартале перешептывались, что сиротки, которых из милости держала старуха, должны собирать не только кости, выброшенные кухарками добропорядочных домов и обглоданные собаками, или те, что мясники отдавали за гроши — а старуха потом вываривала их в котле с золой и еще какой-то дрянью и делала дешевое мыло. Ходили слухи, что она заставляет их собирать еще и дохлых мышей, собак, кошек, птиц и прочую падаль, которую можно найти среди отбросов. Все это варилось с репой с добавлением крапивы и других сорняков и было единственной пищей, какой старуха кормила своих сироток.

— Может, это и выдумки какого-нибудь пьяницы с черным воображением, — сказал Пьер Донадьё Фантине каких-нибудь несколько

месяцев назад. — Однако странно, что никто из девочек за эти годы не вырос настолько, чтобы сравняться ростом со своей благодетельницей. Вы, мадам Гравийон, видели хоть одну, которая бы сделалась сначала девушкой, а потом молодой женщиной?

Рабочие из мелового карьера рассказывали, что как только сиротке исполнялось двенадцать лет, старуха увозила ее в деревню и там продавала крестьянам для тяжелых работ...

— ...или какому-нибудь старому господину с тугим кошельком и дурными наклонностями, — подхватывал хозяин винной лавки.

— Да все куда проще: мы не видим их повзрослевшими, потому что они еще раньше умирают с голоду и старуха бросает их тела в Сену, — цинично заключал штукатурщик.

— Никогда не подходи к этой женщине, если она тебя позовет, — строго сказала Фантина дочери. — И если вдруг она схватит тебя за руку или за платье, скажи, что будешь кричать и звать жандармов.

Теперь, услышав слова «Да, я могу ее забрать», Софи затряслась от ужаса.

Она сделала вид, что продолжает спать, а когда старуха вышла, подняла голову и сказала привратнице:

— Я не пойду с ней. И если вы попытаетесь отдать ей меня насильно, я стану кричать и звать жандармов.

— Ладно, наглая девчонка, — грубо ответила ей привратница. — Жандармов захотела, говоришь? Получишь! Собирай свое тряпье, и я тебя сейчас же отведу в комиссариат полиции. Знаешь ведь, что бывает с сиротами, у которых никого нет? Их сдают в дом призрения.

6

Несколько лет назад Софи побывала в доме призрения вместе с отцом: они искали старую родственницу, приехавшую из провинции на Монмартр для судебного разбирательства. Бедняжку арестовали за бродяжничество, потому что она не знала города, потерялась и до наступления темноты не сумела добраться до улицы Маркаде. Жандармы увидели, что она спит на скамейке на площади Клиши и сразу же отвели в дом призрения. Родственница клялась и божилась, что она не нищенка, умоляла жандармов помочь ей добраться до дома племянника, который ее ждет и собирается поселить у себя, — но ее объяснений никто не слушал.

Гравийону вместе с маленькой дочкой удалось войти в дом призрения

только благодаря тому, что отец Софи был знаком с одним из надсмотрщиков. Их провели в заполненную людьми огромную комнату, посреди которой стоял стол, покрытый грязными пыльными тряпками. За столом сидели в тесноте не меньше сотни женщин всех возрастов и очень быстро рвали руками тряпки на полоски. Если их движения замедлялись или кто-то говорил словечко соседке, надсмотрщик немедленно кричал: «Мари Лафоре! Бездельница, я все вижу, не думайте! В наказание у вас сегодня на обед только холодная вода».

Из посторонних шумов разрешались лишь кашель и хрип, ибо они никак не зависели от воли кашляющих. В помещении без окон, освещенном дюжиной масляных ламп, было нечем дышать из-за пыли, которая поднималась от тряпок, и тошнотворного запаха, исходившего от немытых тел. Больше всего кашляли девочки, которые составляли добрую половину всех присутствующих. Там были и совсем крошки, лет четырех или даже меньше, — им приходилось работать с той же быстротой, что и взрослым. Софи смотрела на них с тоской и ужасом: как они выдерживают такой тяжелый однообразный труд, не слезая с лавки, чтобы размять руки и ноги или хотя бы глотнуть воды?

— Сколько часов работают эти несчастные? — спросил типограф у своего приятеля-надсмотрщика.

— Шестнадцать, как на любой фабрике или в мастерской.

— А дети? — уточнил отец Софи.

Тот глянул на него с удивлением и повторил:

— Шестнадцать.

— Но ведь у них нет возможности получить какое-нибудь образование! Что, в заведении нет школы — хотя бы на один час в день? Даже для мужского отделения?

— Далось тебе это образование, Гравийон! — насмешливо отозвался надсмотрщик. — Только не рассказывай, что хочешь обучать грамоте и женщин. — И добавил, не оставляя времени на ответ: — Да этим маленьким негодьям небо надо благодарить! Им и так повезло, что есть крыша над головой и обед с ужином!

Позже вызволенная и успокоенная старая родственница, сидя на кухне у Гравийонов, описывала Фантине ужасное помещение, где ей пришлось провести несколько часов: невозможно дышать, грязные кишасщие вшами койки, на которых спят по двое и по трое, драки за край драного одеяла или за кусок плесневелого хлеба. Скучная и несъедобная пища — в супе плавают черви — подается за тем же столом, за которым работают.

А в мужском отделении, рассказывала она, еще хуже, надсмотрщики

куда более жестокие, бьют всех, даже детей и больных стариков, непрестанно и без всякой причины — просто потому, что им так хочется.

Сидя тогда у матери на коленях, Софи слушала с ужасом. Разве она могла себе представить, что и ей самой когда-то придется сесть за этот стол, дышать этим гнилым воздухом, делить завшивленную кровать со страшными мегерами!

— А уж школу-то забудь, капризная барышня! — сказала ей мадам Анно, ногой отгоняя ее от смертного одра матери. — Вставай-ка и пошли, некогда мне с тобой возиться!

7

Снегопад прекратился, улицы были покрыты ледяной грязью. Софи шла, опустив голову, смирившись с судьбой. Все ее силы ушли на то, чтобы не попасть к старухе с костями, и она уже не пыталась сопротивляться. Она знала, что она одна-одинешенька в целом свете, ее некому защитить, она в руках чужих людей. Ничто не могло остановить ее падение в бездну — как ничто не останавливало падение других сирот, оставшихся без друзей и средств. Единственная родственница отца, старая крестьянка, та самая, которая потерялась на улицах Монмартра, умерла год назад. Из родни Фантины не осталось никого. Всю ее семью унесла эпидемия холеры за много лет до того, как она вышла замуж за типографского рабочего. Не могла Софи рассчитывать и на поддержку «обезьяны» Пьера Донадье, потому что полгода назад из-за своих симпатий к Республике он был уволен из типографии. Противоправительственные идеи «обезьяны» были так хорошо известны во всех типографиях Парижа, что ему пришлось уехать на поиски работы то ли в Швейцарию, то ли в Англию.

А надеяться на помощь Селин Варанс казалось невозможным — как невозможно было себе представить, чтобы статуя Иисуса Христа в церкви Святого Петра вдруг сошла с алтаря, чтобы обнять девочку, прижать к себе и отнести на небеса. Прекрасная дама, свет и тепло дома на бульваре Капуцинов, маленький раб в разноцветных одеждах, поездка в карете — все это принадлежало другому миру, другой жизни, как те сказки, которые давным-давно школьный учитель читал ей из книги Мадам д'Онуа. Единственное, что сохранялось в ее памяти, был раздраженный голос англичанина, кричавший маленькому привратнику: «Кто эта оборванка? Вышвырни ее немедленно вон!..»

В полиции женщину и девочку принял пожилой комиссар, у которого

от усталости слипались глаза. Он явно провел ночь над решением куда более важных вопросов, чем тот, что излагала ему сейчас крикливая привратница.

— Успокойтесь, мадам! — резко прервал он ее посреди рассказа. — Ваше дело вовсе не кажется мне таким срочным. Мать этого бедного создания, как я понял, еще даже не похоронена. Черт возьми! Неужели нельзя оставить ее там, где она жила, до похорон?

— Надо предупредить дом призрения, чтобы ей придержали место, — настаивала мадам Анно.

— Тоже мне институт для благородных девиц ордена Почетного легиона! — горько рассмеялся комиссар. — Места там всегда хватает, в крайнем случае потеснятся маленько. А в такие холодные месяцы легочная лихорадка каждый год проводит там хорошую чистку, ногами вперед оттуда выносят больше народу, чем входит туда на своих двоих. Вы в самом деле не в состоянии о ней позаботиться? Ведь она уже может работать, была бы вам помощницей.

— Нет. Лучше пусть отправляется в учреждение для таких, как она. Непокорное создание, ей нужны ежовые рукавицы. Дайте мне документ, господин комиссар, завтра после похорон я ее сразу туда отведу и не стану больше вас беспокоить.

Вздыхнув, полицейский вынул бумагу, спросил имя Софи и ее родителей, записал, поставил печать.

— Я сожалею о смерти твоей матери, Софи Гравийон, — сказал он вместо прощания.

«А еще больше сожалею о тебе, бедная крошка», — подумал он, глядя вслед худенькой фигурке, которая удалялась рядом с привратницей.

Вернувшись на улицу Маркаде, мадам Анно скрылась в привратничьей, где пылала жаровня, распространяя приятное тепло. В приоткрытую дверь Софи видела стол, накрытый едой из корзины с бульвара Капуцинов. Привратница заметила ее взгляд и, с видом крайнего снисхождения отрезав кусок рисовой запеканки, протянула ей.

— На! Этого тебе хватит до вечера. Да не обжирайся, как обычно.

Девочка готова была с негодованием отказаться — лучше уж умереть от голода; но спазмы в животе были нестерпимы. Как бы не упасть в обморок, думала Софи; ведь она уже больше суток ничего не ела.

И она выхватила из рук привратницы запеканку и, жуя, начала подниматься по лестнице. Она шла медленно, еле переставляя ноги. Всю вчерашнюю ночь она пролежала, прижавшись к телу матери, но теперь старалась оттянуть мгновение, когда снова ее увидит. Ей было страшно:

она боялась, что какая-то другая Фантина, с ввалившимися глазами, посиневшими губами и окровавленным ртом, сядет на смертном одре, заговорит замогильным голосом, ухватит ее за край платья. Лезли в голову все истории о призраках, какие ей доводилось слышать, вспомнился даже танец усопших монахинь из «Роберта Дьявола». Ей хотелось убежать далеко-далеко и никогда больше не входить в мансарду.

Но, переступив порог, она с огромным облегчением увидела, что мать та же, что и несколько часов назад. Выражение лица Фантины даже стало более ласковым, как будто она забыла обо всех страданиях и спокойно спала.

Кто-то, вероятно соседка, сменил четыре огарка на новые свечи. И не на сальные, которые накануне принесла привратница, а восковые — как на алтаре в соборе Нотр-Дам; они издавали приятный аромат. В руки покойницы, сложенные на груди, чья-то милосердная рука вложила букетик. Он и навел Софи на мысль, что в мансарде побывала мадам Ришье, добросердечная вдова со второго этажа, которая зарабатывала на жизнь для себя и двух детей изготовлением цветов из шелка и восковых фруктов для хрустальных ваз, какими богачи украшали гостиные. Она всегда была любезна с Фантиной. Букетик, должно быть, стоил ей целого дня труда, с благодарностью подумала Софи. Но нагнувшись, чтобы разглядеть цветы, она ощутила сладкий аромат и с удивлением поняла, что они настоящие. Где мадам Ришье могла сорвать их такой суровой зимой? Все сады Парижа и пригородов занесены снегом — клумбы, деревья и кусты стоят голые. Но ведь где-то же распустились эти гиацинты, нарциссы и ландыши, раз теперь они так сладко пахнут на груди Фантины.

Щедрость соседки простиралась не только на бедную покойницу. На стуле под мансардным окошком лежала белая салфетка, а на ней свежие булочки и бутылка молока.

Кусочек рисовой запеканки не утолил голода девочки. Она жадно поела и попила, воспрянув духом от мысли, что в мире еще есть добрые люди. Потом ласково дотронулась до ног матери.

— Сейчас вернусь, — сказала она. — Только схожу поблагодарю...

Однако, выйдя на лестничную площадку, она в сомнении остановилась. Кого же благодарить? Если цветы не искусственные, то маловероятно, что их и все остальное принесла мадам Ришье. Это мог быть кто угодно из соседей. Единственная, кого Софи могла смело исключить, была привратница — и не только потому, что девочка провела с нею все время, что отсутствовала дома.

«Этот добрый человек, так любивший маму, обязательно придет на

похороны, — подумала Софи. — Я поблагодарю его завтра».

8

Но на следующий день, когда четверо мужчин из похоронной конторы вынесли на плечах из дверей дома на улице Маркаде скромный гроб, впереди которого шел священник, никто из жильцов не пришел проститься с Фантиной Гравийон. Никто не встал рядом с Софи и мадам Анно.

— Собери свое тряпье и возьми узел с собой! — приказала привратница сиротке. — Прямо с кладбища пойдешь со мной в дом призрения.

Было холодно, священник и четверо мужчин с гробом шли так быстро, что Софи еле-еле за ними поспевала. Они дошли до кладбища Монмартр меньше чем за десять минут. Кто-то уже открыл ворота и смел снег с центральной дорожки. По обеим сторонам от нее под белым волнообразным покровом проступали очертания могил. Казалось, ничто не изменилось с тех пор, как два дня назад Софи бегом неслась мимо решетки, возбужденно крича отцу: «Мне дадут шестьдесят франков!»

Два дня... Ей показалось, что прошла целая жизнь.

Софи посмотрела внимательнее: нет, кое-что изменилось. В глубине кладбища, где хоронили бедняков, чернела, нарушая всеобщую белизну, прямоугольная яма. Могила была готова принять останки той, что еще недавно была Фантиной Гравийон.

Кюре нагнул голову Софи к деревянной крышке гроба.

— Целуй! — приказал он. Потом прочитал молитву на латыни; никто из стоявших рядом не понял, о чем она. И закончил: — Аминь!

— Аминь! — отозвались все.

Гроб опустили в могилу, и священник окропил его святой водой. Могильщик наполнил лопату землей пополам со снегом и поднес ее Софи, которая не могла удержать ее одной рукой и опустила узелок на землю.

— Земля к земле, прах к праху, — проговорил священник по-французски.

Софи слушалась машинально. Она хотела плакать еще и для того, чтобы не показаться присутствующим бессердечной. Но холод как будто сковал ее слезы, и они застыли ледышками где-то в глубине глаз.

Когда все было закончено, мадам Анно резко сказала:

— Идем!

Скоро, совсем скоро двери дома призрения, еще одной черной бездны,

разверзнутся и поглотят сиротку.

Женщина с девочкой двинулись к кладбищенским воротам.

Едва они вышли за ворота, Софи почувствовала толчок в спину, кто-то вырвал у нее из руки узелок и швырнул его под ноги мадам Анно. Привратница споткнулась о неожиданное препятствие, закачалась и, чтобы удержаться на ногах, оперлась на кладбищенскую стену, зарывав:

— Какого черта?

Чья-то рука с силой схватила Софи за запястье и потащила прочь от ворот.

— Скорее! Бежим! — прошептал ей на ухо голос. Это был Туссен.

Они бежали быстро, края белой шубы хлопали мальчика по ногам. Софи потеряла башмак и чувствовала, что чулок до колена вымок в мокром снегу.

Жан-Батист ждал их в карете за углом улицы Лемерсье.

— Залезай скорее! — велел девочке Туссен, придерживая дверцу. Кучер взмахнул кнутом, прикрикнул, и лошади побежали рысцой.

— Куда мы едем? — спросила Софи. Может, она уснула от усталости и холода? И все это ей просто мерещится? — Куда ты меня везешь? — повторила она с беспокойством.

— Домой, — спокойно ответил Туссен. — Мадам Варанс тебя ждет. Чему ты так удивляешься? Я ведь обещал, что вернусь, — добавил он. — Я и вчера приходил, но не застал тебя.

Так это Туссен, поняла наконец Софи, оставил в мансарде по приказу своей хозяйки молоко, хлеб, свечи и букетик цветов.

— Когда я рассказал ей, что твоя мама умерла и что эта злобная привратница дала тебе пощечину и отобрала деньги, мадам Селин сказала: «Твоя подруга не должна оставаться в этом доме ни минуты. Сейчас же возвращайся за ней. Почему ты сразу ее не привел?» я сказал, что ты не хотела оставлять маму. «Тогда иди и утешай ее. И скажи, что я ее жду».

— Но почему? — еле проговорила Софи. — Что ей от меня нужно?

Туссен пожал плечами.

— Вот такая она странная, моя хозяйка. Она сказала, что теперь бульвар Капуцинов станет твоим домом. Видно, ты ей понравилась. — Он посмотрел Софи прямо в глаза и добавил полушутя-полусерьезно: — Только не воображай, что это все оттого, что у тебя белая кожа. И не надейся, что мадам захочет тебя удочерить. Дочка у нее уже есть, ей семь месяцев. И другие, наверное, будут. Она еще совсем молодая.

— У нее есть маленькая девочка? — изумленно проговорила Софи. — Я не видела ее в прошлый раз. Где же она была? Ах да, ее, верно,

отправили к кормилице в деревню...

Туссен перебил ее:

— Нет, мадам не отправляла ее в деревню. Малышка дома, и хозяйка сама ее кормит. Вот почему в этом году мадам не стала подписывать контракт с балетной труппой. Месье Эдуар хочет, чтобы она навсегда оставила сцену. Он утверждает, что балет — недостойное занятие для супруги дворянина. Но я думаю, что в этой истории важнее ревность: он просто хочет держать ее дома взаперти. Посмотрим, что будет, когда она отнимет Адель от груди. А что позавчера ты не видела ее дочку — ну, может, Деде тогда спала у себя детской или была с Соланж в комнатах для прислуги.

Так впервые, вспоминала теперь Софи, глядя, как Адель бежит за обручем в саду Тюильри, она услышала ее имя: Адель. В одиннадцать часов утра пятого января 1832 года. Но никакого особенного интереса к ней Софи тогда не испытала. Совсем другие вещи занимали ее в ту минуту.

— А цветы? — спросила она. — Где ты взял их в это время года?

— Мадам пожертвовала целых два горшка из своего зимнего сада. Зимний сад — это такая маленькая теплица со стенами из стекла. Луковицы там прорастают и цветут круглый год. Ты их разве не видела позавчера на подоконниках в гостиной? Месье Эдуар недоволен, что жена не разрешает ему курить в этой комнате и заставляет нюхать гиацинты и нарциссы, от которых у него болит голова.

Воспоминание о том, как они пахли на груди у Фантины, обожгло Софи, слезы вдруг перестали быть ледяными осколками, застрявшими в глазах, и горячо побежали по щекам. Туссен ничего не сказал, только молча протянул ей платок.

Они прибыли на бульвар Капуцинов.

9

Дверь открыла служанка, которую Софи в прошлый раз не видела. На ней был белый передник, а за пояс заткнута пуховка. Служанка вытирала пыль с фарфора в прихожей.

— Добрый день, Шарлотта, — дружелюбно поздоровался Туссен. — Мадам уже встала? Пойди скажи ей, что мы прибыли, и спроси, не хочет ли она сразу увидеть свою новую подопечную.

— Мадам завтракает. А эта сопливая девчонка, прежде чем войти в комнаты господ, должна принять ванну и надеть чистую одежду. Да еще

обуть два башмака, а не один.

Туссен осмотрел Софи с ног до головы.

— В самом деле, выглядишь ты скверно, — заметил он. Но отступить перед служанкой не собирался. — Сначала нужно поесть, — сказал он. — Мы проголодались. Что на кухне есть готового?

Шарлотта шутливо ударила его пуховкой.

— Пойди вниз и спроси у кухарки, хитрец. Только иди один. Твоя подружка пусть отправляется в прачечную, где давно поджидает ее Готтон.

Готтон, пожилая женщина с рябым от оспы лицом, точь-в-точь как у ведьмы, держалась с девочкой приветливо, хотя и резковато. Она сразу поняла, что Софи пришла в ужас при мысли, что ей придется окунуться в большой оцинкованный бак, наполненный водой, над которым клубился пар.

Фантина была чистюлей и приучила дочь ежедневно умывать лицо, шею и руки. Пока Гравийоны жили в квартире на пятом этаже, она раз в месяц раздевала дочь и ставила ее в таз. Потом натирала ей все тело намыленной тряпкой и обливала водой из кухонного черпака. Но с тех пор, как они переехали в мансарду, эта церемония проводилась только в самые теплые месяцы, потому что нагреть помещение зимой было невозможно и девочка могла подхватить воспаление легких. Однако за всю свою жизнь, призналась Софи, она ни разу не погружалась в воду целиком, до самой шеи.

— Даже летом, в ручей? — спросила Готтон, которая много-много лет назад росла в деревне.

Софи росла на Монмартре, и единственные известные ей ручьи были потоками грязной воды вдоль тротуаров. А что касается Сены, большой реки, которая протекала по Парижу и по которой сновали всякого рода лодки и суда, то родители строго-настрого запретили дочери даже приближаться к берегам. «Упадешь в воду, и тебя унесет течением», — повторяла ей пугливая Фантина.

— Бояться нечего! Смотри, ты можешь держаться руками за края. А я тут рядом, и, если ты поскользнешься, я ухвачу тебя за волосы и вытащу, — уговаривала ее Готтон сквозь облачко пара.

Она помогла девочке снять платье и белье.

— Эти вещи лучше сжечь, — сказала она, указывая на огонь, горевший в печке.

— У меня нет вшей! — возмущенно запротестовала Софи.

— Тем лучше. Но, согласись, выглядят они не слишком пристойно, со всей этой штопкой и заплатами. Ты в самом деле хочешь сохранить их и не

носить красивое новое белье и все, что приготовила для тебя мадам?

Софи вздохнула. Это платье сшила ей Фантина из старой нижней юбки и лифа, который стал ей узок. Уничтожить платье, думала девочка, будет неуважением к матери. А с другой стороны, было ясно, что оно вот-вот разлезется.

Новое платье, ожидавшее ее на спинке стула, было простым, без всяких украшений. Может, чуть больше размером, чем нужно худенькой девочке. Но ткань хорошая и на вид теплая. К платью прилагался передник, тоже великоватый для Софи, и он помог ей понять совет Туссена — не надеяться и не воображать лишнего. Значит, ей предстоит быть чем-то вроде Шарлотты или Готтон, а вовсе не маленькой компаньонкой. Ну и хорошо. Ее отец и мать гордились тем, что зарабатывали на жизнь собственным трудом, и она будет делать так же.

Она залезла в бак и осторожно, держась за края, села. Вода доходила ей до груди. Готтон потерла ей спину жесткой мочалкой, затем намылила голову и вычесала волосы частой гребенкой.

— Ты права. Никаких вшей, даже в волосах.

Наконец вытертая, причесанная, одетая и обутая — среди вещей ее ждали и туфли, — Софи получила право ступить в комнаты своей благодетельницы.

10

Туссен ожидал ее. Пока они шли по длинному пустому коридору, он сунул ей в руку кусок хлеба с жареным мясом.

— Ешь. Можно не торопиться, не давайся. Мадам подождет еще пять минут. Ей не к спеху, она кормит дочку.

Вот тогда Софи и увидела впервые семимесячную Адель, прильнувшую к материнской груди. Она так крепко держалась за мамину шею и платье, а ее маленькое тельце так прижималось к большому питавшему ее телу, что даже годы спустя у Софи с трудом получалось видеть в матери и дочери две отдельные фигуры, а не одно целое.

В зеленой гостиной был и англичанин: он стоял возле камина и с недовольным видом листал книгу.

— Вы с ума сошли, Селин, если думаете, что можете и дальше растить это дитя согласно бредовым идеям итальянского графа Пьетро Верри, — говорил он. — Не понимаю, почему вы не захотели отправить ее выкармливать в деревню, как делают все дамы высшего общества.

Испортите себе грудь.

— Вы считаете, она не такая красивая, как прежде? — кокетливо спросила Селин, поднося руку к открытому вырезу. — А ведь вчера в театре вы заставили меня прикрыться шалью, потому что маркиз де Рюбампре смотрел чересчур пристально. Неужто вы даже к Адели ревнуете?

Англичанин раздраженно фыркнул.

— Хотел бы я знать, каким образом вам удалось раздобыть эту книгу! И почему этот граф Верри там у себя в Милане не ограничился исполнением своих обязанностей при дворе ее величества королевы Австрии? С каких это пор дворянин предпочитает рисовать проекты колыбели и одежд для новорожденного и мыть его собственными руками, а не вращаться в обществе себе равных или прогуливаться верхом, присматривая за своими поместьями?

— Я вам уже объясняла, любовь моя, — нежно ответила Селин, не обращая внимания на запальчивый тон мужа. — Это Жан-Жак Руссо утверждает, что материнское молоко — лучшая пища для младенца и что пеленки не дают ему хорошо развиваться. А граф Пьетро Верри всего лишь осуществил на практике его идеи, занимаясь дочерью Терезой с самого ее рождения.

— Хотя у нее есть мать, а дом полон родственниц и прислуги!

— А по-моему, трогательно, что отец решил лично наблюдать, как день за днем развивается его дитя, — заметила Селин.

Софи в этих словах послышалась горечь, словно легкий упрек в отсутствии нежности, ласки, желания коснуться, в безразличии, которое месье Эдуар проявлял к Адели.

— К тому же это был научный эксперимент, — добавила молодая женщина. — Не забывайте, что Пьетро Верри не только граф и придворный императрицы Марии Терезии, но и философ, просветитель.

— Вы испортите свою дочь, слушаясь советов этих философов прошлого века! Вы просто не желаете признать, что их идеи только наносят вред человечеству и к тому же устарели. Может быть, когда ваша дочь подрастет, вы захотите сделать из нее дикарку с самыми низменными инстинктами, как бедняга Эмиль этого вашего Руссо? — возмущенно воскликнул англичанин, хлопнув книжкой по столу.

Софи сумела прочитать заглавие: «Рукопись для Терезы». Позже она узнает, что граф Верри не только занимался своей старшей дочерью Терезой с первого дня ее жизни, ухаживая за ней не хуже родной матери, но и ежедневно записывал свой удивительный опыт, обращаясь

непосредственно к малютке Терезе, чтобы она смогла прочесть об этом, когда вырастет.

— Согласитесь, вы не можете утверждать, что отсутствие пеленок сделало спинку нашей Адели слабее, — шутливо заметила Селин, подняв девочку, которая уже насытилась и отпустила грудь. Малютка была одета в легкое платьице из муслина, она держалась ровно, упиралась ножками в колени матери и протягивала ручки к огню, пылавшему в камине.

Сильное тельце, тонкие кудрявые волосики — Адель прекрасна, подумала Софи. Она казалась фарфоровой куколкой в натуральную величину — Софи видела такую однажды, когда отец повел ее в центр города полюбоваться витринами магазинов. Софи протянула руки к малютке, и та доверчиво подалась к ней.

— Видите? — весело вскричала юная мать, отдавая девочку и застегивая корсет. — Адель одобряет мой выбор. Мы нашли новую горничную, дорогой Эдуар.

— Разве мы искали горничную? Вы хотите заменить Шарлотту? Еще вчера вы были так ею довольны, — с удивлением заметил англичанин.

— Конечно, искали. Шарлотта — настоящее сокровище. Но в одиночку она не может поддерживать чистоту во всем доме. Вы и сами видите, какой сильной и живой растет наша крошка. Через несколько месяцев она начнет ходить и будет устраивать везде беспорядок и все пачкать. Причем как раз тогда, когда мы вновь начнем принимать. Помощница горничной, которая будет работать с Шарлоттой, нужна, и лучше выучить ее уже сейчас.

Муж сделал нетерпеливое движение рукой, словно отмахиваясь от подробностей, которые не должны занимать дворянина. Затем рассеянно посмотрел на Софи, не узнав в этой чистенькой и аккуратной девочке оборванку, которая два дня назад осмелилась войти с корзиной, полной сорочек, через парадную дверь.

— А она не слишком юна? — заметил он. — Сколько она нам будет стоить?

— Нисколько, — заявил Туссен, который до этой минуты в молчании наблюдал всю сцену.

— Она сирота. Согласилась работать за кров и стол, — пояснила Селин.

— Раз так, согласен, — одобрил англичанин. — Но все равно вы слишком щедры, Селин. Ее родня должна уплатить вам за то, что вы обучаете ее ремеслу.

Молодая женщина улыбнулась Софи заговорщицкой улыбкой, которую

Софи поняла как: «Пусть этот скупец думает так. Будет у тебя и жалованье, не беспокойся».

Месье Эдуар снова открыл томик Верри.

— В самом деле, не думаете же вы подражать этому безумцу! — сказал он возмущенно и прочитал: — *«Чтобы окончательно избавить вас от опасности заболеть оспой, сегодня вечером в четверг 28 сентября в 24 часа доктор Майнарди сделал вам прививку на одной и на другой руке в дельтовидную мышцу. Вас отправили в карете с Савиной и Фризи к Тичинским воротам в дом бедного дворянина, где был ребенок с превосходной оспой, рожденный от здоровых родителей. Мне не достало мужества там находиться...»* Еще бы ему достало мужества! Подвергнуть такому чудовищному риску собственное дитя...

— Если вы прочитаете дальше, любезный друг, — мягко заметила Селин, — то узнаете, что с маленькой Терезой Верри ничего не случилось и что она на всю жизнь сохранила иммунитет против этой ужасной болезни. А небольшая сыпь — последствие прививки, или «вакцины», как ее нынче называют, — не оставила ни на ее лице, ни на теле никаких безобразных следов. Хочу напомнить вам, что вот уже более пятидесяти лет во многих королевских семействах Европы маленьких принцев прививают от оспы.

— Как бы то ни было, я запрещаю вам прививать оспу этому ребенку, — твердо сказал месье Эдуар, показывая на Адель.

Тем временем предмет дискуссии принялся приплясывать на руках у Софи в быстром ритме, который отбивал руками Туссен по поверхности стола, и испускать радостные крики.

— Тихо! — раздраженно крикнул хозяин дома.

— У вас болит голова? Может, вам стоит прилечь на диване у себя в кабинете? — ласково предложила Селин.

Когда муж вышел, Селин раскрыла свои объятия Софи.

— Вот ты и здесь, бедная крошка! Теперь ты в безопасности, воробушек! Ничего, что я так тебя называю? Здесь нет ни мороза, ни ледяного ветра, которые могут превратить тебя в ледышку. Отдай малышку Туссену и подойди ко мне.

Она обняла Софи и прижала к себе. От нее так хорошо пахло! Цветами, молоком, теплом, нежностью. Она пахла как мама — как Фантина, когда Софи была маленькой. При этом воспоминании сиротка снова разрыдалась.

— Ну что ты! Твоя мама сейчас на небесах, с ангелами, — сказала Селин, глядя ее по голове. — Твоя мама теперь спокойна, потому что знает,

что больше никто не причинит тебе зла. Она знает, что с тобой рядом я, и я буду оберегать тебя от любой опасности.

Утешенная ее словами, Софи все-таки испытала укол гордости. Ее родители много раз говорили, что у бедняков тоже есть достоинство, что они не должны принимать ничего в дар, если не в состоянии ответить на него. Поэтому она откинула назад голову, вытерла слезы рукавом нового платья и гордо воскликнула:

— А я, когда вырасту, буду оберегать от любой опасности вашу дочь. Вам не придется теперь больше никогда тревожиться об Адели. Обещаю.

Селин подняла ей подбородок и серьезно и внимательно посмотрела в глаза.

— Я принимаю твое обещание. Теперь я не боюсь за Адель.

Несколько месяцев спустя, когда Софи утешилась настолько, что уже не рыдала при каждом упоминании улицы Маркаде, Туссен сказал, что, на его взгляд, мадам Варанс приняла ее обещание не слишком всерьез. Словно они были две девочки, игравшие во взрослую жизнь понарошку.

— В тот день ты сама была слаба и беспомощна — как птенец, выпавший из гнезда. Смешно было бы доверить тебе защиту и охрану даже мухи, не то что ребенка.

Но Софи так не думала. Каким-то тайным чутьем она знала, что Селин Варанс и в самом деле ей доверяет.

Глава пятая. Париж, июнь 1837

1

ПАРИЖ, УЛИЦА СЕНТ-ОГЮСТЕН,

10 ИЮНЯ 1837 ГОДА

Дорогая мадам,

если так случится, что Вы откроете это письмо прежде других, прошу Вас закрыть его и читать третьим, после писем от 30 мая и от 3 июня. Потому что я писала именно в таком порядке, а теперь Вы получите их все вместе.

Моя дорогая мадам Селин, как я рада, что Туссену наконец удалось узнать, что Вас держат в женской тюрьме Сен-Лазар и что он сумел переговорить с Вашим тюремщиком! Это оказался грубый неграмотный человек, но, к Вашему и нашему счастью, он не выглядит агрессивным и жестоким. Услыхав о

вознаграждении в несколько золотых монет, он согласился передать Вам наши письма. Видите, как хорошо я сделала, что сохранила целиком все содержимое чулка? Если, как я надеюсь, эти франки помогут нам с Вами поддерживать связь, я перецелую их один за другим перед тем, как вручить Туссену.

Тусси меня также заверил, что наша переписка сохранится в тайне, объяснил, что в камере Вы одна, что Ваш тюремщик не знает грамоты и, стало быть, мы можем свободно писать Вам обо всем, не боясь, что он прочитает письмо. Однако благоразумие требует, чтобы Вы уничтожали письма сразу по прочтении: не дай бог, чтобы они попали в руки Ваших недругов, которые, вероятно, следят за Вами и могут обыскать камеру, пока Вы спите. Поэтому Туссен договорился с тюремщиком, что Вы будете сжигать письма в его присутствии на огне свечи, которую он будет приносить Вам, чтобы Вы их читали.

О, как же мне горько думать, мадам, что дни Ваши проходят в темноте и что Вам не с кем перемолвиться словечком! Туссен сказал, что Вас заточили в подземелье двумя этажами ниже уровня земли и что даже сейчас, в июне, там темно и сыро, как зимой. Тюремщик обещал, что оставит Вам свечей на все время, которое понадобится, чтобы прочитать наши письма. И потому, в надежде, что этот человек будет настолько добр, что позволит Вам не только читать, но и писать, присовокупляю к трем письмам по листу бумаги. Если Вы в состоянии ответить, умоляю, сообщите о себе.

Туссен уже справился у тюремщика о Вашем здоровье, и тот его обнадежил. Но прочитать несколько строк, написанных Вашей рукой, узнать о Ваших чувствах и состоянии будет для нас великим счастьем. Напишите также, если Вам нужно что-то, что может облегчить Ваши страдания. Мы приложим все усилия, чтобы выполнить Ваше пожелание.

Тюремщик утверждает, что Вам нечем платить за горячую похлебку или сухую солому, что, когда Вас привезли в тюрьму, у Вас не было с собой ни денег, ни драгоценностей. Верить ему или нет? Мы с Туссеном обсудили несколько вариантов, первый из них: Вам удалось где-то спрятать деньги, драгоценности и документы, которые Вы хранили в секретере, и у Вас и вправду ничего с собой не было, когда Вас схватила стража. Второй: по дороге или в комиссариате стража обыскала Вас и отобрала

ценности, которые были при Вас. И третий: Вы попали в тюрьму с деньгами и драгоценностями, но Вас ограбил сам тюремщик, теперь же он обманывает Тусси, чтобы получить еще денег.

Мы не верим, что деньги и драгоценности по-прежнему при Вас: в этом случае Вы нашли бы способ сразу сообщить о себе, зная, в какой печали Вы нас оставили.

Учитывая, что Ваш тюремщик не умеет читать и не сможет никому пересказать написанное Вами, будьте же милостивы к нам и объясните, как на самом деле обстоят дела. И, если можете, сообщите, где документы об освобождении Туссена: он сумеет лучше Вам помочь, будучи свободным человеком. Возможно даже, что в таком случае, несмотря на цвет кожи, судья позволит ему выступить свидетелем на суде.

Представляю, с каким нетерпением Вы ждете известий об Адели. Наша крошка здорова. Утром, когда нет дождя, я вожу ее гулять и играть с обручем в сад Тюильри. Мы всегда носим с собой куклу Дагоберту, с которой Ваша дочь ни за что не желает расставаться. А вот Пупет интересуется ее куда меньше. Адель даже не попросила меня вытащить ее из сундука. Может, она боится, что в нашей тесной комнатке ее легко повредить.

Каждый вечер перед сном я читаю Деде одну историю из «Сказок Матушки Гусыни» Перро. К счастью, мне удалось сохранить красивую книжку с картинками, которую месье Эдуар отправил ей из Ниццы на ее четвертый день рождения. А когда мы гасим свечу, я рассказываю какую-нибудь басню Лафонтена, из тех, которые Адель помнит наизусть. А на другой день она мне ее повторяет — это у нас теперь любимая игра. И она сама попросила меня продолжить упражнения в письме, которые начала с Гражданином Маркизом. Представьте: когда мы гуляем в саду, она продолжает писать буквы палочкой на гравии! Она уже может написать несколько слов и очень этим гордится.

Адель не знает, что Вы в тюрьме. Никто — даже такой грубый человек, как месье Фредерик, — не рассказал ей о Ваших несчастьях. Ваше отсутствие я объяснила ей тем, что Вы находитесь в турне в Вене с балетной труппой Опера и что Вы до сих пор не получили письма, в котором сообщается, что родственники Вашего крестного выгнали нас из дому.

Что касается Вашей защиты в суде, то, к сожалению, виконтесса Лагардьер занемогла и не ездит в церковь, как

обычно. У Тусси совсем мало возможностей выбираться из дому, и он использовал их все, чтобы отыскать Вас и договориться с тюремщиком. Мы надеемся, что его хозяйка скоро выздоровеет и он сможет уходить чаще.

Как видите, мадам, я исписала почти весь листок, но, прощаясь с Вами, оставляю немного места, чтобы завтра утром Адель приписала несколько слов — ей очень этого хочется. Простите ее ошибки, я обещала, что разрешу ей написать все, что она пожелает, и не буду исправлять.

Мадам, умоляю, теперь, когда мы Вас нашли, ответьте как можно скорее. Нам не терпится получить от Вас весточку и узнать, чем мы можем помочь.

Положитесь на нас и будьте уверены, что скоро Ваши и наши страдания окончатся.

Кланяюсь Вам с любовью и преданностью.

Ваша верная

Софи

Дарагая мама Софи сказала что ты танцуеш в стране Вене и тебе там апладируют. Ты танцуеш вальс или сильфиду с Фани Элсер? Я хорошая девочка и слушаю Софи. Приежай скарее.

Крепко целую твоя

Деде

Дорогая мадам Селин,

присовокупляю этот листок к трем письмам, которые Софи, упрямо верившая, что мы Вас найдем, начала писать сразу после Вашего исчезновения. Вы знаете, что я не большой любитель писать письма. С другой стороны, все вопросы и все новости об Адели Вы найдете в посланиях Софи.

Вместе с письмами шлю Вам шерстяной шарф и пару перчаток, которые связала Софи, в надежде, что тюремщик передаст их Вам, как обещал. Помимо суммы, которую он с меня

запросил за передачу писем, я дал ему десять франков, чтобы он каждый день приносил Вам горячую похлебку и немного мяса. Напишите, выполняет ли он обещанное и хороша ли еда. И часто ли этот человек меняет Вам солому в тюфяке, чтобы Вы спали на сухом. Он потребовал с меня платы и за это.

Все деньги — это сбережения Софи, но нам необходимо найти еще денег, особенно с учетом судебного процесса. Пока не знаю где. Но Вы можете довериться Вашему Тусси. Если бы я не сделался снова рабом и мог бы собой свободно располагать, я бы пошел зарабатывать как акробат и фокусник в комический театр Бобино. Уверен, меня сразу бы приняли, хотя больше за цвет кожи, чем за мои таланты.

Но увы, я не принадлежу себе, поэтому придется искать другие способы заработка. Вы же не теряйте надежды. Сбережения Софи пока почти не тронуты и позволят нам действовать по крайней мере еще месяц. За это время, надеюсь, мы сумеем Вас освободить.

Скажу, что мне даже повезло в моем несчастье, потому что в доме виконта меня не приставили ни к какой тяжелой работе. Я выполняю приказы виконтессы, мадам Виолен, у которой и так множество служанок, так что от меня ждут, чтобы я ее развлекал, как ученая собачка, и сопровождал, когда она выезжает в карете, — это ей нужно, чтобы вызывать зависть подруг. Кучер Нуаре — умный человек либеральных взглядов, и, когда он узнал, что я не слуга, получающий жалованье, а, раб, он возмутился, что во Франции до сих пор терпят этот позор, и обещал, что со своей стороны будет мне помогать в свободном передвижении. Не знаю отчего, но он решил, что у меня есть возлюбленная и что мое страстное желание по нескольку раз в день покидать дом Лагардьеров связано со стремлением не пропускать свиданий. Он рассказал об этом жене, личной горничной виконтессы, и эта добрая женщина пожалела меня и взяла под свое покровительство. Если бы Вы знали, что она рассказывает хозяйке, чтобы оправдать мои опоздания! По вечерам виконтесса рано ложится. И добрая Дениза Нуаре рассказывает всем, что я тоже отправляюсь спать на лавке перед спальней госпожи и, как верный пес, стерегу сон хозяйки. А сама тайком отпирает мне дверь в сад и оставляет ключ, чтобы я мог вернуться, никого не разбудив.

Что до самого виконта, то в первое время я опасался, что он смотрит на меня с недоверием и подозревает, что, по-прежнему храня Вам верность, я буду пытаться отыскать Вас и помочь. Однако вскоре я понял, что он считает меня дурачком, неспособным рассуждать и чувствовать, к тому же еще и беспамятным. Для него все черные такие, сказал мне Нуаре, который возит его и слушает его беседы с приятелями; стало быть, для виконта я просто обезьяна без шерсти, бездушный и безмозглый уродец.

Такое мнение могло бы показаться мне обидным, но если учесть, что я думаю о виконте то же самое, то лучше обратить внимание на положительную сторону вопроса, продолжая при этом играть роль дурачка. Посему я намерен прислушиваться к тому, что он говорит и как плетет против Вас козни со своим кузеном, — и вести себя соответственно обстоятельствам.

С нетерпением жду Вашего ответа и преданно целую Ваши руки.

Ваш навсегда, преданный старший сын

Туссен

2

— Ответ? Какой еще ответ? Ты, черномазый! Это уж слишком! Мало того, что я согласился передать заключенной письма, теперь тебе еще и ответ подавай? Никогда я тебе не обещал, что позволю ей писать. Чтобы прямо в тюрьме — да перо с чернилами? Ну уж нет. Хочешь, чтобы все вскрылось и я бы остался без работы? Или еще чего похуже? Довольствуйся тем, что эта капризная мадам будет знать, что у вас там происходит. А насчет того, что у нее тут... хватит с тебя и моих слов. А ну прочь отсюда, вон идет охранник мне на смену. Вот уж кто ни одного правила ни в жизнь не нарушит, хоть бы и за гору золотых монет!

Глава шестая. Париж, январь 1832

1

Софи очень удивилась, когда в ту первую ночь на бульваре Капуцинов ее не послали спать наверх, в комнаты последнего этажа с Шарлоттой и другими служанками. По приказу Селин ей постелили на диване в проходной комнате перед детской. Софи было так грустно и тяжело, что при всей усталости она не могла заснуть. Она закрывала глаза и видела бледное лицо матери и ее сложенные на груди руки... При мысли о том, что она никогда больше не увидит маму, никогда не услышит ее голоса, девочка проваливалась в черную бездонную пропасть боли.

Софи лежала и прислушивалась к звукам, раздававшимся в доме: приглушенной драпировками игре на фортепьяно в зале, звону столовых приборов на кухне, смеху служанок. Она ощущала прикосновение мягкой простыни, легкое тепло шерстяного одеяла и думала: не сон ли это? Неужто ей и вправду можно остаться под этим гостеприимным кровом — или уже завтра она проснется замерзшая и голодная на койке дома призрения?

Захлопали двери, вдалеке послышался голос Туссена, который кому-то возражал. Потом голос Готтон, которая, смеясь, приказывала ему сию же

минуту отправляться спать. Соланж на цыпочках прошла мимо дивана, прикрывая рукой огонек свечи, и ушла спать в комнату Адели.

Наступила тишина, а Софи все еще не могла уснуть. Она услышала шепот в соседнем коридоре. Месье Эдуар нежно прощался с Селин:

— До завтра, ангел мой! — И звук поцелуя. Мужские шаги по лестнице, звук открывшейся и закрывшейся двери, топот копыт по гравию.

«Он едет на праздник в богатый аристократический дом, где не принимают балерин», — попробовала угадать Софи, начитавшаяся дешевых романов. Она задумалась: страдает ли от этого Селин, чувствует ли себя униженной? Ей вспомнились гневные речи Пьера Донадьё, друга ее отца: «Как это может быть, чтобы меньше чем за пятьдесят лет священные принципы равенства, свободы и братства, провозглашенные Великой революцией, были полностью забыты?»

Кто знает, где он сейчас, милая верная «обезьяна»... Неужели они никогда больше не встретятся? Неожиданно Софи поняла, что если Пьер Донадьё вернется из-за границы и явится на улицу Маркаде, он не найдет никого, кто сказал бы ему, что случилось с дочерью его старого друга-«медведя». И привратница, и жильцы смогут только рассказать, что после смерти матери малютку Гравийон видели в последний раз на кладбище, а затем она исчезла.

При мысли, что она навеки потеряла возможность увидеться с единственным другом, который оставался у нее на земле, единственным, кто связывал ее с прошлым, Софи снова тихо заплакала. Она слышала, как пробило полночь, и уже начала засыпать, когда в комнате захныкала Адель.

Вспомнив, что она помощница горничной, Софи встрепенулась, села, спустила на пол босые ноги. Что нужно делать, чтобы не причинить неудобства хозяйке, которая спит через три комнаты? Пойти покачать малышку, взять ее на руки, успокоить? Или этим займется Соланж?

Пока она раздумывала, кто-то вошел с лампой — это была Селин Варанс в халате, с распущенными по плечам волосами, в легких туфельках на ногах.

— Не хочу будить Соланж. Она очень устала, — шепнула Селин, увидев, что Софи не спит. Она поставила лампу, вошла в детскую и через мгновение вернулась с крошкой, которая уже яростно сосала грудь.

— Пора мне решиться и отучить ее от этого ночного кормления, — вздохнула молодая мать, присев на край дивана рядом с Софи. — Эдуару приходится уезжать каждый вечер без меня. Мы привыкли везде ходить вместе: в театр, на маскарады, на ужин... А с тех пор как родилась Адель, я должна проводить вечера дома или возвращаться бегом, как Золушка.

Эдуар с самого начала настаивал, чтобы я отправила ее выкармливать в деревню, как делают дамы высшего света. А я не хочу с нею расставаться. В ней вся моя жизнь, и если вдруг что-то случится...

Она вздрогнула и плотнее обернула малышку мягким одеяльцем, будто желая защитить. При этом взгляд ее упал на босые ноги Софи.

— А ты, воробушек, скорее под одеяло! Простудишься.

Софи послушалась. Только сейчас, в мирном свете масляной лампы, она наконец осмелилась задать вопрос, который вертелся на языке с самого утра:

— Почему вы сказали Туссену привезти меня сюда? Вы же не знаете меня. Вы даже не знали, что я существую. Почему вы решили мне помочь, оставить меня у себя?

Селин протянула руку и ласково похлопала ее ноги под одеялом.

— Это не мое решение, девочка, — сказала она. — Я просто выполняю наставление матери.

— Ваша мать знала моих родителей?..

— Нет, не думаю. Но все равно можешь благодарить Адриенну Варанс: это она спасла тебя от улицы и от дома призрения, хотя умерла два года тому назад.

Софи наморщила лоб, силясь понять. Селин продолжала:

— Может быть, Туссен, болтая невесть о чем, забыл рассказать тебе, что я — дитя сцены, я родилась и выросла за кулисами. Мои родители работали в театре, на отце лежала вся постановочная часть и машины, а мама была актрисой. Знаешь, она была знаменитой актрисой. Из самых далеких провинций приезжали, чтобы увидеть ее в роли Клеантис в «Острове рабов» Мариво или в роли Агнесы в «Школе жен» Мольера.

А кроме этого в ней были удивительная щедрость и доброта. Она потеряла обоих родителей во время Великой революции и попала к злым людям, которые били ее, морили голодом и заставляли просить милостыню. Когда ей исполнилось пять лет, они отдали, а точнее, продали ее портнихе, которая, вместо того чтобы обучать ремеслу, посылала девочку по городу разносить заказы. Но маме повезло, она познакомилась с костюмершей из театра Комеди Франсез, умной и энергичной вдовой, которая пожалела ее и взяла к себе. А поняв, что петь и декламировать получается у ее протеже лучше, чем шить, костюмерша помогла ей сделать первые шаги на сцене.

В шестнадцать лет моя мать уже прославилась как лучшая инженерю всех парижских театров; и она продолжала играть, меняя с возрастом амплуа, до последнего года своей жизни. Антрепренеры бились за нее и

предлагали выгодные контракты. Выйдя замуж за отца, она жила обеспеченно, но никогда не забывала страданий, которые пережила в детстве.

Когда я была маленькой, она заставила моего крестного, маркиза, ее друга и почитателя, дать клятву, что, если с нею что-то случится и отца тоже не станет, крестный позаботится о моем будущем. Мои родители умерли, когда мне исполнилось шестнадцать и я уже давно состояла в балетной труппе Опера, так что в помощи не нуждалась. Но маркиз Бофор де ла Поммельер сдержал свое обещание и всегда был рядом. Кроме того, именно он занимался моим образованием с детских лет, он оплачивал мои уроки танцев у лучших учителей, а также уроки пения, декламации, итальянского языка и фехтования — на случай, если я тоже решу стать актрисой, как моя мать. И до сих пор, тайком от Эдуара, крестный оплачивает маэстро Жоливе, который приходит сюда и дает мне уроки балета дважды в неделю.

2

Удивление Софи при сообщении, что знаменитая танцовщица до сих пор берет уроки танцев, было так велико, что Селин рассмеялась.

— Мы, артисты, должны учиться всю жизнь, понимаешь? Особенно когда мы не работаем — как я сейчас, из-за девочки. Нам обязательно нужно упражняться.

— Я думала, мадам, что теперь, когда вы замужем, у вас нет необходимости работать, — заметила Софи.

— Ты говоришь, как мой Эдуар! Или как граф Жильбер де Вуазен, который ухаживает за великой Гальони и настаивает, чтобы она оставила сцену. Но, понимаешь, воробушек, речь идет не о материальной необходимости. Выразить себя в искусстве — это потребность высокой натуры. Птица, которая не поет, умирает от тоски. То же самое происходит с поэтом, художником, с балериной или певицей. Например, графиня де Мерлен... Знаешь, кто это?

— Дама из высшего общества, креолка, так было написано в газетах, которые я читала маме. Жена наполеоновского генерала... у себя на улице Бонди она принимает самых знаменитых и важных людей Парижа.

— Вижу, что ты много знаешь. Знаешь ты, наверное, и то, что графиня — прекрасная певица, ученица знаменитого Гарсиа, отца великой Мари Малибран. И что в своем доме она дает концерты и устраивает

музыкальные вечера, на которых сама же и выступает. Она даже пела на сцене, перед публикой, за деньги, отдавая всю выручку на благородные дела: испанским изгнанникам, греческим патриотам, которые сражались за независимость от турок, восставшим полякам, пострадавшим от землетрясения на Мартинике... Эдуар считает неприличным, чтобы наследница двух великих испанских семейств Санта-Крус и Монтальво О'Фаррел, супруга графа Антонио Кристобаля де Мерлена, выступала на сцене, словно дочь ремесленника или рабочего, и говорит, что муж должен ей это запретить. Но почему, если ей так нравится петь, а публика с удовольствием слушает?

Софи в тот момент было неважно, насколько выступления графини де Мерлен идут вразрез с ее социальным положением, и она вернулась к началу разговора:

— Значит, когда Адель подрастет, вы снова будете танцевать?

— Как только перестану ее кормить. Моя мать — правда, она была актриса, а не балерина — начала выступать через месяц после моего рождения и кормила меня за кулисами в антрактах «Сида» Корнеля или «Федры» Расина. Театр у меня в крови. В пять лет я уже дебютировала в спектакле, понимаешь? В балете «Тщетная предосторожность», действие которого происходит на крестьянском дворе: мы, малышки, изображали гусей. И с тех пор я всегда танцевала. Ты даже не можешь себе представить, как мне сейчас не хватает театра! Я понимаю, что убедить Эдуара, чтобы он согласился на мой новый контракт, будет очень трудно. И, к сожалению, мой крестный не имеет на него никакого влияния. Больше того, эти двое мужчин, которых я люблю больше всего на свете, совершенно друг друга не уважают. Эдуар утверждает, что книги, которые мне приносит маркиз де ла Поммельер, оказывают на меня дурное влияние. Нетрудно догадаться, что и крестный предпочел бы для меня другого мужа, хотя и не говорит этого вслух.

Она вздохнула. Адель заснула у нее на груди. Селин встала и на цыпочках унесла малютку в колыбель. Потом вернулась и снова присела на кровать Софи.

— Ты, верно, думаешь: а при чем здесь ты? Понимаешь, воробушек, два года назад, когда моя мать поняла, что умирает, она позвала меня и сказала: «Селин, я уйду со спокойной душой, потому что знаю, что ты теперь известная балерина, можешь заработать себе четыре тысячи франков в год, можешь рассчитывать на крестного и тебе нечего тревожиться о будущем. Обещай мне кое-что. Поклянись, что если когда-нибудь к тебе в дверь постучится девочка от портнихи, которая принесет

заказ, и ты заметишь, что она одинока и несчастна, как я, когда я постучала в дверь мадам Камиль, — поклянись мне, что ты пожалеешь ее и сделаешь все, чтобы ей помочь, как мадам Камиль сделала все для меня».

— Но я же не девочка портнихи... а сорочки принадлежали месье Фелисьену... и если он узнает... — застенчиво перебила ее Софи.

Селин рассмеялась.

— Ты принесла мне заказ, ты была одинока, в отчаянии... а все остальное не имеет значения. И знаешь, что я тебе скажу? Я счастлива и благодарю судьбу, что именно ты, крошка Софи, позволила мне сдержать слово, данное матери. Я доверяю Туссену. «Она вам понравится, мадам, — сказал он. — Мне кажется, вы поладите». Я и сама в этом уверена. Доброй ночи, воробушек, теперь спи.

И Софи, вздохнув с облегчением, наконец крепко уснула.

3

На следующий день, когда Софи проснулась, огонь в камине уже пылал, в ее маленькой проходной комнатке было восхитительно тепло. Дверь в детскую была приоткрыта, и Софи, не поднимая головы, видела Шарлотту, которая, стоя на коленях, терла пол щеткой. Часы на каминной полке показывали половину одиннадцатого.

Еще ни разу за всю свою жизнь Софи не вставала так поздно! Сгорая от стыда, она вскочила с кровати и босиком побежала в соседнюю комнату.

— Почему вы не разбудили меня? — спросила она Шарлотту. — Я сейчас оденусь и помогу. Скажите, что надо делать.

— Ничего, — ответила горничная. — Я почти закончила.

Софи увидела, что кровать Соланж аккуратно убрана. Колыбель тоже была пуста и тщательно застелена.

— А где же Адель и Соланж?

— Пошли на прогулку, — ответила горничная.

— В такой холод?

— Снегопад прекратился, посмотри. На улице солнце. Мадам хочет, чтобы девочку водили гулять в парк каждый день, если нет дождя или снега. Ее тепло одевают, и до сих пор она ни разу не простудилась. А ты будь поосторожнее — в легкой сорочке да на сквозняке! Одевайся. Я принесла тебе горячей воды больше часа назад и поставила кувшин возле огня. Вода еще, наверное, теплая.

Привыкшая к холодной мансарде Софи даже не представляла, как

приятно умываться, не дрожа от холода. Она надела новое платье, натянула чулки, обулась, поискала накрахмаленный белый передник. Но форма горничной исчезла.

Шарлотта не смогла дать ей никаких объяснений, только сказала:

— Поторопись! Мадам Селин встала полчаса назад и сказала, что подождет тебя, чтобы вы позавтракали вместе.

— Где?

— В зеленой гостиной. Дорогу знаешь? Это внизу, рядом с залом, где фортепиано.

Селин еще не одевалась и не причесывалась, но Софи подумала, что это ей и не нужно. Такая нежная кожа, такие блестящие, волнами падающие волосы — ее благодетельница казалась свежей майской розой в своем белом утреннем халате. Она сидела в кресле с высокой спинкой и была погружена в чтение.

Услышав робкое «доброе утро» своей подопечной, она подняла глаза от книги, улыбнулась и в ответ на приветствие сообщила, как будто продолжала начатую беседу:

— Я читаю чудесную книгу, «Собор Парижской Богоматери», последний роман Виктора Гюго. Он гений, лучший писатель всех времен.

— Мой отец тоже так говорил, — пробормотала Софи, в смущении разглядывая свои туфли и надеясь, что Селин не станет ругать ее за отсутствие фартука.

— Твой отец читал Виктора Гюго? — воскликнула пораженная Селин.

— Нет, он-то читать не умел. Он же был «медведем».

— Медведем?..

И Софи, забыв о робости, рассказала Селин о типографии, о словечках, которые использовали рабочие, объяснила разницу между «медведями» и «обезьянами», пересказала их споры о политике и культуре. Рассказала об Обществе друзей народа и о том, как благодаря Школе рабочей взаимопомощи ее отец-«медведь» решил сделать из своей дочери «обезьяну».

— Газеты в доме читала я, — объясняла девочка. — И всякий раз, как выходил новый роман, сборник стихов или пьеса господина Гюго, отец хотел знать, что говорят критики. А мою мать занимала романтическая история его брака. Вы знаете, что в день их свадьбы старший брат поэта сошел с ума от ревности, потому что был тайно влюблен в невесту?

— Ты меня поражаешь, девочка. Могла ли я подумать, что бедная швея с Монмартра интересуется жизнью поэтов?

— Моя мама... — начала Софи и поняла, что теперь всегда должна

говорить о ней в прошедшем времени. От горя она не смогла договорить.

Селин притянула ее к себе, усадила на подлокотник кресла.

— А знаешь ли ты, — спросила она, обнимая ее за плечи, — знаешь, почему я решила дать своей дочери имя Адель?

Софи покачала головой. Слезы ручьями текли по ее лицу.

Вошла Лизетта с завтраком и поставила поднос на столик. На подносе были кувшин с молоком, кувшин с горячим шоколадом и чайник. И еще свежеиспеченные булочки, печенье, хлеб, масло и разные варенья.

Селин протянула Софи платок, чтобы она вытерла глаза и высморкалась.

— Поешь, — сказала она. — Я выпью только чашку чая и съем сухарик с маслом. Чай — это английская привычка, которую я переняла у Эдуара.

Лизетта наполнила чашки. Несмотря на комок в горле, Софи с удовольствием выпила восхитительного шоколада — впервые в жизни.

— Знаешь, почему я назвала ее Аделью? — снова спросила Селин. — Потому что так зовут мадам Гюго. Она прекрасна — высокая, темноволосая, похожа на испанку. Когда она едет в театр, нет человека, который не оглянулся бы ей вслед. Она изящнее всех женщин.

— У нее четверо детей, — добавила Софи, вспомнив листки светской хроники.

— Она ждала младшую дочь, когда началась Июльская революция, «Три славных дня»... — уточнила Селин, довольная тем, что ее подопечная так много знает.

«...когда погиб мой отец...» — подумала Софи, но промолчала.

— Поэт назвал малютку именем матери. И я тоже, когда год спустя родилась моя дочь, решила дать ей имя Адель, — закончила беседу Селин.

— Это очень красивое имя, — одобрила ее выбор Софи, за обе щеки уплетая булочку.

4

Когда после завтрака Лизетта унесла поднос, Селин Варанс сказала Софи:

— Пожалуйста, не обижайся. Я не подвергаю сомнению твои слова. Но пока мы ждем портниху, я попрошу тебя немного почитать. Просто чтобы я могла понять, чему ты научилась в твоей народной школе.

Она положила перед ней «Собор Парижской Богоматери», и Софи, не

ошибившись ни разу, прочитала отрывок, где юная прекрасная цыганка Эсмеральда перед толпой зрителей задает своей козочке Джали с позолоченными рожками вопросы, и та отвечает на них ударами позолоченных копыт в бубен или изображает движениями того, кого ее просят показать.

— Вы правы, — сказала Софи, когда Селин знаком велела ей остановиться. — Это, должно быть, прекрасная книга. Как бы мне хотелось знать, откуда эта цыганка и что будет потом.

Селин обещала, что, когда закончит книгу, она даст ее почитать Софи. И рассказала, что Гюго, чтобы не отвлекаться от написания этой книги визитами и соблазном куда-то ходить, запер на ключ всю свою одежду и расхаживал по дому в длинном балахоне из такой толстой шерсти, что дети называли ее «медвежья шуба папочки». И поскольку он закончил роман тогда, когда в чернильнице закончились чернила, он хотел его назвать «Что заключалось в бутылке чернил». Затем Селин задала Софи несколько вопросов по географии — о Франции и о колониях. Она нашла, что и об этом предмете дочь рабочего знает куда больше, чем ее сверстницы, даже те, что обучаются в самых знаменитых пансионах для благородных девиц, например при монастыре Английских августинок или Почетного легиона Сен-Дени, и которых матери выставляют потом напоказ в салонах, как дрессированных собачек.

Софи даже знала, что такое параллели и меридианы и какие ученые в трудные годы Великой революции и Первой республики организовали экспедицию, задачей которой было измерить меридиан, проходящий через Париж, чтобы установить единицу измерения, общую для всего мира.

— Месье Мешен и месье Делабр путешествовали по Франции, преодолевая трудности и опасности, и измерили длину меридиана. Затем разделили его на сорок миллионов одинаковых частей. Сорок миллионов, можете себе представить? Новая универсальная мера — это одна сорокамиллионная часть земного меридиана. Она назвали ее «метр», потому что оба географа преклонялись перед греческим поэтом Гомером, автором «Илиады» и «Одиссеи», а по-гречески «метр» значит «мера». Это мне объяснил друг моего отца, «обезьяна», которого звали Пьер Донадье, — добавила Софи.

— Ты знаешь гораздо больше, чем я думала! Мне кажется, совсем мало детей твоего возраста, в том числе и те, что посещают школы по десять франков за месяц, знают такие вещи. Надо, чтобы тебя проверил Гражданин Маркиз, конечно. Но думаю, ты сможешь посещать те же занятия, что и Туссен. Хочешь?

Софи смотрела на нее широко раскрытыми глазами. Что она могла ответить? Все это было слишком неожиданно. Туссен учится? Он ей не говорил. Кто его учит? И чему? Неужели рабу дозволено получать образование? Разве ему недостаточно того, чему он научился на Кубе, рядом с мадемуазель Атенаис? И, наконец, что за человек называется таким странным именем — Гражданин Маркиз?

В Школе рабочей взаимопомощи им объясняли, что во время Великой революции все дворянские титулы были отменены. Но французы не пожелали довольствоваться привычными обращениями «месье» и «мадам» и стали называть друг друга «гражданин» и «гражданка», подчеркивая этим, что они равны перед государством. И всем — не только друзьям — полагалось говорить «ты»: обращение «вы» напоминало о церемонных привычках аристократов, и те, кто продолжал так говорить, подвергались насмешкам и оскорблениям.

Называть кого-то «Гражданин Маркиз» в те времена было бы, наверное, очень странно, думала Софи. А в годы террора это и вовсе могло привести прямо на гильотину.

Теперь, после реставрации монархии, дворяне вновь стали гордо именоваться своими титулами — это понятно; но какой маркиз согласится на революционное обращение «гражданин»?

Наконец, как она может посещать уроки, если она помощница горничной Шарлотты и должна вместе с ней поддерживать чистоту в этом большом доме?

5

Не подозревая о буре, которую ее слова вызвали в душе подопечной, Селин Варанс приподняла двумя пальцами подол ее платья.

— Длинновато, — сказала она. — И рукава тоже. И в талии надо ушить. Позавчера, когда я решила, что ты будешь с нами жить, у меня не было возможности заказать тебе платье по размеру. Поэтому я убедила мамашу Лагранж — перчаточницу, что живет по соседству, — уступить мне платье, которое она только что сшила для своей внучки — примерно твоей ровесницы. Правда, сшито оно так себе, все складки заложены неправильно. Скоро придет моя личная портниха, и я попрошу подогнать его для тебя и подправить.

— Передник мне тоже немного велик. Но его поправить я могу сама. Я помогала маме закладывать складки и подгибать подол, знаете? — сказала

Софи, надеясь, что Селин не спросит, почему она сегодня без передника.

— Еще бы он был тебе впору! Это же передник Шарлотты, и вечером он вернулся к своей хозяйке.

— Если у вас есть белое полотно, я сошью себе пару передников своего размера, — робко предложила Софи. — Или даже три, чтобы всегда в запасе был один чистый.

— Тебе не нужен никакой передник, воробушек, — рассмеялась Селин.

— Но вчера...

— Так ты не поняла, что вчера мы устроили маскарад, чтобы мой любезный Эдуар разрешил тебе остаться в доме? Это была идея Туссена — выдать тебя за помощницу горничной. Ведь за содержание этого дома и всех, кто в нем живет, платит мой муж, и нам нужно было получить его разрешение.

— Значит, я не буду помогать Шарлотте? — с изумлением воскликнула Софи.

— Если ты очень хочешь быть полезной, можешь помогать Соланж и немножко заниматься Аделью, раз уж ты обещала мне ее оберегать. Но только когда сама захочешь и когда будешь свободна от занятий. Как старшая сестра. Я взяла тебя не для того, чтобы ты работала, девочка моя, а чтобы предложить тебе лучшую жизнь и лучшее будущее.

Софи не могла поверить своим ушам. Станным казалось уже то, что ради обещания, данного матери два года назад, Селин Варанс предложила честный труд и покровительство совершенно незнакомой девочке. Но взять ее в дом и заботиться о ее воспитании, не требуя ничего взамен, — это было просто невероятно. Она озадаченно смотрела на свою благодетельницу. Не ловушка ли это?

— Не тревожься, — успокоила ее Селин, по-своему истолковав молчание девочки. — Я не собираюсь делать из тебя дрессированную собачку, женщину-философа, «ученую даму», как меня в шутку называет мой Эдуар, с тех пор как посмотрел комедию Мольера, где высмеиваются женщины, желающие непременно выглядеть образованными. Может быть, ты хочешь изучать живопись или стать актрисой, как я? Сейчас тебе уже поздно начинать танцевать или изучать декламацию, но если у тебя есть талант...

— Нет, нет! — в испуге закричала Софи. Она читала в газетах, что все маленькие актрисы и балерины из Опера — дети необыкновенной красоты. Сама же Софи — она прекрасно это понимала — слишком худа и слишком мала для своего возраста, и волосы у нее гладкие и тусклые, а глаза хоть и

живые, но маленькие и близко посаженные. И она такая неловкая и совсем лишена грации. У нее никогда не достанет легкости, свободы и храбрости, чтобы выйти на сцену.

— Не волнуйся, — улыбнулась Селин. — Нам не нужно решать сию минуту, чем ты будешь заниматься, когда вырастешь. Но раз ты такая прилежная читательница и уже столько всего знаешь, мне бы хотелось, чтобы ты по крайней мере до двенадцати лет ходила в школу. Ведь твои родители этого и желали, или я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — согласилась Софи, изо всех сил стараясь поверить, что это правда. — А что скажет месье Эдуар? — спросила она с тревогой.

— О, он ничего не будет знать! Он доверил мне вести дом, и, если все идет гладко, а я трачу не слишком много и не жалуясь, его совсем не заботит, чем занимаются слуги. Кроме того, он часто уезжает по своим делам; время от времени он ездит в Англию приглядеть за своими владениями и остается там на несколько недель. Ты думаешь, он знает, что месье Жоливе вовсе не куафёр, который приходит завивать мне локоны, как мы с Лизеттой всегда объясняем, а учитель танцев? Что в самой большой комнате на верхнем этаже я приказала поставить фортепьяно, повесить зеркало и прикрепить к стене станок, чтобы продолжать ежедневно заниматься танцами? И что Туссен каждое утро отправляется на Левый берег в школу Гражданина Маркиза? Эдуар убежден, что мой маленький черный раб проводит все время в прихожей, открывая дверь посетителям. Что он выходит очень редко, и только когда я посылаю его с каким-то поручением. Главное, что благородным господам — неважно, англичане они или французы — неинтересно знать, чем занимаются в течение дня их слуги: лишь бы ухаживали за хозяевами и обслуживали их как следует.

— А если он вдруг узнает, что вы нас обоих отправили в школу? — спросила Софи.

— Скажу, что уступила прихоти моего крестного. Что это педагогический эксперимент и что я не смогла отказать в помощи этому старому чудаку. Видишь ли, зная, что я многим обязана крестному, Эдуар надеется, что Гражданин Маркиз не забудет меня и в завещании. Поэтому, если я скажу, что не хотела огорчать крестного отказом, муж вынужден будет смириться.

Каминные часы пробили двенадцать, и тотчас на лестнице послышались шаги Соланж и крики Адели: няня и младенец возвращались с прогулки.

— Маленькая обжора требует свой обед, — рассмеялась Селин и пошла к двери. У Адели были красные от мороза щечки.

— Там снова снегопад, мадам, — сказала нянька и добавила: — Пришла портниха. Проводить ее к вам?

— Чуть позже, Соланж, — когда я покормлю малышку. Пока что отведи ее в швейную и предложи попить чего-нибудь горячего.

Пока Адель ела, Селин продолжала говорить с Софи.

— Я попрошу ее сшить тебе два других зимних платья и еще несколько более легких, пальто и легкую накидку, чтобы ты могла ходить прилично одетой. Гражданину Маркизу все равно, как одеваются его ученики, но я не хочу, чтобы ты носила одежду с чужого плеча.

Тут Софи не сдержалась и задала вопрос, который давно уже вертелся у нее на языке:

— Кто такой этот Гражданин Маркиз? Почему вы его так называете?

— Я думала, ты поняла! Это мой крестный, месье Филарет Арно Бофор, маркиз де ла Поммельер, старинный почитатель моей матери, верный друг и благодетель моих родителей.

— Так он старик?!

Селин рассмеялась.

— На прошлой неделе мы отпраздновали его семидесятилетие. Но он здоров как бык, полон сил, а духом куда моложе многих двадцатилетних юношей. Попроси Туссена рассказать, как им весело вместе, какие они придумывают игры, шарады и шутки.

— А почему он не ладит с месье Эдуаром?

— Видишь ли, Софи, мой муж гордится тем, что он баронет, и считает монархию идеальным видом правления. А крестный — убежденный республиканец: он уверен, что аристократ ничем не лучше брадобрея или прачки, и совершенно не держится за свой титул маркиза. С юности он с большим воодушевлением поддерживал теории философов-просветителей, а в двадцать восемь лет принял участие в Великой революции на стороне народа, рядом с Дантоном и Робеспьером. И аристократы, против которых он выступал, заклеили его предателем. Он, конечно, был не один такой! Но другие уже потом, во времена Империи, а затем Реставрации, отказались от свободы, равенства и братства и быстро вернули себе прежние привилегии. А мой крестный остался верен своим идеалам и продолжает утверждать, что просветители правы и что дворяне не по

заслугам получили то, что имеют. Им просто повезло, что они родились в таких семьях.

— То же самое говорит и Фигаро, севильский цирюльник! — одобрительно сказала Софи и продекламировала, гордясь, что помнит наизусть:

«Вы дали себе труд родиться, только и всего. Вообще же говоря, вы человек довольно-таки заурядный»^[1].

— Тебя водили в театр на комедию Бомарше? Быть может, ты даже слушала оперу Россини? — поразила Селин.

— Я никогда не бывала в театре, — с сожалением вздохнула Софи. — Но в типографии, где работал мой отец, печатали «Женитьбу Фигаро», и Пьер Донадье приносил мне гранки, чтобы я читала родителям.

— Тогда тебе должно быть понятно, почему маркиз Филарет уже больше сорока лет продолжает требовать, чтобы его называли «гражданином». А ведь он происходит из старинного аристократического семейства — а до Революции за слово «гражданин» можно было оказаться в тюрьме. Племянники крестного его презирают и рассказывают направо и налево, что он выжил из ума, они-то и прозвали его с издевкой «Гражданин Маркиз» — как бы в напоминание о «Мещанине во дворянстве» Мольера. А он нашел это прозвище забавным и даже остроумным и, вместо того чтобы стыдиться, заказал себе такую монограмму и украсил ею герб над парадной дверью дома и дверцу кареты. И теперь в Париже его так называют все — и друзья, и недруги.

Заметив, что Софи продолжает смотреть на нее с беспокойством, она добавила:

— Тебе не нужно идти в школу сразу же. Подождем пару недель, ты к нам привыкнешь — и окрепнешь благодаря хорошему питанию. А пока стоит такая ужасная погода, тебе лучше оставаться дома, в тепле. Ты такая худенькая, что любой порыв ветра унесет тебя за тридевять земель.

Портниха за полчаса переделала сшитое перчаточницей платье и обещала за неделю управиться с первыми двумя вещами для Софи: шерстяным платьем на каждый день в серую и розовую полоску и теплым пальто с пелеринкой, которую можно отстегивать. Это была не швея по двадцать су за готовую вещь, как Фантина, это была модная портниха,

которая обшивала актрис, а также многих жен и дочерей богатых парижских буржуа. Именно она придумала и сшила разноцветный «костюм привратника» для Туссена. Она была привычна к капризам клиенток, поэтому не выказала никакого удивления, что вдруг понадобился целый гардероб для щуплой застенчивой девочки, которую она до этого ни разу не видела в доме на бульваре Капуцинов.

После портнихи Селин послала за пожилым доктором, который осмотрел Софи с головы до ног, прикладывая к ее голой спине волосатое ухо, заставлял кашлять, говорить, дышать, постукивал твердым пальцем, ощупывал живот и шею, оттягивал веки...

— У нее, несомненно, анемия, — объявил он. — Но все органы в порядке. В том числе легкие. Есть небольшой бронхит, который надо лечить компрессами горячего льняного масла. Лежать в постели необязательно. Но важно, чтобы она не потела и не простужалась. И чтобы ела, разумеется. Мясо — ежедневно. Белый хлеб. Взбитое яйцо с сахаром и каплей марсалы. Молока, масла и меда — сколько угодно. Когда я снова приду, я хочу, чтобы на этих тонких косточках было немножко мяса. Договорились, мадемуазель?

Софи была рада, что можно оставаться дома, в тепле, рядом с Селин и Аделью, которую Соланж пока не могла вывозить в парк для привычной прогулки. Снег валил снова, и Туссен уходил каждое утро, закутавшись в шубу, под которой слоями были надеты курточки, шерстяные шарфы и шали. А когда он возвращался, Софи во время полдника умоляла его рассказывать с мельчайшими подробностями про школу, уроки и в особенности про Гражданина Маркиза. Но Туссен, невероятно разговорчивый по любому другому поводу, сидел как воды в рот набрал.

— Потерпи, — говорил он ей, — ты сама своими глазами скоро увидишь школу. Да и слов таких нет, чтоб ее описать. Ее проживать надо, каждый Божий день. Она так отличается от всех остальных!

И это нежелание рассказывать только бередило любопытство Софи, которая с немым вопросом посматривала на Селин.

— Да, школа и впрямь необыкновенная. Вот увидишь, тебе понравится, — отвечала ее благодетельница. Но и она ничего не объясняла. — Осталось всего несколько дней. Потерпи.

В большом тихом доме, как будто завернутом в вату заснеженного сада, жизнь текла мирно и покойно. Софи, укутанная — поверх платья, доставшегося ей от внучки перчаточницы, — в теплую шерстяную шаль, переkreщенную на груди, проводила большую часть дня в комнате цокольного этажа, где няня Адели и другие служанки гладили и хранили

белье. Соланж отдавала ей девочку и садилась шить или штопать. Адель уже говорила свои первые, не слишком разборчивые, слова. Она требовала, чтобы ее носили по комнате, показывала пальчиком на всякие предметы, пытаясь повторить названия, и терпеливая Софи повторяла их по пять или шесть раз кряду. Софи и Адель очень полюбили друг друга. Софи испытывала странное чувство, глубокое и умильное, когда Деде, устав от изучения окружающего мира, опускала головку ей на плечо и засыпала. И тут же становилась гораздо тяжелее, чему Софи всякий раз удивлялась. Адель отвечала Софи взаимностью: искала ее глазами, улыбалась и тянула к ней ручки.

Но настоящей страстью малышки был Туссен. Едва мальчик входил в комнату, Адель утрачивала интерес ко всем остальным и, что бы она до этого ни делала, рвалась к нему, попискивая от счастья. Ей невероятно нравились цвета, в которые он был одет, она запускала пальчики ему в волосы, пыталась дотронуться до зубов, хватала за ухо, стараясь донести его до рта, терлась носиком о его нос и щеки...

— Она, как и ее мать, уверена, что Туссен — большая шоколадка, — смеялась Соланж. — И хочет попробовать его на вкус. Лучше, чтобы месье об этом не знал.

Адель, к некоторому огорчению Селин, еще не научилась говорить «мама». Но в один прекрасный день, когда Софи передавала ее на руки юному рабу, малышка ткнула его пальчиком в грудь и победно произнесла:

— Тусси!

Туссен подбросил ее вверх, подхватил, поцеловал под подбородочком, сделав вид, что хочет ее съесть, а она хохотала и повторяла:

— Тусси, Тусси, Тусси.

— Мадам будет ревновать, когда узнает, — заметила старая Готтон.

— А месье рассердится, — с беспокойством заметила Соланж.

— Да что за глупости! — вмешалась Лизетта. — В доме, где я работала до этого, младенец произнес первой кличку собаки.

— Уже не говоря о тех, кто выбирает первым слово «кака», — заметила острая на язык Шарлотта. И все закончилось веселым смехом.

Но Софи понимала и разделяла тревогу Соланж. Только слепой мог не замечать, что хозяин дома, безумно влюбленный в мать, холоден и безразличен к ребенку. Он ни разу не взял ее на руки, не приласкал; раздражался, когда она кричала или плакала. Казалось, месье Эдуар ревнует к тому материнскому чувству, которое Селин испытывала к крошке. Он никогда не называл девочку по имени, не произносил «Деде», не говорил о ней «моя дочь» или «наша дочь» — только «этот ребенок» или

«ваше дитя».

Селин пыталась скрывать свои чувства, но Соланж и Софи видели, что она страдает и всячески пытается привлечь внимание и любовь мужа к дочери.

— Если бы первым словом Адели было «папа», — с сожалением заметила няня, — месье мог бы умилиться. Но нет же: она произносит первым имя этой черной мартышки, которую хозяин откровенно презирает!..

Как бы то ни было, с этого дня «Тусси» стало уменьшительным именем темнокожего мальчика, и все обитатели дома на бульваре Капуцинов звали его так, когда не сердились. А когда сердились, звали его Туссен — будто полное имя лучше подходило для окриков или упреков.

8

В первые дни Софи очень боялась встретить месье Эдуара и разгневаться его неловким движением, словом или просто своим присутствием. Но, как и говорила Селин, хозяин дома никогда не спускался в комнаты прислуги, и если у него не было ничего срочного к жене, то не входил и в комнату Адели.

По утрам Селин просыпалась рано и кормила дочь, а ее муж поднимался около одиннадцати, сразу же приказывал Жан-Батисту запрягать лошадей и в снегопад уезжал по делам на биржу или к своему немецкому банкиру, герру фон Нусингену.

Обедал он в английском клубе; вернувшись домой, переодевался и отправлялся с юной супругой на прогулку в Люксембургский сад или в крытую галерею Пале-Рояль, куда в послеобеденные часы съезжался весь свет. Туссен, который едва успевал к этому времени вернуться из школы, тотчас переоблачался в свою экзотическую ливрею и сопровождал их, держа, если надо, зонтик. В отличие от Селин, месье Эдуар не позволял Туссену надевать шубу, так что, хотя хозяйка и снабдила его теплым шерстяным бельем, мальчик всякий раз возвращался с прогулки продрогший до костей.

Доставив Селин с Туссенем домой, англичанин снова уходил один, на этот раз в вечернем костюме, и ужинал в разных аристократических домах предместья Сен-Жермен.

Селин проводила вечер в зеленой гостиной в компании Туссена и Софи. Она играла на фортепиано, читала им вслух из своих любимых книг

или просила почитать Софи, чтобы девочка могла попрактиковаться, — ведь вскоре ей предстояло идти в школу Гражданина Маркиза.

Была одна сказочная история, которую Селин особенно любила. Она называлась «Трильби, или Аргайльский эльф». Автор утверждал, что написание сказки его вдохновила древняя шотландская легенда. В ней рассказывалось о юной жене рыбака из Аргайля по имени Джанни. Она часто оставалась дома одна и, чтобы утешиться, вела воображаемые беседы с эльфом, который, по преданию, обитал у нее в очаге.

«Я тоже играла с Пиполетом, когда была маленькой», — думала про себя Софи.

Она трепетала, когда эльф признавался Джанни в любви и бедняжка, разрываясь между верностью мужу и странным влечением к выдуманному ею же существу, не знала, что ей делать.

Такая история могла закончиться только трагически: жена рыбака умерла. У Селин дрожал голос, когда она читала последние строки:

«Тысяча лет — это такой короткий срок для обладания тем, кого мы любим, такой короткий срок, чтобы оплакивать его»^[2].

Она объяснила детям, что историю эту написал старый директор Библиотеки Арсенала Шарль Нодье, которому нравилось сочинять страшные сказки. Софи подумала, что такой рассказ пришелся бы по душе мадам Анно. От воспоминания о «чтениях» в привратницкой на улице Маркаде сердце у девочки сжалось.

Селин была куда более требовательной слушательницей, чем привратница: она поправляла ошибки, учила читать с выражением. Она часто заставляла Софи повторять одну и ту же фразу по четыре или даже пять раз, отбивая рукой ритм, показывая, где надо сделать паузу или повысить голос.

Туссен слушал не перебивая. Его никогда не просили читать, потому что его глаза и руки были заняты другим: по просьбе Селин он писал ее портрет маслом.

Еще до появления в доме Софи он сделал дюжину набросков углем и теперь работал на холсте шпателем и кистями. Он не следовал с точностью рисунку, писал широкими размытыми мазками.

— Я предпочитаю стиль Делакура, — пояснил он Софи.

Девочка смиренно призналась, что ни имя художника, ни его произведения ей неизвестны.

— Как же так! — изумился Туссен. — Ведь этот художник написал

прекрасную картину, прославившую «Три славных дня» и новых героев Франции — тех, которые пали на баррикадах. Может быть, на этой картине есть и твой отец.

— Правда? — недоверчиво спросила Софи.

— Может быть. Когда будет выставка его работ, я обязательно тебя свожу, — пообещала Селин.

Познания Софи об изобразительном искусстве ограничивались до сих пор рисунками в газетах и прославившими город Эпиналь наивными картинками, которыми торговали лоточники на ярмарках Монмартра. Только здесь, на стенах дома на бульваре Капуцинов, девочка впервые увидела множество «настоящих» картин в золоченых рамах, украшенных виньетками и завитками. Картины были яркие и красочные: пейзажи или мифологические сцены, портреты девиц в платьях с высокой талией, какая была в моде во времена Наполеоновской империи. Софи могла разглядывать их часами.

— Так пишут Энгр или Давид. Но мне больше по душе Делакруа, — повторял Туссен.

В спальнях второго этажа висело несколько портретов Селин в вечернем платье и даже портрет Адели в чепчике с воланами вокруг кругленького личика. Но во всем доме не было ни одной картины и даже ни одного рисунка сепией или углем с изображением месье Эдуара.

— Почему так? — с удивлением спросила Софи.

— Вероятно, когда он по утрам бреется и видит себя в зеркале, его отражение ему не по душе, — насмешливо отвечал Туссен. — Сколько я его помню, он никогда никому не позволял писать свой портрет — отказывал наотрез. Мадам очень хочется иметь хотя бы миниатюру с его изображением, чтобы хранить в медальоне. Она много раз просила его попозировать мне или какому-нибудь известному художнику. Но он и слушать не желает. Говорит, нет у него терпения сидеть часами неподвижно перед каким-то мазилкой. Но возможно, терпение и ни при чем. Однажды он увидел, как я тихонько пытаюсь набросать его профиль, и так взъярился, будто я украл у него драгоценность или запятнал его честь. Он выхватил листок у меня из рук, разорвал на мелкие клочки и бросил в огонь.

Иногда Селин тоже надоедало сидеть неподвижно. Она начинала качать головой или чесать нос, и это было знаком, что позирование окончено.

— Убери кисти, Тусси, и вымой руки. Давай споем Софи дуэт из «Волшебной флейты» Моцарта.

Они спускались вниз, в зал. Селин садилась за рояль, мальчик

становился у нее за спиной, чтобы читать ноты, и они пели. Софи слушала и удивлялась странному эффекту, который производила на нее музыка: печаль и удовольствие смешивались неведомым образом, отчего комок вставал в горле и слезы выступали на глазах. Но ей хотелось, чтобы пение продолжалось, как в сказке про жаждущего, который чем больше пил, тем больше мучился жаждой.

9

На пятый день пребывания Софи в доме на бульваре Капуцинов в дверь для поставщиков постучалась пожилая женщина и попросила разрешения поговорить с мадам от имени месье Фелисьена. Софи, оказавшаяся поблизости, от одного этого имени похолодела. Но, сделав над собой усилие, она не двинулась с места — осталась стоять за большим бельевым шкафом: она хотела слышать все, что скажет эта женщина. Селин, спустившись в изящном домашнем платье, строгим тоном сообщила, что не получила дюжину обещанных сорочек.

— Простите моего брата! — взмолилась посетительница. — Фелисьен не виноват. Нынче никому нельзя доверять! Фелисьен отдал ткань опытной швее, услугами которой он уже не раз пользовался. А когда я пошла забирать работу, узнала, что эта несчастная съехала накануне и унесла с собой прекрасную ткань, которую ей доверили в работу. Проклятая воровка! И никто в доме не может дать ее адрес. Вы уж не гневайтесь на моего брата...

— Почему он послал вас, а не пришел сам, как обычно? — прервала ее Селин.

— Да он уж три недели как не встает: поскользнулся на льду, сломал ногу. Вот и отправил меня вчера за дюжиной сорочек — а их-то и нет. Он спрашивает, нужны ли они вам по-прежнему. У него есть другая прекрасная швея, она справится с работой за пять дней.

— Нет, благодарю. Передайте эти пять франков месье Фелисьену за ткань...

— За какую ткань?..

— За ту, которая, как вы утверждаете, была у него украдена. И передайте ему, что больше его услуги не понадобятся. У меня новый поставщик. До свидания.

Женщина ушла, растерянная и разочарованная. Софи вышла из своего укрытия и воскликнула с негодованием:

— Какая лгунья! Привратница наверняка сказала ей, что мама умерла. Если на то пошло, то мадам Анно могла обвинить в воровстве меня... хотя деньги, что вы дали мне за сорочки, она сама и забрала!

— Не думай больше об этом, — сказала Селин. — Забудь эту злую женщину. Все кончилось.

Но Софи не могла примириться с несправедливым обвинением в адрес матери.

— Так ему и надо, этому месье Фелисьену, что он сломал ногу! — с горечью воскликнула она. Потом задумалась: — Вот почему он не пришел за сорочками в назначенный день. Но ведь он мог послать сестру. Не вчера! В тот день, когда мы ждали. Он мог предупредить. Если бы он вовремя заплатил за работу... может быть... если бы в тот четверг мама не терзалась так из-за арендной платы... если бы она могла попить крепкого мясного бульона...

Она разрыдалась. Селин притянула ее к себе.

— Вряд ли бы это что-то изменило, — ласково прошептала она, прижав губы к ее волосам. — Твоя мама была слишком больна, чтобы выздороветь. Не кори себя, воробушек мой золотой. Никто не смог бы ей помочь. Пойдем со мной, я научу тебя менять Адели пеленки, а то вдруг Соланж понадобится отлучиться...

Возня с ребенком всегда отвлекала Софи от печальных раздумий. Позже, успокоившись, она снова и снова возвращалась мыслями к словам той женщины и наконец поняла, что отныне может жить спокойно и быть уверенной, что месье Фелисьен не явится за своим муслином и не обвинит ее в краже.

Дни проходили за днями, и ужасающее напряжение, которое давало Софи силы и одновременно заставляло ее мучиться, постепенно ослабевало. Все чаще она замечала, что смеется шуткам Туссена, гримаскам Адели, получает удовольствие от чтения рассказа и от прекрасного голоса Селин, поющей за фортепиано в большом зале.

Но в эти краткие мгновения счастья и изобилия, когда ей не угрожали ни холод, ни голод, никакие иные беды, она чувствовала себя виноватой перед матерью. По ночам, перед сном, она подолгу разговаривала с Фантиной, надеясь, что мать слышит ее оттуда, где теперь находится. Софи всячески старалась объяснить Фантине, что она никогда, никогда ее не забудет и что любовь к мадам Варанс — не предательство. В своем стремлении убедить мать и, возможно, под впечатлением от грустной сказки Шарля Нодье она вдруг поняла, что снова может вызвать к жизни Пиполета. Она с удивлением отметила, что воображаемый друг ее детства

не вырос. Он выглядел по-прежнему на пять лет, у него были те же каштановые кудри, те же лукавые глаза, те же ямочки на щеках. Она видела его в полусне возле своей кровати, он стоял, а его рука лежала на отвороте простыни, будто охраняя ее. Ей казалось, что мальчик-дух, не принадлежащий миру сему, может стать посредником между нею и обителью мертвых.

«Скажи ей, Пиполет, — умоляла она. — Скажи, что я люблю ее. Скажи, что всегда думаю о ней, вижу, как она сидит рядом с папой, и молюсь, чтобы там у них всего было вдоволь, чтобы они наконец были счастливы».

«Будь спокойна, — отвечал ей Пиполет. — Я позабочусь об этом. Спи и не тревожься, друг мой».

Глава седьмая. Париж, июнь 1837

Париж, июнь 1837

1

ПАРИЖ, УЛИЦА СЕНТ-ОГЮСТЕН,

12 ИЮНЯ 1837 ГОДА

Дорогая мадам,
когда позавчера Тусси сумел передать четыре письма Вашему тюремщику, сердца наши были полны воодушевления и надежды. Казалось, мы наконец обрели возможность поддерживать с Вами связь. Однако этот грубый и жестокий человек не позволяет Вам отвечать на наши письма, отчего связь наша оказывается односторонней; более того, у нас есть сомнения, что Вы в самом деле имеете возможность их читать. Эти письма, говорит Туссен, — словно стрелы, пущенные во

тму. Мы не знаем, достигли они цели или нет, не знаем, как Вы приняли наши новости. Мы долго это обсуждали. Нам приходится верить Вашему тюремщику, так как мы не можем проверить правдивость его слов. Но если этот гадкий человек поймет, в чем наша слабость, он рано или поздно ею воспользуется, если до сих пор этого не сделал, а мои сбережения никак нельзя назвать неистощимыми.

Надо во что бы то ни стало найти способ получить от Вас если не письмо, то хотя бы весточку, хотя бы два слова. Иначе все бесполезно. Подумать только, как я была счастлива, какие надежды питала всего несколько дней назад!

Признаюсь, теперь у меня есть еще одна причина для беспокойства. Весть о Вашем аресте уже разлетелась по кварталу, и Фредерики теперь не так любезны с нами, как раньше. Всякий раз, как мы садимся за стол, мадам только и делает, что причитает, как подорожали картошка и селедка. А это письмо я вынуждена писать днем, сидя рядом с кухонным окном, потому что наша хозяйка объявила, что у нее нет денег на свечи. Вечером мы с Аделью ложимся спать в крошечной тьме.

А чтобы написать Вам письмо, я должна ждать, когда мадам и ее мужа не будет дома: не хочу, чтобы они знали, что я сообщаю Вам обо всем происходящем. Думаю, впрочем, что они ни о чем не подозревают: они ведь уверены, что я, как и они, не знаю грамоты.

Когда нас выгнали из дома, на мне было самое старое платье, чепчик и передник, потому что, если помните, Вы попросили меня помочь привести в порядок библиотеку и гостиную Гражданина Маркиза, куда никто не входил за время его болезни и где мы думали принимать визиты с соболезнованиями. Так что мадам Фредерик приняла меня за одну из Ваших служанок. Кроме того, она уверена, не знаю почему, что мне восемнадцать лет. Как Вы понимаете, я не стала рассеивать это заблуждение. И Адель тоже — мне даже не понадобилось ее об этом просить. Чуткости нашей девочки можно только удивляться: она ловит все на лету, без объяснений.

Вчера я обнаружила, что гладильщица взломала замок на зеленом сундучке, который стоит у нас под кроватью. Я заметила это, потому что хотела достать смену белья для Адели и увидела, что кукла Пупет исчезла. (Счастье, что Дагоберта выглядит

совсем не так дорого и привлекательно: исчезни она, это было бы для Адели настоящей трагедией.) Я пошла к мадам Фредерик выразить свое возмущение — и знаете, что она мне ответила?

«Чем это ты недовольна? Мне пришлось ее продать, чтобы купить вам обед и ужин. Думаешь, у меня в спальне дерево изобилия?»

«Деде расстроится, не найдя своей куклы», — возразила я.

А эта злая женщина в ответ: «Если мадам Варанс вернется, она купит ей новую. А если нет, то твое золотко отправится в дом призрения рвать тряпки, и куклы ей не пригодятся».

Но, мадам, я клянусь, клянусь и еще раз клянусь Вам, клянусь всем святым, памятью моих родителей: Адель не окажется в доме призрения! У меня в чулке еще много золотых монет — они всегда со мной, даже когда я сплю, и никто, кроме Туссена, не подозревает об их существовании. Пока мы разменяли и потратили только две из них — на подкуп Вашего тюремщика. Так что даже если мадам Фредерик выставит нас на улицу, мы с Аделью сумеем продержаться до Вашего возвращения.

А Вы вернетесь к нам скоро, я уверена. В ожидании встречи шлю Вам поклон.

Ваша любящая, благодарная и верная

Софи

2

ПАРИЖ, ПРЕДМЕСТЬЕ СЕН-ЖЕРМЕН,

15 ИЮНЯ 1837 ГОДА

Дорогая мадам Селин,
как ужасно писать, не будучи уверенным, что Вы читаете мои слова! Тем более имея подозрение, что Ваш страж передает письма не Вам, а Вашим врагам!

Клянусь, если узнаю, что он предал нас, я убью его собственными руками. Я решил открыто пригрозить ему и

рассчитываю всерьез его напугать, потому что я много выше и крепче его, к тому же я понял, что он принадлежит к той породе безграмотных людей, которые убеждены, что все негры — кровавые дикари, обладающие огромной силой. Думаю, если бы не алчность, вспыхивающая в его маленьких пороссячьих глазках при виде золотых монет, которые я даю ему всякий раз вместе с письмами, он бы уже донес на меня и упрятал в темницу.

В прошлый раз я спросил, сколько он хочет за теплое одеяло для Вас, за кувшин чистой воды по утрам, чтобы Вы могли не только пить, но и умыться хотя бы лицо и руки. Он запросил пять франков. Сегодня он их получит, так что знайте: теперь Вы вправе требовать для себя эту новую «роскошь».

Я не стал брать деньги из чулка Софи. Софи даже не знает, что я пишу это письмо. Не хочу добавлять ей беспокойства, она и так сильно тревожится из-за того, что мадам Фредерик к ним переменилась.

И ей не нужно знать, как я раздобыл эти деньги.

Но Вам я не могу не открыться.

Мадам, скажу без околичностей: Ваш старший сын сделался вором! Могли ли Вы ожидать от меня такого позора? Мне стыдно, ибо я не оправдал ни Вашего доверия, ни доверия Гражданина Маркиза, я изменил заветам нашего дорогого учителя. И мне еще горше оттого, что если бы меня поймали, я навредил бы всем моим чернокожим братьям, подтвердив уверенность многих, что все мы воры и лжецы. Но поверьте, дорогая мадам Селин, у меня не было выбора.

Как Вы уже поняли, Ваш тюремщик почуял легкую добычу, и я боюсь, что его подкуп будет стоить нам все дороже. С другой стороны, теперь, когда Фредерики вдруг так переменились к Софи и Адели, чулок надо побережь.

Одним словом, я должен думать, где взять еще денег. К несчастью, мы живем в мире, где за все приходится платить. И даже когда я найду человека, готового свидетельствовать в Вашу пользу, понадобятся средства на оплату процесса.

Так что я стал вором не по собственному желанию, а в силу необходимости.

Что и у кого я украл? — думаете Вы. Не беспокойтесь, я не бродил по улицам и не крал кошельки у прохожих. Не лишал старую прачку куска хлеба, вытащив у нее из кармана заработок.

Не присваивал жалованье отца семейства, не отбирал узелок с деньгами у бедного студента.

Не забывайте, что я проживаю в доме человека, хоть и очень богатого, но без стеснения отнявшего у Вас все имущество и даже свободу. Виконт Лагардьер, как все богачи, весьма скуп. Вчера я случайно услышал, как он говорил с капитаном судна, пришедшего из Гавра, и благодаря знанию английского языка понял, что виконт выписал себе из Лондона металлический ящик с мощными запорами. Тайком от всех слуг и домочадцев, тайком даже от собственной жены этот скупец, достойный быть персонажем комедии Мольера, велел замуровать этот ящик в стене в изголовье своей кровати и спрятать под гобеленом Обюссона. Чтобы его открыть, нужно встать на подушки — или на голову виконта, если он уже лежит; сдвинуть гобелен, не уронив; и наконец, знать комбинацию всех трех замков и иметь все три ключа, которые Лагардьер всегда носит на груди, на золотой цепочке.

С комбинацией я справился без труда. Тому, кто может сорвать с дерева целенький лимон и сделать так, что внутри будет лежать любовная записка, адресованная самой прекрасной даме, достаточно просто коснуться замка, чтобы понять, где именно ключ наталкивается на сопротивление. Я открыл сейф одной рукой — потому что другой держался за колонну — и вытащил деньги.

Я наполнил мешочек, который был у меня с собой, монетами по пять, десять и двадцать франков, чтобы не вызвать подозрений, когда придется платить. В сейфе лежат золотые луидоры, английские фунты стерлингов, часы, табакерки и драгоценности виконтессы. Но все эти вещи слишком легко узнать, и они могли бы меня выдать.

Меня никто не заподозрит. Днем в комнате виконта всегда находится его слуга и снуют туда-сюда горничные, потому что месть — фанатик чистоты. А по ночам виконт Лагардьер убежден, что защищает свое сокровище собственным телом, как дракон из немецкой легенды, которую однажды читал нам крестный. Теперь, если виконт вдруг заметит, что в сейфе чего-то не хватает, он, должно быть, решит, что виноваты привидения.

Но мне пора оставить Вас, мадам. Кучер вот уже пять минут пытается до меня докричаться, чтобы сопроводить виконтессу

на службу в церковь. Все думаю: вдруг мадам Виолен молится о прощении неведомых грешников? Тогда и мне перепадет от ее молитв.

Я уверен, что и Вы, моя дорогая мадам Селин, простите меня и будете за меня молиться, потому что я сделался вором только из любви к Вам.

Целую смиренно Ваши руки, Ваш бедный не до конца раскаявшийся грешник, готовый продолжать грешить, если будет в этом нужда,

Туссен

Глава восьмая. Париж, январь-февраль 1832

1

С тех пор как Селин перестала ходить на репетиции в театр, мецье Жоливе, ее учитель танцев, появлялся в доме дважды в неделю по утрам, чтобы давать ей частные уроки. Ученица ждала его в большом зале на верхнем этаже, где она тайком от мужа велела установить большое зеркало во всю стену и фортепиано. Софи разрешено было присутствовать на занятиях и молча сидеть в уголке. С самого первого раза ее поразило изящество движений балерины, грация и легкость, с какими Селин поднимала руки и тянула кверху ногу, как будто ее тело не имело веса.

Но учитель никогда не бывал ею доволен. Он стучал палкой о дощатый пол, требуя от своей ученицы больших стараний, подходил к ней и исправлял позицию, насмешливо призывал ее взглянуть в зеркало на собственные ошибки... Это был невысокий и немолодой человек, худой и почти совершенно лысый, с большим носом и маленькими черными глазками под густыми черными бровями, из которых при малейшем недовольстве сыпались искры.

— Ты точно палка от метлы, Селин! Обленилась, как гусыня на

откорме! — кричал он ей в ярости. Он говорил ей «ты» и обращался запросто, потому что знал ее еще ребенком. Именно он посоветовал родителям отдать ее в балет, а не просто в актрисы, именно он научил ее первым движениям, и для Селин его вспышки были самым обычным делом.

Но едва маэстро заканчивал урок, он становился нежным и сладким, словно мед.

— Иди, девочка, поцелуй меня. Знаю, знаю, заставил я тебя сегодня попотеть. Но ты хорошо нагоняешь потерянное время! Скоро ты сможешь вернуться на сцену.

К Софи месье Жоливе обращался на «вы» и был вежлив на старинный манер, кланялся ей на прощанье и пропускал вперед.

— Для танцев вы не подходите, — заявил он в первый же день, после того как заставил ее подвигаться и покрутиться. — В вас нет гибкости. Но вы должны научиться по крайней мере держать осанку.

После занятия учитель танцев спускался в зеленую гостиную выпить чашку шоколада и здесь опять преображался: этот новый человек вел блестящие остроумные беседы, рассказывал театральные анекдоты, пересказывал сплетни и давал такие точные и язвительные характеристики самым знаменитым персонам, что его ученица смеялась до слез.

Однажды он сообщил, что весь театр Опера бурлит, потому что великий Филиппо Тальони решил, что его дочь должна танцевать в балетном спектакле, поставленном не по мотивам классической мифологии, а по произведениям современных писателей-романтиков.

Софи со времени чтений на улице Маркаде знала, что Филиппо Тальони, отец Мари, был великим хореографом, итальянцем по происхождению, что он женился в Стокгольме на первой актрисе шведского театра Софии Карстен и вместе с ней основал в балете самую настоящую династию.

— Тальони утверждает, что публике уже надоели герои и героини древней Греции и Рима, — продолжал месье Жоливе. — Сейчас все возмущены тем, как изменились жизнь и человеческий труд с появлением всех этих новых машин и механизмов, которые угрожают стереть различия между людьми и превратить их в толпу серых безликих существ.

— Он хочет поставить балет о промышленной революции? — заинтересованно спросила Селин.

— Да нет. Он хочет вывести на сцену героя наших дней, романтическую личность, которая восстает против уплощения, против серости, но не отказывается от поиска счастья — пусть даже в мире мечты.

У него уже есть и музыка, написанная Жаном Шнейцхоффером, и либретто. Кстати, именно либреттист, Адольф Нурри, посоветовал ему обратиться к «Трильби» Шарля Нодье.

При этих словах Софи стала слушать внимательнее.

— Правда? — спросила Селин. — И Мари Тальони будет женой рыбака?

— Нет. Она будет созданием, которое заставит главного героя выбирать между грубой явью и упоительной мечтой. Нурри взял у Нодье только основную тему. Во всем остальном сюжет совсем другой. Кстати, почему бы тебе на днях не приехать на репетицию? Твои бывшие товарки будут рады с тобой повидаться.

Однажды утром, когда не было снегопада, Селин поехала в театр и вернулась такая воодушевленная, что едва могла сдерживаться перед мужем во время ежедневной послеобеденной прогулки в Пале-Рояль.

— Я знаю, что Эдуар не любит напоминаний о моей работе, — не без горечи призналась она после ужина Софи и Туссену. — Боюсь, что для него балет — всего лишь возможность полюбоваться женским телом без корсета и криолина. Он не поймет, что «Сильфида» обещает полностью перевернуть сложившуюся в нашем искусстве традицию. И не только из-за современного звучания истории.

— А что там изменилось в сравнении со сказкой Шарля Нодье? — спросил Туссен.

— Все. Нет рыбака, есть шотландский крестьянин по имени Джеймс. Он собирается жениться, но накануне свадьбы ему является сильфида...

— Кто такая сильфида? — спросила Софи, которая до этой минуты не слыхала такого слова.

— Лесной дух. Прекрасная крылатая дева. Сильфида признается юноше в любви и улетает через камин. Ее явление лишает бедного Джеймса покоя, но он полон решимости сохранить верность своей невесте. Молодые играют свадьбу, однако в разгар веселья вновь появляется крылатая дева лесов и зовет жениха за собой. На этот раз Джеймс не может устоять — он покидает невесту у алтаря, оставляет родных и приглашенных и, к ужасу всей деревни, убегает с сильфидой.

— А невеста? — спросил Туссен: будучи рыцарем по натуре, он не мог смириться с таким подлым предательством.

— Невеста, Эффи, к счастью, понимает, что влюблена в Гурна, друга Джеймса; тот отвечает ей взаимностью. Она выходит за него замуж, и их ожидает долгая безбедная жизнь. Джеймс же, напротив, несчастлив, ибо узы между смертным и существом из иного мира непрочны. Юноше

страшно: а вдруг он надоест сильфиде и она улетит? Он просит совета у колдуньи, та дает ему платок и обещает, что достаточно завязать его на поясе сильфиды, как ее крылья отпадут. Так и случается, но колдунья не открыла ему всей правды: без крыльев сильфида не может жить. Полный раскаянья и отчаянья Джеймс видит, как его возлюбленная супруга умирает, — однако он бессилен ей помочь. Тут появляется стая крылатых созданий, которые окружают умирающую подругу, подхватывают ее безжизненное тело и уносят прочь.

— Какая печальная история! — воскликнула Софи. — Еще печальнее, чем «Трильби».

— Да. Но ты бы видела, как легка Мари Тальони, когда исполняет свою партию! Кажется, она и впрямь летает, поднимается над землей, как будто ничего не весит. Эжен Лами, художник, создал для нее костюм из тонкого белого атласа: в нем она кажется почти прозрачной — настоящей воздушной нимфой. За спиной у нее трепещут два крылышка из тюля. И кордебалет, который появляется в финале в виде стаи сильфид, одет точно так же. А еще Тальони ввела одно важное новшество. До настоящего времени мы, балерины, поднимались на кончики пальцев только на мгновение или делали два-три шага, не опускаясь на пятку. В «Сильфиде», чтобы создать впечатление полета, невесомости, легкости, которая позволяет забыть о бремени повседневности, героиня долго танцует на кончиках пальцев, держа идеальное равновесие, словно без малейшего усилия. Думаю, что отныне ни одна классическая балерина не сможет больше танцевать, как прежде.

2

На следующее утро портниха принесла новую одежду для Софи, и Селин объявила своей подопечной, что пришло время идти в школу. Девочка уже несколько дней не кашляла. Снегопад прекратился, погода установилась сухая, и можно было не бояться возвращения бронхита.

Во второй половине дня показалось бледное зимнее солнце, и меcье Эдуар решил, что они отправятся на прогулку не в крытую галерею Пале-Рояль, а в Люксембургский сад. Та же мысль одновременно пришла в голову графу и графине де Мерлен, и две пары встретились в аллее, где стояла статуя Гладиятора. Об их встрече Софи рассказал Туссен.

Как нам известно, девочка знала, кто такая графиня де Мерлен, из светских хроник, которые она читала матери на улице Маркаде. Потом, уже

на бульваре Капуцинов, она узнала, что Селин еще девочкой была знакома с де Мерленами, поскольку они друзья ее крестного, а лет в четырнадцать она и сама несколько раз сопровождала Гражданина Маркиза в знаменитый салон графини. Тогда она была слишком юна, рассказывала Селин, чтобы понять, какая ей выпала удача познакомиться с завсегдатаями салона: великими писателями — Бальзаком и Мюссе, знаменитыми музыкантами — такими как Россини, утонченными поэтами — как Ламартин, могущественными политиками — как английский министр лорд Палмерстон и даже старый генерал Лафайет. Но только один человек произвел на нее сильнейшее впечатление, перед ним она не могла вымолвить ни слова от переполнявших ее чувств: это был юный белокурый поэт с печальным лицом, которого Ламартин называл «возвышенным юношей». Лишь несколько лет спустя Селин узнала, что этот «юноша», застенчивый и скромный, зовется Виктор Гюго, и очень сожалела, что не продолжила тогда знакомство.

Графиня де Мерлен, со своей стороны, всегда проявляла искреннее расположение к крестнице маркиза де ла Поммельер и с интересом следила за ее карьерой и сценическими успехами. Она не была похожа на большинство французских аристократок, которые презирали балерин и актрис и не подпускали их к себе. Возможно, из-за того, что она родилась в Вест-Индии и получила свободное воспитание. А возможно, она, обладая прекрасным голосом, и сама себя в какой-то мере считала артисткой.

Селин была к ней искренне привязана. Вскоре после свадьбы она позвала Эдуара нанести с нею вместе визит графине. Однако муж ответил отказом.

— Мне не нравится, что ты знаешь с креолкой, — заявил он. — У меня есть причины не доверять дамам, рожденным и выросшим в колониях Нового Света. Даже если у них белейшая кожа и они происходят из богатых и благородных европейских семейств, рано или поздно выясняется, что это распутные женщины. Климат ли, воспитание, которое они получают в домах, набитых неграми... Посмотри, например, на Жозефину Богарне!

— Но ведь это Наполеон пожелал с нею развестись, чтобы жениться на дочери австрийского императора, — возразила Селин.

— Ну и что? Он сделал это в интересах государства. Так или иначе, до и во время брака с Бонапартом Жозефина всегда вела себя как куртизанка!

Селин не стала ему перечить и напоминать, что в начале их связи Эдуар хотел, чтобы она тоже согласилась на роль куртизанки. И, вместо того чтобы сердиться, она с нежностью думала, что в юности ее муж

наверняка страдал там, на Ямайке, из-за какой-нибудь прекрасной и жестокой креолки.

Но при всем своем презрении англичанин был джентльменом и не мог уклониться от светских обязанностей и нарушить правила хорошего тона.

А потому в тот день, как рассказал Туссен, месье Эдуар снял перед графиней цилиндр и остановился любезно поговорить с де Мерленами.

— Кто вам сшил такой чепец, дорогая? Он восхитителен. Синий шелк так замечательно подчеркивает цвет ваших глаз, — сказала графиня, обращаясь к Селин.

— Спасибо. Я всегда заказываю шляпки у Флотье. Мадам Флоранс жалуется, что все труднее найти хороший крепкий шелк, который бы не морщил.

— Во всем виноваты эти бездельники лионские ткачи, которые не желают больше работать как следует, — вступил в разговор месье Эдуар. — В последнее время они только и делают, что выходят на улицу с протестами. К счастью, маршал Сульт поставил их на место.

— Скажите без обиняков, что его войска просто всех перебили. Двадцать тысяч солдат, вооруженных пушками и штыками, против бедняков, голодных и безоружных. Какой стыд! Протест ткачей был абсолютно справедлив. Промышленники снизили им жалованье — с четырех или шести франков до двадцати су в день. А зима в этом году очень холодная, — с волнением сказала графиня. — Самые бедные кварталы, где жили ткачи, страшно пострадали от холеры...

— Но ведь и те, кто вложил капиталы в производство тканей, терпят немалые убытки, — заметил муж Селин. — Мои хлопковые плантации в колониях, к примеру, принесли в этом году половину в сравнении с прошлыми годами. Так что же, мне, вместе с другими плантаторами, тоже выходить на площадь и протестовать? Может, и баррикады строить, как эти безумцы во время Июльской революции?

Туссен заметил, что при этих словах графиня с пристальным вниманием оглядела элегантный фрак англичанина, его меховой воротник, золотую цепочку от часов на груди, шелковый цилиндр, лаковые туфли — и покачала головой. Она не сказала ни слова, но бросила Селин иронический взгляд, как будто говоря: «Несчастный! В самом деле, совсем обнищал».

— Вы были на маскараде у виконта де Мопила? — вмешался граф, желая вернуть беседу в безопасное русло.

— Нет, мне тогда нездоровилось, — солгала Селин. — Но Эдуар рассказывал, что хозяйка была прелестна в своем изумрудном костюме домино.

— Там была и Мари Тальони, которая наконец согласилась выйти замуж за графа Жильбера де Вуазена. В особняках предместья Сен-Жермен только об этом и говорят, — сказал граф.

— А вы, дорогая, когда вернетесь в балет? — спросила графиня у Селин. — Я думала, что вам дадут роль в новом балете, который ставят в Опера. Знаете? «Сильфида», о которой гудит весь Париж.

— Моя жена не вернется на сцену, — резко и решительно проговорил англичанин.

— Тогда у вас будет время для чтения, Селин, — миролюбиво сказала креолка. — Кажется, я еще не дарила вам свои воспоминания, которые опубликовала в прошлом году. У меня случайно есть с собой одна книжка. С радостью преподношу ее вам.

— Такая интересная жизнь, как ваша, — в таком маленьком томике? — воскликнула Селин, принимая из рук графини синюю книжицу.

— Это потому, — объяснил граф, — что Мерседес рассказывает только о первых двенадцати годах своей жизни. С самого рождения и до того часа, когда она покинула Кубу и переехала в Европу к родителям.

— Я тоже родился на Кубе, мадам, — не сдержался Туссен, который до этого мгновения стоял неподвижно, как те деревянные венецианские статуи, что поддерживают золоченые столики.

Месье Эдуар бросил на него испепеляющий взгляд.

— Прошу вас извинить этого невоспитанного маленького дикаря, которого моя жена недостаточно поучает хлыстом, — сокрушенно обратился он к графине. Она же тем временем высвободила руку из меховой муфты и дотронулась до черной щеки мальчугана.

— В какой части острова? — спросила она по-испански.

— В восточной. Провинция Сантьяго, сеньора, — ответил Туссен на том же языке.

— А как ты оказался в Париже, бедняжка?

— Это негритенок моей жены. Его прислал по моему приказу управляющий два года назад, — вмешался месье Эдуар, который тоже немного знал испанский язык.

— Прекрасный подарок. Правда, он красавчик, моя шоколадка? — добавила Селин, разыгрывая веселье, которого вовсе не чувствовала, и прижимаясь с видимой нежностью к руке мужа.

— Моя дорогая, в этой книжечке воспоминаний я изложила кое-какие свои мысли о рабах. У моей семьи в колонии их было множество. Будьте так добры, прочитайте ее и немного подумайте. Уверена, если у вас возникнут сомнения или вопросы, ваш крестный даст вам все необходимые

разъяснения, — сказала графиня. — А теперь прошу извинить, нам пора домой. Боюсь, как бы граф не простудился.

— Невыносимая женщина! Самоуверенная всезнайка, невоспитанная, как все креолки! — воскликнул Эдуар, когда граф и графиня удалились. — Воспоминания написала, только вообразите! Можно подумать, кого-то интересуют ее первые двенадцать лет среди дикарей. А это: «ваш крестный даст все необходимые разъяснения»... а я? Она делает вид, что меня нет. Как будто у вас нет мужа! Как будто я сам не могу вам все прекрасно объяснить — куда лучше вашего безумного крестного — про то, каким порокам предаются рабы на Антильских островах! И как они подражают дурному примеру, который подали им эти кровожадные животные, мятежники с Гаити.

— Месье был так зол, что проводил нас домой, не произнеся больше ни слова, — рассказал Туссен Софи. — Мадам по дороге пыталась погладить его руку, но он резко отстранился. А как только мы приехали, он высадил нас из кареты и велел Жан-Батисту немедленно везти его в клуб.

В тот вечер Селин торопливо выпила чашку бульона и сказала, что ляжет рано — у нее раскалывается голова.

— Мне жаль, что я не смогу провести с вами вечер, — извинилась она перед детьми. — Особенно жаль, что я не могу поговорить с тобой, Софи: ведь завтра ты наконец идешь в школу. Я хотела подготовить тебя к этому событию беседой... прости. Возможно, утром я буду чувствовать себя лучше. Доброй ночи.

Софи еще никогда не видела Селин такой расстроенной. Девочке хотелось крепко прижаться к ней, обнять, сказать ласковые слова утешения, но она не решилась. Поэтому она только с жаром поцеловала руку своей благодетельницы и прошептала:

— И вам доброй ночи, мадам.

Едва Селин ушла, Туссен с горящими от гнева глазами воскликнул:

— Этот негодяй ее недостойн. Ах, если бы я был взрослым мужчиной! Если б я был свободен! Месье Эдуару пришлось бы иметь дело со мной. Я пинками прогнал бы его из этого дома.

— Но она любит его... — возразила Софи, напуганная яростью Туссена, — а он ее... Мадам всегда говорит, что если муж так ревнив, если хочет, чтобы она принадлежала только ему, то это значит, что он до безумия в нее влюблен.

— Ну и что? Ведь и Джеймс, шотландский крестьянин, тоже говорил, что влюблен в сильфиду. И, чтобы доказать свою любовь, он отнял у нее крылья и обрек на смерть. Знаешь, что я тебе скажу? Мадам тоже умрет,

если не сможет больше танцевать.

Сказав это, Туссен схватил синюю книжицу, которую хозяйка оставила на столе в зеленой гостиной, уселся на диван и с жадностью начал читать. Софи, чтобы не поддаваться грусти, надела новое платье и спустилась вниз показаться служанкам.

— Вот и неправда, что не одежда красит человека, — заметила Лизетта. — Ты теперь прямо как настоящая барышня, нам пора называть тебя на «вы»!

Новоиспеченная «барышня» отправилась спать в большом волнении: завтра она наконец познакомится с Гражданином Маркизом.

Она проснулась от звука шагов месье Эдуара, который шел, натываясь на мебель и бранясь. Наверное, решила Софи, он слишком много выпил в клубе. Совсем как ее отец в трактире, куда он порой заглядывал, когда не мог найти ответ на мучившие его вопросы. Вскоре послышались громкие голоса: Селин и англичанин ссорились. Софи накрыла голову подушкой, как делала и на улице Маркаде, когда Жан-Жак кричал, а Фантина плакала.

— Пожалуйста, Пиполет, пусть они перестанут, прошу тебя, — умоляла она. Но Пиполет был бессилен.

3

На другой день Софи проснулась очень рано. Заглянула в соседнюю комнату — ни Адели, ни няни не было. День был прекрасный, и Шарлотта с не свойственным ей благодушием напевала, вытряхивая одеяла и простыни в открытое окно.

— Соланж на кухне, а девочка в комнате у мадам, — ответила горничная на вопрос Софи. — Сегодня малышка может валяться в маминой постели до самой прогулки — потому что месье Эдуар на заре уехал в Англию. Если хочешь, можешь и ты к ним заглянуть, поздороваться. Но поторопись. Туссен ждет тебя внизу, хочет, чтобы вы вместе позавтракали в комнатке около прихожей. Я слышала, ты сегодня тоже с ним идешь?

В большой кровати под зелено-голубым парчовым балдахином, на расшитых простынях, в легкой белой сорочке с оборками, спадающей на одно плечо, Селин Варанс казалась прекрасной девой из древнего мифа с какой-нибудь эпинальской картинки: Венера, выходящая из пены морской, Леда, ожидающая лебедя... а Адель играла рядом и походила на амурчика.

Но глаза у Селин были красны и полны печали, хотя она и пыталась это скрыть.

— Тебе уже сказали, что Эдуар уехал? — грустно проговорила она.

— Надолго? — спросила Софи.

— Не знаю. На неделю, на месяц... Говорит, он не может предвидеть заранее. Так бывает всегда. Он неожиданно сообщает, что должен уехать, притом немедленно. И возвращается так же неожиданно. Говорит: «Я хотел сделать тебе сюрприз. — И обнимает меня. — Рада ты меня видеть?» Я бы предпочла считать дни до его возвращения, но мне больше не хватает смелости спрашивать, когда он вернется. Сколько раз мы из-за этого ссорились! Но он сказал в первые же дни нашей связи, что он превыше всего ценит свободу и никогда ни перед кем не отчитывается. Мне очень хотелось, чтобы он встретил с нами Рождество, это ведь будет первое Рождество Адели. А он уехал в Англию: тетка требует его к себе. Я так скучаю по моему Эдуару, воробушек. Если бы у меня оставался его портрет, хотя бы миниатюра, я могла бы смотреть на нее и покрывать поцелуями! Ладно бы еще эти поездки приводили его в хорошее расположение духа! Но нет, он всегда возвращается мрачным и подавленным, будто что-то его терзает, только он не хочет делиться со мной своими печальями.

Селин вздохнула и вытерла слезы краем простыни. Софи испугалась, что сейчас ее благодетельница расплачется. Как ее утешить?

Но, к счастью, Адель, которая пыталась подняться на ножки, стоя на подушке и держась за изголовье кровати, покачнулась, упала на мать и издала такой удивленный возглас, что Селин расхохоталась.

— Я сегодня не стану отправлять ее в парк Тюильри с Соланж, — сказала она, целуя малышку. — В одиннадцать попрошу Жан-Батиста подать карету, и мы с ней вдвоем поедem в Булонский лес. Хочу, чтобы все модники Парижа увидели, как хороша моя девочка! Когда я езжу туда с Эдуаром, я не могу брать с собой Адель, а беру Туссена, одетого в самую яркую ливрею. Эдуар затем мне его и подарил — чтобы хвастаться им перед всеми, как дорогой игрушкой. Бедная моя шоколадка! Вчера в Люксембургском саду у него зубы стучали от холода в этой ливрее из шелка и бархата. Зимой, даже в солнечный день, ему надо выходить на улицу в шубе, иначе он может заболеть. К тому же я хочу, чтобы по утрам он ходил на занятия к Гражданину Маркизу. Кстати! Беги собираться, уже поздно. Разве ты забыла? Сегодня у тебя первый день школы!

Лицо Софи погрузнело. Ее настоящий первый день школы остался так далеко! В тот день она вышла из дома на улице Маркаде веселая, полная надежд, а отец и мать держали ее за руки.

Поняв, что ее слова пробудили в девочке мучительные воспоминания,

Селин прижала ее к себе и нежно поцеловала. Потом сказала:

— Посмотри на полочке туалетного столика. Там листок с письмом, которое я написала ночью крестному, в нем я объясняю, кто ты, и прошу обходиться с тобой как можно мягче, по крайней мере первое время. Передашь ему письмо сразу при встрече. Ну, скорее! Вам еще нужно позавтракать — Туссен наверняка уже беспокоится. Он терпеть не может опаздывать.

4

Туссен, уже готовый к выходу, ждал Софи в комнатке возле прихожей. Он заставил ее стоя выпить чашку шоколада, сунул ей в карман сдобную булочку и потащил за собой на улицу. В новом платье, в теплом пальто с пелеринкой, в шерстяном чепце с бархатной оторочкой Софи чувствовала себя принцессой — если бы мадам Анно могла ее сейчас видеть, она ни за что не признала бы в ней бедную сиротку, пропавшую по пути с Монмартрского кладбища.

Улицы уже наполнялись людьми, спешившими по утренним делам. Лавочники снимали деревянные ставни с витрин, некоторые запросто здоровались с Туссеном, но многие прохожие разглядывали мальчика с удивлением и даже показывали на него пальцем. Каким бы разношерстным ни было население Парижа, все же парнишка шоколадного цвета в элегантной шубе представлял собою необычное зрелище. Дети быстрым шагом миновали Лувр, подошли к Сене с замерзшей, как в январе, водой и, пробежав по Новому мосту, оказались на Левом берегу, в Латинском квартале.

— Гражданин Маркиз живет на улице Жакоб. — Туссен остановился передохнуть и послушать часы на колокольне, отбивавшие время. — Боюсь, мы не застанем его дома. Он, верно, уже ушел.

— Разве он не ждет нас на урок? — удивилась Софи.

— Когда нет дождя, наши уроки проходят на открытом воздухе. Если бы сегодня было солнце, мы пошли бы в Ботанический сад.

— Значит, нам надо... — начала Софи, но Туссен перебил ее:

— Смотри! Вон они!

В конце улицы показалась очень странная процессия — девочка в жизни не видела ничего похожего.

Во главе ее шагал высокий худой старик, одетый в редингот зеленого сукна, какие носили, наверное, лет пятьдесят назад. На нем были короткие,

чуть ниже колена, панталоны, ярко-розовые шелковые чулки и туфли на каблуках, украшенные золочеными пряжками. Голову покрывала черная треуголка, вроде тех, что Софи видела на портретах времен Вольтера и эпохи, предшествующей Великой революции. Старик был без парика, его длинные седые волосы, собранные в хвост на затылке, стягивала лента. Софи не сомневалась, что этот странный человек и есть Гражданин Маркиз.

Старик вел за руку мальчугана лет шести, утонувшего в огромной серой латаной-перелатанной мужской куртке, доходившей до пят, и в разных сапогах, которые явно были ему велики. На голове у мальчугана была темная шерстяная фуражка, которая то и дело сваливалась ему на нос.

За ними шли мальчик и девочка ростом с Туссена, одетые по последней моде, весьма изысканно; девочка несла большой альбом для рисования, а мальчик — треногу, как у художников. Следом — мальчик поменьше, лет восьми, в элегантном пальто военного покроя — Софи решила, что это, наверное, форма какой-нибудь школы для дворянских детей. Он был белокурый, кудрявый, как херувим, и с непокрытой головой. За ним шла девочка лет десяти, одетая бедно и обмотанная вязаной шерстяной шалью, похожей на ту, в какой ходила Софи на улице Маркаде, только эта была потеплее и без дыр. Замыкал шествие высокий стройный юноша лет шестнадцати, одетый в редингот — такой же старомодный, как и у старика. Юноша двигался с невероятным изяществом и следил, как пастушья собака, чтобы его более юные товарищи по учебе не отставали.

Софи была поражена не только огромной разницей в возрасте между учениками Гражданина Маркиза, но и тем, что среди них были две девочки. Раньше, когда Селин говорила ей об уроках, Софи думала, что они с Туссеном будут единственными учениками крестного. Потом, когда ее друг использовал в рассказах множественное число, она решила, что это целый класс мальчиков, в который ее, единственную девочку, допустят по ходатайству Селин. Но она никогда не слыхала, чтобы мальчики и девочки учились вместе. Даже в Школе рабочей взаимопомощи девочки, хоть их и было очень мало, занимались в отдельном классе.

И третье, что ее поразило, была очевидная разница в социальном положении учеников. Впрочем, юные аристократы, буржуа и маленькие оборвыши, казалось, прекрасно ладили между собой.

В отличие от Софи, люди на улице поглядывали на живописную компанию без всякого удивления: очевидно, это было привычное зрелище. Торговцы приветствовали кивком Гражданина Маркиза из дверей своих лавочек, он в ответ приподнимал треуголку.

Дородная женщина, шедшая по противоположному тротуару с корзиной овощей, перешла улицу, поцеловала бедно одетую девочку и покрепче затянула на ней шаль.

— Следите, чтобы она не простудилась, Гражданин Маркиз, — попросила женщина. — Нынче ночью Полина только и делала, что кашляла.

Туссен, таща за собой Софи, наконец догнал остальных.

— Здравствуйте, крестный. У моей подруги для вас письмо от мадам Варанс.

Софи робко протянула старику сложенный листок, но он не развернул его, а сунул себе в карман.

— Посмотрю дома, когда вернемся к обеду. Смею предположить, что юная гражданка желает к нам присоединиться. Как тебя зовут?

— Софи Гравийон, — ответила новая ученица.

Дети тем временем окружили ее и рассматривали с любопытством.

— Ты подруга гражданина Туссена?

— Ты тоже приехала из колоний?

— Умеешь пользоваться подзорной трубой?

— У тебя есть платок, гражданка? Дай, пожалуйста, иначе мне придется сморкаться в рукав, я его запачкаю, и отец вечером мне задаст.

Это сказал самый маленький мальчик — чтобы поближе рассмотреть Софи, он даже выпустил руку Гражданина Маркиза. К счастью, перед самым выходом Лизетта сунула носовой платок ей в карман, и Софи протянула его мальчику. Малыш по всем правилам выразил ей благодарность, и когда маленькая компания снова двинулась по направлению к Ботаническому саду, он взял за руку не старика, а Софи.

— Держи меня крепко, гражданка, иначе в этих огромных башмаках я могу поскользнуться на льду, — потребовал он и добавил с беспокойством: — Плохо будет, если я упаду вперед и разобью рот. Мне же сегодня вести урок, — сообщил он с гордостью.

Софи посмотрела на него недоверчиво. Совсем малыш, бритоголовый оборвыш, в переулках Монмартра полно таких сорванцов. Наверняка его коленки под длинной курткой, под заплатанными холщовыми штанами, — все в ссадинах и рубцах.

Но когда они вошли в ворота Ботанического сада, старик приподнял

мальчика, посадил себе на плечо и очень серьезно сказал остальным:

— Внимательно выслушайте то, что расскажет вам гражданин Антуан о дождевых червях, которые прорывают ходы в земле и этим способствуют росту плодородия.

И Антуан уверенным голосом стал объяснять, в чем ценность труда дождевых червей: поедая, переваривая и исторгая землю, они делают ее более жирной и питательной для деревьев и растений. Он также рассказал о наиболее полезных породах дождевых червей и о тех, которые плохо приспособляются к климату страны, поскольку были завезены из жарких стран.

Юный аристократ, которого остальные называли «гражданин Максимильен», раскрыл треногу и укрепил на ней альбом для рисования. Его сестра, гражданка Анжелика, стояла рядом, готовая подавать цветные карандаши товарищам, которые по приглашению старого учителя подходили нарисовать листья разных деревьев по мере того, как Антуан их называл и показывал. Гражданин Маркиз вмешивался изредка, и не для того, чтобы поправить, а чтобы добавить что-то к сведениям, которые сообщал малыш. Так, он рассказал о первой французской научной экспедиции по Тихому океану — кругосветном путешествии господина де Бугенвиля, которое началось в 1766 году и продолжалось почти три года; об открытиях и растениях, которые мореплаватель привез в Европу. Говорил Гражданин Маркиз и о своем друге, немецком бароне Александре фон Гумбольдте, который, вместе с французским ботаником, тридцать лет спустя после путешествия Бугенвиля исследовал Южную Америку, Антильские острова и южные территории новой великой страны, которая именуется Соединенные Штаты Америки. Они изучали не только животных, растения и минералы, но и экономическое и общественное устройство.

— Бабушка говорила, что в колониях дворянские семейства и землевладельцы его ненавидят, потому что после того, как они со всеми почестями принимали его в своих домах, барон фон Гумбольдт очень нелестно отозвался о том, как они живут, и написал, что рабство, на котором основано их богатство, есть варварское установление, — вступил в разговор самый старший из учеников, тот самый, чья одежда была под стать одежде учителя.

Софи поразил его высокий, как у женщины, голос. Но она удивилась еще сильнее, когда Гражданин Маркиз воскликнул:

— Bravo, гражданка Олимпия! Неужели ты прочитала все тридцать шесть томов «Путешествия в равноденственные области Нового Света»,

которые написал мой друг Александр фон Гумбольдт по возвращении в Париж?

— Нет, я читала только эссе, которое называется «Проблемы Латинской Америки», — ответила, покраснев, странная девушка в мужской одежде. При внимательном взгляде легко было заметить, что щеки у нее гладкие и розовые, без всяких следов пробивающейся бороды, а черты — пожалуй, слишком нежные для юноши.

— Да и здесь у нас рабство еще не отменено, — заметил Гражданин Маркиз. — Гражданин Туссен тому живой пример. Кстати, нам даже не следует звать его гражданином. В соответствии со статьей номер 45 «Черного кодекса» — подготовленного бароном Кольбером и действующего с 1685 года по приказу Короля-Солнца, — наш друг считается движимым имуществом. Предметом, а не человеком.

— Почему же хозяйка не освободит его? — спросила Полина. — Туссен говорит, что она добрая женщина и любит его.

— И он прав. Селин Варанс — умная женщина, и она против рабства, — вступила в разговор Олимпия. — Но ты же знаешь, что у нас во Франции закон не позволяет замужним женщинам совершать какие бы то ни было юридические действия без согласия мужа. А муж Селин....

— ...презренный сторонник рабства! — воскликнул Туссен.

— Но работорговля ведь отменена, — вступила Анжелика. — Во всем цивилизованном мире теперь запрещается ездить в Африку, отлавливать африканцев, грузить на корабли и отправлять в колонии, чтобы торговать ими как рабами.

— Да, но кто рабом родился, рабом и остается. А надо всех освободить. Права человека и гражданина должны быть и у них, — заметил белокурый Морис.

— На острове моих предков, на Гаити, рабы сами освободились, — с гордостью сказал Туссен. — Старый генерал Леклерк, которого Наполеон послал подавить их восстание, и все те, кто пришел вслед за ним, ничего не смогли поделать.

— Наполеон тогда так испугался, что снова ввел во Франции и в колониях рабство, которое отменила Великая революция, — сказал Морис.

— Еще и потому что его первая жена, Жозефина Богарне, — креолка с Мартиники, и ее семья разбогатела благодаря рабскому труду, — сказал Туссен.

— Не такие уж они хитрые, эти твои гаитяне, — вмешался в разговор Максимильтен. — Через десять лет после провозглашения республики они снова отказались от свободы, позволив поставить над собой короля.

— Ну, что ни говори, а король Анри Кристоф был черным, как и они! — ответил Гуссен. — Кстати, скажу тебе, что гаитяне свергли его, как только смогли. Сегодня Гаити — опять независимая республика. Это признал даже Карл X, хоть он и Бурбон!

Гражданин Маркиз посмеивался, слушая их перепалку. Софи же была очень растеряна. Она не понимала, почему учитель позволяет, чтобы ученики взяли и прервали урок ботаники. В Школе рабочей взаимопомощи такое никогда не позволялось. Ученикам надлежало слушать учителя в тишине, не задавая вопросов и не комментируя. Поэтому девочка с большим облегчением вздохнула, когда Олимпия подняла руку, прося слова и, кажется, намереваясь вернуться к первоначальной теме.

— Фон Гумбольдт изучил посадки табака, сахара и хлопка, — начала одетая по-мужски девушка, но ее сразу же прервал Антуан, который по-прежнему возвышался над маленьким собранием, сидя на плече Гражданина Маркиза:

— Эти растения мы можем посмотреть и зарисовать в оранжерее. Они не растут у нас на открытом воздухе: чересчур холодно.

— Фон Гумбольдт совершенно не согласен с тем, что утверждают наши жители колоний, — спокойно продолжила Олимпия, — а именно что выращивание этих растений настолько трудоемко, что им могут заниматься только рабы, потому что они крепче и лучше белых переносят климатические условия, а еще потому — так считаю лично я — что вынуждены работать из-под палки. Наши колонизаторы утверждают далее, что белые не выдержали бы условий в шахтах Бразилии, а это значит, что рабство имеет право на существование... простите, я только цитирую слова, которыми они защищают рабство. По их мнению, рабство есть «неизбежное политическое преступление». А фон Гумбольдт говорит, что это неправда. Что и белые, и свободные люди могут заниматься в тропиках крестьянским и шахтерским трудом. Конечно, это будет трудно, придется работать медленнее, работников нужно будет лучше кормить, платить им жалованье. Наверное, их заработок будет невелик, но все же это возможно. Он подсчитал, что в колониях рабов значительно больше, чем того требует сельское хозяйство. И говорит, что ссылаться на Средние века, утверждая, как некоторые, что на Антильских островах с неграми обращаются хорошо и что белые защищают их, как феодалы защищали вассалов, это... сейчас, вспомню его точные слова... «это словесный обман, который сводит на нет благородное искусство духа и воображения».

— Прекрасно, гражданка Олимпия! Кто-нибудь хочет задать вопрос или дополнить? — спросил учитель.

— Я, — заявил Туссен. — Я хочу прочитать вам интересные размышления о свободе и рабстве, которые почерпнул вот в этой книжке воспоминаний, подаренной вчера графиней де Мерлен моей хозяйке.

— Послушаем, — сказал старый учитель.

— Графиня де Мерлен, — начал Туссен, — рассказывает о том, что она потомок двух старинных испанских родов, Санта-Крус и Монтальво, которые живут на Кубе более ста лет. Когда ей было всего несколько месяцев от роду, ее родителям пришлось уехать в Европу. И ее на целых восемь лет оставили прабабушке, которая очень ее любила и воспитывала весьма снисходительно, никогда не заставляя делать что-то против воли. Красота природы и мягкость климата делают наш остров похожим на рай красок и ароматов, каких вы даже не можете себе представить, и няня Мерсе, как ее называли, могла бы жить счастливо, если бы... если бы ее семья не владела, как все богатые землевладельцы Кубы, большим количеством рабов.

— Благодаря которым хозяева, впрочем, жили припеваючи, избегая любых усилий и трудов, — заметил Гражданин Маркиз. — Девочка должна была бы этому радоваться.

— О да — будь она эгоисткой. Или безмозглой дурочкой, — сказал Туссен. — Вот послушайте, что она сама об этом думает:

«Ни один раб никогда не может хорошо служить своему хозяину, даже если с ним обращаются по-человечески. Рабство как таковое тяжелейшим образом отравляет жизнь раба, так что он с тоской влачит свои цепи и промеряет взглядом расстояние до горизонта, за которым, как он полагает, кроется его свобода. У этих несчастных только одно стремление — вернуться к себе на родину. Их часто находят в хижинах повесившимися: ведь они убеждены, что лучшая жизнь, обещанная им после смерти, и есть родина, из которой они были вырваны; но их родные, считают они, до сих пор живут там. Хорошо помню ужас, который внушало мне рабство. Верьте или нет, но в восемь лет я уже осознавала, насколько противно человеческой природе огромное расстояние, отделяющее хозяина от раба; осознавала, что такой вид господства — это чудовищное насилие, основанное на

власти. Эти чувства развивались во мне с легкостью благодаря воспитанию, которое я получила, ибо я всегда полагала, что отсутствие свободы есть величайшее несчастье».

Туссен остановился, чтобы перевести дух, а Гражданин Маркиз сказал:

— Это правда, гражданка Мерседес настолько не выносила никакой дисциплины, что девяти лет от роду, будучи какое-то время воспитанницей в монастыре Святой Клары, бежала через окошко и вернулась домой к прабабке. Думаю, что в книге воспоминаний она изложила и эту историю. Но продолжай читать ее размышления о рабстве, гражданин!

И Туссен, откашлявшись, возобновил чтение:

— «Вид этих несчастных, все существование которых состояло из одного сплошного подчинения, породил во мне на всю жизнь непоколебимое отвращение к насилию над чужой волей даже в самых незначительных делах».

— Значит, графиня, как только подросла, сразу освободила всех своих рабов? — спросила Полина.

— Нет, она покинула Кубу совсем еще девочкой. Перед отъездом она добилась того, чтобы отец освободил ее няню и всех нянинных детей и подарил им дом и землю — и они бы ни от кого не зависели.

— А дальше? — спросила Анжелика, как будто слушала сказку, которая то и дело прерывалась.

— А дальше она приехала к матери и братьям, которые жили при дворе короля Испании, — сказал Туссен. — Ей пришлось учиться дисциплине. Она привыкла ходить босиком, а тут ей понадобились не только туфли, но и корсет, который в те времена носили очень узким. Она получила прекрасное образование. Вы только подумайте: она и ее сестра Пепита брали уроки живописи у великого Гойи! Затем она вышла замуж за наполеоновского генерала, графа де Мерлена, и когда Бурбоны вернулись в Испанию, она с мужем и детьми переехала в Париж.

— Так, значит, если она живет в Париже, мы можем пригласить ее на обед и попросить рассказать о растениях и животных на том острове? Да, Гражданин Маркиз? — спросил Антуан.

— Думаю, что Туссен расскажет обо всем этом даже лучше графини, — улыбнулся старый учитель. — А впрочем, попробуй написать ей письмо с приглашением, гражданин. И мы посмотрим, захочет ли моя

давняя приятельница Мерседес провести с нами немного времени.

Антуан вздохнул, потому что писать он умел куда хуже, чем рассказывать о дождевых червях. Но он знал, что старый учитель нарочно придумывает такие задания, чтобы его ученики совершенствовались именно в том, что им дается труднее всего.

7

Как бы ни были занятия интересны ученикам, от неподвижного стояния посреди аллеи Ботанического сада они замерзли. Самые маленькие подпрыгивали, чтобы согреться, Полина кашляла, Анжелика терла себе нос, который покраснел и ничего не чувствовал.

— Прошу прощения, юные граждане, полагаю, что пора возвращаться домой, — спохватился старый маркиз.

В одно мгновение все встали по местам. Олимпия попросила Софи помочь ей следить, чтобы малыши не сошли с тротуара и не попали под колеса проезжающих карет и фургонов, запряженных мулами и лошадьми.

По дороге они на минуту остановились у скромной таверны, которая, как оказалось, принадлежала вдове Горио, матери Полины. В таверне учеников ждали корзины, наполненные готовой едой, — Максимильен и Морис понесли их на плечах.

Они пришли на улицу Жакоб. Гражданин Маркиз жил в доме, который, вероятно, был когда-то элегантным, теперь же его облупившиеся стены и покривившиеся окна свидетельствовали о годах небрежения.

Ученики вслед за учителем поднялись по темной лестнице на второй этаж, называемый также «бельэтажем» и целиком занятый апартаментами Гражданина Маркиза. За апартаментами следила единственная служанка, которая была даже старше своего хозяина. Раньше, сказал Туссен Софи, в доме имелся и кучер, он жил на первом этаже, и там же была конюшня с двумя прекрасными лошадьми и каретой. А потом и лошади, и кучер умерли от старости, и никто не стал заменять их новыми. Карета превратилась в мышинное гнездо, а Гражданин Маркиз ходил пешком или садился в новомодные огромные кареты, на двадцать человек, — омнибусы, в которых за два су можно было доехать из одного конца города в другой, втиснувшись между простолюдинами, мещанами и карманниками.

В зале горел камин и стоял длинный стол с двадцатью стульями. Мебель была старинная и очень изысканная, но всюду царил немислимый

беспорядок. Стопки книг, газет, журналов и альманахов, грифельные доски, большой глобус, чучела животных, пучки высушенных трав, измерительные приборы, кривые зеркала, свитки пергамента, музыкальные инструменты, свисающие с кресел марионетки... Тут было много предметов, каких Софи не видела никогда, разве что на книжных иллюстрациях, и не понимала, для чего Гражданин Маркиз собрал их все в одном помещении.

Не менее странным показалось ей свободное поведение юных «граждан», включая Туссена, которые, сбросив с себя верхнюю одежду, шали и рединготы, мгновенно завладели залом и принялись по собственной инициативе наводить в нем порядок. Старый учитель между тем сел у камина, вынул из кармана послание Селин и начал спокойно его читать, не обращая внимания на окружающие его суету и шум.

Закончив чтение, он сложил листок, поискал глазами Софи, которая застенчиво стояла недалеко от двери, и сделал ей знак подойти.

— Так, значит, ты два года ходила в Школу рабочей взаимопомощи, гражданка, — сказал он, усадив девочку в кресло напротив себя.

— Почти три, — уточнила Софи.

— И привыкла к суровой дисциплине. Сегодняшний урок, полагаю, изрядно тебя удивил?

— Простите, месье, но какой именно это был урок? Поначалу я решила, что ботаника... но потом все начали говорить о другом.

— Ты узнала что-то новое или нет?

Софи кусала губы — она делала так, когда пыталась сосредоточиться.

— Да, — наконец кивнула она. — Много нового.

— Вот видишь? Название предмета не имеет значения. И неважно, кого учит. Знание — это обмен. Среди моих учеников есть много специалистов, как ты могла заметить.

— Но разве учитель не вы?

— Я дирижер. Ты когда-нибудь была в театре, слушала симфоническую музыку?

— Нет, — стыдясь, ответила Софи. Единственным известным ей источником музыки до того, как она попала на бульвар Капуцинов, была шарманка старого Виталиса, который приходил на Монмартр каждой весной со своей обезьянкой и дрессированными собачками. А еще песни, которые пела Фантина, когда была счастлива — до Июльской революции.

— Это мы поправим, — спокойно сказал Гражданин Маркиз. — Гражданка Анжелика — прекрасный музыкант. С завтрашнего дня она начнет учить тебя игре на фортепиано. А ты чему можешь ее научить, как

ты думаешь?

— Что такое «медведи» и «обезьяны»?.. — неуверенно предложила Софи.

— Боюсь, она уже это знает. Кроме того, специалистом по зоологии у нас тут считается гражданин Антуан.

— Я имела в виду, как печатается книга или газета. Как работает типография...

— Превосходно! Нам как раз не хватало специалиста по этому предмету. Мы можем посвятить ему целую неделю.

— Еще я знаю, как была принята универсальная мера длины. Могу рассказать, откуда появился метр, — добавила Софи, набравшись храбрости.

Тем временем дети освободили стол и протерли его влажной тряпкой. Не расстилая скатерть, Олимпия и Морис поставили на стол прекрасную старинную посуду и серебряные столовые приборы и разложили хлеб, запеканки и пироги, приготовленные матерью Полины. Для питья стояли графины со свежей водой.

8

— Хочешь узнать, кто твои товарищи? — спросил Гражданин Маркиз у Софи. — Начнем с гражданина Антуана: он сын бедного стекольщика. До самого Рождества он ни разу не ходил в школу, а помогал отцу в лавке. Будущим летом, когда он придет в Ботанический сад босым, ты сможешь полюбоваться ужасными рубцами от расплавленного стекла. Ему семь лет, но его увлечение естественными науками началось еще в самом раннем детстве. При малейшей возможности он бежал в Ботанический сад смотреть на деревья, насекомых или птиц... Сидя в траве на корточках целыми часами, он узнал гораздо больше, чем узнал бы из книг. Мне пришлось долго убеждать отца Антуана, чтобы он разрешил сыну приходить на наши занятия. В конце концов мы сговорились, что за каждый час, что гражданин Антуан проводит с нами, я выплачиваю стекольщику жалованье подмастерья.

О, не беспокойся о моих деньгах, юная гражданка! Вижу, что ты подсчитываешь в уме, во сколько мне обходится образование нашего маленького Бугенвиля. Но тревожиться не о чем: почти все расходы взяли на себя родители граждан Анжелики и Максимильена и бабушка гражданки Олимпии, а они так богаты, что этих расходов даже не замечают.

Граждане Анжелика и Максимильен, как ты могла заметить, близнецы. Но из-за глупых законов нашего общества им бы пришлось разлучиться на все время учебы. Максимильен был записан в Лицей Людовика Великого, а Анжелика посещала пансион для девиц при монастыре Английских августинок. Они так страдали в разлуке друг с другом, что отец попросил меня — исключительно ради них! — открыть школу, в которой мальчики и девочки смогут учиться вместе. Он добрый республиканец, этот виконт д'Анже, и так богат, что я не постеснялся попросить у него приличную сумму, благодаря которой смог принять в класс гражданку Полину — а мать Полины, хозяйка таверны, как ты уже видела, помогает нам с обедами, делая хорошую скидку. И Антуана, про которого я тебе уже рассказал. И Туссена, потому что моя крестница учит своего раба тайком от мужа, но не имеет возможности тратить на это деньги англичанина.

Что касается тебя, то, думаю, я пущу на твое образование деньги, которые каждые полгода щедро дает мне бабушка гражданки Олимпии, мадам Женевьева Сулиньяк, которую я знаю и ценю уже более сорока лет. Эта старая дама всегда упорно защищала права женщин. Она назвала внучку в честь Олимпии де Гуж, написавшей «Декларацию прав женщины и гражданки» во времена Великой революции. Она собирает у себя в доме на улице Нотр-Дам-де-Шан аристократок, дам из буржуазии и простолюдинок, чтобы читать вместе книгу англичанки Мэри Уолстонкрафт «В защиту прав женщин». Я тоже согласен, что женщины должны иметь право работать вне дома и получать справедливое жалование, а также голосовать за своих политических представителей. И, что совершенно необходимо для выполнения двух первых требований, они должны иметь право учиться.

— Вы поэтому и открыли школу для девочек? — спросила Софи.

— Потому что я убежден, что вы обладаете такими же умственными способностями, что и ваши сверстники-мальчики. И желаю продемонстрировать это всем, кто считает, что женщины способны только вышивать да убирать дом. Я бросаю им вызов, гражданка Софи! И ты, вместе со своими соученицами, должна помочь мне победить. Обещаешь, что будешь стараться?

— Обещаю, — серьезно ответила девочка.

— Но вернемся к бабушке гражданки Олимпии. Эту старую даму все считают безумной и непредсказуемой. Глупцы поносят и высмеивают ее за глаза. Как и меня, впрочем, что хорошо тебе известно, — все оттого лишь, что мы с мадам Сулиньяк отказываемся идти туда, куда бежит вся толпа. Но в лицо ей выражают глубокое почтение, льстят и соглашаются с каждым ее

словом — ведь она очень богата. Ее семья составила огромное состояние благодаря торговле тканями. Гражданка Олимпия — круглая сирота и ее единственная наследница. Многие мужчины из высокородных семейств хотели бы на ней жениться, но из-за приданого, а не из-за ее личных качеств. А мадам Женевьева хочет, чтобы ее внучка пользовалась всеми привилегиями, какими обладают мужчины, поэтому одевает ее, как юношу, и отправила учиться в мою школу. Замечу, что гражданка Олимпия с воодушевлением приняла решение своей бабушки. До того, как я открыл школу, она получала образование дома и у нее был прекрасный учитель. Она в совершенстве знает греческий, латынь, итальянский, немецкий и английский языки. Умеет ездить верхом, фехтовать и знает анатомию человека — вот уж чему она никогда не научилась бы в пансионе для девиц. А у нас она может научить всему этому своих товарищей. Она моя самая главная помощница — еще и потому, что ей уже шестнадцать лет.

Каждый из учеников пришел ко мне со своим багажом, которым он готов поделиться с другими. Гражданин Морис — эта головка херувима — знает наизусть все пьесы для театра, не только французские, но и английские, притом на языке оригинала. Он достаточно знаком с геометрией и перспективой, чтобы построить небольшой театр марионеток с кулисами и задниками; а также с анатомией, чтобы изготовить куклы из папье-маше, которые могут хорошо двигаться. Его мать — художница и скульптор, она оставила мужа, чтобы посвятить себя искусству. А гражданин Морис чувствует себя лучше с нами, чем в школе, где до конца прошлого года держал его отец.

О гражданине Туссене ты уже знаешь немало. Могу только добавить, что он самый умный и быстрый из всех моих учеников. Принять в школу негритенка-раба — уже само по себе вызов всем, кто считает африканцев низшей расой, неспособной подняться до умственных высот белого человека. Знаешь, что написал в свое время Томас Джефферсон, президент Соединенных Штатов Америки, который первым запретил в своей стране торговлю рабами? И о котором говорят, что у него было полдюжины детей-мулатов от цветной рабыни. Он написал, что негры не понимают логики, не обладают воображением, не умеют ценить искусство, не могут рисовать, или работать резцом, или чувствовать музыку.

— Видел бы он портрет мадам Селин, который пишет Туссен! — с негодованием воскликнула Софи.

— Слышал бы он, как Туссен исполняет партию Папагено в «Волшебной флейте» Моцарта, — добавил старый учитель. — Предрассудки, моя дорогая, уходят с трудом. Но мы с Туссеном намерены

нанести им удар — если не смертельный, то оглушительный.

Кто у нас остался? Гражданка Полина, такая робкая и скромная, — настоящий гений математики. Для нее в алгебре и тригонометрии нет секретов, а теперь она начала изучать астрономию. У вас могут состояться интересные разговоры о параллелях и меридианах. И не надо полагать, что граждане Анжелика и Максимильен здесь только благодаря деньгам отца. Ты заметила, конечно, что она — прекрасная художница. Уверяю тебя, она научит рисовать даже тех, кто считает себя совершенно неспособным к искусству! Вместе с семьей она посетила все музеи Европы; зная творчество великих художников всех времен, она может выполнить точные копии их шедевров. Кроме того, она увлекается физикой и механикой, знает все о новых паровых машинах. И она прекрасная певица и хорошая пианистка. Гражданин Максимильен, ее брат-близнец, страстно увлечен химией, земным магнетизмом и медициной... Одним словом, если бы нас всех вместе перенесли в один прекрасный день на необитаемый остров, нам бы удалось преодолеть все тяготы без посторонней помощи.

— Как Робинзону Крузо, — не удержалась Софи.

— Молодец. Но могу предположить, что ты читала его в переводе на французский. А в этой школе мы читаем книги на том языке, на котором они были написаны. Поэтому с завтрашнего дня, помимо уроков музыки, которые будет вам давать гражданка Анжелика, ты начнешь изучать английский язык с гражданами Олимпией и Морисом...

— Могу я задать один вопрос? — осмелилась спросить Софи. — Вы богаты и могли бы проводить дни в путешествиях, беседах или за карточным столом... одним словом, наслаждаться жизнью. Что вас заставляет тратить на нас силы, терпеть весь этот беспорядок?

И она указала на четырех мальчиков, которые, смеясь и задирая друг друга, несли из кухни к столу большую дымящуюся кастрюлю.

За ними шла Олимпия, которая вела под руку пожилую служанку в скромном чепце и переднике.

— Добрый день, гражданка Коринна. Садись за стол. Мы уже идем, — приветствовал ее Гражданин Маркиз и обратился к Софи: — Я отвечу тебе цитатой из Руссо, которого ты, конечно, знаешь хотя бы по имени: «Отчизна не может жить без свободы, свобода без добродетели, добродетель без граждан: воспитайте граждан, и у вас будет всё. Но воспитание граждан — дело не одного дня, а чтобы иметь взрослых граждан, необходимо учить их с детства».

Они сели за стол. Посреди стола среди севрского фарфора, столового серебра и хрустальных бокалов возвышалась закопченная кастрюля с супом. На самом почетном месте сидела старая служанка, а дети наперебой за ней ухаживали. Было очевидно, что в доме Гражданина Маркиза не придавали никакого значения ни разделению общества на классы, ни порядкам, введенным аристократами и принятым всеми добропорядочными буржуа. Однако есть детям полагалось по всем правилам хорошего воспитания, старшие присматривали за младшими, уча их держать вилку и не проливать воду из кувшина, простым движением бровей предупреждали любой беспорядок, будь то крошки на полу или локти на столе. Софи сидела тихо, присматривалась и старалась вести себя не хуже других.

Ей взгрустнулось при мысли, что она быстро привыкает есть досыта и не очень обращает внимание на то, какая у нее в тарелке еда. Всего две недели назад она бы с восторгом и радостью приняла и приглядывалась как к настоящему сокровищу к ложке овощного супа, не говоря уже о запеканке из кролика, которую приготовила мать Полины. Всего две недели назад корка черствого хлеба и кусочек сала за полсу, которыми она в своем детском эгоизме согласилась тогда не делиться с матерью, казались ей королевским угощением.

К счастью, веселье детей за столом, постоянное внимание Туссена, следящего, чтобы она не чувствовала неловкости в новой обстановке, занимали все ее внимание и не давали грустить.

После обеда дети за несколько минут навели на столе порядок и пошли убирать на кухню. Софи даже представить себе не могла, чтобы такие девушки-аристократки, как Олимпия и Анжелика, такие юноши, как Максимильтен и Морис, занимались низменными и грязными кухонными делами. Но казалось, что ее друзья только радуются этой работе.

— Первое правило школы: каждый должен все делать сам, — объяснила Анжелика, встретив ее удивленный взгляд. — Гражданин Маркиз хочет, чтобы мы научились не нуждаться в слугах для личных потребностей.

Во второй половине дня занятия продолжались в доме. Странные занятия, очень непохожие на те, к каким привыкла Софи. Морис установил на столе кукольный театр, который за предыдущие месяцы сам построил и украсил с помощью Полины. Другие дети собрались вокруг кресла

Гражданина Маркиза, у которого на коленях лежала большая раскрытая книга на каком-то иностранном, как догадалась Софи, языке.

— Это будет отрывок из трагедии Шекспира, — шепнул ей на ухо Туссен. — Мы сыграем его по-английски.

Морис собрал на сцене марионеток, изображавших разных действующих лиц, и каждому напомнил, за кого из кукол им следует произносить реплики. Некоторые — например, Анжелика, Туссен и Олимпия — уже знали свои роли наизусть, а другие — Антуан, Полина и Максимильен — должны были читать по большой книге, лежавшей на коленях у учителя.

К огромному облегчению Софи, ей роли не дали. Они ничего не поняла из представленной сцены, кроме того, что старый король, которого играл Туссен, был очень ласков с двумя дамами и очень сердит на девушку по имени Корделия. Но смотреть, как исполняют роли новые товарищи, как они запинаятся, как их поправляет Олимпия или Гражданин Маркиз среди всеобщего смеха, было весело.

— Если завтра нам не удастся провести урок на улице, мы будем заниматься английским произношением, — объявил учитель, когда спектакль окончился. — А теперь, гражданка Анжелика, гражданин Туссен, нам хотелось бы послушать немного музыки.

10

Туссен подошел к фортепиано, Анжелика села на крутящийся табурет, встряхнула прекрасными черными локонами, положила руки на клавиши и вопросительно посмотрела на учителя.

— «Фигаро», — сказал Гражданин Маркиз.

— Моцарт или Россини? — спросил Туссен.

— Россини, Россини, — закричали Морис и Максимильен. Они лично были знакомы с великим итальянским композитором, который жил в Париже уже много лет и бывал в салонах их родителей. Они видели, как он с наслаждением истинного гурмана поедает поданные к столу паштеты и жаркое, слышали, как он рекомендует новые рецепты, воспевая достоинства итальянских сыров, которые ему присылали из города в Ломбардии под названием Горгонзола. Они бывали в Итальянском театре и слушали его «Итальянку в Алжире» и «Сороку-воровку». Они обожали его веселую, радующую сердце музыку и с восхищением слушали его истории.

— Пусть будет Россини, — согласился Гражданин Маркиз, сажая

Антуана к себе на колени.

Анжелика серьезно, как перед незнакомой публикой, объявила:

— Каватина Фигаро из первого акта «Севильского цирюльника». Аранжировка для фортепиано. Если бы у нас был оркестр со всеми инструментами, то прозвучали бы флейта-пикколо, флейта, фагот, струнные, а потом кларнеты, рожки и труба в строе до.

Она глубоко вдохнула, опустила руки на клавиатуру, и ее пальцы побежали по клавишам быстро-быстро. Полилась веселая и живая мелодия, от которой в памяти Софи всплыла вдруг кухня в таверне, куда Пьер Донадье как-то пригласил Гравийонов: там было множество кухарок и судомоек, и все они деловито сновали между плитами и ледником, удерживая в равновесии кастрюли с кремом и чаши с фруктовым льдом.

Спустя несколько тактов Туссен запел — тонким мальчишеским голосом, но чисто и точно:

Место! Раздайся шире, народ! Место!
В городе всюду мне честь и почет, всюду!
Счастлив судьбою я, честное слово.
Жизнь превосходна дельца такого,
Вроде меня, вроде меня!
Ах, браво, Фигаро, браво, брависсимо, браво!^[3]

Софи слушала с восторгом — хотя как раньше, когда играли Шекспира, она не понимала ни слова по-английски, так и сейчас не понимала итальянских стихов, которые слетали с губ Туссена и поднимались к потолку.

Когда в четыре тридцать учитель наконец отпустил своих учеников, Софи пребывала в таком потрясении, что Туссену пришлось помочь ей одеться, а потом тащить за руку.

Первой мыслью Софи при выходе из дома Гражданина Маркиза было: «Когда я смогу рассказать об этом маме?» — и в тот же миг она поняла, что она никогда и ничего больше не расскажет маме, никогда не будет смеяться с нею вместе, сидя на низенькой скамейке и положив локти на мамины колени. Но желание рассказывать Фантине обо всех новых событиях жизни не оставляло Софи еще много месяцев.

Глава девятая. Париж, июнь 1837

1

ПАРИЖ, УЛИЦА СЕНТ-ОГЮСТЕН,

23 ИЮНЯ 1837 ГОДА

Дорогая мадам Селин,

сегодня наконец я могу сообщить Вам хорошую новость. Думаю, Вас обеспокоило поведение гладильщицы: вероятно, мне не стоило о нем рассказывать. К чему давать Вам лишний повод для огорчения, когда Вы не в силах ничего изменить? Я поступила глупо и эгоистично, сейчас я это понимаю. Но я слишком привыкла делиться с Вами всем наболевшим и просто забыла, что теперь положение изменилось: что я больше не могу обращаться к Вам за поддержкой и утешением — напротив, мне следует стараться не доставлять Вам лишних огорчений.

Но клянусь, все, что я расскажу сейчас, — чистая правда, а не история, придуманная для Вашего успокоения. Знайте же, что несколько дней назад, к нашему великому удивлению, мадам Фредерик перестала кормить нас селедкой с картошкой, а вместо этого начала подавать вкусную и обильную еду. На завтрак она ставит на стол свежий хлеб, масло и клубничное варенье, а каждый вечер, прежде чем Адель отправляется спать, угощает ее стаканом горячего молока. На стуле, который служит мне столом, вновь появилась свеча, и это письмо я пишу в нашей комнатке, в тишине и покое.

«Должно быть, гладильщица и ее муж получили наследство», — сказал Туссен. Я же думаю, что у мадам Фредерик просто странный характер: она вдруг стала себя вести куда любезнее, чем прежде. С Аделью она ласкова и терпелива, как никогда раньше, обращается с ней уважительно, едва ли не почтительно, словно Ваша дочь — богатая дама, а сама мадам — ее прислуга. Иной раз она, ей-богу, выглядит смешно. Раньше она называла Адель по имени или говорила «Эй ты, соплячка!», а теперь говорит ей «мадемуазель», а еще чаще «мисс». Деде не понимает, как ей относиться к таким неожиданным переменам. Вчера она, вероятно, вспомнила Гражданина Маркиза и сказала мадам Фредерик командным тоном: «Называйте меня „гражданка Адель“ — и довольно».

Разумеется, гладильщица не послушалась, но перестала говорить с нею слащавым голосом.

Этим, однако, дело не кончилось. Вчера мы встали в дурном настроении, потому что был день рождения Адели, и мы обе грустили оттого, что придется провести его без Вас. Вернувшись с прогулки из сада Тюильри, мы обнаружили на кровати большой сверток в шелковой бумаге, завязанный золотой лентой. «Это для мисс Адели», — сказала наша хозяйка, ничего более не добавив.

Можете себе представить, с каким нетерпением Адель разворачивала сверток. В нем лежала кукла, такая же большая, как Пупет, но куда красивее. Глаза у нее открываются и закрываются, как у немецких кукол, а руки и ноги сгибаются. Адель, кажется, даже смутилась от подобного совершенства. Она посадила ее на кровать, внимательно рассмотрела волосы и платье и немножко расстроилась оттого, что ее нельзя раздевать и причесывать. Она наклоняла куклу вперед и назад, чтобы у нее

открывались и закрывались глаза, брала на руки. Но знаете, что сказала Ваша дочь после столь подробного обследования? «Она и вправду очень красивая. Но мне больше нравится Дагоберта».

«Ты права, — ответила я. — Только не говори этого мадам Фредерик. И беги скорее на кухню сказать ей спасибо. Как любезно, что она вспомнила про день твоего рожденья».

Но гладильщица, продолжая взбивать яйца и ни на секунду не отрываясь, резко ответила: «Благодари лучше своего ангела-хранителя. Это он тебе ее послал».

Адели такое объяснение может показаться достаточным, я же не знаю, что и думать. Если мадам хотела возместить Адели проданную в минуту нужды Пупет, то отчего она не желает принять простых изъявлений благодарности?

Впрочем, поскольку идти нам некуда, пусть уж лучше мадам Фредерик являет странную щедрость, нежели скупость.

Туссен узнал от прислуги мадам Сулиньяк, что ее здоровье идет на поправку, и надеется, что она скоро сможет его принять.

Я продолжаю давать Адели уроки, и, несмотря на отвлекшие нас события последних дней, она уверенно движется вперед, как Вы сами сможете убедиться, дочитав до конца.

Здесь я завершаю письмо: хочу оставить внизу немного места, чтобы моя ученица могла добавить несколько слов от себя.

Как жаль, что Ваш тюремщик не позволяет Вам отвечать! Адель была бы безумно счастлива, если бы получила от Вас пару строчек и смогла бы их сама прочитать. Не говоря уже о нас с Туссеном! Если бы Вы знали, как терзает нас Ваше молчание! Сколько сомнений, страхов... Как трудно довольствоваться тем, что рассказывает Ваш страж! И верить ему на слово.

Мы предлагали заплатить вдвое или втрое по сравнению с обещанным, чтобы он разрешил Вам написать хоть два слова в ответ. Но он неумолим. Тусси говорит, что это очень странно, потому что когда человек единожды соглашается взять деньги, то дальше уже все зависит от их количества.

Возможно, этот недостойный затаился, как паук в паутине, и ждет, что мы еще поднимем сумму. И мы сделаем это, обещаю, даже если придется до конца исчерпать мой «чулочный» запас.

Обнимаю Вас со всей любовью и благодарностью, Ваша

Софи

Дорогая мама у меня есть новая кукла Катрин ее принес ангел хранитель мне на деньрождение. Она красивая умеет сгибать руки и ноги и одета как дама в платье только оно к ней привязано. Ее нельзя раздевать как Дагоберту. Дагоберту я люблю сильнее. А ты знаешь что моя Дагоберта растет? Она стала выше толще и тяжелее. Потому что слушается когда я говорю еш!

Мама когда ты вернешся из Вены? Какое название у балета где ты танцуешь? Крепко крепко целую,

твоя Деде.

2

ПАРИЖ, ПРЕДМЕСТЬЕ СЕН-ЖЕРМЕН,

25 ИЮНЯ 1837 ГОДА

Дорогая мадам Селин,

сообщаю Вам о внушающем опасения событии, неизвестном Софи и которое я предпочитаю сохранить от нее в тайне, чтобы она не беспокоилась понапрасну. Она держится очень хорошо и ровно и заботится об Адели со всей преданностью и ответственностью. Но ей всего четырнадцать, и было бы несправедливо взваливать на ее плечи тяжесть, которая может к тому же оказаться всего лишь плодом моего воображения.

Всю ночь я не сомкнул глаз, думал, не стоит ли поберечь и Вас, особенно если учесть, что Вы никак не можете вмешаться. Но я знаю, Вы сильны и хотите знать все об Адели. Это Вы научили нас, что нельзя прятать голову в песок, что надо смотреть опасности в глаза. А потому обещаю, что буду сообщать Вам обо всем, даже если мне еще раз придется карабкаться на стенку над изголовьем виконта, чтобы заплатить тюремщику.

Итак, мне стало казаться, что в последние дни мадам Фредерик что-то скрывает. Даже если не считать неожиданного появления куклы и избытка на столе, гладильщица начала себя

вести как человек, одновременно виноватый, очень довольный и желающий что-то утаить. Софи относит это к странностям ее натуры, и я делаю вид, что соглашаюсь с нею. Между тем, предложив старухе деньги, я сумел ее разговорить. Удивительно, как загораются ее глаза при виде монеты в полфранка! Она призналась, что пять дней назад, пока Адель с Софи были в парке, на улице Сент-Огюстен появился господин, похожий на иностранца, который задал ей множество вопросов о ее гостях. Он не назвал свое имя, не сказал, зачем ему надо все это знать. Но оставил денег на жизненные нужды Адели и обещал дать еще, если мадам Фредерик будет молчать. Два дня спустя явился посыльный из магазина «Прентан» со свертком для Адели: это была кукла, о которой Вам писала Софи, — без всякой записки.

Мне совершенно не нравится, что этот ангел-хранитель, как его именует старуха, не желает показаться своей подопечной и не сообщает своего имени. Если он Ваш друг и хочет помочь Адели — к чему такая таинственность? Я попросил мадам Фредерик его описать. Она сказала, он похож на дворянина, не стар, ростом примерно как мясник с площади Мадлен и говорит с легким иностранным акцентом, словно долгое время прожил в Италии. Или в Германии. Вы скажете, эти два произношения совсем непохожи одно на другое. Но для гладильщицы все едино. К сожалению, больше мне не удалось ничего от нее добиться. Мадам Фредерик плохо запоминает лица, она не помнит ни цвета глаз, ни волос незнакомца, не помнит, какая у него кожа, не говоря уже о чертах лица. Боюсь, что все ее внимание было сосредоточено на монетах, которые этот «дворянин» отсчитывал ей в руку.

Гладильщица и ее муж убеждены, что щедрый незнакомец — это просто благодетель, который желает оставаться неизвестным. Я и сам был бы рад так думать, но не могу отогнать мысль, что это волк в овечьей шкуре. К сожалению, всему кварталу известно, что Адель и Софи остались без средств и защиты и что мадам Фредерик — женщина настолько алчная, что ради денег пойдет на все. Вы сами рассказывали нам с ужасом, что мать актрисы Корали — только подумайте, мать! — продала ее за шестьдесят тысяч франков месье де Марсею, когда дочери было всего тринадцать!

Но довольно! Не хочу внушать Вам тревогу сверх

необходимого. Вероятно, все это только мои фантазии. Если я действительно замечу опасность, уверяю Вас, я тотчас перевезу Адель и Софи в другое место, пока не знаю куда. В какой-нибудь монастырь? Там они будут в безопасности, но я не смогу их ежедневно навещать, а Софи не сможет Вам писать. Как Вы полагаете, не согласится ли отчим Полины взять их к себе на пансион за плату? Или лучше нам поискать родственницу Соланж, которая жила в Марэ?

Когда у меня будет немного свободного времени, я постараюсь обо всем Вам сообщить. Положитесь на меня. Я буду присматривать за Аделью, как тысячеокий дракон.

С преданностью целую руки, Ваш

Туссен

Глава десятая. Париж, 1832–1837

1

В записке, которую Софи принесла Гражданину Маркизу в свой первый школьный день, Селин сообщала об отъезде месье Эдуара и писала, что должна немедленно увидеть своего крестного.

Маркиз явился на бульвар Капуцинов тем же вечером, за десять минут до ужина. Он был одет в тот же старый редингот, но аккуратно вычищенный, а на голове его красовался белый напудренный парик.

Селин в его честь завила локоны и сменила белое платье с воланами, которое всегда носила дома, на вечернее платье темно-красного муара, с открытыми плечами. Софи, присутствовавшая при одевании молодой женщины, была потрясена произошедшей переменой. До сих пор ее благодетельница виделась ей прелестной девушкой с гибким станом, гладкой кожей, сияющими глазами и густыми блестящими волосами. Прекрасная, свежая и полная жизни — как горный родник, как веточка дикой розы, покрытая росой.

Теперь же, прямо на глазах у Софи, муаровое платье, сложная прическа, румяна и драгоценности преобразили юную мать, наивную и непосредственную, во взрослую женщину — очаровательную, загадочную,

с величественной королевской осанкой. Селин походила уже не на хрупкую розу, а на темно-красную камелию или пион.

— Видела? — прошептал Туссен, когда Селин медленно спустилась по лестнице навстречу гостю. — Вот такой была «божественная Варанс», ради которой обожатели были готовы на любые безумства.

Гражданин Маркиз поклонился, поцеловал руку крестнице, приветствовал обоих детей, и все сразу сели за стол. На этот раз стол был накрыт не в маленькой комнатке, а в большом зале со свечами в серебряных канделябрах, и Жан-Батист, призванный помогать Шарлотте прислуживать гостям, был в ливрее и белых перчатках. Софи, робея, сидела по правую руку от Гражданина Маркиза.

— Будь тут месье Эдуар, — снова зашептал Туссен, — будь тут месье Эдуар, мы бы не смогли сидеть за столом с хозяевами. А мне бы пришлось натянуть эту дурацкую пеструю ливрею и стоять за стулом мадам, убирая тарелки или подливая вино.

За ужином разговор шел об успехах гражданина Туссена в учебе и о тех знаниях, которые еще следовало получить гражданке Софи, чтобы достичь уровня ее товарищей. К Селин крестный тоже обращался на «ты», но называл ее не «гражданка», а «моя дорогая».

Когда они закончили ужинать, Соланж снесла вниз Адель; малышка была сонная, теплая, прелестная и мягкая, как булочка только что из печи. Она тут же протянула руки к Туссену и пролепетала:

— Тусси.

Гражданин Маркиз поцеловал ее в лоб и сказал:

— Как она похожа на тебя, моя дорогая! Вылитый твой портрет в ее возрасте. К счастью, от англичанина в ней ровно ничего нет.

Селин тоже поцеловала дочку, и в эту минуту Софи увидела, что у нее в глазах блестят слезы. Селин их поспешно вытерла, а крестный не проронил ни слова.

— Будь добра, Софи, пойди с Соланж наверх и помоги ей уложить Деде, — сказала Селин. — Тусси, если хочет, может остаться в зале и поупражняться на фортепиано. Мы с крестным перейдем в зеленую гостиную. Нам надо поговорить, и я прошу не беспокоить нас ни по какому поводу.

Разговор продолжался допоздна, и Жан-Батист отвез Гражданина Маркиза домой в карете незадолго до полуночного кормления, которого Адель еще требовала.

На другой день Селин была гораздо спокойнее и, пользуясь сухой погодой, решила прогуляться пешком до улицы Пельтье, где располагался

театр Опера, чтобы посмотреть репетицию «Сильфиды».

Вечером после ужина Гражданин Маркиз снова пришел с визитом, и детям разрешили допоздна сидеть со взрослыми. Софи ужасно робела в присутствии старого маркиза. В Школе рабочей взаимопомощи она привыкла, что учителя обращаются с учениками с большой строгостью, и сама мысль, что можно сидеть рядом с учителем на диване, пить шоколад и смеяться его шуткам, еще недавно показалась бы ей святотатством.

Гражданин Маркиз был прекрасным собеседником и обладал поистине неисчерпаемым запасом всяких историй. Например, о Россини, с которым они познакомились, когда итальянец только приехал в Париж. Теперь Россини уже не сочинял, он страдал меланхолией и утешался хорошим столом (и, добавляла Селин, отрастил изрядное брюшко). Но было время, когда он сочинял потрясающую музыку с необычайной быстротой и в самых неподходящих обстоятельствах.

— У маэстро по этому поводу имеется даже собственная теория, — рассказывал Гражданин Маркиз. — Россини считает, что шедевры создаются только по необходимости. И сам утверждает, что дописывал свои оперы за день до того, когда их надлежало исполнять перед публикой. Знали бы вы, что он говорил! «Ничто так не способствует творчеству, как присутствие переписчика, который трепещет в ожидании вашей работы, и как беспокойство импресарио, который с отчаянием и нетерпением хватается за голову. Однажды я писал увертюру к „Отелло“ в комнатенке Палаццо Барбайя, куда меня запер самый грубый и самый жестокий на свете директор, оставив наедине с тарелкой макарон и пригрозив, что я не выйду из комнаты, пока не напишу все до последней ноты. А увертюра к „Сороке-воровке“? Ее я написал за день до премьеры, в мансарде миланского театра Ла Скала, куда меня посадил под замок тамошний директор. Он приказал, чтобы мои сторожа, три дюжих рабочих сцены, выбрасывали в окно мою работу листок за листком переписчику, который сидел внизу и ждал. А если бы я не сделал быстро всю работу, директор велел бы рабочим сцены выкинуть в окно и меня тоже».

Все эти истории крестный — дети так и называли его вслед за своей благодетельницей — рассказывал, чтобы похвалить скорость, с какой рисовал Туссен. Мальчик тем временем быстро набрасывал портреты углем, притом по памяти. Только что он дорисовал портрет хозяина дома, очень похожий на оригинал, и подарил его Селин со словами:

— Теперь вы больше не будете жаловаться, что у вас нет изображения мужа, чтобы любоваться им, пока месье в отъезде.

После чего, стараясь, чтобы хозяйка не услышала, он прошептал

Софи:

— Мне куда больше нравится смотреть на англичанина на бумаге, чем живьем. Надеюсь, на этот раз дела задержат его в Англии надолго!

Селин очень понравился портрет. Она велела сделать для него раму и повесила над камином.

2

Гражданин Маркиз, пользуясь отсутствием месье Эдуара, стал навещать свою крестницу каждый вечер. Иногда он приводил с собой какого-нибудь человека, разговор с которым считал интересным для балерины и двух своих учеников. Селин и Туссен уже привыкли к разнообразию его знакомств, но Софи всякий раз поражалась, насколько его друзья не похожи между собой — по возрасту, характеру и социальному положению. Среди приятелей маркиза де ла Поммельера были капитаны дальнего плавания и архитекторы, кадеты Военной академии и хозяева гостиниц из парижских предместий, астрономы и мануфактурщики — изготовители обоев. Единственное, что объединяло этих людей, были их либеральные взгляды, тоска по временам Великой революции и умение говорить. Умение ясно излагать свои мысли и суждения и защищать убеждения Гражданин Маркиз считал важнейшим человеческим даром.

Однажды вечером крестный привел на ужин молодого человека с загорелым лицом по имени Виктор Шельшер, который, казалось, пришел неохотно. Гость сразу же признался, что много лет назад был поклонником Селин Варанс:

— Еще до моего путешествия, разумеется. Сейчас, при всем моем уважении, мадам, у меня больше нет времени на легкомысленные увлечения. Теперь я занят куда более серьезными вещами.

Софи одарила его крайне недружелюбным взглядом, Селин рассмеялась, а ее крестный воскликнул:

— О-ля-ля, гражданин Виктор! Не очень-то ты вежлив. Моя крестница не только красавица, она самый серьезный человек на свете. Раз уж ты бросаешься бороться с предрассудками в отношении людей другой расы, тебе не следует так легко поддаваться и предрассудкам о балеринах, которые, по общему мнению, ветрены и безграмотны.

Гость признал справедливость такой упрека и попросил прощения у хозяйки.

— Знаете, я только что вернулся из длительного путешествия по

колониям и совершенно забыл, как следует вести себя в обществе.

— А где вы были? — с интересом спросил Туссен.

— А сам ты откуда? — Гость только сейчас заметил чернокожего мальчика, который к тому же задает вопросы, а не хранит почтительное молчание, как подобает слуге.

— Из провинции Сантьяго на Кубе, — ответил Туссен.

— Я был на Кубе, — сказал Шельшер. — А также в Мексике, и во Флориде, и в Луизиане...

— Вы натуралист, как фон Гумбольдт? — застенчиво спросила Софи.

— Нет, меня послал туда отец продавать фарфор. У него фарфоровый завод, и он надеялся найти в колониях новых заказчиков. Но то, что я там увидел, настолько меня потрясло, что я совершенно забыл о блюдах и супницах...

— ...и отдался душой и телом борьбе за отмену рабства, — с удовольствием закончил Гражданин Маркиз, как будто такие речи молодого человека были его собственной заслугой. — Сразу по возвращении он написал статью под названием «О чернокожих», которую напечатал в «Парижском обозрении». А с прошлого года, когда после смерти отца гражданин Виктор унаследовал семейное дело, он тратит все свои средства на помощь либералам, республиканцам, врагам тирании... Но он не только оказывает поддержку — он лично участвует в борьбе за благородные идеалы.

— В чем заключается ваша борьба? — с интересом спросила Селин.

— Я пишу статьи в газеты, поддерживаю связи с американскими аболиционистами, рассказываю о них. Людям необходимо открыть глаза! Нужно довести до их понимания, что цивилизованный мир не может терпеть рабство...

— Гражданин Виктор к тому же пишет книгу, которая будет опубликована в будущем году, — добавил Гражданин Маркиз.

— Книгу? Должно быть, вы очень талантливый человек, — с восхищением заметила Селин.

— О нет, мадам. Я вовсе не гений. Я человек более чем скромных способностей. Но буду счастлив, если моя жизнь послужит доказательством, что каждый способен сделать что-то хорошее и заслужить уважение сограждан, не обладая умом выше среднего, а только благодаря последовательности и целеустремленности.

— Вы чересчур скромны. Однако во мне ваши слова вызывают не только уважение, но и восхищение, — сказала Селин. — Расскажите о ваших планах.

— Я собираюсь учредить Французское общество борьбы за отмену рабства. А еще хочу начать кампанию против смертной казни. Это бесчеловечная мера, которая делает государство хуже преступника, которого оно намеревается покарать. Вам знакома книга Виктора Гюго «Последний день приговоренного к смерти»?

— Я читала ее, когда жила на улице Маркаде, — сказала Софи. — Я читала ее отцу, и в конце и он, и я плакали.

Шельшер посмотрел на нее с удивлением. До сих пор ему казалось, что девочкам в таком возрасте мамы читают «Сказки Матушки Гусыни» Перро или «Сказки фей» мадам д'Онуа. Он задумался о том, что может быть общего у этой худой и бледной девочки с хозяйкой дома. Она не годилась ей в дочери по возрасту. Возможно, младшая сестренка или бедная родственница? Хотя меж ними не было и тени сходства.

Но самое сильное недоумение вызывал у него чернокожий мальчик. Для слуги он был слишком хорошо одет, слишком хорошо образован и держался слишком свободно. Мысль о том, что этот мальчик — раб, просто не приходила Шельшеру в голову: звучавшие за столом пламенные речи вполне убедили его, что рабство ненавистно всем присутствующим. В своем идеализме он не мог и вообразить, что хозяйка, не имея возможности освободить мальчика без согласия мужа, оставила его при себе не как слугу, а как юного друга.

— У вас очень необычная семья, мадам, — сказал он уходя.

— А вы, месье Шельшер, очень благородный человек. Приходите, когда захотите, теперь вы знаете дорогу. Если вдруг появится немножко свободного времени на легкомысленные глупости, нам будет приятно, — сказала Селин с самой очаровательной улыбкой. — Вам и вашим друзьям в этом доме всегда будут рады.

— Во всяком случае, до того дня, пока вновь не явится месье Эдуар с его ревностью и приступами дурного настроения, — прошептал Туссен на ухо Софи.

На другой день Шельшер пришел снова. Он пробыл немногим более часа, вел приятную беседу и очаровал Софи, за секунду вырезав из листа черной бумаги силуэт, очень похожий на нее.

Уходя, он сказал Селин:

— Мадам, вчера вы любезно предложили мне приходить с друзьями. Уверяю вас, у меня нет намерения заполнить ваш дом гостями. Но есть один джентльмен, с которым я свел знакомство, возвращаясь из Америки; он мечтает с вами познакомиться. Мистер Мейсон в Париже впервые. На корабле я с таким энтузиазмом рассказывал ему о театре Опера и его

балетной труппе, что, едва оказавшись в Париже, он тотчас направился на улицу Пельтье заказывать место на ближайший спектакль. Однако, к его великому разочарованию, выяснилось, что балетный сезон открывается только двенадцатого марта, — а ему нужно уехать из Франции раньше. Потому, когда я сказал, что знаком с вами и попробую уговорить вас его принять, он преисполнился такой благодарности, что чуть не бросился целовать полы моего редингота.

— Неужели вы хотите сказать, что моя слава добралась даже до Нового Света — как слава Фанни Эльслер? — с недоверием спросила Селин.

— Нет, мадам, — но на корабле, который вез нас во Францию, я так расхваливал вашу красоту и талант, что теперь вы в глазах моего спутника настоящая легенда.

— Бедный мистер Мейсон! Конечно, приводите его, но не забудьте предупредить, что я теперь матрона, мать семейства, — весело воскликнула Селин. — Так что его постигнет разочарование,

— Не думаю. Вы превыше всех похвал, — ответил Шельшер, — ибо в вас соединяются изящество, благородство и глубокий, образованный ум.

— Оставь эти глупые любезности, гражданин Виктор! — ворчливо, хотя и очевидно забавляясь, вмешался Гражданин Маркиз. — Я уже говорил тебе, что моя крестница не просто замужем, но еще и влюблена в своего Эдуара, как романтическая швея. И хранит ему неколебимую верность. Так что забудь о ней и думать.

3

Ричард Мейсон оказался высоким худым джентльменом, одетым с несколько чрезмерной элегантностью, как все богатые колониальные плантаторы; и, как и все они, он явно страдал от холода европейской зимы. Войдя, он оставил на руках Жан-Батиста теплое подбитое мехом пальто до пят и сел в кресло, стоявшее ближе всего к огню. Он был не такой загорелый, как его спутник, цвет лица у него был желтоватый, нездоровый, а под глазами залегли глубокие круги.

В его манере держаться также ощущалась чрезмерная изысканность, его восхищение Селин казалось даже чересчур восторженным, а любезность — неумеренной до смешного.

Когда Лизетта вошла с шоколадом и дети, как обычно, помогли ей разнести чашки и блюдца, Туссен, улучив минутку, сказал Софи:

— Знакомы мне эти скользкие фальшивые типы, я видел таких на Кубе, когда жил у мадемуазель Атенаис. Лесть и комплименты дамам и девицам из хороших семей — и при этом полное отсутствие уважения к женщинам, которых они числят ниже себя. Если бы Гражданин Маркиз не дал ему понять, хотя и косвенно, что его крестница не куртизанка, не содержанка, а порядочная женщина, замужем за дворянином и верная своему мужу, — ручаюсь, этот мистер Мейсон вел бы себя с мадам не столь церемонно. По-моему, он все-таки немного разочарован. Вполне возможно, что он приехал во Францию в полной уверенности, что все балерины — женщины легкого поведения, и надеялся встретить бедную беззащитную девушку, с которой можно позволить себе что угодно. Я поражаюсь, что меье Шельшер, такой умный и проницательный человек, не понял, с кем имеет дело.

— Он попросил чашку чая вместо шоколада. Может, положить ему вместо сахара ложечку соли? — дрожа от ярости, предложила Софи, готовая отомстить за честь своей благодетельницы.

Туссен рассмеялся.

— Не стоит. Уверен, что Гражданин Маркиз прекрасно понял, что за человек этот мистер Мейсон, и попросит гражданина Виктора больше его не приводить.

Гость тем временем поглядывал по сторонам, восхищаясь элегантностью зала, витражными окнами в готическом стиле, белой лепниной на потолке в виде виноградной лозы с листьями и гроздьями, которую оттенял красный бархат штор и диванов, толстые белые ковры с яркими цветочными узорами, фарфор и красный хрусталь на столе. Он долго и внимательно изучал каждую деталь обстановки, как если бы хотел запечатлеть ее в уме.

«Возможно, какая-нибудь дама из колоний поручила ему запомнить все подробности изысканной обстановки парижских гостиных, чтобы можно было их скопировать», — подумала Софи, которую столь откровенное, на грани приличия, разглядывание привело в замешательство.

Гражданин Маркиз в своем кресле также проявлял признаки беспокойства, да и Виктор Шельшер, видимо, испытывал неловкость.

— Это очень английский стиль, мне кажется, — заметил мистер Мейсон, завершив изучение интерьера.

— Так и есть. Мебель, зеркала, шторы, ковры и обои выбирал мой муж, — любезно сказала Селин, стараясь разрядить обстановку.

— У вас прекрасные картины. Меня, однако, удивляет, что я не вижу вашего портрета в костюме балерины, — снова заметил гость.

Молодая женщина покраснела. Как она могла объяснить этому незнакомому человеку, что ее Эдуар ни за что бы не допустил, чтобы его жена ежедневно демонстрировала открытые щиколотки — пусть даже на портрете. Чтобы выйти из положения, она сказала первое, что пришло ей в голову:

— Зато есть портрет моего мужа, очень похожий на него.

И указала гостю на набросок, сделанный Туссенем по памяти после отъезда хозяина дома.

Мистер Мейсон посмотрел. В недоумении наморщил лоб — Туссену даже показалось, что он побледнел. Хотя, скорее всего, померещилось — просто в этот миг колыхнулось пламя свечей в стоящем рядом канделябре.

— Так это и есть ваш муж? — спросил Виктор Шельшер, который в прошлые свои приходы не заметил портрета. — Он кажется суровым человеком. Но, возможно, он таков только на рисунке.

— Нет-нет, он очень похож! — сказал Гражданин Маркиз. — Эдуар, муж моей крестницы, — весьма серьезный человек, и художник изобразил его здесь с его обычным выражением.

Мистер Мейсон между тем встал, подошел к камину и, надев очки, стал с пристальным вниманием разглядывать набросок Туссена. Лизетта, которая наклонилась подложить поленьев в огонь, услышала, как он пробормотал себе под нос:

— Эдуар?..

Затем гость постучал ногтем по стеклу, закрывавшему портрет, и воскликнул:

— И впрямь любопытная работа. Выполнена недавно, или ей уже много лет?

— Тусси, — позвала Селин, — иди сюда! Скажи этим господам, что автор портрета — ты. И что ты нарисовал его только неделю назад.

— Значит, скоро я буду иметь честь встретиться с оригиналом, — сказал гость.

— К сожалению, нет. Мой муж был вынужден уехать в Англию по делам. Он также владеет плантациями на Ямайке. Вероятно, вы его знаете. Его зовут Эдуар Р...

— У меня нет знакомых по имени Эдуар! — прервал ее Мейсон. И добавил: — Когда вы поженились? Где? Здесь, в Париже?

— А вот это вас никоим образом не касается, Мейсон, — вмешался Шельшер, чувствуя свою ответственность за этого человека, выказывающего, по меньшей мере, назойливость и чрезмерное любопытство.

— Прошу прощения. Я задал вопрос, потому что мадам кажется мне намного моложе мужа... Она — просто дитя, в то время как он... — начал было объяснять гость.

— Мейсон! — строго повторил Шельшер. А затем, глядя ему прямо в глаза, добавил: — Напоминаю, что в девять у вас назначена встреча с вашим банкиром в другом конце города. Вы рискуете опоздать. Идемте!

Мистер Мейсон вскинул голову, словно хотел воспротивиться. Было очевидно, что никакой встречи не назначено и что ему совершенно не хочется уходить в разгар вечера.

— Идемте! — повторил Шельшер, беря его под локоть.

Туссен бросился в прихожую и вернулся с шубой мистера Мейсона. Гость облачался в молчании.

Затем он подошел к Селин проститься.

— Прошу извинить иностранца, незнакомого с правилами парижского этикета, мадам, — виноватым тоном произнес он. — Поверьте, мои нескромные вопросы задавались без всякого дурного умысла, из искреннего интереса к вам.

— Бедняжка! — воскликнула Селин, когда они ушли. — Месье Шельшер был с ним слишком строг.

— Гражданин Виктор просто исполнил свой долг, избавив нас от необходимости выставлять за дверь гостя, сующего нос в чужие дела, — ответил Гражданин Маркиз. — Которого к тому же он сам и привел.

На другой день молодой рассыльный самой дорогой сен-жерменской гостиницы доставил на бульвар Капуцинов большой букет цветов с запиской.

— Вашей хозяйке, — сказал он Шарлотте, которая сметала с дорожки подтаявший снег. — Ну и везет же ей, вашей мадам Варанс! Хотел бы я получать по десять су за каждый букет, что ей посылают поклонники.

— Не очень-то разживетесь, — ответила служанка. — Вот уже больше двух лет, с тех пор как мадам вышла замуж, цветов сюда почти не носят.

— Зато в день свадьбы их, верно, было много, — настаивал посыльный, смазливый юноша, который рад был поболтать. — Мне бы хватило десяти су за каждый букет, присланный вашей хозяйке в день свадьбы.

— Лучше поищите в другом месте свои десять су! — рассмеялась Шарлотта. — Мои хозяева поженились без всякой пышности. Нотариус да два свидетеля, я и Жан-Батист. Нас позвали, потому что мы единственные из всех слуг умеем читать и писать, — ну, мы и поставили свои подписи на брачном контракте. Потом бокал сладкого вина — вот и вся свадьба.

Конечно, мадам у нас и так знаменитая актриса, ей лишняя шумиха ни к чему, но все-таки... мы все немного огорчились.

— Ни цветов, ни гостей, ни брачных объявлений, ни чаевых прислуге?.. Да, жаль! — согласился посыльный.

— Вы правы. Мы с Жан-Батистом, разумеется, получили подарки, а вот остальные... — По тону Шарлотты было ясно, что больше никому подарков не досталось. Впрочем, она тут же рассмеялась, вынула из кармана фартука монету и вложила в руку посыльного.

— Десять су в другой раз. На этот раз сколько есть.

В записке, приложенной к цветам, мистер Мейсон благодарил Селин за прекрасный вечер и снова просил прощения за свою назойливость и за незнание парижского этикета. Он также просил мадам передать мужу, по его возвращении из Англии, смиренный поклон посетителя с Ямайки, который надеется познакомиться с ним при первом удобном случае.

— Напрасно с ним обошлись так сурово! — пожалела его Селин, расставляя цветы в хрустальной вазе.

Впрочем, она решила не говорить мужу ни о мистере Мейсоне, ни об остальных посетителях, которых принимала в его отсутствие.

4

Шли дни. К большому облегчению Туссена, Софи, всей прислуги и Гражданина Маркиза, хозяин дома по-прежнему пребывал в туманной Англии и, как обычно, не давал о себе знать.

Его отсутствие на бульваре Капуцинов печалило одну только Селин. Софи часто заставляла ее, с покрасневшими глазами и несчастным лицом, перед портретом мужа.

— Знаю, что мне нужно стараться ради Адели, ради вас, ради крестного, который так добр ко мне. Но как же мне трудно выносить такое долгое, такое непроницаемое молчание. Знаешь, девочка, ведь Эдуар не просто предупредил, чтобы я не ждала от него писем; он и мне запретил ему писать. Он боится, что мое письмо попадет в руки этой его ужасной тетки, поэтому не оставил мне даже своего адреса. А вдруг что-то понадобится, а вдруг Адель... Господи, помилуй! Как с ним связаться, непонятно.

«Как же вы можете любить такого холодного, эгоистичного человека!» — хотела сказать Софи, но не осмелилась.

К счастью, дни Селин были наполнены делами, так что грустить ей

было некогда. Теперь по утрам, когда воздух становился теплее, а на деревьях и кустах раскрывались почки, она уезжала в карете в Булонский лес с Соланж и малышкой, которая подрастала и говорила все больше и больше новых слов.

После обеда наступал час месье Жоливе, а также занятий фехтованием, декламацией, музыкой, итальянским языком. Селин лишь изредка удавалось выкраивать время, чтобы ходить на улицу Пельтье на репетиции «Сильфиды».

Софи между тем была поглощена учебой. Гражданин Маркиз подготовил для нее весьма насыщенную личную программу обучения, которая должна была всего за несколько месяцев вывести ее на один уровень с товарищами. Самым трудным предметом для Софи оказался английский язык. Тогда учитель поручил Туссену, знавшему английский очень неплохо, ежедневно прочитывать вместе с нею по несколько страниц из английского романа под названием «Нортенгерское аббатство».

— Он и мне давал его читать, когда я была примерно в вашем возрасте, — заметила Селин. — Роман был напечатан всего за несколько лет до этого, сразу после смерти дамы, которая его написала, и о нем тогда много говорили. Крестный — большой поклонник мисс Джейн Остин, он давал мне читать и «Гордость и предубеждение», и «Эмму». Он говорит, что редко можно встретить такой тонкий юмор в книгах, написанных женщинами. Еще он говорит, что с помощью иронии «Нортенгерское аббатство» учит читательниц не быть чересчур романтическими, как это часто случается с девушками, и не искать призраков, скелеты или тайны за каждой закрытой дверью или в конце любого плохо освещенного коридора.

Софи читала медленно, и Туссен, которому не терпелось узнать продолжение, меньше чем за полчаса переводил целую главу и пересказывал ей. Так они с увлечением следили за приключениями Кэтрин Морланд, которая под впечатлением от романа о призраках «Удольф» стремилась во что бы то ни стало обнаружить какую-нибудь мрачную тайну в старом доме, куда ее пригласила на каникулы подруга; но все, что ей удавалось, — это нанести обиду хозяевам дома или выставить себя на посмешище.

Дни шли, писем от месье Эдуара все не было. Зато приходило множество писем на его имя — видимо, приглашения, счета, приветы и отчеты о поездках его дальних приятелей... Никто не смел распечатать ни один конверт — даже от портного, башмачника или поставщика вин. Шарлотте велено было складывать их по порядку на письменном столе в комнате, которая служила хозяину кабинетом.

Как-то утром принесли большой конверт из плотной светло-коричневой бумаги, запечатанный ярко-красной сургучной печатью. Имени отправителя на нем не было, а адрес был написан размашистым почерком, который показался служанке знакомым, хоть она и не вспомнила, где могла его видеть. Конверт так разительно отличался от всех прочих своей внушительностью и чуть ли не властностью, что Шарлотта, вместо того чтобы положить на стол вместе с остальными, поставила его отдельно, на каминную полку — чтобы хозяин, вернувшись, тотчас его увидел и открыл первым.

Софи, которая иногда заходила в эту комнату за книгой, всякий раз останавливалась и разглядывала конверт, раздумывая, кто мог его отправить. Уж точно не та ужасная тетка-аристократка — хотя почерк был изысканным и элегантным. Писал явно мужчина, заглавные «Р» были выведены странно, с угловатой петелькой и длинным росчерком, уходящим вниз строки, — такой бывает иногда в подписях. Буквы «а» закручивались внутрь, как улитки, а большие «С» были выше и уже обычных.

Этот почерк так поразил Софи, что однажды она даже попыталась его скопировать, но тут же бросила, отругав себя за пустую трату времени. Зато Туссен, входя в кабинет, не достаивал письмо ни единым взглядом.

Однажды, вернувшись из школы, Софи и Туссен обнаружили прислугу в страшном беспокойстве, потому что Адель без умолку рыдала, требуя еды: было уже четыре часа, а Селин еще не вернулась.

— Надеюсь, козочка, которую маркиз де ла Поммельер обещал прислать из деревенского поместья, скоро прибудет, — вздохнула Соланж. — Этот бесенок и слышать не желает о бутылке.

— Может, попробуем дать ей немножко меда? — предложил Туссен, скидывая шубу. Он помнил, что на Кубе, в большой хижине, где жили рабы, матерям приходилось возвращаться к работе, когда младенцам было всего несколько дней от роду, а назад работницы приходили лишь поздно ночью. Поэтому несчастных детей кормили молоком только дважды в сутки: после возвращения матери и четыре часа спустя, перед ее уходом. Остаток дня они плакали, страдая от голода. Старые рабыни, которые больше не могли работать, присматривали за младенцами и давали им попить густого и сладкого сока сахарного тростника.

Соланж была против использования новых мер без согласия хозяйки. Кто его знает, что там понаписано в священных текстах этого графа Пьетро Верри и философа Руссо....

Но Адель кричала так громко, что иногда казалось: она вот-вот задохнется. А мед, в сущности, продукт не опасный, особенно если учесть,

что, когда у Адели резались зубки, мать сама намазывала его девочке на десны, чтобы унять боль.

— Но только на вашу ответственность, — уступила в конце концов няня.

Поэтому, когда примерно четверть часа спустя Селин Варанс вернулась домой, она нашла свою дочь на руках у Софи, а перед ней баночку с медом и Туссена, очень осторожно кормившего Адель с серебряной ложечки.

— Простите, что опоздала! — в волнении воскликнула Селин. — Случилось кое-что... Мне пришлось дожидаться месье Тальони... Да, мое золотко, знаю, знаю, что ты голодная. Иди ко мне.

Селин, торопясь, расстегнула корсет, приложила девочку к груди и продолжила рассказ. Глаза ее горели. В Опера сегодня репетировали финал балета — сцену, в которой толпа сильфид окружает умирающую подругу и уносит прочь. Но, приподнимая Мари Тальони, одна из балерин оступилась и вывихнула лодыжку.

— Она у нее так распухла, что придется наложить повязку с шиной, — сказал месье Жоливе, который помогал своим ученицам на репетиции. — Боюсь, что бедная Дельфина не сможет опираться на ногу месяца два, если не хочет окончательно загубить свою карьеру.

Несчастливая балерина разрыдалась: этот приговор означал отказ от участия не только в премьеры, но и во всех последующих представлениях «Сильфиды» в Париже. Филиппо Тальони большими шагами мерил сцену, он был огорчен и раздражен. Разумеется, роль Дельфины не из самых главных, балерину из кордебалета заменить можно. Но кем? Вся балетная труппа занята в финальной сцене, стая сильфид должна быть большой и плотной. Пустое место среди них требует новой хореографии, а день премьеры близок.

— Проклятье! — раздраженно восклицал итальянец.

— Простите, Тальони, — тихо сказал месье Жоливе, стоявший рядом. — Здесь Селин Варанс. Это правда, что она не танцует больше года. Но все это время она занималась, я давал ей уроки... Могу поручиться за нее.

Тальони бросил взгляд на Селин, которая сидела в уголке, завернувшись в кашемировую шаль, и старалась никому не мешать.

— Проклятье! — повторил он по-итальянски. — Она ведь никогда не танцевала на кончиках пальцев.

— Попробуйте ее, — вежливо повторил месье Жоливе.

Дрожа от переполнявших ее чувств, Селин сняла одежду и надела

тунику, которую ей немедленно поднесла портниха. К счастью, нашлись и туфельки ее размера. Подруги прежних дней подбадривали ее ласковыми словами. Нельзя сказать, чтобы в балетной труппе не было ревности или соперничества, но в тот момент все желали только, чтобы месье Тальони успокоился, а репетиция продолжилась. В конце концов, роль у Дельфины совсем небольшая...

5

— Репетиция прошла успешно, — продолжала рассказывать Селин. Софи и Туссен слушали затаив дыхание. — Месье Жоливе меня похвалил. Тальони спросил, могу ли я продолжать репетировать, чтобы начать работу. Он говорит, ему нужно поизучать меня два-три дня, прежде чем дать роль. Только подумайте! Если он примет меня, всего через две недели я вновь буду танцевать на сцене перед публикой. И не в каком-нибудь обычном спектакле. Начну с самого низа, с кордебалета, это правда, но зато в «Сильфиде» — балете, о котором говорит вся Европа!

— А что скажет месье Эдуар? — спросила Соланж, которая в молчании выслушала весь рассказ, не разделяя энтузиазма Софи и Туссена.

Селин склонила голову и оставила вопрос без ответа.

— Вы не можете согласиться. Вы прекрасно знаете, что месье никогда вам этого не позволит, — настаивала няня.

— Месье уехал, — вмешался Туссен. — И мы не знаем, где он. Мы не знаем, когда он вернется. Как он может требовать?

— Он ее муж, — ответила Соланж.

— Я всегда говорила ему, что вернусь на сцену! — возразила Селин, поднимая голову. — Он не может мне помешать. Я ему не рабыня.

На этот раз Соланж промолчала. Она молча взяла на руки Адель, которая закончила есть, и унесла ее наверх.

Вечером, узнав о последних событиях, Гражданин Маркиз горячо поддержал крестницу.

— Эдуар не должен думать только о себе. Если бы он оставил тебе адрес, он мог бы возмутиться, что у него не спросили разрешения, но он же... Да и рано беспокоиться, моя дорогая. Месье Тальони, как ты говоришь, еще не сказал окончательно, получишь ли ты роль. Подождем его решения. И если ты ее получишь, значит, это судьба... — При этих словах на лице крестного появилось суровое выражение. — Послушай меня, ты вовсе не обязана возвращаться на сцену. Это решаешь ты сама. Ты

всегда говорила, что будешь танцевать, с первого же дня вашего брака. Если твой Эдуар сделает вид, что не знал об этом, он лицемер. Неизвестно было только то, когда ты это сделаешь. Так вот, если судьба и месье Тальони пожелают, ты вернешься через две недели.

— Возможно, в марте месье еще не приедет, — осмелилась открыть рот Софи. — Возможно, он не узнает...

— Возможно, — согласился Гражданин Маркиз. — Но в таком случае ему скажет об этом сама Селин. Браки, девочка, как и любые другие отношения между честными людьми, не могут держаться на лжи и уловках.

Два дня спустя месье Тальони решил и попросил Жоливе сообщить ученице, что берет ее в труппу на роль одной из сильфид.

Селин сияла от счастья. Последнее препятствие, кормление Адели грудью, тоже неожиданно исчезло. Один из арендаторов крестного привез наконец хорошенькую белую козочку с раздутым от молока выменем, которую Софи немедленно окрестила Джали — так звали дрессированную козочку Эсмеральды из любимого романа девочки.

Держали ее в саду, и Джали нахально объедала не только траву с лужайки, но и цветы с клумб. Когда для Адели наступало время кормления, Джали приводили в дом. Старый доктор потребовал, чтобы всякий раз, как коза приближается к девочке, ей обязательно мыли копыта и вымя водой и мылом. В первый раз Адель на руках у Соланж с большим любопытством рассматривала животное, протягивала ручки к рогам и смеялась над ее бляньем. Потом посмотрела по сторонам, ища мать, но Селин по совету Готтон оставалась в самой дальней комнате дома.

— Так будет проще и вам, и ребенку, — сказала старая служанка.

Тогда Адель повернулась в сторону любимого друга.

— Тусси? — сказала она вопросительным тоном.

Туссен сделал знак Соланж, чтобы она опустила девочку на пол, между ног козочки, встал на колени рядом с ней и терпеливо показал, как ухватиться за сосок Джали, которая спокойно стояла на месте, будто понимала, чего от нее ждут.

Может, из-за того что Адель была голоднее обычного, а может, из-за того что новшество показалось ей забавным, кругом было много зрителей и все ее подбадривали, но девочка сразу же с удовольствием начала сосать. Ее желудок легко принял новую еду, и она быстро привыкла к перемене, хотя, сидя на коленях у матери, по-прежнему старалась развязать ей корсет.

Однажды, наевшись, она неожиданно ухватила за шерсть козы и встала. Соланж и Софи, стоявшие рядом, хлопнули ей: «Умница!» — призывая сделать шаг. Адель обняла Джали за шею и попыталась шагнуть,

но упала и села на землю с выражением полного недоумения.

— Ты права, моя золотая: девять месяцев — это еще слишком мало, чтобы гулять одной, — сказала ей Софи, смеясь и беря ее на руки.

Иногда по ночам Адель плакала и звала мать. Но даже когда Селин была дома и находилась в соседней комнате, малышку, опять-таки по совету Готтон, брала к себе в кровать и утешала Софи. Деде не делала попыток искать ее грудь, и они засыпали в обнимку. Софи думала, что, кроме Фантины, она никогда никого так не любила и не будет любить, как начинала любить Адель.

6

Премьера «Сильфиды» была назначена на двенадцатое марта. Балерины получили из театральной мастерской свои костюмы и теперь репетировали в них: в верхней части атласный облегающий лиф, в нижней — легкая пышная юбочка, которую кто-то — неизвестно, кто первый, — назвал странным словечком «пачка».

В Париже только об этом и говорили; газетчиков трясло от нетерпения. Туссену разрешили присутствовать на репетиции за кулисами, и он сумел набросать портрет Селин в костюме сильфиды.

Он принес рисунок в школу, и Гражданин Маркиз, рассмотрев его с большим вниманием, показал ученикам и сказал:

— Вероятно, вам неизвестно, что вначале во Франции все классические танцовщики были мужчинами, потому что для женщины считалось неприличным двигать руками и особенно ногами с такой свободой. А то, что женские партии исполняют мужчины и что самые видные люди королевства танцуют в трико на сцене — неприличным не считалось. Людовик XIV в 1635 году танцевал партию бога Солнца в балете под названием «Королевский балет ночи». Именно роли в этом балете, а вовсе не блеску своего царствования, как думают многие, обязан он прозвищем Король-Солнце.

— Вероятно, балет очень ему нравился, — заметила Анжелика. — Я читала, что именно Король-Солнце учредил в 1661 году Королевскую академию музыки и танца.

— Именно так, — одобрительно сказал учитель. — И тогда же впервые танцовщики перестали танцевать среди публики и поднялись на сцену. В том же 1661 году в балете «Триумф любви» впервые выступила женщина-балерина, мадемуазель Ла Фонтен. Она, как и мужчины,

танцевала в маске. Понадобилось более столетия, чтобы великий Максимильен Гардель осмелился появиться на сцене с открытым лицом. Это был 1772 год.

Поначалу балерины находились в невыгодном положении по сравнению с танцорами-мужчинами, потому что не могли двигаться с такой же легкостью и изяществом: они были одеты в сценические костюмы с корсетами, стоячими воротниками, тяжелыми длинными многослойными юбками и носили украшения, то есть были одеты так же, как если бы играли трагедию. Только в 1773 году Мария Салле осмелилась танцевать в балете «Пигмалион» в свободной тунике, а чтобы скрыть ноги, надела панталоны на турецкий манер из воздушной ткани. Сегодня положение очень изменилось: теперь, наоборот, балерины часто танцуют переодетыми, исполняя мужские роли. Но думаю, что эта... — как ты ее назвал, гражданин Туссен? — думаю, что эта пачка совершит в искусстве балета еще один революционный переворот.

Гражданин Маркиз окинул учеников внимательным взглядом, чтобы удостовериться, что дети все поняли и не заскучали. Они слушали с видимым интересом, и он, откашлявшись, спросил:

— А вам хотелось бы пойти на премьеру «Сильфиды»?

— У Антуана и у меня никогда не будет столько денег, чтобы заплатить за билет, — грустно заметила Полина.

— А даже если у нас будет билет, никто нас не пропустит, — сказал Антуан, имея в виду свою перелатанную и перештопанную одежду.

— Но у наших родителей, — вмешалась Анжелика, — есть ложа в театре Опера.

— И у моей бабушки, — сказала Олимпия. — Вы можете разместиться у нас. У кого есть место в ложе, не платит за билет. Если нам разделиться на две группы, места хватит всем.

— Да, но... как быть с одеждой? — спросила Полина.

— Мы одолжим вам свою, — сказала Анжелика, которая начала проникаться этой идеей. — Это как переодеться в костюм, чтобы играть в комедии! У меня есть красивое платье из лилового шелка, украшенное букетиками желтых роз, оно теперь мне мало. Кажется, мама заказала его для меня, когда мне исполнилось восемь. Я почти его не носила, оно как новое. Оно точно на тебя, Полина.

— А у Антуана будет богатый выбор! Вы знаете, что бабушка одевала меня как мальчика с тех пор, как я научилась ходить? Она сохранила всю мою одежду — не сомневаюсь, что в ее шкафах мы найдем что-нибудь подходящее для нашего Бугенвиля... а нет, так и Морис, и Максимильен

предложат тебе что-нибудь из своего гардероба...

Постепенно разговоры о том, кто из учеников Гражданина Маркиза во что будет одет, превратились в веселую игру, которая завершилась накануне премьеры — всеобщим переодеванием. К этому времени все уже перестали понимать, на ком чьи будут вещи.

Не только Полина получила обещанное лиловое платье, Софи тоже выбрала себе атласное голубое платье из гардероба Анжелики. А сама Анжелика решила надеть напудренный парик и старинную мужскую одежду с белым кружевным жабо — то и другое носила Олимпия в двенадцать лет.

Максимильен предложил Антуану костюм из зеленого бархата на русский манер с высоким расшитым поясом. Морис попросил у Туссена его экзотическую ливрею, которая походила на костюм из средневековой оперы, а ему дал взамен парадную форму, которую ему самому сшили годом ранее для военного училища. Единственной, кто ничего не мог взять у товарищей, была Олимпия: она уже выглядела как взрослая. Но и ей хотелось поучаствовать в общей игре. Поэтому, по предложению Селин, которая с интересом следила за общим маскарадом, Олимпия переделалась в настоящее вечернее платье — то самое темно-красное муаровое, которое так нравилось Софи, — и впервые в жизни облачилась в корсет, от которого снизу расходилась сетка из лент и китового уса, поддерживавшая кринолин.

— Ты очень красивая, гражданка, — серьезно сказал ей маленький Антуан. — Ты согласишься выйти за меня замуж, когда мне исполнится шестнадцать?

7

Утром двенадцатого марта Туссен проснулся с сильнейшей головной болью. Он плохо спал, кашлял и не мог дышать. Горло распухло, глотать было невыносимо. Он сделал попытку встать, но пошатнулся и, чтобы не упасть, ухватился за кровать. Поднес руку к щеке и почувствовал, что она пылает, хотя его трясло от холода.

«Кажется, я сильно простыл», — подумал он. В это время года такое уже с ним бывало. Старый доктор объяснил ему, что все, кто родился и вырос в более теплом климате, плохо переносят сырость парижской зимы и ему надо беречься простуд, потому что так недалеко и до чахотки.

Он снова лег в постель и закутался в одеяло. За стеной, отделявшей

его комнатку от коридора, он слышал шуршание щетки — это Шарлотта делала утреннюю уборку. Он постучал кулаком в стену.

— Что это ты до сих пор лежишь, лентяй? — сварливым тоном спросила горничная, врываясь в комнату и распахивая окно.

— Закрой, пожалуйста, и позови Софи, — едва слышно прохрипел Туссен.

Шарлотта с тревогой пощупала ему лоб.

— Да ты горишь! — воскликнула она. — Тут не Софи надо звать, а предупредить мадам.

— Умоляю, не говори ей! У нее сегодня такой важный день, ей нужно быть спокойной. Если она о чем-нибудь спросит, скажи, что я пошел в школу.

— Ты прав. Но мы скажем Жан-Батисту, чтобы заехал за доктором, когда отвезет мадам в театр.

Балеринам следовало прибыть на улицу Пельтье к десяти утра. В половине одиннадцатого Жан-Батист вернулся на бульвар Капуцинов со старым доктором.

Софи тоже решила пропустить школу. Когда доктор вошел, она стояла рядом с кроватью Туссена и пристраивала ему на лоб тряпицу, смоченную в холодной воде.

— Ничего опасного! — объявил доктор, внимательно осмотрев больного. — Растворите в воде этот порошок и давайте ему утром, днем и перед сном. И мед, когда он сможет глотать. Он будет сильно потеть. Как только простыни намокнут — сразу меняйте. Ему нужны сейчас тепло и сухость.

— Я смогу выйти в пять часов? — спросил Туссен.

— В пять часов в четверг — может быть, проказник! — рассмеялся доктор. — Если не хочешь, чтобы твоя простуда перешла в чахотку, тебе придется пролежать в постели три полных дня.

Когда старичок вышел, Софи расстроено вскричала:

— Значит, мы не идем на балет, где будет танцевать мадам!

— Почему «мы»? Ты-то не больна и можешь спокойно пойти.

— Но я не хочу тебя оставлять.

— Послушай, я же пока не умираю. В доме слуги. Мадам расстроится, если ты не пойдешь в театр со всеми остальными, — сказал Туссен.

Ему пришлось долго убеждать Софи. Он напомнил ей, что для нее пойти на премьеру «Сильфиды» — ни с чем не сравнимое событие, а он уже видел репетицию в костюмах. Он много раз бывал в театре, потому что сопровождал хозяев, а Софи пойдет туда впервые. И товарищей тоже не

следует огорчать — после всех стараний, которые они приложили, чтобы раздобыть для нее элегантное платье.

— Да и в конце концов, надо же, чтобы завтра хоть кто-нибудь мог рассказать мне во всех подробностях, как публика принимала возвращение на сцену Селин Варанс!

Словом, несмотря на горячку, Туссен был так убедителен, что Софи согласилась пойти в театр без него. Надо признать, что девочка мечтала об этом всем сердцем и была благодарна другу за его настойчивость.

Ближе к вечеру Жан-Батист заложил большую карету и вместе с Софи отправился в Латинский квартал за Гражданином Маркизом и детьми, которые уже собрались на улице Жакоб. Когда компания прибыла на улицу Пельтье, собравшиеся перед театром парижане весело разглядывали старого маркиза, одетого по моде прошлого века, который выходил из кареты в окружении пестрой стайки своих учеников.

Педагогический дар Гражданина Маркиза проявился и на этот раз: вместо того чтобы направиться сразу ко входу, старик остановился на тротуаре и начал объяснять маленькой компании:

— Парижский театр Опера, перед которым мы стоим, — пятое по счету здание, где размещалась Королевская академия музыки и танцев, основанная, как вы помните, Королем-Солнце в 1661 году. Ранее это были театр Порт-Сен-Мартен, театр Монтансье, зал Фавар и театр Лувуа... Это здание было построено в 1821 году, всего за двенадцать месяцев, под руководством архитектора Дебера, который решил воспроизвести стиль миланского театра Ла Скала. Прошу вас обратить внимание на прекрасные пропорции фасада, на симметрию между портиком первого этажа и арочными окнами второго, на восемь венчающих колонны статуй, которые призваны подчеркнуть межоконное пространство...

Олимпия и близнецы, которые прежде много раз бывали в театре Опера, но ни разу не обращали внимание на эти детали, теперь смотрели на них с не меньшим интересом, чем все остальные. Один только Морис слушал без удивления: несколько лет назад он получил в подарок от матери цветную литографию с изображением театра и много раз перерисовывал ее, чтобы поупражняться в перспективе.

Софи, задрав голову, разглядывала статуи и перила балюстрады, идущей по периметру крыши, когда ее отвлек голос учителя: Гражданин Маркиз приветствовал кого-то с большой сердечностью.

— Мое почтение, гражданка Дюпен!

Однако, обернувшись, девочка увидела, что он кланяется не даме, а черноволосому молодому человеку в широком прямом рединготе и в

шелковом цилиндре на длинных волосах. Она с удивлением посмотрела на Анжелику, которая оттащила ее назад и сказала на ухо:

— Это баронесса Аврора Дюдеван, писательница, которая подписывается именем Жюль Санд.

— А зачем она одевается по-мужски? — прошептала Софи, вспоминая, как негодовала мать, узнав во время их «чтений» эту скандальную новость. — Может, у нее есть такая же бабушка, как у Олимпии?

— Нет. Но она утверждает, что так дешевле. Ведь это правда, что мужчинам довольно только одного вечернего костюма на целый сезон. Тогда как дамам приходится надевать новый туалет на каждый званый вечер, а такое платье, как на тебе или на мне, стоит в десять раз больше, чем самый элегантный фрак.

Они вошли в театр. Фойе сверкало: над головой висела огромная круглая люстра с сотнями огней, а на стенах было множество светильников. Софи, Полина и Антуан, оробевшие от такого великолепия, жались к товарищам.

Олимпия разделила компанию на две части.

— Бабушка тоже простудилась и решила сегодня вечером остаться дома. Поэтому наша ложа полностью свободна. Я забираю младших, Гражданин Маркиз.

Софи пришлось расстаться с учителем, который вместе с близнецами отправился в ложу их родителей.

Ложи располагались в три ряда и почти все были заняты. Сидевшие в них зрители разглядывали в бинокли партер и приветствовали знакомых. Яркий свет газовых ламп в круглых матовых абажурах, элегантность дам, которые беспрестанно обмахивались веерами, блеск драгоценностей, белизна открытых плеч — от всего этого у Софи закружилась голова. Когда на улице Маркаде она читала матери светскую хронику в газете, она и вообразить не могла, что столько роскоши, элегантности и красоты могут быть собраны в одном зале. И кто бы мог подумать, что всего несколько месяцев спустя она сама окажется на таком великолепном празднике? При мысли о том, что она не сможет рассказать обо всем этом Фантине, глаза ее тотчас наполнились слезами.

Олимпия села и, посадив к себе на колени Антуана, которому со стула ничего не было видно, шептала ему на ухо:

— А ты знаешь, что газовое освещение в этом театре появилось двадцать лет назад? Его впервые использовали для создания особого эффекта в спектакле «Аладдин и волшебная лампа» — по сказкам из

«Тысяча и одной ночи».

— Мне бы так хотелось его посмотреть! Жаль, что меня тогда еще не было на свете. Но если бы я уже родился, то скорее предпочел бы отправиться в Вест-Индию с гражданином фон Гумбольдтом, — серьезно проговорил сын стекольщика.

— Ну нет, двадцать лет назад Гумбольдт уже вернулся из путешествий и жил в Париже!

— Тогда я поехал бы с гражданином Шельшером.

— А он тогда еще никуда не уезжал.

— Ты что, гражданка, хочешь отправить меня в Новый Свет совсем одного — еще до моего рождения? А знаешь ли ты, что теперь, когда я уже почти восемь лет как родился, я еще не умею плавать?

Софи, не сдержавшись, тихо засмеялась.

— Тс-с! Поднимается занавес! Спектакль начинается, — прошептала Олимпия.

8

В то же самое время на бульваре Капуцинов Туссен, спавший благодаря лекарству крепким здоровым сном, проснулся от шума кареты, которая остановилась перед решеткой сада. Он встал и с любопытством выглянул в окно. Было почти темно, но он сумел разглядеть силуэты: крупный мужчина заплатил извозчику и двинулся по подъездной дорожке к дому. Мальчик мгновенно его узнал. Месье Эдуар! «Какой неудачный день для возвращения, — с беспокойством подумал Туссен. — Ему нравится являться неожиданно, чтобы сделать сюрприз мадам... Но сегодня сюрприз ждет его самого».

У него сильно билось сердце, когда хозяин открыл дверь и крикнул в дом:

— Жан-Батист! Нужно внести багаж!

Туссен на цыпочках вышел на лестницу и поглядел вниз.

Задыхаясь, выбежала Шарлотта.

— Добро пожаловать, месье. Вот нежданная радость!.. Я займусь вашим багажом. Вы, верно, устали с дороги. Изволите пройти наверх? Я велю Лизетте принести горячей воды.

— Жан-Батиста нет?

— Нет. Он уехал на большой карете, повез...

Шарлотта на мгновение запнулась. Она тоже понимала, что положение

серьезное. Прежде всего, хозяин никогда не одобрит, что большую карету используют для того, чтобы взятой из милости сироте не пришлось идти пешком. А уж когда он узнает, что мадам...

Горничная опасалась взрыва ярости англичанина и решила, что чем позже месье услышит правду, тем лучше: к тому времени она сама, возможно, успеет скрыться на кухне.

— ...повез мадам в Опера, — вдруг выговорила она.

«Вот умница Шарлотта! К тому же доля правды в ее словах есть. Повез-то он утром, но ведь повез», — одобрил ее ответ Туссен.

— На какой спектакль она поехала? — спросил месье Эдуар, все еще спокойно.

— Не знаю, — солгала горничная и снова добавила к лжи полуправду, которая, по ее мнению, могла успокоить хозяина: — Жан-Батист должен был также заехать за Гражданином Маркизом. Сейчас, если позволите, месье, я займусь вашим багажом.

— Еще минуточку, Шарлотта. Что нового за время моего отсутствия?

— Ничего, месье. То есть да, есть новое! Маленькая Адель теперь пьет молоко козочки и говорит первые слова.

— Я имел в виду не такие новости, — сказал англичанин, сделав скучающий жест рукой. — Может, кто-нибудь ко мне приходил?

— Нет, месье, насколько я знаю. Но пришло множество писем. Я сложила их в вашем кабинете, как вы приказывали.

— Хорошо. Пусть принесут наверх горячей воды.

Туссен быстро вернулся к себе в комнату, чтобы хозяин, поднимаясь на второй этаж, его не увидел. Месье вошел в свою уборную, и вскоре до Туссена донесся плеск воды из рукомойника.

Шарлотта отнесла наверх дорожную сумку и скрылась на кухне, как в убежище. Помимо Адели, которая спала невинным сном, все живущие в доме со страхом ожидали мгновения, когда хозяин узнает, что мадам поехала в Опера не как зрительница — что она сейчас не в ложе или в кресле партера, а танцует на сцене, то есть, как всегда с презрением говорил месье, «демонстрирует свои ноги каждому заплатившему за билет».

Возможно, если усталость после поездки заставит его рано лечь, он узнает обо всем только на следующий день. Но рано или поздно, думали трепещущая Шарлотта и Соланж, буря все равно разразится. И какая буря!

Надо, чтобы Селин знала, понял Туссен. Надо предупредить ее, что муж вернулся.

Он решил одеться потеплее и, несмотря на предписания доктора,

отправиться к театру и ждать ее у выхода для артистов. В конце концов, он уже чувствовал себя лучше.

Он собрался, надел шубу и тихонько спустился на первый этаж. Он уже взялся за ручку двери, когда услышал, что англичанин спускается по лестнице. Хочет ехать за женой в театр? Туссен свернул из ярко освещенной прихожей в кабинет хозяина, но тут же похолодел от ужаса: шаги приближались прямо к нему! К счастью, занавеси на окнах были задернуты. Мальчик быстро спрятался за ними и затаил дыхание. Его опять бросило в пот — то ли от болезни, то ли от теплой одежды и огня в камине, то ли от страха, что хозяин его заметит. Только бы не закашляться! Он осторожно придвинулся поближе к узенькой щелке между занавесями.

Месье Эдуар, как и предполагала Шарлотта, едва скользнув взглядом по письменному столу, направился к каминной полке за большим светло-коричневым конвертом. Вскрыв конверт ножом слоновой кости, он вынул листок, развернул... и так и застыл, будто сраженный молнией.

«А ведь он даже еще не прочел ни одного слова, — подумал Туссен. — Видно, узнал почерк».

— Дик! — в ярости воскликнул англичанин. — Как, черт возьми, ему удалось меня найти? Я принял все меры предосторожности...

Читая, он метался по комнате, как тигр в клетке, и продолжал браниться.

— Будь он проклят! Зачем он снова лезет в мою жизнь? Как он смеет мне приказывать?

Он бросился в кресло, яростно скомкал письмо и встревоженно огляделся.

— Чтобы я послушался этого червя! Он шантажирует меня, этот подлец и трус, боящийся собственной тени! — сказал он, обращаясь к люстре. И рассмеялся горьким злым смехом.

— Что ж, значит, придется принести эту жертву. Иного пути нет, — воскликнул он. — Впрочем, не так уж это и важно. Все равно комедия слишком затянулась, пора заканчивать...

Спрятавшийся Туссен слушал с большим недоумением и пытался понять, что означают эти бессвязные фразы, но не мог отыскать нить. Он смотрел на скомканный листок, упавший на ковер, надеясь им завладеть, когда уйдет англичанин. Только бы прочитать, что там, — и тайна будет раскрыта.

Но тут, словно услышав его мысли, месье Эдуар поднял листок, с яростью швырнул его в огонь и не отводил глаз, пока листок не превратился в горстку пепла.

— К черту, Дик! — прорычал он в камин.

Затем направился в прихожую, распахнул дверь и без пальто и шляпы вышел большими шагами в ночную тьму.

Туссен пошел следом, скользя среди теней и радуясь, что на плечах у него шуба, а на голове шапка. Он слышал, как хозяин продолжает возбужденно бормотать:

— Покончить с этим, как можно скорее! Будет она плакать, не будет — мне-то что за дело! Хватит с меня ее капризов. Довольно! Тут нужна храбрость. Чего-чего, а храбрости мне не занимать.

Так они добрались до улицы Пельтье — мужчина, а за ним, в десяти шагах, — темнокожий мальчик. Фасад театра был освещен. Вдоль тротуара стояли кареты в ожидании хозяев. Жан-Батист тоже был там, среди кучеров, которые перешучивались и посмеивались друг над другом; но хозяин его то ли не увидел, то ли не узнал.

Англичанин уже собирался войти в широко раскрытые двери, как его взгляд упал на афишу на стене. На ней была изображена Мари Тальони в костюме сильфиды, указано название балета и имена композитора, хореографа и остальных. А понизу афишу пересекала наклеенная сверху лента из желтой бумаги:

ВЕЛИКАЯ СЕЛИН ВАРАНС ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА СЦЕНУ

Англичанин рассматривал надпись несколько мгновений, а затем расхохотался. Сорвав афишу со стены, он засунул ключья в карман. Отошел от театра и, оказавшись возле фонаря, прижался лбом к холодному металлу, выкрашенному зеленой краской. Его трясло. Туссен, шедший следом, не мог понять, что за звуки он издает, смех это или рыдания. Он подошел и осторожно положил руку ему на плечо.

— Вам плохо, месье?

— Что ты здесь делаешь, черномазый? — крикнул англичанин изменившимся голосом. — Ты же должен сидеть в первом ряду, заглядывать под юбку этой шлюхе, твоей хозяйке!

Затем схватил его за руку.

— Идем домой!

Туссен попытался высвободиться, но пальцы хозяина держали его, как железные тиски.

Когда они добрались до бульвара Капуцинов, англичанин грубо толкнул его в маленькую гостиную первого этажа.

— Собирался испортить мне сюрприз, мерзкая мартышка? Хотел предупредить ее, чтобы она успела напридумывать всякого вранья? — сказал он вне себя от злости. — Знаю, вы все на ее стороне. Она умеет обводить дураков вокруг пальца, эта мнимая простушка, эта распутная праведница. Но на сей раз ей не избежать сюрприза, она его получит!

И запер дверь на ключ.

9

Туссен тотчас бросился к окну, хотя и знал, что ему не выбраться: на окнах железные решетки. Но он хотя бы мог видеть происходящее. Он уселся на подоконник, обхватил руками колени и стал ждать. Спустя примерно час он услышал, как отпираются ворота, затем под колесами захрустел гравий. Он задрожал при мысли, что месье Эдуар тоже слышит эти звуки, и осторожно открыл окно, чтобы высунуть наружу руку.

Он увидел, как подъехала карета, как она остановилась. Из нее вышла Софи — Жан-Батист подал ей руку. Тем временем в доме на лестнице раздались тяжелые шаги месье. Несколько секунд — и он распахнет входную дверь. Селин уже вышла из кареты.

— Ш-ш-ш! — зашипел Туссен, маша платком в надежде привлечь внимание.

Селин посмотрела в его сторону. Ее удивленный взгляд выражал вопрос.

«Месье. Вернулся», — шевелил губами Туссен, не издавая ни звука.

Селин в одно мгновение втокнула Софи обратно в карету и тихо приказала кучеру:

— Скорее! В каретный сарай.

Каретный сарай и жилище кучера располагались позади дома. Жан-Батист послушался. Он хорошо знал хозяина и понимал, что присутствие Софи в красивом платье только усложнит положение. «Да и так хуже некуда», — подумал в тревоге кучер.

Туссену уже не раз предоставлялась возможность оценить поразительное самообладание хозяйки, которое странным образом сочеталось с ее мягким сентиментальным характером и внешней хрупкостью.

Поэтому он не удивился, увидев, как она спокойно и невозмутимо поднимается по ступенькам, берется за ручку двери и даже не вздрагивает, когда дверь неожиданно распахивается и месье Эдуар преграждает ей путь.

— Ангел мой! Вы вернулись! — воскликнула Селин с радостным изумлением.

— Вы не ждали меня, мадам, — холодно ответил ей муж.

— Как мне было вас ждать? Вы никогда не предупреждаете заранее. — И добавила, нежно проведя рукой по его щеке: — Как я рада видеть вас. Вы здоровы? Мне кажется, у вас немного усталый вид.

Англичанин, который ждал испуга, стыда, возражений и уверений в невиновности, надуманных оправданий, мольбы о прощении, оказался не готов к такому спокойствию. Он отступил в сторону, пропуская ее. Но тотчас вытащил из кармана обрывки афиши.

— Вы ослушались меня, — сказал он тоном сдержанным, но угрюмым.

— Я никогда не обещала вам, что откажусь от балета, — ответила она ласково, как будто говорила с упрямым ребенком.

— Вы нарушили мой запрет.

— Я ваша жена, а не ваша раба.

Обычно при этих словах, которые англичанин списывал на дурное влияние крестного, он приходил в ярость и напоминал Селин, что по закону муж располагает всеми правами в отношении жены. «Эти идиоты революционеры хотели ослабить узду, но Наполеон восстановил порядок. Так что выбора нет, прекрасным дамам придется подчиниться».

Но в этот вечер он окинул ее холодным взглядом и ответил:

— Вы правы, хотя и не совсем. Вы не...

— Значит, я могу... — горячо начала Селин, но он перебил ее.

— Я хотел сказать: вы не моя жена.

Более спокойный, чем Селин, слушатель смог бы уловить в его голосе легкую нотку удовлетворения, даже облегчения от того, что найден удачный повод произнести эти слова.

Молодая женщина, однако, побледнела.

— Что вы сказали?

— Не теряйте спокойствия, душечка. Идемте. Снимите капор.

Он обнял ее за плечи и повел в кабинет. Он вдруг сделался ласковым и как будто печальным.

— Сядьте. Я должен с вами поговорить.

Селин растерянно послушалась. Она привыкла к сценам, крикам и упрекам и научилась не обращать на них внимания. Она знала, что гнев ее Эдуара быстро выкипает. И хотя его считали жестоким и гневливым, ей было известно, что он бывает щедр, честен, нежен, и все это таится, как сладостный плод, под твердой кожурой тяжелого нрава. Она не верила, что

он способен на жестокие шутки. Что же значат эти слова: «вы мне не жена»?

— Объяснитесь, — очень тихо проговорила она.

Англичанин взял ее руки в свои, сжал их и с улыбкой посмотрел в глаза.

— Глупенькая! Как вы могли поверить в нелепую историю про тетку, которая не должна знать о нашем браке? Вы, такая умная, образованная женщина... Как вы могли поверить, что этот нотариус был взаправду нотариусом...

— Он не нотариус? — спросила Селин, которой огромным усилием удавалось сохранять спокойствие.

— Он актер из театра Порт-Сен-Мартен. Я хорошо ему заплатил, а он хорошо сыграл свою роль.

— А как же брачный контракт?

— Клочок бумаги.

— Значит, вы мне не муж?

— Нет.

— Кто же вы?

— Ваш любовник, ваш мужчина, ваш благодетель — называйте, как пожелаете.

Селин задумалась. Она смотрела на англичанина, и ей казалось, что перед ней незнакомый человек.

— Почему? — спросила она после недолгого молчания.

— Потому что я любил вас. Потому что хотел получить вас во что бы то ни стало. А вы...

— А я не хотела просто связи, я хотела, чтобы навеки, — сказала Селин бесцветным голосом.

— Но, крошка моя! Вы всерьез считали, что джентльмен может жениться на балерине?

— А Адель?

— Не раздражайте меня этой вашей Аделью, хорошо? Я даже не уверен, что это моя дочь.

Селин откинулась на спинку кресла, вцепившись пальцами в подлокотники. Она тяжело дышала, как будто ее ударили под дых. Потом она глубоко вздохнула и вдруг почувствовала, как из глубины сердца поднимается и наполняет все ее тело и душу спокойное бешенство, ледяная вода, даже ледяное пламя. Она подняла голову, улыбнулась и сказала с вызовом тому, кто когда-то, в незапамятные времена, был «ее сладостным Эдуаром»:

— Вы правы, она вам не дочь.
Такого ответа англичанин не ожидал.
— Что значит — не дочь? — закричал он, побагровев.
— Как я вам не жена, так и Адель вам не дочь.
— Поклянитесь!
— Какая вам разница, чья она дочь?
— Есть разница, лгунья, есть! Есть разница, потому что именно я оплачиваю ее дом, ее еду, ее одежду, няню, карету... даже за козу приходится платить мне — ради неизвестно чьей дочери! И вы еще хотели убедить меня, что она похожа...
— С этой самой минуты вы больше ни за что не будете платить, не беспокойтесь. Прошу вас собрать вещи и немедленно покинуть этот дом.
— Вы не можете приказывать мне, мадам!
— Я сказала «прошу вас». Ведите себя как джентльмен, каковым себя называете. Будьте достойны вашей тетушки-леди, даже если она не существует.
— Я уйду. Но помните: это вы меня прогнали. Завтра отправьте мои вещи с Жан-Батистом в «Отель д'Эгль».
— Разумеется. А теперь позвольте мне удалиться, месье. Я очень устала.
Два часа спустя в гостиничном номере, пытаясь успокоить себя бутылкой бренди, англичанин сел за столик и написал письмо. Даже если бы кто-нибудь из обитателей дома на бульваре Капуцинов смог заглянуть ему через плечо, прочитанное не пролило бы свет на тайну неожиданного решения месье Эдуара.

Я оставил ее, как Вы потребовали, Дик. Я оставил ее — и одному Богу известно, чего мне это стоило. Такое нежное, такое прекрасное и гордое создание! Прямая и острая, как меч. Белая и благоуханная, как лилия. Впрочем, Вы с нею знакомы и понимаете, от чего принудили меня отказаться. Когда же Вы, наконец, оставите меня в покое?!

10

Жан-Батист вернулся из «Отеля д'Эгль» с запиской:

Дом и прислуга оплачены до конца марта. Счета и долги, сделанные Вами в мое отсутствие, Вы должны оплатить

самостоятельно, от меня Вы не получите больше ни единого су. Прощайте, мадам. Забудьте обо мне.

— Что вы теперь будете делать? — спросил на следующее утро Туссен, которого Селин, едва встав с постели, позвала в зеленую гостиную вместе с Софи.

— Соглашусь на место, которое предложил мне директор театра. Вчера вечером я имела большой успех. Контракт уже подготовлен.

Селин проплакала всю ночь. На рассвете она заснула и проспала до одиннадцати часов. Когда она проснулась, это была уже другая женщина — спокойная, тихая, решительная. Лизетта сделала ей примочки из ромашки на глаза, помогла одеться в платье цвета мальвы, отделанное синей — в тон ее глаз — тесьмой, и сделала высокую прическу вместо распущенных по плечам волос.

Софи, которая в прошлую ночь не послушала кучера, а побежала освобождать Туссена и вместе с ним слушала из прихожей разговор взрослых, смотрела на нее с тоской, полная жалости к ее так хорошо скрываемым страданиям, и думала о нищете, которая разевала перед ними свою страшную пасть.

— Четыре тысячи франков в год — это немного! — заметил Туссен.

— Я хорошо жила на эти деньги до того, как встретила это чудовище.

— Вы жили одна и в мансарде.

— Ты прав, Тусси. Я буду вынуждена уволить слуг.

— С Аделью буду я, — поспешила сказать Софи. Но потом ей пришла в голову страшная мысль. Оказавшись в нищете, Селин будет вынуждена прогнать и ее. Куда же ей идти? Софи не осмеливалась даже подумать об этом.

— Я продам драгоценности, — сказала молодая женщина, — и кашемировую шаль. Она стоит целое состояние. А еще есть лошади и карета...

— Если продадите меня, можете выручить хорошие деньги, — встрял Туссен.

Софи чуть не задохнулась от неожиданности.

— Нет! — с трудом выговорила она, когда пришла в себя.

А Селин долго в молчании рассматривала юного раба.

— Ну да, если продать тебя... — сказала она бесцветным голосом. — По закону ты принадлежишь мне. Если только и твои документы не клочки бумаги.

— Нет. Когда вы получили меня в дар, передача собственности

произошла по закону, — сказал Туссен. — Мне объяснял это Гражданин Маркиз. Мои документы в порядке. Можете продать меня хоть завтра — теперь, когда у вас нет мужа, чтобы спрашивать у него разрешение, вы вправе это сделать. Я знаю, что многие аристократы, которые видели, как я сопровождаю вас в Булонский лес, хотели бы меня купить.

— Надо будет найти нотариуса, настоящего, — сказала Селин тем же самым серым, как у лунатика, голосом.

Софи плакала. Продать Тусси, как какую-то лошадь! А что скажет крестный? А месье Виктор Шельшер?

В этот момент вошла Шарлотта и сказала, что Гражданин Маркиз внизу и ждет, что его примут.

— За ним поехал Жан-Батист, — объяснила она. — Сам поехал, как только вернулся из «Отеля д'Эгль», так сразу развернул карету — и на улицу Жакоб: рассказать маркизу о том, что произошло прошлой ночью. А ваш крестный сразу решил приехать.

Гражданин Маркиз вошел и поцеловал Селин руку. Софи с удивлением заметила, что на лице старика не было ни грусти, ни огорчения, как того требовали обстоятельства и приличия.

— Поздравляю тебя, моя девочка, — сказал Гражданин Маркиз довольным тоном. — Ты избавилась от этого обманщика.

— Это правда, — сказала Селин с сухими глазами. — И надеюсь никогда больше его не видеть. Но у меня есть вопросы, которые необходимо срочно разрешить, и мне требуется ваша помощь.

— Я к твоим услугам.

— Тусси говорит, вы видели его бумаги и уверены, что он действительно принадлежит мне, а не Эдуару, и я могу распоряжаться им по своему желанию.

— Совершенно верно.

— В таком случае прошу вас взять эти документы с собой, найти доверенного нотариуса и попросить как можно быстрее подготовить документ об освобождении. Мне бы не хотелось, чтобы какой-нибудь кредитор из тех, что скоро начнут меня осаждать, мог предъявить права на Туссена.

— Умница, дитя мое! Прекрасно, что первое твое желание после обретения свободы — даровать свободу этому юному гражданину.

— Тусси, с завтрашнего дня ты сам себе хозяин, — сказала Селин, обнимая мальчика. — Можешь делать, что пожелаешь, идти, куда захочешь. Естественно, если...

Туссен прервал ее:

— Естественно, я останусь с вами, мадам. И буду работать, чтобы вам помогать. Могу поискать себе место лакея у этих самых господ из Булонского леса. Ведь от того, что я буду свободен, моя кожа не побелеет, и мой вид не станет менее экзотичным. Но им придется платить мне жалованье.

— Нужно будет поискать дешевую квартиру, — уже совсем спокойно сказала Селин, — поближе к театру, где хватит места для тебя и Софи.

— Значит, вы не гоните меня, мадам! — с облегчением и радостью воскликнула девочка.

— Ну а кому же еще заботиться об Адели? — начала молодая женщина шутливым тоном, но тут же добавила серьезно: — Мне так жаль расставаться с Соланж, Лизеттой и всеми остальными...

— Так оставь их у себя, — сказал Гражданин Маркиз.

— Я не могу себе этого позволить! На четыре тысячи франков в год...

— ...ты чудом сумеешь не умереть с голоду, с малышкой и этими двумя бедняжками, — рассмеялся маркиз.

«Что тут смешного?» — с тревогой подумала Софи.

— Знаете, что сказал Бальзак Авроре Дюпен, как утверждают сплетники из «Обозрения Старого и Нового Света»? — спокойно продолжал старик тоном светской беседы. — Что быть женщиной в Париже невозможно, не имея по крайней мере двадцати пяти тысяч франков в год. А бедная Аврора, которая не может рассчитывать на такое состояние, так, говорят, испугалась, что сменила пол. Мы видели ее вчера у входа в театр одетую по-мужски — помните, гражданка Софи?

— Боюсь, что таким образом мне не разрешить трудностей. Даже если Олимпия подарит мне весь свой гардероб, — заметила Селин. — Да и потом, где мне разместить прислугу? Нам нужно освободить этот дом до конца месяца.

— Кто это сказал?

— Аренда стоит две тысячи франков в год!

— Послушай, моя дорогая. Сейчас тебе кажется, что весь мир перевернулся, и хочется как можно скорее уйти подальше от его развалин. Но если ты будешь так добра, что примешь к себе в дом старого гражданина и позволишь ему согреть последние годы жизни теплом твоей любви, тогда все, что тебя окружает, может оставаться на месте. Разумеется, я не смогу отменить любовные раны, нанесенные твоему глупенькому, наивному и щедрому сердцу. А также обман и причиненную тебе обиду. Не смогу вернуть твоего Эдуара — а сказать по чести, мне бы и не хотелось...

— Мне тоже, — поспешила заметить Селин.

— Но я могу заменить его в том, что касается расходов, и надеюсь, что буду для вас всех лучшей компанией, чем он. Гражданка Коринна стара, она устала и уже много лет мечтает вернуться в родную деревню. Дом на улице Жакоб в ужасном состоянии, а у меня в мои лета нет никакого желания жить хоть одну неделю среди беспорядка и пыли, которые производят рабочие. Если ты позволишь мне переехать к вам, все мои трудности будут разрешены. Разрешатся и ваши, потому что я возьму на себя расходы по содержанию дома.

— А что скажут ваши племянники?

— Они-то! Да они знать не знают, где я и что я. Вот уже двадцать лет, как они не удостоивают меня своими визитами.

— Но ведь вы позволите мне участвовать в расходах моими четырьмя тысячами франков?

— А ты мне позволишь давать уроки моим ученикам в этом доме, хотя они и создают беспорядок?

— Сколько всего сможет узнать моя Адель, когда подрастет! — в восхищении воскликнула Селин. — Такой учитель, как вы, да еще дома! Даже у принцесс нет такого!

11

Тысячи воспоминаний о годах, прожитых под одной крышей с Гражданином Маркизом, проносились перед Софи, пока она сидела в темной и душной комнатухе на улице Сент-Огюстен, поглядывая на спящую Адель и обмахивая ее сложенным листком писчей бумаги.

Она с состраданием вспоминала глубокую невысказанную боль Селин в первые месяцы после ухода англичанина, которую гордая молодая женщина мужественно старалась скрывать. Несмотря на все случившееся, она все так же любила своего Эдуара, сучала по его ласкам. Боль одиночества, горечь измены рождали слова: «Никогда больше не желаю его видеть». Но тем, кто любил ее, было очевидно, что ее сердце по-прежнему тоскует.

И теперь до Софи, расплетавшей перед сном косы в душной комнате, будто доносился из прошлого голос Лизетты, которая расчесывала по утрам волосы молодой хозяйки и приговаривала:

— Скоро найдете другого, лучше прежнего. Вы такая красавица!

Селин качала головой:

— Теперь я буду жить только для дочки.

— И для себя, моя дорогая. У жизни припасено для тебя еще много прекрасного, — ласково поправлял ее крестный.

Не раз, проходя мимо двери зала, Софи видела, как ее благодетельница не отрываясь смотрит на портрет англичанина, и слышала, как она повторяет вполголоса последние слова из повести Нодье: «Тысяча лет — это такой короткий срок для обладания тем, кого мы любим, такой короткий срок, чтобы оплакивать его...»

Или грустно напевает английскую песню, которой научил ее Эдуар и которую, когда бывал в хорошем настроении, пел ей своим красивым звучным басом, а она подыгрывала ему на фортепиано.

Но, наши жизни разделив,
Пустыня пролегла —
Как бурный штормовой прилив,
Безжалостна и зла.
Она коварна, как тропа
В глуши, в разбойный час;
Закон и Злоба, Власть, Толпа
Разъединяли нас^[4].

Поощряемая крестным, Селин сразу же вернулась в театр. Когда Тальони повезла «Сильфиду» в Россию, управляющий дал ей хорошую партию в одном из балетов, позволив остаться в Париже, чтобы она могла каждый вечер возвращаться домой, на бульвар Капуцинов. Софи, которая была предана своей благодетельнице и чувствовала малейшую перемену в ее настроении, с облегчением заметила, что работа, репетиции, успех, восхищение поклонников начали постепенно вытеснять из головы покинутой Селин неотступную мысль о предательстве. Хотя, конечно, известие о том, что граф Жильбер де Вуазен женился на Мари Тальони — и сделал это открыто, по всем требованиям закона, — вновь всколыхнуло в ее сердце причиненную англичанином боль.

Селин продолжала страдать, но уже не каждую минуту. Когда Адель смешила ее своим детским лепетом или когда Софи и Туссен с восторгом рассказывали ей о своих занятиях — страдание отступало. И когда Морис вместе с остальными учениками неожиданно устраивал в зале кукольный спектакль — в которой главной героиней, преображенной в императрицу Индии, была сама хозяйка дома. И когда Олимпия подбивала ее на

поединок на шпагах или на скачки в аллеях Тюильрийского сада.

Шли месяцы, и Софи замечала, что боль Селин уже не такая острая: она не исчезла, но затаилась в дальнем уголке души, как рана старого солдата, ноющая лишь при смене времен года.

Времена года! На улице Маркаде о них напоминал только холод с кашлем до надрыва легких или, наоборот, жара, забиравшая все силы. Софи никогда не забудет впечатления от первого лета, проведенного за городом, в поместье Поммельер, принадлежавшем Гражданину Маркизу. Она открыла для себя тенистые тропки, ручьи, пшеничные поля цвета солнца, усеянные красными маками. И носящихся по небу ворон. И светлячков, которых Туссен собирал в траве и сажал в стакан — к удивлению и восторгу ничего этого не знавшей маленькой горожанки. Сколько раз Софи возвращалась мыслями к Фантине, которая родилась в деревне, а жизнь провела среди серых грязных камней городских окраин, где вместо ручьев с прозрачной водой — потоки грязи, а вместо уток — лишь известковая муть, помои да испражнения.

На мощеной площадке перед господским домом Адель сделала свои первые шаги, а однажды, когда Соланж на мгновение отвлеклась, залезла на бортик бассейна с рыбками и свалилась в воду; впрочем, она была мгновенно оттуда извлечена Гражданином Маркизом, подцепившим ее за поясок своей палкой.

Селин в поместье Поммельер была у себя дома. Она бывала там часто еще в детстве, вместе с родителями, и знала каждый уголок, каждое растение, каждый камень, каждое окно и каждую печную трубу.

Софи запомнился вечер, когда после ужина на террасе, под звездами, Гражданин Маркиз сказал:

— Я вызвал нотариуса. Хочу добавить к завещанию один пункт. Ты уже знаешь, что после моей смерти Поммельер будет твоим вместе с небольшим капиталом, который позволит тебе жить без тревог. Но я решил оставить тебе и дом на улице Жакоб. Ты сможешь переехать туда жить или сдавать его, используя эти деньги на учебу Туссена и Софи.

Пока они были в деревне, в Париже состоялись похороны бывшего наполеоновского генерала и студенты-республиканцы, провожавшие его и вдохновленные речью старого маркиза Лафайета, подняли мятеж; народ снова вышел на улицы и стал строить баррикады. Рядом со взрослыми, как потом узнала Софи, баррикады защищали дети и подростки — та самая уличная ребятня, с которой Фантина запрещала ей когда-то играть. Самым бесстрашным, злым, грязным и самым остроумным был сорванец по имени Гаврош, о котором говорили, что он ночует, завернувшись в сетку, чтобы

защититься от крыс, внутри полуразрушенного слона на площади Бастилии. Он геройски сражался и был убит выстрелом, совсем как Жан-Жак Гравийон двумя годами раньше. Но на этот раз Гражданин Маркиз не успел даже издали поаплодировать мужеству студентов и уличной детворы, потому что правительство быстро осадило мятежные кварталы и подавило восставших. Поэта Виктора Гюго, схваченного на улице с книгой, которая была сочтена «опасной», едва не расстреляли на месте. Луи-Филипп продемонстрировал, что под орлеанской шкурой он настоящий Бурбон, и продолжал спокойно восседать на французском престоле. Примерно в те же дни в Вене, при дворе австрийского императора, умер юный принц, единственный сын Наполеона, — дитя, получившее при рождении титул Римского Короля.

12

Осенью Селин и Гражданин Маркиз, вернувшись в город, открыли свой дом для друзей. Каждый четверг они принимали художников и людей искусства, ученых, писателей, политиков и молодых идеалистов вроде Виктора Шельшера — приверженцев блестящих утопий. Все они в ноябре выразили возмущение и негодование, когда цензура снова запретила представление на сцене последней пьесы Виктора Гюго «Король забавляется». Все поздравляли Шельшера, когда тот опубликовал статью о своем опыте и размышлениях «О рабстве чернокожих и о колониальном законодательстве». За год до этого всеобщее восхищение и горячие дискуссии вызвал роман «Индиана», сочиненный Авророй Дюпен, до той поры подписывавшей свои произведения мужским именем Жюль Санд, а теперь впервые назвавшаяся Жорж Санд. В нем шла речь еще об одной форме угнетения — об угнетении женщины мужчиной. Критик журнала «Кабинет для чтения», восторгавшийся романом, назвал его «нашим объявлением войны кодексу Наполеона».

Когда 29 августа 1833 года английский парламент отменил юридический институт рабства, все гости Селин были вне себя от восторга, а многие вопрошали: «Сколько же лет придется ждать нам, французам?»

Благодаря этому закону все рабы в колониях, принадлежавших Англии, были освобождены, и Туссен с удовольствием размышлял о том, что мужу его старой хозяйки на Ямайке теперь придется выплачивать жалованье крестьянам, работавшим на его плантациях, и то же самое будет вынужден делать и управляющий месье Эдуара.

Год спустя случилось другое событие, имевшее большое значение для Селин и ставшее предметом обсуждения в ее салоне и других домах Парижа: Фанни Эльслер приняла наконец вызов Тальони и выступила с огромным успехом на сцене театра Опера в балете «Буря».

Гражданин Маркиз сопровождал крестницу и обоих детей на премьеру, и Туссен чуть не сошел с ума от восторга, к большому веселью старого учителя. Вернувшись домой, крестный пересказал Селин слова Теофиля Готье о венской танцовщице: «Ее танец полон страсти и огня, это бешеный, языческий танец»; тогда как более классический и сдержанный стиль Мари Тальони он считал холодным, как «христианский танец».

— А ты, моя дорогая Селин, через несколько лет превзойдешь их обеих, — сказал маркиз напоследок.

Никто, кроме семьи и прислуги, не знал о предательстве месье Эдуара, о его обмане. Официально было объявлено, что англичанин и балерина разошлись. Это известие зажгло надежды в сердцах поклонников и обожателей всех мастей. На бульвар Капуцинов прибывали записки, сладости, цветы и более ценные подарки — последние по приказу Селин тотчас отсылались обратно. По четвергам в бело-красном зале молодые и не очень молодые гости окружали прекрасную хозяйку дома и засыпали ее признаниями в любви. А внизу на кухне служанки забавлялись, споря о том, кто же выйдет победителем.

Селин выслушивала всех и всем отвечала с загадочной улыбкой: «Сожалею, месье, но не могу ответить вам взаимностью. Вы опоздали. Место занято другим».

Злые языки поговаривали, что у нее тайная связь с крестным.

— А хоть бы и так, что с того? — восклицал с презрением Туссен. — Они оба свободны, а разница в возрасте касается только их самих.

Но он прекрасно знал, как знала это и Софи, что крестного и Селин соединяет та же теплая привязанность, что и всегда, их отношения по-прежнему остаются отношениями отца и дочери.

— Кто же этот другой? — однажды спросила Лизетта, раздраженная тем, что все ее предположения оказывались неверными.

— Я... — произнес чернокожий мальчик очень серьезно.

— Ты?! — оборвала его возмущенная служанка. — Ты хочешь, чтобы я поверила, что мадам...

— ...я, Адель, Софи — ее дети, ее семья. Наша благотельница еще не готова думать о новой любви. Может быть, когда-нибудь потом, со временем, — невозмутимо закончил Туссен.

— Тьфу, черномазый! Ты меня напугал! — рассердилась служанка. —

И не забивай себе голову всякими глупостями — потому только, что мадам подарила тебе вольную. Цвет кожи тебе никто не поменяет.

Иногда на вечерах на бульваре Капуцинов присутствовала и графиня де Мерлен, которая шутя говорила балерине:

— Дорогая, у вас собирается такое блестящее общество! Теперь мне за вами не угнаться.

Гражданин Маркиз усаживал Мерседес рядом с собой на диван, спрашивал о книге воспоминаний, которую она начала писать, а также о том, не хочется ли ей вернуться после стольких лет на Кубу — хотя бы ненадолго.

Однажды вечером кто-то принес известие о смерти старого маркиза Лафайета, который был, как и хозяин дома, свидетелем последних семидесяти лет истории Франции. Гости Селин вспоминали всю его жизнь: как он участвовал в американской войне за независимость — ему тогда было чуть больше двадцати, — как вернулся во Францию, чтобы поддержать короля Людовика XVI, а потом, в годы Террора, бежал в Англию; во времена Реставрации он был одним из самых влиятельных политиков Франции, а после Июльской революции встал на сторону Луи-Филиппа Орлеанского, так как считал, что конституционная монархия для французов «есть лучшая из республик».

Туссен и Софи, хотя и проявляли большой интерес к вопросам, которые обсуждали взрослые, сразу после ужина прощались и уходили спать — ведь на другой день им надлежало присутствовать с ясной головой на уроках крестного, которые отныне проходили на первом этаже дома на бульваре Капуцинов.

Новая эпидемия холеры собрала обильный урожай и в бедных кварталах, и на бульварах, но чудом пощадила всех, кто жил под защитой Гражданина Маркиза.

Адель подрастала и каждый день удивляла взрослых необыкновенным воображением, наблюдательностью и живостью ума. Крестный звал ее маленьким философом. Но самой замечательной ее чертой была склонность фантазировать и наделять жизнью, душой и чувствами обычные предметы. Она разговаривала не только с куклами, с портретом матери в медальоне, который носила на шее, с козочкой Джали, с птицами и садовыми муравьями, но и с кастрюлями на кухне и сапогами Туссена, со ступеньками, газовыми фонарями и с водой Сены.

Окруженная любовью и всеобщим вниманием, Адель легко могла бы сделаться маленьким деспотом, если бы Гражданин Маркиз не призвал ее мать, прислугу и своих учеников выполнять обязанности взрослых по

отношению к ребенку — не убедил бы Селин внушить дочери такое же уважение к окружающим, с каким они сами относились к ней.

Девочка считала Туссена и Софи своими старшими братом и сестрой, Селин тоже называла их своими взрослыми приемными детьми.

Туссен рос, и у него начал ломаться голос. Он стал высоким стройным юношей, но, в отличие от Мориса и Максимильена, долговязых и покрытых прыщами, сохранил свою шелковистую кожу и гармоничность движений, что дало повод Анжелике сказать однажды: «Ты как пантера из черного бархата. Мне бы хотелось написать твой портрет: ты среди непролазных джунглей, склоненный над спящей цыганкой».

С каким огорчением Софи наблюдала, как постепенно распадается компания учеников Гражданина Маркиза!

Первой оставила школу Олимпия. Когда ей исполнилось восемнадцать, бабушка Олимпии заявила, что настало время ее внучке совершить *Grand Tour* — великое путешествие по странам Европы, частично Малой Азии и Северной Африки, которое подобало совершать каждому дворянину в сопровождении гувернера. И если отпрыски мужского пола самых богатых семейств его совершают, то, заявила мадам Женевьева Сулиньяк, почему и девушкам не делать то же самое? В том же самом году, будто в ответ на ее слова, Теофиль Готье, писатель с мервингскими локонами до пояса, который во времена битвы за «Эрнани» носил алый жилет, опубликовал свой первый роман «Мадемуазель де Мопен», в котором рассказал, к возмущению добропорядочных буржуа и святош, о приключениях певицы, в действительности жившей во времена Короля-Солнца, Мадлен д'Обиньи, которая любила одеваться в мужскую одежду, скакать верхом, биться на дуэлях и влюблять в себя мужчин и женщин. В сопровождение Олимпии вместо гувернера бабушка выбрала вдову-англичанку лет тридцати, прославившуюся тем, что совершила с мужем рискованное путешествие в Тибет. Само собой разумеется, путешествовала она в мужской одежде.

Прощаясь с подругой, маленький Антуан плакал.

— Ты забудешь меня, гражданка. Обещай, что не выйдешь замуж, пока мне не исполнится шестнадцать.

Олимпия не смогла сдержать обещание, но, как с грустью думала Софи, не по своей вине. Антуану так и не исполнилось шестнадцати. Ему было девять, когда отец заставил его работать слишком близко к печи, Антуан упал туда и получил тяжелейшие ожоги. Спасти его не удалось — даже при помощи дорогостоящих мазей, которые Гражданин Маркиз заказал для него в Константинополе и которые каждый день лично ходил

накладывать на воспаленные раны мальчика.

Затем ушла Полина, тоже жертва эгоизма родных, пусть и не столь жестокого. Мать, в надежде обеспечить дочери благополучие и защиту, вышла замуж за владельца трактира, посещаемого студентами Сорбонны. Однако отчим, едва получив в руки бразды правления, заявил, что нет ничего глупее, чем тратить время на учебу, когда девочка в двенадцать лет прекрасно может обслуживать посетителей за столами.

Возражения и уговоры Гражданина Маркиза, отличные результаты Полины в учебе ничего не изменили.

— Девчонка и так уже вообразила о себе невесть что. Надо немедленно поставить ее на место, прежде чем она совершит какую-нибудь глупость, — заявил отчим. И чтобы поставить ее на место как следует, он отправил падчерицу мыть посуду и кастрюли на заднем дворе.

Софи рыдала от ярости и обещала Полине навещать ее каждое воскресенье, но в первый же раз дорогу ей преградил отчим, встав на пороге.

— Она только время из-за вас потеряет. Вы барышня из хорошей семьи и можете позволить себе роскошь капризничать, а моя падчерица должна зарабатывать себе на хлеб. Между вами нет ничего общего. Вот и идите своей дорогой.

Прошло еще несколько месяцев, и наступил черед Анжелики и Максимильена: полные воодушевления, близнецы отбыли с родителями в Новый Свет. Их отец-маркиз вошел в компанию, учрежденную Виктором Шельшером, и был приглашен американскими аболиционистами на встречи в Луизиане и Флориде, а поскольку путешествие обещало быть долгим, он решил, что семья поедет с ним.

— Записывайте все новое, что увидите. Рисуйте, — советовал Гражданин Маркиз близнецам. — Потому что по возвращении вам придется объяснять, как он устроен, этот Новый Свет.

Последним был Морис. Он поехал с матерью в Санкт-Петербург, куда художницу пригласили написать портреты царицы и ее фрейлин.

Таким образом, у Гражданина Маркиза осталось только два ученика — Туссен и Софи. Адель была еще слишком мала для настоящих занятий, хотя Селин и обучала ее для развлечения басням Лафонтена — девочка выучила их наизусть и декламировала, сопровождая очаровательными жестами.

Мирное течение жизни было однажды нарушено запиской от месье Эдуара, давшего о себе знать впервые с момента ухода. Записка была адресована Селин. Даже спустя годы Софи помнила ее наизусть.

Она начиналась без предисловий и без каких бы то ни было намеков на прошлое:

Мадам, я проездом нахожусь в Париже и желаю встретиться с Аделью. Я узнал, что Вы по-прежнему живете на бульваре Капуцинов, но в мои намерения не входит наносить Вам визит или встречаться лично с Вами в любом другом месте. Завтра в три часа пополудни Вы отправите девочку в сопровождении не знакомого мне лица в «Отель испанской короны». Я не задержу ее надолго.

— Я бы не стала ее посылать, — сразу сказала Софи.

— И я, — присоединился к ней Туссен.

— И я, — высказался крестный. — Кроме всего прочего, этому господину стоит поучиться просить с любезностью, а не приказывать.

Но Селин ответила:

— Это ее отец. Я не имею права мешать ей познакомиться с ним.

В течение двух лет англичанин вызывал Адель еще трижды — таким же образом, всякий раз в разные гостиницы. Он осматривал ее и отпускал через несколько минут с подарками — дорогими платьями, сладостями, игрушками.

Затем месье Эдуар снова исчезал, и, судя по всему, никто из проживающих на бульваре Капуцинов по нему не скучал. Спустя несколько месяцев игрушки, подаренные Адели отцом, ломались, а шелковые и бархатные платица с кружевами и оборками становились ей малы.

Месье Жоливе продолжал приходить. Сейчас, когда Селин уже не нуждалась в частных и тайных уроках, поскольку ходила заниматься в театр вместе со всеми балеринами, старый учитель обучал танцам Софи и Туссена. Вовсе не затем, чтобы эти двое непременно посвятили жизнь танцам, но чтобы они выглядели достойно, если пожелают участвовать в больших балах, которые устраивались в элегантных аристократических домах; или в маскарадах, которые в дни карнавала давали в театре Опера; или, наконец, в публичных балах, таких как Мабиль или Ла Шомьер, куда приходили студенты и швеи. Вскоре после четвертого дня рождения Адели в Париж в ореоле славы и сплетен приехал венский композитор Йоганн Штраус, под музыку которого вот уже несколько лет вальсировала вся

немецкая и австрийская молодежь. Вальс мгновенно завоевал и французов, и композитор Берлиоз заявил, что нет на свете музыки, подобной венской. Даже Адель захотела научиться танцевать вальс и после нескольких уроков с месье Жоливе стала самой легкой, изящной и неутомимой балериной на бульваре Капуцинов. Смотреть, как она порхает по залу под руководством старого учителя, было сплошным удовольствием, а Софи и Туссен аккомпанировали ей в четыре руки на фортепиано.

Месье Жоливе из поездки в Грас привез подарок для Селин — мешок высушенной лаванды для белья. Этот мешок, сшитый из крепкой прованской ткани, формой и размером был в точности как полугодовалый младенец, и Адель немедленно его присвоила. Так как младенец был голенький, а ткань, служившая ему кожей, была синяя и с мелким желтым узором, Адель попросила, чтобы ей отдали для него ее собственные младенческие платица; и хотя ни локонов, ни косичек у куклы не было, Адель объявила, что это девочка. Прежде всего она натянула на синюю с желтым лысую голову кружевной чепчик, в котором она сама была изображена на висевшем в гостиной портрете. А потом неумелыми ручками стала одевать свою новую куклу.

— Будь внимательнее! Ты надеваешь ей штанишки наизнанку! — прикрикнула на нее Соланж, которая терпеть не могла беспорядок.

Услыхав эти слова, Адель залилась веселым смехом.

— Штанишки наизнанку! Как у доброго короля Дагобера.

Нет во Франции ребенка, от принца королевской крови до уличного мальчишки с улицы Маркаде, который не знал и не распевал бы эту непочтительную песенку восемнадцатого века.

Добрый король Дагобер
Штаны наизнанку надел
Элодий, великий святой,
Сказал ему: «О мой король!
Наизнанку надеты штаны,
И швы, и подкладка видны».
«И правда, — ответил король. —
Переодеться готов я, изволь».
И тотчас же взялся за дело,
Обнажив ненароком тело.
Элодий, великий святой,
Сказал ему: «О мой король!
Ваша кожа черна,

Цвета ночи она».
Король ответил: «Все так,
Но, поверь, это сущий пустяк.
У королевы, супруги моей,
Кожа куда черней»^[5].

Адели так понравилось это сравнение, что, хотя кожа у новой куклы была не черной, а синей, она сразу решила назвать ее Дагобертой.

В силу необъяснимой игры детского воображения, несмотря на обилие дорогих элегантных кукол, этот синий шуршащий сверток, источавший аромат лаванды и мягко лежавший на руках, стал любимой игрушкой девочки — «дочкой», с которой она не расставалась ни днем, ни ночью.

Разумеется, со временем сухие цветы превратились в труху и стали просыпаться через ткань, так что Дагоберта начала худеть, а маленькая хозяйка — тревожиться о ее здоровье. Селин взяла в привычку заново набивать куклу, распарывая немного ткани на спине. Набить ее ватой или хотя бы заменить лаванду на другие цветы она даже не пыталась: Адель с ее чутким обонянием непременно заметила бы.

Пристрастие девочки к этой странной кукле напоминало Софи ее собственную старинную дружбу с Пиполетом, который после отъезда англичанина и прекращения ссор окончательно исчез из ее жизни.

Теперь Софи была слишком взрослой, чтобы заводить себе воображаемого друга. Глядя на себя в зеркало, она думала, что можно уже не бояться повстречать на улице месье Фелисьена. Да и мадам Анно не признала бы в высокой девочке с серьезным и пронзительным взглядом и горделивой осанкой бывшего испуганного мышонка с улицы Маркаде, который всегда пытался проскользнуть понезаметнее. Старые учителя из Школы рабочей взаимопомощи поразились бы тому, сколько всего она теперь знает. Благодаря Гражданину Маркизу и его друзьям, которых старик то и дело приглашал читать детям лекции, Софи к четырнадцати годам превратилась в настоящий «синий чулок», как насмешливо называли французы женщин, стремившихся получить такое же образование, как и мужчины. Она читала и бегло говорила по-английски и по-немецки, пела по-итальянски, играла на фортепиано, ездила верхом, писала акварелью... Из всех предметов, обязательных для девиц, она терпеть не могла только вышивание, штопку и шитье — возможно, потому, что они напоминали ей о последних печальных месяцах Фантины. Но зато она знала алгебру, магнетизм, астрономию, химию и анатомию человека.

В будущем она мечтала изучать медицину. Во Франции женщины-врачи были еще большой редкостью, но Софи читала, что при английском дворе герцогиню Кентскую лечила женщина, немка фрау Сибольд, и она же семнадцать лет назад помогла герцогине произвести на свет принцессу Александрину Викторину, которая с большой вероятностью в один прекрасный день, после смерти своего дяди, займет английский трон. Эти сведения придали Софи бодрости и внушили надежду на будущее. Ее интересовали научные открытия в целом. Она могла объяснить, как работает паровой котел, могла описать химический процесс производства газа для фонарей, которые двадцать лет назад вырвали улицы Парижа из непроглядной тьмы. Она также знала, почему в театре Опера газовые рожки были защищены колпаками матового стекла. Зрительницы, привыкшие к мягкому свечному освещению, потребовали приглушить слишком яркий свет, который немилосердно высвечивал все их изъяны.

Каждое утро Софи просыпалась в прекрасном настроении и думала о том, что нового она сегодня узнает.

— А чулки-то у тебя все-таки белые, а не синие, — подтрунивал над ней Туссен, который так продвинулся в учебе, что крестный уже подумывал, не послать ли его в Сорбонну изучать право.

В тридцать пятом году во всех парижских салонах, включая бульвар Капуцинов, только и говорили о том, что граф де Буазен потребовал развода с Мари Тальони, обвинив ее перед судом в нежелании оставить балет. На следующий год неожиданно, после неудачного падения с лошади, в двадцать восемь лет скончалась великая певица Мария Малибран. Вся Франция была потрясена этим печальным известием. Теперь ее чудесным голосом в раю наслаждаются ангелы, говорили после ее смерти. Графиня де Мерлен, ранее предоставившая прекрасной испанке свой дом, объявила, что будет писать ее биографию.

А весной заболел Гражданин Маркиз. Селин, Софи и Туссен заботились о крестном с большой преданностью. Его перевезли для выздоровления в Поммельер, но старик так и не сумел до конца восстановить силы. Теперь он предпочитал подолгу находиться у себя в комнате только в компании Туссена, который читал ему газету, или с немногими избранными гостями. Суэта утомляла его. Но ему по-прежнему нравилось бывать в театре, и он старался не пропускать новые пьесы Александра Дюма и Виктора Гюго. Не говоря уже о премьерах новых балетов, в которых танцевала Селин.

На следующий год он заболел снова, и на сей раз врач сказал, что дни его сочтены.

Селин и дети горько плакали, узнав, что им предстоит вскоре потерять друга. Они окружили его заботой и, как только могли, проявляли свою любовь и преданность. Адель часами сидела у его постели, держа в теплых мягких ладошках холодную костлявую руку старика. Они грустили, зная, что через несколько недель он уйдет от них навсегда, и они не придут к нему за советом, не смогут угостить любимыми блюдами, посмеяться его остротам, не попросят в тысячный раз рассказать, что ответил Дантон представителям вест-индских колоний, которые в Конvente выступали против распространения прав человека на негров и отмены рабства. Разумеется, тем летом они не поехали в Поммельер и с грустью думали о том, что на следующий год старый друг не выведет их среди ночи на балкон загородного дома, чтобы учить находить созвездия с помощью подзорной трубы.

Они грустили, но не тревожились о будущем. Они знали, что добрый крестный уже давно со всей щедростью позаботился о том, чтобы Селин и трое ее детей могли и дальше жить, ни в чем себя не ограничивая.

Но они и представить себе не могли, что, пока старый маркиз умирал на руках у Туссена, пока испускал последний вздох со словами «Да здравствует Революция! Да здравствует Республика!» — его алчные племянники уже запрягли лошадей в свои кареты с гербами, чтобы примчаться на бульвар Капуцинов, разграбить дом и вышвырнуть их на улицу.

Подавленная воспоминанием об этих ужасных минутах, Софи задула свечу, предоставленную от щедрот мадам Фредерик, и бросилась на кровать. Адель в поисках прохлады во сне прижалась к стене. Она сбросила простыню и теперь, чтобы подвинуться, уронила и бедную Дагоберту, которая, падая, зашуршала и зашелестела, как шелестит костер из опавших листьев.

Глава одиннадцатая. Париж, июнь-июль 1837

Париж, июнь-июль 1837

1

ПАРИЖ, ПРЕДМЕСТЬЕ СЕН-ЖЕРМЕН,

18 ИЮНЯ 1837 ГОДА

Мадам,

как Вам известно, тюремщик от нашего предложения отказался. Больше предложить мы не могли, но надеялись, что он разрешит Вам хотя бы раз ответить на наши письма. Мы остро нуждаемся не только в известиях о Вас, но и в Ваших советах и суждениях. Нам трудно решать самим, что делать в этих новых сложных обстоятельствах.

Я умолял его, пытался запугать, унился до лести — это ни к чему не привело. «В камерах перо и чернила запрещены, — твердит он вот уже целый месяц. — Ни единое слово не должно

проникнуть наружу, ни написанное, ни переданное устно».

Я знаю, что это неправда. Знаю, что некоторым заключенным удастся поддерживать связь с друзьями. Я спрашивал как, и все отвечали: «За деньги». И называли такие же и даже меньшие суммы, чем те, что предлагали мы. Не знаю, что и думать. Выходит, именно нам достался самый алчный тюремщик в тюрьме Сен-Лазар! Но мы не сдаемся! Вы знаете, какой я упрямец.

Почему, спросите Вы, мы так нуждаемся в Вашем совете? Потому что ангел-хранитель — точнее, неизвестный благодетель — снова побывал на улице Сент-Огюстен, и месье Фредерик, которому я посулил заплатить, если он хорошенько разглядит гостя, представил мне, в отличие от жены, полное описание его наружности. Теперь у меня нет ни малейшего сомнения в том, кто этот человек: мой прежний хозяин, Ваш фальшивый супруг, английский джентльмен, которого мы называли месье Эдуаром. Его настоящее имя сэра Эдвард Рочестер. Пять лет прошло с тех пор, как я видел его в последний раз, но уверен, что крепкий господин с волевым подбородком, черными глазами под густыми бровями, говорящий с английским акцентом, — это именно он и никто другой.

Почему, если отец Адели узнал о нашем несчастье и хочет помочь, — почему он не делает это открыто?

Это правда, что он больше не хотел Вас видеть с тех пор, как уехал, и в те немногие разы, что он приезжал в Париж, он требовал встречи с Деде у себя в гостинице, притом обставляя визит всяческими предосторожностями, как великую тайну.

Теперь англичанин объявился вновь, и его намерения нам не известны. Чего от него ждать? Что, если он захочет повидаться с дочерью? Адель не встречалась с ним больше года. Узнает ли она его? А если он расскажет ей, что Вы в темнице, — после всех усилий, которые мы приложили, чтобы убедить ее, что Вы уехали с трупной за границу? Мы с Софи снова подумываем о том, не увезти ли девочку из дома Фредериков и не спрятать ли ее где-нибудь в другом месте.

Простите, мадам, виконтесса прислала за мной, чтобы сопровождать ее в церковь на службу, я должен закончить письмо и куда-то его убрать. К несчастью, я смогу передать его Вашему тюремщику только послезавтра, вместе с письмом, которое пишет

Софи и которое я заберу у нее позднее.

Верьте нам. Какими бы ни были намерения месье Эдуара, мы с Софи останемся рядом с Аделью и не допустим, чтобы с ней что-то случилось.

Целую Вам руки. Ваш верный друг

Туссен

ПАРИЖ, УЛИЦА СЕНТ-ОГЮСТЕН,

3 ИЮЛЯ 1837 ГОДА

Дорогая мадам Селин,

Туссен, должно быть, уже рассказал Вам о нашем подозрении, что неизвестный благодетель — это месье Эдуар.

Два дня спустя подозрение перешло в уверенность. Я видела его: это он, собственной персоной! Сегодня вечером он приходил снова. Он зашел в кухню мадам Фредерик, когда я мыла посуду после ужина. К счастью, Деде уже легла. Мадам предложила разбудить ее, но он не пожелал. Он беспокоится о материальном благополучии Вашей дочери, но не проявляет к ней никакой нежности. Совсем как прежде. Помните, как Вас ранила его холодность? Меня же месье Эдуар не узнал. За последние пять лет я сильно выросла, все дают мне не меньше семнадцати... и как же давно Вы уже не называли меня «воробушком»! Мое лицо тоже изменилось. Помните, какой у меня был смешной курносый нос, когда я попала к Вам? А теперь он прямой — почти греческий профиль, как говорил крестный, который всегда был ко мне так добр. Бедный Гражданин Маркиз! Если б он знал, что приходится нам переживать по вине его племянников, он бы перевернулся в гробу! Он-то помнил лица всех своих слуг, даже тех, кто оставил службу много лет назад, а месье Эдуар никогда не смотрел на нас внимательно и не отличал друг от друга, разве что мужчин от женщин.

Его пренебрежение к прислуге на этот раз сыграло нам на

руку. Он не только меня не узнал, но даже не спросил мадам Фредерик, кто я такая. Вероятно, решил, что я безграмотная деревенская работница, и говорил в моем присутствии свободно. Он привез Адели новый подарок, вещь, как обычно, бесполезную: прозрачную накидку с пышными рукавами, малопригодную для холодной зимы.

Вероятно, ее присоветовала ему очередная любовница, какая-нибудь легкомысленная женщина, не знающая, что детям, кроме элегантных платьев, нужны шерстяные перчатки и чулочки, шарфы и фланелевое белье.

Мадам Фредерик спросила, правда ли, что он не собирается помогать Вам выйти из тюрьмы. Очевидно, в его прошлые посещения она уже рассказала о смерти крестного и о Вашем аресте. Но он с презрением ответил, что это его не касается. Что Вы заслужили сурового наказания за все свои интриги. Что артисты театра живут за счет честных граждан, закон им не указ. И единственное, на что он готов, — это позаботиться об Адели, даже если вероятность, что она его дочь, весьма незначительна.

«Как именно позаботиться?» — спросила его мадам Фредерик. Кажется, она готова предоставлять нам свое гостеприимство еще лет десять, держа нас в том же чуланчике без света и воздуха и потчует, как и в первые дни, картошкой и селедкой в обмен на ежемесячную сумму, равную содержанию в лучшем парижском пансионе для девиц.

«Я еще не решил. Зайду через несколько дней», — ответил месье и, уходя, положил на комод три золотые монеты.

Насколько бы эгоистичным и самоуверенным человеком я его ни считала, полагаю, он не намерен надолго оставлять Адель на улице Сент-Огюстен. Я думала об этом всю ночь и пришла к выводу, что он, вероятно, захочет отправить ее в пансион. Не в монастырь, потому что месье Эдуар не католик. Скорее всего, он будет искать пансион, который содержит какая-нибудь обедневшая пожилая аристократка, где обучают хорошим манерам и лицемерию. Бедняжка Деде, ведь она привыкла держаться непосредственно и иметь полную свободу!

Вы помните, как мы вместе читали «Мои первые двенадцать лет жизни» графини де Мерлен? Как Вы были согласны с ее мамитой, прабабушкой, которая не хотела заставлять Вашу подругу жить по правилам, когда она была ребенком, а

воспитывала только примером любви!

Как бы то ни было, не тревожьтесь, я сделаю все, чтобы остаться с Аделью, куда бы нашу девочку ни отправили. Я поступлю в пансион горничной, помощницей кухарки, посудомойкой — неважно, даже если мне придется выполнять самую унижительную и тяжелую работу, лишь бы ни на минуту не расставаться с нашей крошкой. К тому же это только на короткое время. Я уверена, что Вы очень скоро выйдете из тюрьмы, приедете за нами и мы все вместе вернемся к себе домой.

Простите, уступаю перо Деде, которая вырывает его у меня — так ей хочется что-то Вам написать.

Верьте нам. С такими настоящими «ангелами-хранителями», как я и Тусси, с Вашей дочерью не случится ничего дурного.

Кланяюсь Вам с любовью и преданностью. Ваш верный воробушек

Софи

Мама дорогая когда ты вернешся? Мне надоело жить у мадам Фредерик. Я хочу домой. Софи не дает мне надевать розовое платье с кружевным воротником, которое принес ангелхранитель.

Я очень молилась, чтоб он принес коробку цветных карандашей, я хочу рисовать как Тусси. Но он непослушался. Или плетеную коляску для Дагоберты. Знаешь мама, стехпор как ты уехала, она стала такая тяжелая что мне трудно носить ее на руках. Мама пожалуйста возвращайся скорее. Тусси говорит, что плакать не надо, но Софи тоже тайком плачет. А что мне делать маленькой?

Крепко крепко целую, твоя

Деде

Дорогая мадам Селин,
дурные новости, увы. Этот жестокий и лживый человек вернулся и потребовал увидеться с Аделью. Он был очень польщен, что Деде сразу узнала его и крепко обняла, назвав «дорогой месье Эдуар», а потом спросила, принес ли он ей подарок.

«Неужели тебе недостаточно куклы и платья с кружевным воротничком?» — строго ответил он.

«Так значит, это вы их принесли! Это чудесные подарки, я так вам благодарна. Мадам Фредерик почему-то приняла вас за моего ангела-хранителя. Даже не понимаю, как это у нее получилось. У вас же нет крыльев, и белокурых кудрей нет», — с очаровательной наивностью сказала ему Ваша дочь.

Но вместо того, чтобы растрогаться, месье Эдуар в эту минуту... До сих пор не могу поверить, что он оказался способным на такую жестокость по отношению к невинному созданию! Уверена, что эта ложь не простится ему даже на Страшном Суде.

Вот что он сделал: он посадил Адель к себе на колени, поцеловал и, бросив заговорщицкий взгляд на гладильщицу, сказал с фальшивой печалью в голосе: «Милое дитя, я должен сообщить тебе печальное известие. На прошлой неделе твоя мама ушла на небо к Пресвятой Деве Марии».

К счастью, Деде заметила этот взгляд и спокойно ответила: «Какая глупая шутка! Моя мама в Вене. Она поехала к своей подруге Фанни Эльслер. Они каждый вечер вместе танцуют там в театре. Вена находится в стране, которая называется Австрией, вы знали?»

Я тряслась от негодования. Я испытывала непреодолимое желание раскрыть этот подлый обман, но боялась, что, если заговорю, месье меня узнает. Мадам Фредерик была, разумеется, с ним в сговоре; она глянула на меня с угрозой, словно требуя не противоречить, а потом обратилась к Деде слащавым грустным тоном: «Деточка, не говорила тебе раньше, чтобы не расстраивать. Как это печально — остаться одной на белом свете...»

Тут Адель с тревогой посмотрела на меня, а я стояла, понуриив голову, и вытирала тарелки, и я поняла, что она вот-вот начнет возражать, выдаст меня, призвав в свидетели, что Вы вовсе не умерли. Мне так хотелось ее успокоить, ответить: «Ты не одна на белом свете, золотко. У тебя есть Софи и Тусси, и твоя мама скоро вернется».

Но мне пришлось всего лишь приложить ко рту палец, показав Адели, чтобы она хранила молчание. Адель кивнула. Она поняла, что я объясню ей все потом: это просто невероятно, какая она умница, а ведь ей еще нет и шести.

«Печально оставаться одной на белом свете, — продолжала гладильщица, — но, к счастью, этот добрый господин теперь позаботится о тебе. Тебе следует выразить признательность судьбе и твоему благодетелю».

Адель недоуменно молчала, понимая, что перед ней разыгрывается комедия, но не понимая зачем.

«Милое дитя, раз теперь ты осталась без крыши над головой, может быть, ты поедешь со мной в Англию?» — задал ей вопрос месье Эдуар.

Вы и представить себе такого не могли, правда, мадам? В Англию! Он собирается воспитывать ее у себя в замке или отправить ее в один из этих жутких сырых пансионеров среди пустошей, где дети не едят досыта, заболевают и умирают от легочной простуды?

Адель смотрела на меня вопросительно и продолжала молчать, кусая губы.

«Ты ведь знаешь, детка, где находится Англия? Это остров: мы поплывем туда на корабле. Тебе там понравится, я уверен. К тому же ты не можешь оставаться в Париже одна».

Тут Деде не выдержала, заплакала и, всхлипывая, повторяла: «Хочу к маме! Это неправда, что она умерла! Я хочу к маме в Вену!»

Англичанин встал и холодно сказал мадам Фредерик: «Дадим ей время успокоиться. Я зайду завтра вечером. А пока подготовьте ее вещи. Через несколько дней мы уезжаем».

Он, верно, дал ей немало денег, потому что гладильщица не стала жаловаться на потерю жильцов, больше того, она прощалась с ним весьма почтительно. Едва месье Эдуар вышел, она повернулась ко мне. «Отведи ее в постель! — приказала она

нетерпеливо. — Не могу больше выносить ее нытье. И смотри же, следи за каждым своим словом!»

В ее голосе слышалась угроза, и было совершенно понятно, что меня ждет, если я скажу Адели, что они солгали.

Я взяла Адель на руки, вытерла ей слезы и понесла в комнатушку, и тут мадам добавила: «А тебе я уже нашла занятие. Рыбница с улицы Ла-Пэ ищет девчонку, которая будет ей чистить и потрошить рыбу. Она готова оставлять тебя на ночь в лавке и кормить рыбьей требухой, а платить десять су в неделю. Отправляйся туда, едва уедет маленькая мисс».

Но неужели Вы можете представить себе, дорогая мадам Селин, что Адель уедет в Англию без меня? У меня есть план: я поступлю к ней няней. Англичанин не кажется мне человеком, способным лично заботиться о маленькой девочке. Деде и так очень смышленная и независимая для своего возраста, но мы сделаем вид, что она еще и очень капризная и сама себе и носа не вытрет без помощи няньки.

Я с нетерпением жду Туссена, чтобы посоветоваться. Ах, как бы я хотела получить совет и от Вас! Однако тюремщик по-прежнему не позволяет Вам написать ответ.

Но будьте спокойны, я не отправлю Адель одну с этим лжецом, никогда и ни за что. Я обещала Вам, что всегда буду с нею рядом, буду о ней заботиться. Настало время выполнять обещанное!

Не сомневайтесь, мадам. Мы справимся. Даже если нам придется поехать на край света, мы будем держать связь с Туссеном и сообщать Вам о себе. Какое счастье, что существует почта.

Я благодарю Небеса или Высший Разум, как говорил крестный, за то, что ходила в школу и научилась читать и писать!

Не теряйте надежды.

Преданно целую Ваши руки, Ваша верная и благодарная

Софи

Адель была возмущена. Сначала эти двое обманщиков хотели убедить ее, что ее мама умерла, а теперь еще Софи с этим глупым требованием! К счастью, едва они остались в чуланчике одни, «старшая сестричка» сумела успокоить ее и рассказала ей наконец всю правду, а именно что ее мать находится не в Вене, а в тюрьме, что они с Туссеном поддерживают с нею связь, что мама в Париже и все о них знает, потому что тюремщик передает ей их письма.

— Зачем же они хотят, чтобы я поверила, что она умерла?

— Вероятно, чтобы убедить тебя уехать из Франции без сопротивления, — ответила Софи, хотя подозревала, что таким образом англичанин хочет отомстить прежней возлюбленной, окончательно вычеркнув ее из жизни дочери и заставив девочку ее забыть.

Накануне вечером, едва Адель уснула, мадам Фредерик вызвала Софи на кухню и строго приказала ей придерживаться объяснения месье Эдуара о неожиданной смерти матери. «И не начинай тут со своими „зачем“, да „почему“, да „это нечестно“. Месье так решил, а нам надо слушаться. И смотри мне: проронишь хоть словечко — я немедленно выставлю тебя из этого дома, и больше ты своего золотка не увидишь, — пригрозила она. — Но сперва так тебе надаю — пожалеешь, что на свет родилась».

— Я обещала ей все выполнить, Деде. Главное — чтобы нас не разлучили. Поэтому ты тоже должна делать вид, что веришь этой лжи. Мне жаль, что приходится учить тебя лгать, моя радость. Помнишь, Гражданин Маркиз, твоя мама, Соланж и мы с Тусси, мы все с самого твоего раннего детства, с твоих самых первых слов учили тебя быть честной, всегда говорить правду, даже если за это отругают или накажут? Но теперь у нас особые обстоятельства. Месье Эдуар попытался тебя обмануть, а ты должна обмануть его: пусть он думает, что ты веришь его лжи. Ты ведь понимаешь, что он не любит твою маму?

— Это правда. Он ни разу не захотел с ней увидеться, а когда я ходила к нему в гостиницу, не хотел про нее слушать. Ни про нее, ни про Гражданина Маркиза, ни про Туссена, ни про кого, — заметила Адель.

Софи с облегчением подумала, что благодаря такому отношению ко всем обитателям дома на бульваре Капуцинов англичанин за все время не слышал и о ней и наверняка думать забыл о маленькой помощнице Шарлотты, которую видел вблизи только в тот день, когда ее приняли на работу.

— Знаешь, Адель, — продолжила она, — месье и сейчас знать не желает о твоей маме и не хочет помочь ей выйти из тюрьмы. Вот и пусть он даже не подозревает, что нам известно, где она, и что мы пытаемся ее

вызволить. Делай вид, что поверила его словам.

— Хорошо. Значит теперь, всякий раз, как кто-то заговорит о маме, я буду очень громко плакать.

— Этого недостаточно, Адель. Тебе еще придется притворяться глупой и ленивой девочкой, избалованной и не умеющей о себе позаботиться.

— Но ведь это неправда! Я сама умею одеваться и играть на фортепиано. Я умею вышивать крестиком и ездить верхом, если Жан-Батист держит поводья, и я учусь читать и писать, — возмутилась девочка.

— Забудь об этом ненадолго, если не хочешь отправиться в Англию одна.

— Ты разве не поедешь? — с тревогой спросила Адель.

— Нет, если месье Эдуар будет считать тебя настолько взрослой, что тебе не нужна няня.

— Что это значит? Мне надо попросить его вернуть Соланж?

— Нет, просто скажи ему, что твоя няня я. Что после вашей последней встречи Соланж ушла, и я заняла ее место.

— А мадам Фредерик скажет, что это неправда.

— Гладильщице безразлично, поеду я с тобой или нет. Позже, когда придет Тусси, он пообещает ей пять франков за молчание. Мадам не должна заподозрить, что у меня еще есть в чулке золотые монеты, иначе она все отберет. А мне бы хотелось иметь с собой немного денег, когда мы окажемся в Англии. Кто знает, как там все сложится.

— Хорошо. Я скажу месье Эдуару, что я не умею сама одеваться и ходить в уборную, — мрачно вздохнула Адель.

— Ну, не дуйся так! Мне тоже придется разыгрывать роль дурочки, чтобы он ничего не заподозрил. Придется изображать деревенскую девушку, грубую и неграмотную. И никто не должен заподозрить, что я хорошо знаю английский язык, имей в виду. Тогда они будут свободно говорить обо всем в моем присутствии, и мы сможем понять, что они задумали.

Софи вздохнула. Сколько раз Гражданин Маркиз повторял своим ученикам, что подглядывать, подслушивать, читать чужие письма и дневники — подло и низко! А теперь она сама убеждает Адель, что так и надо, будто это и есть благоразумное и достойное поведение. Но что она может поделаться?

ПАРИЖ, УЛИЦА СЕНТ-ОГЮСТЕН,

17 ИЮЛЯ 1837 ГОДА

Прощайте, дорогая мадам Селин!

Как знать, когда нам предстоит вновь встретиться и обнять друг друга? Завтра утром мы уезжаем в Англию. Месье Эдуар нанял четверку лошадей и прекрасную дорожную карету, которая отвезет нас в Кале, а там мы сядем на корабль. Адель из-за этого очень тревожится, да и я тоже. Только бы море оставалось спокойным все время, пока мы будем плыть.

Месье Эдуар, как я и надеялась, благосклонно принял просьбу Адели. Кажется, он даже испытывает облегчение от того, что у его воспитанницы есть няня. Он даже спросил меня, какое мне потребуется жалованье, а я скромно ответила: «Сколько вы посчитаете нужным, месье».

Потом он сказал: «Помни, что если девочка будет спрашивать о матери, надо отвечать, что она умерла».

«Да, месье», — ответила я с глупым видом, даже не прося что-то объяснить.

Но он, наверное, почувствовал, что должен сам объяснить свой жестокий приказ. «Эта женщина заключена в тюрьму. Она совершила ужасное преступление и, вероятно, будет казнена, сослана или отправлена на пожизненную каторгу. Она больше никогда не появится в жизни Адели, и лучше, чтобы девочка не знала об этом позоре и сразу бы привыкала к своему печальному состоянию сироты», — сказал он.

Можете себе представить, как я пылала от негодования, слушая его слова. Но я склонила голову и ответила: «Это мудрое решение».

А он в ответ: «Вижу, ты разумная девушка. Но помни, если у тебя с языка сорвется хоть одно лишнее слово, я немедленно тебя прогоню».

Потом он дал мне вперед десять франков. «Купи себе все, что может понадобиться в Англии. — И пояснил: — Там вы будете жить в имении далеко от города и другого жилья». Что он имел в виду, говоря «будете жить»? Что он не будет жить с нами? И что значит «далеко от другого жилья»? Очень надеюсь, что

смогу и дальше Вам писать. Должна же там быть какая-нибудь деревня, почта...

Как жаль, мадам, что месье Эдуар, пока жил на бульваре Капуцинов, никогда не рассказывал Вам о своем имении в Англии, не описывал дом и окрестности, не рассказывал, кто в нем живет, кто им занимается в его отсутствие.

Если бы Вы все это знали, то сейчас могли бы представить себе мысленно место, куда мы с Аделью едем. Но поскольку о том, что нас ожидает, Вы знаете не больше нашего, обещаю, что как только мы окажемся там, я буду писать Вам так часто, как только смогу. Мы с Тусси договорились, что я буду посылать письма для него и для Вас на адрес почтового отделения Сен-Жермен. Виконту Лагардьеру совершенно не нужно знать, что его раб получает почту из Англии.

Я буду описывать Вам все, что увижу или услышу и что думаю; все, что говорит и делает Адель; и людей, с которыми мы будем жить, и как они к нам относятся, и что мы будем есть, и где спать — чтобы Вы знали о каждой минуте нашей жизни.

Какое мучение не знать этого о Вас! Как печально представлять Вас сидящей на соломе, в холоде и темноте. Надеюсь, что Вы следуете примеру крестного, когда ему пришлось пролежать месяц в постели с завязанными глазами после того ужасного падения с лошади. Он коротал время, вспоминая все стихи, какие знал наизусть. Вы ведь тоже знаете много стихов, комедий в стихах, песен, и я уверена, что они помогают Вам ускорить бег времени.

Туссен наконец добился, что мадам Сулиньяк его примет. Как только мы уедем, он отправится к ней на улицу Нотр-Дам-де-Шан и попросит свидетельствовать в Вашу пользу на суде. Бабушка Олимпии была добрым другом крестного и, надеюсь, захочет Вам помочь.

Заканчиваю письмо этой новой надеждой, дорогая мадам, и пусть наша разлука продлится недолго.

Вы знаете, что можете полностью рассчитывать на меня во всем, что касается Адели. Забываю Вам рассказать, что последние несколько дней у Деде шатался зуб, верхний резец. Сегодня за завтраком он выпал. Так что в Англию она приедет с маленькой щербинкой в улыбке. Ах, если бы перед отъездом я могла привести ее к Вам хоть на несколько минут! Она своими

поцелуями осушила бы Ваши слезы.

Кланяется Вам, мадам, и благословляет от всего сердца верная и благодарная, Ваша

Софи

Дорогая мама,

Я прощаюсь потому что еду в Англию с месье Эдуаром и Софи. Кукла Катрин едет с нами. Жалко, что Тусси не может поехать, но Софи сказала, что мне никогда нельзя называть месье его имя. Чтоб он не очень скучал, знаешь что я сделаю? Оставлю ему для компании Дагоберту. Завтра я наверняка буду сильно плакать, когда буду прощаться с моей дочкой, а на корабле ночью не буду спать, но у меня есть Софи и Катрин, а у Тусси никого. Теперь у него есть Дагоберта. Но мне горше всего что ты остаешься в этом ужасном месте и тебя не выпускают и не дают написать мне письмо. Софи обещала, что мы скоро вернемся, и ты будешь свободной и мы поедем в карете в булонский лес вместе с Тусси и Дагобертой. Ты знаешь что у меня выпал передний зуб?

Софи обещала что он снова вырастет. Этой ночью прилетела фея и его забрала, а мне оставила монетку.

Крепкокрепко целую, твоя

Деде

5

ПАРИЖ, ПРЕДМЕСТЬЕ СЕН-ЖЕРМЕН,

18 ИЮЛЯ 1837 ГОДА

Дорогая мадам,

Адель и Софи уехали! Я следовал за ними до заставы Сен-Дени и увидел, как их карета свернула на большую дорогу — на север. А потом мне пришлось возвращаться назад, в дом виконта, потому что я не хотел доставлять неприятности конюшему, который разрешил мне взять одну из верховых лошадей хозяина.

Стоит ли говорить, как мне было грустно, как больно. Еще и потому, что вчера случилось невероятное. Когда я в последний раз вчера шел проститься с моими сестричками и забрать последнее письмо Софи, знаете, что сделала Адель? Она сунула мне в руки свою куклу из прованской ткани, набитую лавандой. С этой куклой она никогда не расстается. То есть никогда не расставалась до этой минуты. Она дала ее мне и очень серьезно сказала: «Возьми ее, Тусси. Я тебе ее даю. Чтобы ты не скучал один».

Мадам, эта девочка в самом деле необыкновенная! До вчерашнего дня она отказывалась спать без своей Дагоберты, а сегодня уехала без нее в другую страну, в незнакомое место, в неизвестное будущее. И отказалась от нее ради меня, отказалась от игрушки, которая была ей главным утешением, пожертвовала ради меня своим спокойствием. Гражданин Маркиз гордился бы ею.

Сегодня утром Деде плакала, когда надо было выходить из дома гладильщицы, и месье Эдуару пришлось взять ее на руки и отнести в карету. Он обращается с нею довольно нежно, и, поверьте, я пишу как есть, а вовсе не в утешение Вам. Но он тоже был мрачен, словно и ему не хотелось оставлять Францию.

А Софи? Вы бы не узнали ее в одежде простой крестьянской девушки из Бретани. При этом она держится совершенно естественно — будто и впрямь жалкая нянька, только что из провинции. К счастью, месье поверил, что она прослужила у Вас только пять месяцев, и никак не связывает ее с маленькой сироткой, которую разрешил Вам взять в помощь Шарлотте, когда Адель была еще в пеленках. Теперь главное, чтобы Деде не проболталась — не сказала бы случайно, что Софи вовсе не безграмотная дурочка, какой кажется, а образованная воспитанная девица, в совершенстве владеющая английским.

Пока о них можно не беспокоиться, мадам. Месье Эдуар ужасно поступил с Вами, но к девочке он, кажется, привязан. А Софи будет заботиться об Адели и сообщать нам обо всем происходящем.

Впереди у нас тяжкое испытание — Ваш судебный процесс. Из разговоров, которые я слышу в доме виконта, мне известно, что премянники Гражданина Маркиза желали бы оставить Вас навечно в зловонной холодной темнице. Они делают вид, что Вы

не существуете, и пытаются продать Поммельер и другую собственность дядюшки. Но я слышал, что их нотариус жаловался на отсутствие некоторых документов. Тех самых, которые, как я надеюсь, Вы спрятали вместе с драгоценностями и документом о моем освобождении. Если бы Вы только могли намекнуть, где они!

К счастью, как уже писала Вам Софи, мне удалось передать записку мадам Сулиньяк, и завтра я иду к ней. Уверен, она не откажется помочь Вам, хотя бы ради женской солидарности. Кроме того, мне говорили, что у нее много знакомств в суде.

Постарайтесь не очень плакать из-за отъезда Вашей девочки: с ней Софи. И умоляю Вас, мадам, храните спокойствие.

Верьте мне. Вы скоро выйдете на свободу и снова сможете обнять свою Адель. Клянется Вам честью Ваш преданный и верный

Туссен

В Англии. Няня и гувернантка

В Англи
Няня
и гувернантка

Глава первая. Лондон, затем Торнфильд, июль-ноябрь 1837

Лондон, затем Торнфильд, июль-ноябрь 1837

1

ЛОНДОН, ГОСТИНИЦА «ВИКТОРИЯ»,

20 ИЮЛЯ 1837 ГОДА

Тусси, мы в Англии!

Приплыли сегодня утром, на рассвете. Плыть было ужасно: нас с Аделью всю ночь рвало, и вовсе не из-за того, что мы боимся моря, отчего матросы над нами подтрунивали. Месяц Эдуар вон сколько раз пересекал Ла-Манш, а ему тоже было плохо. У нас была каюта, и мы сразу же отправились туда и легли. А он хотел порисоваться и остался в салоне курить сигары с другими джентльменами. Но едва началась качка, все эти господа, что строят из себя морских волков, тут же побледнели и попадали

на диваны. Мне это рассказала служанка, которая бегала всю ночь с тазиками между каютами и салоном.

Дорогой Тусси, я знала — мне много раз говорили, — что воды в проливе Ла-Манш бурные, как между Сциллой и Харибдой. Но одно дело, когда тебе это рассказывают, и совсем другое, когда ты при этом на корабле, с которого не сойдешь, как с омнибуса или кареты, если вдруг кучер погнал лошадей так, что в животе все перевернулось. Впрочем, тебе это, конечно известно, ведь тебе пришлось гораздо дольше плыть во Францию, когда ты был маленький. Могу поспорить, что матросы не были с тобой так любезны, как месье Эдуар с Аделью. Надо признать, он был очень внимателен к Деде: без конца вызывал к нам служанку, а при высадке, увидев, что малышка слишком слаба, чтобы идти по трапу, донес ее на руках до самой кареты.

С корабля мы сразу же отправились в гостиницу. Умылись, немного поспали и теперь чувствуем себя значительно лучше. Месье Эдуар показал мне из окна парк, он тут совсем рядом, и сказал, что я могу отвести туда Адель, если ей захочется погулять. Сам же он сразу отправился по каким-то своим делам в Сити. Полагаю, что мы пробудем в Лондоне не менее недели.

Мы прогулялись по улицам вокруг гостиницы. Город все еще бурлит, ведь в Англии вот уже месяц, с 20 июня, правит новая королева. Король Вильгельм IV умер, и на престол взошла его племянница Виктория, совсем еще юная, ей едва исполнилось восемнадцать. Повсюду вывешены ее портреты. На всех она изображена в новой, специально для нее сделанной короне, потому что старая корона английских королей оказалась слишком тяжела для хрупкой шеи юной королевы. Даже наша гостиница в честь нее изменила имя. Раньше она называлась «Меч и Роза». Ты знаешь, что я не одобряю монархию, и хотела бы, чтобы во всех странах установилась республика. Но эта новая английская королева мне скорее нравится: во-первых, она женщина, а во-вторых, ей всего восемнадцать, и все говорят, что она очень решительная девушка. Будем надеяться, она такой и останется и не даст своей родне и старикам-министрам собою управлять.

На этом я пока тебя оставляю, хочу еще написать несколько слов мадам, она наверняка волнуется об Адели. Прежде чем запечатать, прочти это письмецо — и постарайся доставить его мадам как можно скорее.

Обнимаю тебя,

Софи

ЛОНДОН, ГОСТИНИЦА «ВИКТОРИЯ»,

20 ИЮЛЯ 1837 ГОДА

Дорогая мадам Селин,

Деде в полном порядке. Мы благополучно доплыли, море ночью волновалось, но мы спали спокойно. Теперь мы уже в Лондоне, в чудесной гостинице рядом с Кенсингтонскими садами. Когда ко мне обращаются по-английски, мне бывает трудно делать вид, что я ничего не понимаю. А все остальное — прекрасно. Погода стоит хорошая; я слышала, как слуга говорил месье Эдуару, что дождя нет уже целых три дня. Мы пробудем в Лондоне неделю, а затем отправимся в Торнфильд. Вот я и узнала, как называется поместье месье Эдуара. Правда, я пока не знаю, в какой части Англии и как далеко от Лондона оно находится.

Это все, что я могу рассказать Вам сегодня, но обещаю, мадам, что буду сообщать обо всех наших передвижениях. К письму прилагаю записку Деде.

Надеюсь, что Вы пребываете в добром здравии и ясном расположении духа. Тусси, должно быть, уже переговорил с мадам Сулиньяк, и я уверена, что почтенная дама свернет горы, чтобы Вам помочь. Скоро Ваши страдания закончатся.

Обнимаю Вас преданно и нежно,

Ваша Софи

Мама, я, когда вырасту, хочу стать королевой. Ты слышала, что в короне новой queen^[6] Виктории тысячи-претысячи бриллиантов? А знаешь, на корабле была огромная труба, из нее

шел черный дым, и я плакала, но не потому, что там был дым, просто я хотела Дагоберту. В этом городе все стены грязные от черного дыма. В парке зато все зеленое, и есть такое озеро, как речка, называется Серпентайн, змеиное, но не кусается, оно все из воды.

Kiss^[7].

Твоя Деде

2

ТОРНФИЛЬД,

29 ИЮЛЯ 1837 ГОДА

Дорогой Тусси,

несколько строк на бегу — просто чтобы у тебя был наш новый и уже окончательный адрес. Запомни его и напиши мне поскорее. Мне не терпится узнать, как дела у тебя и у мадам, как прошла встреча с бабушкой Олимпии.

Пиши мне по адресу: С. Г., почтовое отделение Хэй, Милкот, ...ширское графство. Поместье, где мы живем, называется Торнфильд. Почтальон приходит через день, но пусть лучше месье Эдуар и его люди не знают, что я получаю почту. Конечно, я могла бы сказать, что мне пишут родственники, но здесь все думают, что я ни слова по-английски не знаю и вообще — безграмотная крестьянка. Как в таком случае я должна читать эти письма? Кого бы я должна была просить о помощи, если в доме только месье Эдуар понимает по-французски? Словом, лучше пиши мне до востребования, как и я пишу тебе. Я придумаю, как выбираться в Хэй почаще. Надеюсь, у поставщиков тут нет привычки доставлять в поместье хлеб, мясо и все остальное. Впрочем, даже если и так, миссис Фэйрфакс наверняка потребует шерсть для ее бесконечного вязания, а Грейс Пул — иголки для шитья, и я вызовусь все это купить.

Ты спросишь: кто эти женщины? Что это за поместье — Торнфильд? Что за дом, где мы теперь живем?

Все это ты сможешь узнать из письма к мадам, которое лежит тут же в конверте. Я предпочитаю писать одно длинное подробное письмо вместо двух коротких, где написано одно и то же. Ты можешь прочесть его и даже переписать, прежде чем отнести в Сен-Лазар.

Обнимаю тебя и умоляю: напиши сразу!

Софи

ТОРНФИЛЬД (МИЛКОТ),

ПОМЕСТЬЕ МИСТЕРА ЭДВАРДА РОЧЕСТЕРА,

29 ИЮЛЯ 1837 ГОДА

Дорогая мадам Селин,
наконец мы добрались после двух дней нелегкого пути. Месье нанял в Лондоне большой и удобный экипаж, запряженный четвериком. Мы поужинали и заночевали на постоялом дворе, а наутро нам сменили лошадей. Пока мы добирались до Милкота, ближайшего городка к поместью Рочестеров, нас сильно растрясло. Дороги тут разбитые и по мере удаления от Лондона становятся все хуже и хуже — наверное, потому, что в этой стране постоянно идет дождь, даже летом, и экипаж едет по лужам и выбоинам. Адель не хотела уезжать из Лондона. Ей нравилось жить в гостинице, обедать в салоне с незнакомыми людьми, которые ею непрестанно восхищались. Она по-английски и знает-то всего пару слов, а пыталась вести светскую беседу и всех этим веселила. Еще ее очень развлекала игра в переводчика, когда я делала вид, что не понимаю обращенных ко мне слов. Эту игру придется продолжить и здесь, в Торнфильде, но уже не для развлечения, а по необходимости; и будем надеяться, что в один прекрасный день Адель не забудется и не выдаст нас.

В Лондоне Деде любила ходить в парк рядом с гостиницей.

Он называется Кенсингтонские сады, и там все время гуляет множество детей разного возраста со своими nurses, так по-английски называются няни и гувернантки. Помните, как Деде веселилась, пуская лодочку в фонтане Люксембургского сада? В Кенсингтонских садах дети пускают лодочки в воды маленькой речки, она извивается между цветущих кустов и поэтому называется Серпентайн, то есть змеистая. Адель часами развлекалась, поддувая свою бумажную лодочку и подгоняя ее веточкой. Столько фантазии в Вашей девочке! Однажды она прибежала в большом возбуждении и рассказала, что видела в воде гнездо, плывущее, как кораблик, на борту которого сидел маленький мальчик, совершенно голый, потому что из рубашонки он соорудил себе парус, а вместо весла у него было птичье перо. Доводилось ли Вам встречать такую прелестную фантазию? Когда я была маленькой, у меня был воображаемый друг Пиполет, но он делал самые простые, обыденные вещи — те же, что и я. Я спросила у Деде, как зовут этого мальчика-птицу, и она уверенно сказала: «Питер».

Иногда она все еще плачет по ночам, скучает по Дагоберте. А днем она с гордостью говорит о том, что отдала ее Тусси. Постепенно она привыкает к Катрин. Тут в Торнфильде тоже отличная погода, и я стараюсь, чтобы Деде как можно больше времени проводила на открытом воздухе, как это было в Лондоне. Она катает обруч, бегаёт за бабочками. Боюсь, что если мы останемся тут до зимы, наступят холода, и поиграть в куклы у камина она еще успеет.

До сих пор я ничего не писала Вам о самом доме и его обитателях.

Вот мы приехали в Милкот и вышли из экипажа у постоянного двора. Все там, как мне показалось, знают месье Эдуара и очень его уважают. Мы поели, но не остались там отдыхать, потому что нас ждал слуга из Торнфильда с повозкой. Месье Эдуар заплатил за столичный экипаж и отослал его обратно в Лондон. Слуга из Торнфильда привел для него коня, чистойшей крови арабского скакуна по имени Мансур, поэтому в повозке ехали только мы с Аделью и багаж.

Торнфильд находится всего в шести милях от Милкота, но добирались мы больше двух часов. Мы ползли мимо возделанных полей, мимо лугов, миновали три-четыре деревни, какие-то

деревья, которые только жизнерадостная Адель могла назвать «рощицей», потом пересекли деревню Хэй; еще две мили — и мы остановились около больших ворот. «Вот и Торнфильд», — сказал слуга и пошел открывать.

Это огромное поместье, удаленное от всякого жилья. Оно гораздо больше, чем Поммельер. От ворот к дому ведет длинная аллея, вокруг парк. Дом большой, с флигелями и конюшнями. На Адель произвели большое впечатление зубцы на стене, как у настоящего средневекового замка. «А привидение безголового рыцаря там будет?» — спросила она не то в шутку, не то всерьез.

Будь на моем месте Кэтрин Морланд — помните, героиня «Нортенгерского аббатства»? — она содрогнулась бы от ужаса, услышав такой вопрос. А может, и привратница с улицы Маркаде, которая хотела меня отдать в дом призрения, — помните? Ведь я прочла ей десятки историй из Гран-Гиньоля, полных убийц, скелетов в подземельях, призраков покинутых и задушенных жен. Мадам Анно, возможно, тоже нашла бы Торнфильд идеальной сценой для какой-нибудь мрачной тайны или кошмарной мести. Но я не большая любительница готических историй мадам Рэдклифф и не романтическая мечтательница, живущая в своих фантазиях. Гражданин Маркиз научил меня любить Свифта и Вольтера. А потому те две ночи, что мы провели в Торнфильде, я спала хорошо и не слышала ни воя, ни скрежета цепей по каменному полу.

Месье Эдуар опередил нас почти на целый час и к нашему приезду уже распорядился приготовить поесть для Адели. Надо заметить, что он заботится о ней, хотя одна из подслушанных мною фраз мне совсем не понравилась. Представляя Адель миссис Фэйрфакс, весьма достойной пожилой вдове, какой-то своей дальней родственнице — она, похоже, управляет всем домом, — месье Эдуар сказал: «Это сиротка, я извлек ее из парижской грязи». Адели накрыли поесть в маленькой гостиной. А меня отправили на кухню, к слугам. К этому мне еще нужно привыкнуть, а то я чуть было не села рядом с Аделью за господский стол.

Для такого огромного дома слуг тут явно недостаточно. Супружеская пара, которая занимается всем сразу: Джон, приехавший с повозкой нам навстречу в Милкот, и его жена Мэри. Еще есть молодая горничная по имени Ли и швея, которую

зовут Грейс, ее я еще не видела, потому что она шьет в какой-то из комнат третьего этажа. Вот и все. Ни дворецкого, ни конюха... Такое разочарование! Особенно для тех, кто слышал, как хвалился месье Эдуар своими английскими владениями, когда мы жили на бульваре Капуцинов. Ах, да, чуть не забыла! Со вчерашнего дня среди слуг есть еще французская няня по имени Софи.

К счастью, меня не отослали спать с остальными слугами в заднюю часть дома. Мою кровать поставили в комнате Адели на втором этаже, рядом с комнатами миссис Фэйрфакс. Все двери на этом этаже выходят на длинную галерею. Комната мистера Рочестера гораздо дальше нашей, рядом с лестницей, ведущей на третий этаж.

Наша комната просторная, с веселыми обоями в цветочек и камином, который протапливают по утрам даже в эти летние дни. Стены очень толстые, а дубовые двери — массивные и тяжелые, с засовами. Я посмотрела, что в комнатах миссис Фэйрфакс и других соседних комнатах двери тоже запираются на засов. Не знаю, от каких таких опасностей они должны нас охранять, когда входные двери дома надежно заперты. Я спросила бы об этом у Ли, она мне кажется самой доброй из слуг, к тому же ей тоже приятно, что в доме появилась ее ровесница (здесь ведь считается, что мне восемнадцать). Миссис Фэйрфакс я тоже о многом хотела бы расспросить. Но поскольку по-английски я говорить «не умею», а попросить месье Эдуара, как единственного человека в доме, говорящего на обоих языках, попереводить для меня, конечно же, не могу, то приходится просто улыбаться с глупым видом и расстроено качать головой, когда кто-либо ко мне обращается.

Когда я писала Вам о том, как приняли здесь Деде, я забыла об одной детали, которая, возможно, огорчит Вас не меньше рассказа о «парижской грязи». По приказу миссис Фэйрфакс я убирала со стола в маленькой гостиной и услышала, как месье Эдуар рассказывает ей, что Адель ничего не знает, и воспитывалась, как это свойственно маленьким француженкам, в распущенности и тщеславии. «К сожалению, мне кажется, она не слишком умна, она не знает ни дисциплины, ни усердия. Ей нужно настоящее суровое английское воспитание, которое научит ее выдержке и воздержанию», — произнес в заключение своей

речи месье Эдуар.

Странные все же люди — англичане! Во взрослом возрасте они позволяют себе всевозможные пороки и удовольствия, делают, что им в голову приходит, и месье Эдуар — ярчайший тому пример: все его путешествия, роскошь, обманутые им молодые дамы. (Смогу ли я когда-нибудь простить ему то, как он поступил с Вами?) От детей они при этом требуют дисциплины и воздержания, как будто речь идет о маленьких солдатах, которых надо вымуштровывать, чтобы повиновались и молчали. Может, это потому, что англичане — протестанты? Месье Эдуар, однако, никогда не был похож на квакера.

Знаете, к какому решению они пришли? Миссис Фэйрфакс было приказано нанять гувернантку, которая должна будет приехать в Торнфильд, жить здесь и заниматься воспитанием Адели. Тем самым усложняя жизнь мне, потому что она, несомненно, будет за мною надзирать и учить меня, как правильно обращаться с Деде. Впрочем, найти гувернантку будет непросто, ведь миссис Фэйрфакс мало с кем знакома и очень редко оставляет поместье. «Отправьте объявления в газету, — сказал ей месье Эдуар. — Я готов платить тридцать фунтов в год. Вот увидите, от бедных и нуждающихся старых дев отбоя не будет. Надеюсь, Вашей проницательности хватит, чтобы выбрать подходящую для нас».

Итак, мадам, если нам не удастся уехать отсюда раньше, чем эти поиски чем-то увенчаются, Деде придется под руководством английской старой девы обучаться дисциплине и воздержанию. Качество образования, которое собирается дать ей месье, вызывает у меня сомнения. В доме довольно обширная библиотека, но книжные шкафы заперты на ключ. Как Вам такое? Не знаю, умеют ли читать здешние слуги, но у них на это все равно не достало бы времени, ведь они должны содержать такой большой дом в чистоте. Чью невинность, чье невежество оберегает месье Эдуар, запирая книги? Разве только миссис Фэйрфакс, но ей никак не меньше пятидесяти лет, и что-то о жизни она уж точно знает.

Исследовать весь дом я еще не успела. Тут так много закрытых дверей, а я бы не хотела, чтобы месье Эдуар обнаружил мое любопытство и меня рассчитал.

Расскажу Вам только об одном обескураживающем

открытии. На первом этаже есть большая столовая, соединенная аркой с гостиной и будуаром. Вы не поверите! Обстановка этих трех помещений в точности та же, что была у нас на бульваре Капуцинов. Лепнина на потолке, дубовые панели на стенах, шторы и кресла красного бархата, китайские белые ковры с цветочными узорами, даже рубиновые фарфоровые вазы на каминной полке те же и такие же безделушки из богемского стекла. Интересно, это местье Эдуар обставлял Ваш дом в Париже? И почему он захотел так точно повторить его убранство у себя в Торнфильде? Впрочем, бедная глупенькая нянька никогда бы не осмелилась задать столь деликатные вопросы своему господину.

Месье Эдуар сказал, что он пробудет в Торнфильде всего несколько дней, а потом опять уедет. Куда он направится? В Лондон или на континент? Загадка. Я слышала, как миссис Фэйрфакс жаловалась Ли, что с тех пор, как хозяин унаследовал этот дом, он ни разу не провел в нем более двух недель кряду. Будем надеяться, что и наше здесь пребывание не затянется, что в скором времени Вы обретете свободу и призовете нас обратно домой, во Францию. А пока — будьте спокойны и положитесь на меня. Я присмотрю за Аделью и постараюсь, чтобы у нее всегда было хорошее настроение. Не думаю, что здесь ее придется от кого-нибудь защищать. Самая большая опасность на нашем горизонте — приезд гувернантки, но немного терпения — и мы справимся. Месье Эдуар, конечно, вспыльчив и эгоистичен, и с Вами он обошелся в высшей степени недостойно; но, кажется, он привез нас в надежный приют: тут мы спокойно дождемся Вашего освобождения.

С нежностью целую Ваши руки, вечно благодарная и любящая Вас

Софи

P. S. До сегодняшнего дня Деде писала как хотела, я не исправляла ее орфографические безобразия, потому что знаю, что детские письма с ошибками обычно вызывают умиление родителей. Однако презрительное замечание месье Эдуара относительно образования, полученного Аделью, и вероятность того, что новая гувернантка также сочтет ее девочкой

недостаточно умной и воспитанной в дикости, убедили меня в том, что я должна научить ее писать правильно хотя бы по-французски. Поэтому теперь, когда она будет Вам писать, я буду отмечать красным ошибки, а она будет переписывать до тех пор, пока не получится приличное письмо. Я не собираюсь влиять на мысли Деде, как и на непосредственность изложения, но правописание следует соблюдать.

Дорогая мама,

а знаешь, когда я была в Лондоне, я видела, как queen^[8] Виктория едет в карете, и все хлопают в ладоши. Она на меня посмотрела и сказала: «Здравствуй, Адель, когда же ты придешь со мной поиграть в королевский дворец?» Но мне так и не удалось к ней прийти, потому что мы поехали в деревню.

Месье Эдуар живет в огромном замке, очень древнем. Тут точно где-то есть дракон, и месье сражается с ним на своем боевом коне Мансуре.

У миссис Фэйрфакс есть кошка, она царапается, а у месье Эдуара есть собака, но она с кошкой не дерется. Собаку зовут Лоцман, он большой, пушистый и не кусается, его можно гладить. Я играю с Лоцманом, потому что тут нет детей, которые бы сыпали крошки птичкам, как в лондонском парке. В лесу, позади замка, живут вороны, точно такие же, как те, что летали над полем в Поммельере.

А как у тебя дела? Тусси к тебе заходит? Что у тебя сегодня на обед? Мне дали здешнюю гадость, называется овсянка, англичане ее обожают. Тусси рассказал тебе, как дела у Дагоберты?

Крепко-крепко целует тебя твоя дочка

Деде

7 АВГУСТА 1837 ГОДА

Дорогая Софи,

мужайся. Если ты стоишь, читая это письмо, то лучше сядь. Если рядом кто-то есть, сдерживай себя, в особенности если этот кто-то — Адель: она совершенно точно не должна узнать ничего из того, что я сейчас напишу.

Все потеряно, Софи! Мы столько сражались в течение этих месяцев, мы полагали, что помогаем нашей благодетельнице, что она сможет почувствовать нашу любовь, что мы внушим ей надежду... Все было напрасно. Мадам Селин не получила ни одного письма, не получила горячего супа, чистой воды, сухой соломы и одеяла. Мы думали, что подкупаем ее тюремщика, а ее в это время вовсе и не было в подземельях тюрьмы Сен-Лазар. Ее нет в этих темных, сырых камерах! Представляя, как она при слабом дрожании свечи читает наши письма и тут же их сжигает, мы стали жертвами ужасного обмана! Тюремщик набивал себе карманы, выдумывая радовавшие нас вести, внушая нам надежду, превращая нас в рабов своей алчности и наглости.

Теперь-то понятно, что с самого начала его отказ позволить мадам написать нам хотя бы слово в ответ должен был внушить подозрения. Будь у него возможность продать нам подороже то, чего мы так желали, он задрал бы цену и уступил — с его-то ненасытным корыстолюбием. Не делал же он этого только потому, что среди поднадзорных ему узниц не было той, чьего письма мы так ждали и чей почерк могли бы узнать.

Бедная Софи! Как бы я хотел уберечь тебя от этого удара! Я отдал бы год своей жизни, лишь бы не вселять в тебя то отчаяние, что охватило и меня с того самого дня, как мадам Сулиньяк получила письмо от коменданта тюрьмы Сен-Лазар.

Но довольно бессвязных фраз. Перечитав написанное, я вижу в этих строках лишь боль и недоумение, но никаких логических объяснений.

Расскажу тебе по порядку, как мы пришли к такому ужасному открытию.

Ты помнишь, что я рассчитывал нанести визит мадам Сулиньяк, едва она оправится после тяжкого недуга. Благородная госпожа приняла меня тепло и с участием. Она даже не

догадывалась о наших бедах. По указанию врачей родные в продолжение всей ее болезни оберегали ее от любых тревог. Когда я сообщил ей, что мадам Селин взята под стражу, и рассказал, в чем ее обвиняют, мадам Сулиньяк пришла в неопишемую ярость. Ты ведь знаешь, что она дружила с Гражданином Маркизом еще со времен их юности; и она всегда знала, что Гражданин Маркиз был намерен оставить часть своего имущества крестнице.

«Нет ли у меня какого-нибудь давнего письма, где Филарет об этом пишет?..» — пыталась вспомнить мадам Сулиньяк. Такое письмо могло бы послужить доказательством того, что Селин не выбивала наследство силой и обманом у выжившего из ума старика.

Однако сундучок с письмами хранится в тайнике в ее загородном поместье, и только она одна знает расположение этого тайника. Сама она еще слишком слаба, чтобы ехать, а открывать местоположение тайника слугам не хочет. «Эх, если бы Олимпия была с нами! — вздохнула мадам Сулиньяк. — Но она теперь в Венеции. Я не хотела, чтобы ей писали о моей болезни. Она вернется через неделю-другую; а пока, мой мальчик, за сундучком мог бы съездить ты».

Я поблагодарил ее за доверие — но увы, куда я могу поехать без разрешения виконтессы Лагардьер? Да и лучше не извещать врагов о том, что мадам Женевьева готова к активным действиям, — в этом мы с ней вполне сошлись.

«То есть за два месяца вам ни разу не позволили навестить Селин? Безобразие! — воскликнула мадам, дослушав до конца мой рассказ. — Я немедленно напишу судье, который занимается ее делом, и еще префекту Парижа и коменданту тюрьмы Сен-Лазар. Все они многим обязаны моей семье. Сегодня же вечером у тебя будет письмо от коменданта с разрешением навестить узницу в комнате для свиданий или в камере, где она содержится!»

Можешь себе представить, как я обрадовался, насколько обнадеженным вышел от мадам Сулиньяк и побежал к церкви, чтобы занять свое место на запятках кареты виконтессы.

Однако вечером, когда я примчался за столь желанным разрешением, мадам встретила меня в растерянности и огорчении.

«Ты уверен, что Селин заключили в Сен-Лазар?» — спросила она.

«Конечно, — отвечал я. — Мне сказал об этом по секрету лакей виконта Лагардьера: он утверждал, что стражники сопроводили ее именно туда. И то же мне подтвердил тюремщик, который за ней надзирает: он ей за деньги передает наши письма. Откуда такой вопрос?»

Я тогда еще не догадывался, что мир вот-вот рухнет. Бедная моя Софи, бедная моя Адель, все пропало! Вы навсегда теперь останетесь в Англии, а я всю жизнь буду рабом виконта.

Комендант тюрьмы Сен-Лазар незамедлительно ответил на письмо мадам Сулиньяк. Он приказал слуге мадам подождать и проверил по журналам и регистрам списки заключенных. А потом, после полагающихся в письме любезностей, написал: «Я был бы счастлив исполнить Ваше пожелание, мадам, но, к сожалению, среди узниц этой крепости нет ни одной по имени Селин Варанс».

Удар молнии — и тот не мог бы поразить меня сильнее этого известия! Я был настолько потрясен, что старая дама, невзирая на немощь и болезнь, приказала немедленно заложить карету и крикнула кучеру: «В тюрьму Сен-Лазар!»

Комендант крепости принял нас с большим почтением, но все, что он мог, — еще раз подтвердить написанное ранее: Селин Варанс нет во вверенной ему женской тюрьме.

«Может, они записали ее под фальшивым именем?» — настойчиво спросила мадам.

«Это исключено. Но даже случись такое, надзиратели и стражи ее бы непременно узнали, ведь Варанс — известная актриса. Мне бы точно о ней донесли!»

Тут я понял, что должен выдать нашего тюремщика. Что мне до того, выгонят ли его вон, обвинив в продажности? И я рассказал коменданту, как мы передавали мадам Селин письма, а тюремщик вымогал у нас деньги.

«Однако же она ни разу вам не ответила, правда? — заметил он с печалью в голосе. — Бедный юноша, вы не первый человек, попавшийся на эту удочку. Тюремные надзиратели не сестры милосердия. Наши служащие сделаны из того же теста, что и наши заключенные, они происходят из самых низов, и среди них часто встречаются люди грубые, лживые и жестокие... Если они

замечают, что могут нажиться на наивности встревоженной родни заключенных — они своего не упустят. Назовите мне имя этого мерзавца, я его допрошу и примерно накажу».

Я не знал его имени, но описал наружность, манеру говорить, расписание его смен, часы и дни, когда его можно было встретить у входа в тюрьму.

Я и сам обязательно вернусь туда в ближайшие дни и найду его. Хочу узнать, что он сделал с нашими письмами. Если он передал их племянникам Гражданина Маркиза, раскрыв им все наши планы и секреты, я задушу его собственными руками.

Мадам Женевьева умоляет меня сохранять спокойствие и не отчаиваться, обещает продолжить поиски; она говорит, что молодая и красивая женщина не может взять и пропасть бесследно. Особенно когда она так знаменита, как Селин Варанс. Я стараюсь поменьше думать об изуродованных до неузнаваемости трупах, которые вылавливают из Сены. А что, если нашей благодетельницы больше нет в живых?

Прости меня, Софи, что я пишу тебе о таких кошмарных предположениях, но мы же поклялись, помнишь? Рассказывать друг другу все, всегда говорить правду. Знаю, что ты выплачешь себе нынешней ночью все глаза, но постарайся, чтобы Адель этого не заметила. И не говори пока ничего месье Эдуару.

Признаюсь, что сегодня я не стал, как обычно, дожидаться виконтессу на запятках, а зашел вместе с нею в церковь и помолился. Я обратил свои просьбы к Христу, и к Пресвятой Деве, и ко всем католическим святым, и к Высшему Разуму и Богине Рассудка, как учил нас крестный. И откуда-то из далекого прошлого пришли мне на ум ориша — старые боги моей родной земли, от которых белые хотели заставить нас отречься. Я призвал на помощь Обатала, Шанго, Йеманджу и Бабалу-Айе (который для нас то же самое, что Святой Лазарь для католиков, и защищает от всяких болезней). Их призывала моя мама, когда мадемуазель Атенаис забрала меня из хижины для рабов. Как тебе кажется, это кощунство? Я веду себя как дикарь, полный суеверий и предрассудков? Что бы подумал обо мне Вольтер? Я не шучу, сейчас не время для шуток.

Обещаю, что очень скоро напишу и буду и дальше сообщать тебе обо всех наших новостях. А ты пиши мне, что у вас происходит.

Обнимаю тебя — весь в слезах, твой

Тусси

Р. С. Умоляю еще и еще раз: ни слова Адели. Бедный ребенок! Лучше пусть думает, что мама в тюрьме.

4

ТОРНФИЛЬД,

16 АВГУСТА 1837 ГОДА

Дорогой Тусси,

я не верю. Не верю в те кошмары, что являются тебе в самые черные минуты. Я знаю, что мадам Селин жива. Не могу тебе объяснить, почему я так в этом уверена. Где-то внутри меня живет хрупкий и драгоценный хрустальный сосуд: если бы моя благодетельница умерла, он разбился бы вдребезги. Моя любовь к ней крепче стальных цепей, что удерживают корабли у портовых причалов, — я бы за тысячу миль ощутила, если бы эта связь порвалась. И не только я, но и наша Адель... о, как чутка эта малышка! Она видит то, что невидимо глазам других людей, и разговаривает во сне с ангелами. Уж они бы ей сказали, если бы мадам Селин улетела на небо, как это пытается внушить ей месье Эдуар! Но она совершенно спокойна: безмятежно играет и хорошо спит. Когда мы остаемся одни, она говорит со мной о матери так, как если бы та просто вышла в соседнюю комнату. Конечно, я не расскажу ей о том, что открылось вам с мадам Сулиньяк. Пусть по-прежнему пишет свои письма, когда-нибудь мадам прочтет их все вместе и они вызовут нежную улыбку на ее устах.

Не теряй надежды, Тусси! Тюремщик лгал, но это еще не значит, что все потеряно. Мадам Селин жива, и скоро ты ее найдешь. В современном Париже человек не может просто исчезнуть. Это тебе не Старый Режим, когда любой аристократ мог с помощью влиятельных друзей получить письмо с

печатью^[9] и вписать туда кого пожелает, так что от человека и следа не оставалось. Теперь у нас есть конституция и парламент, законы, защищающие граждан, есть суды... Мадам Сулиньяк знает множество влиятельных особ. Она всегда боролась за права женщин. Неужели же она бросит в беде свою подругу, подругу Олимпии, отдаст ее на растерзание злодеям?

Нет, Тусси, нельзя отчаиваться! Я уверена, уже в следующем твоём письме будут хорошие новости. Я жду его с надеждой и миром в сердце.

К счастью, месье Эдуар покинул Торнфильд. Он бы наверняка что-то заподозрил, если бы заметил, как усердно я посещаю почтовое отделение в Хэе. Правда, сегодня я пойду туда совершенно официально, по поручению миссис Фэйрфакс, которая попросила меня отправить письмо в ответ на объявление о гувернантке.

Ты же еще ничего не знаешь об этом объявлении, правда? Прости, что рассказываю тебе о подробностях нашей жизни, вместо того чтобы отчаиваться и убиваться, но это бы не принесло пользы ни тебе, ни мне. Надеюсь, наши новости помогут тебе немного успокоиться. К тому же, как только ты отыщешь мадам Селин, она начнет расспрашивать тебя об Адели, и ты окажешься во всеоружии.

Так вот, вчера миссис Фэйрфакс как обычно перед чаем читала «...ширский вестник» и вдруг воскликнула: «Гляньте-ка, возможно, эта барышня нам подойдет!» Я помогала Адели повязать домашний фартучек и сделала вид, что ничего не понимаю. Чтобы казаться невежественной дурой, нужно куда больше усилий, чем чтобы притворяться умнее, чем ты есть на самом деле. Адель, запинаясь, спросила по-английски: «Какая такая барышня?» Миссис Фэйрфакс не ответила, но задумчиво на нее уставилась, как бы стараясь получше разглядеть. В этот момент, к счастью, вошла служанка с подносом. Миссис Фэйрфакс обрадовалась, что теперь у нее есть более понятливый собеседник, и ткнула пальцем в газетный лист: «Смотри, Ли, вот это совпадение! В газете пишут, что некая молодая особа ищет место гувернантки в частном доме к детям не старше четырнадцати лет. Кроме основных предметов, составляющих солидное английское образование, она обучает также французскому языку, музыке и рисованию. А я как раз искала

гувернантку для мисс Адели. Как тебе кажется, эта Дж. Э. нам подходит?»

«Не знаю, мэм», — ответила Ли, освобождая место на столе, чтобы поставить поднос.

Мне хотелось спросить: что входит в солидное английское образование? Включает ли оно алгебру, астрономию, химию, физику, геологию, анатомию человека и магнетизм? Узнает ли Адель принципы работы механизированного ткацкого станка и парового котла? Я бы могла по мере взросления Деде научить ее всему этому. Я бы давала ей читать не только басни и выхолощенные отрывки из Писания, но Чосера, Шекспира, Свифта, Дефо, Филдинга, Байрона, Шелли и Вальтера Скотта. И, конечно же, «В защиту прав женщин» Мэри Уолстонкрафт; и романы Джейн Остин — прежде всего мое любимое «Нортенгерское аббатство»; и историю сироты Оливера Твиста, опубликованную в прошлом году...

Мне хотелось спросить обо всем этом и о многом другом. Но язык мой оставался скованным: ведь я «не знаю» английского. К тому же, Тусси, мне кажется, что при перечислении всех этих имен миссис Фэйрфакс вытаращила бы на меня глаза в полном недоумении. Я совершенно уверена: она не только не читала, но и не слышала ни о ком из них, за исключением разве что Шекспира...

Поэтому, чтобы иметь возможность остаться в комнате, я просто опустилась на колени у камина и принялась выгребать золу, шерудить угли и подкидывать новые поленья. Миссис Фэйрфакс выпила чаю с Аделью, приказала Ли принести бумагу, чернильницу и перо и принялась писать ответ на объявление, поминутно задумываясь и зачеркивая написанное. Я запомнила содержание письма, потому что старушка проговаривала вполголоса его текст, видимо, проверяя, как он звучит: ей хотелось быть любезной, но не слишком фамильярной.

Написала она примерно так:

«Если Дж. Э., поместившая в прошлый вторник объявление в „...ширском вестнике“, имеет опыт в преподавании указанных ею предметов и готова представить удовлетворительные рекомендации относительно своего поведения и своих познаний, ей может быть предложено место воспитательницы одного ребенка, девочки, не достигшей десяти лет, с вознаграждением 30

фунтов в год. Прислать рекомендации, а также сообщить имя, фамилию, местожительство и прочие необходимые сведения просим по адресу: Миссис Фэйрфакс, Торнфильд, близ Милкота».

Адрес на конверте: «Лоутонское почтовое отделение, до востребования». Этой Дж. Э., как и мне, есть, по всей видимости, что скрывать, если она не хочет, чтобы люди, с которыми она проживает в одном доме, знали, что ей приходят письма. Интересно, что за имя стоит за этими инициалами? Джемима Эллерстон? Дженни Эвит? Вот было бы интересное совпадение, если бы гувернантку Адели звали Джудит, как учительницу мадемуазель Атенаис. Хотя, пожалуй, я забегаю вперед, ведь рекомендации Дж. Э. могут показаться миссис Фэйрфакс недостаточно удовлетворительными. А возможно, ты разыщешь и освободишь мадам Селин раньше, чем Дж. Э. ответит на это письмо, и мы вернемся во Францию, так ничего о ней и не узнав.

О Тусси, прошу тебя, не впадай в отчаяние! Не сдавайся. Надеюсь, что Олимпия очень скоро возвратится из Италии и поможет тебе снова поверить в себя, как она всегда помогала нам в наши школьные дни.

Крепко-крепко обнимает тебя твоя сестренка

Софи

P. S. Сегодня я возьму Адель с собой в Хэй: это отличная прогулка. Она все еще думает, что ты передаешь письма мадам Селин, а потому написала ей, как обычно, записку.

Дорогая мама,

месье Эдуар ругается, что я его так зову. Он говорит, что мы теперь в Англии, и я должна его звать «мистер Рочестер», а когда меня спрашивают, кем он мне приходится, отвечать: мой опекун, потому что у меня нет никого на белом свете. Вот глупый! Он что, не видит, что у меня есть Софи? Теперь, правда, я никак не могу его звать, потому что он не сдержал обещания остаться с нами и куда-то уехал. Он увез с собой Мансура и Лоцмана, и мне больше не с кем играть. Лоцман — очень хорошая собака, он позволял себя причесывать расческой Катрин и не рычал. А

кошка миссис Фэйрфакс, когда я пытаюсь ее причесать, царапается. Софи сказала, что Лоцман — ньюфаундленд, она показала мне на карте остров, который так называется. Он совсем рядом с Канадой, там медведи, гуроны и очень холодно. Поэтому у Лоцмана такая густая шерсть.

Знаешь мама, мистер Рочестер меня обидел, он сказал миссис Фэйрфакс, что я глупая девочка и в Париже играла в грязи. Он что, не знает, что Соланж мне даже лопаткой не разрешала копать в земле? А крестный звал меня своим маленьким философом и говорил, что, когда я вырасту, я буду даже умнее Софи! Почему мистер Рочестер говорит обо мне такие гадости? Это невежливо! Я хочу домой, во Францию. Хочу жить с тобой и спать с Дагобертой. Когда ты за мной приедешь?

Обнимает тебя с любовью твоя

Деде

5

ПАРИЖ, ПРЕДМЕСТЬЕ СЕН-ЖЕРМЕН,

25 АВГУСТА 1837 ГОДА

Дорогая Софи,

ты была права. Есть еще надежда. Крохотная, как лучик света в лесной чаще, о котором мы читали Деде в «Сказках фей» мадам д'Онуа. Тюремщик нам солгал, но крупницы правды в его словах были. Сразу после ареста мадам Селин действительно привезли в тюрьму Сен-Лазар. Мы это обнаружили, заставив коменданта собственноручно проверить все регистрационные книги с конца мая. Бабушка Олимпии действует так решительно и разговаривает так властно, что ей никто не смеет отказать. Из записей за май следует, что «танцовщица Селин Варанс» была заключена в крепость 28 мая и выбыла 14 июня «по причине тяжелой болезни».

Тюремщик, который на протяжении этого времени ее охранял, рассказал нам, что это была за болезнь. Мужайся, Софи,

я должен поведать тебе страшную историю. Утешает только непоколебимая уверенность бабушки Олимпии, что мадам еще жива.

Комендант вызвал тюремщика в свой кабинет. Видела бы ты испуг и смятение в глазах этого негодяя, когда он меня узнал! Теперь я сидел рядом с главным начальником всей крепости, который был со мной почтителен и звал меня на «вы», и этот тип уже не посмел бы обзывать меня «мерзкой черной обезьяной» или издеваться надо мной, как он делал, повышая цену на свои услуги. С опущенной головой он выслушал обвинительную речь коменданта, который пообещал сурово его наказать — высечь и удержать месячную плату, — когда же ему пригрозили тюремным заключением, выложил все, что знал.

Мадам Селин, оказывается, вовсе не содержалась в одиночной камере. Ее посадили в обычную камеру, и она, нежная и деликатная, должна была день и ночь проводить с грубыми и жестокими преступницами: воровками, проститутками, мошенницами и убийцами. Соседки тут же ее опознали и решили, что у такой знаменитости должны быть при себе припрятанные деньги и ценности, и заставили ее вывернуть карманы. А когда поняли, что у нее ничего нет, — набросились, стали угрожать и подло требовать, чтобы мадам Селин просила денег у своих «богатых любовников»!

Надзиратели вовсе не спешили ее защитить и даже не подумали перевести ее в другую камеру — им было весело смотреть, как «барыню, привыкшую всеми помыкать» унижают, оскорбляют и бьют.

Сердце сжимается в груди при мысли о нашей милой благодетельнице, совершенно беззащитной в лапах этих гарпий. И это только начало. Приготовься. Мы боялись представить себе, что она сидит в темноте и холоде, страдает от голода, сырости, клопов и мышей... Но мы даже вообразить не могли, что самые страшные муки принесут ей человеческие существа, притом одного с нею пола, — те, кому сама она с радостью пришла бы на помощь!

Мы обнаружили, где она содержится, когда она провела в крепости Сен-Лазар две недели, и я заплатил тюремщику, чтобы он передал ей наши первые письма. Это была увесистая стопка, помнишь? Три твоих письма, мое письмо, пустой лист — на

случай, если она сумеет ответить. Когда тюремщик вручил ей эту передачу, остальные узницы решили, что там деньги, и накинулись на нее, чтобы отнять конверт. Зная, что это письма от нас, она не хотела их отдавать и начала отбиваться. Но что она могла одна против шести или семи фурий? Они били ее, царапали, вырывали волосы. Они повалили ее на пол, но мадам продолжала крепко прижимать наши письма к груди; и тогда самая обозленная и сильная из нападавших схватила ее за голову и начала бить о каменные плиты пола.

Тут уж надзиратели забили тревогу, но к тому моменту, как «наш» тюремщик отогнал кулаками и пинками разъяренных женщин, бедная наша благодетельница уже была без памяти. Ее перенесли в изолятор и с трудом привели в чувство. Однако, открыв глаза, мадам никого не узнавала; она лепетала бессвязные фразы и лихорадочно пыталась содрать с себя платье, которое за время драки превратилось в лохмотья. Она была в горячке.

С тех пор жар и бред не прекращались. Через несколько дней, уверившись, что узница напрочь лишилась рассудка, комендант женского отделения решил, что в тюрьме Сен-Лазар она долго не протянет, и распорядился перевести ее в другое место.

Однако в регистрационных книгах не указано, куда именно перевели Селин Варанс. Главный комендант полагает — и мадам Сулиньяк с ним согласна, — что, скорее всего, мадам отвезли в лечебницу Сальпетриер, куда обычно отправляют сумасшедших. Префект Парижа — свекор одной из племянниц мадам Женевьевы. Она ему сразу написала, и теперь мы надеемся получить к завтрашнему утру пропуск на посещение женского отделения больницы для умалишенных.

Мне страшно думать о том, что мы там найдем. С момента нападения на мадам прошло больше двух месяцев, а из тюрьмы ее увезли в критическом состоянии. Она могла умереть сразу после прибытия в Сальпетриер. Да и туда ли ее повезли?

Мадам Сулиньяк твердит, что не надо отчаиваться: ведь великая Селин Варанс была знаменитостью, звездой театра Опера, ее знал весь Париж, а потому весть о ее смерти просочилась бы через самые непроницаемые стены — падкие на сплетни газеты разнесли бы ее в мгновение ока.

«Не теряй надежду, Туссен, — говорит она, — наша Селин

жива, и скоро мы сможем ее обнять».

Но я признаюсь тебе, Софи, что очень боюсь, как бы она действительно не потеряла рассудок навеки, даже если мы ее найдем.

«Мы будем заботиться о ней и вылечим ее, — неутомимо повторяет мадам Сулиньяк. — Никогда не надо отчаиваться!»

Последуем ее словам, сестренка! Обещаю, что сразу же буду сообщать тебе все новости. Ты же крепись и, главное, следи, чтобы Адель не узнала о наших опасениях.

Забыл одну важную подробность: наши письма. Я сумел добыть их все: и те, что мадам успела получить, и те, которые тюремщик продолжал брать, чтобы выманить у нас деньги, даже когда ее уже давно не было в крепости. Этот подлец хоть и не умеет читать, но думал, наверное, что потом ими можно будет нас шантажировать, и держал письма у себя. Комендант приказал ему вернуть их все, включая те, что он подобрал с пола после драки в камере. Видела бы ты эти листочки, Софи! Грязные, рваные, в пятнах крови... Это самое страшное свидетельство мучений нашей дорогой благодетельницы. Я отдал их на хранение мадам Сулиньяк в надежде (а мадам даже совершенно в этом уверена!), что однажды они будут доставлены адресату. Но, прежде чем отдать, я поцеловал их и полил своими сле

Софи! Софи! Софи!

Мы нашли ее!!! Мадам Селин жива! Я не дописал письмо, прервавшись на полуслове, потому что лакей виконта пришел сказать мне, что на улице меня ожидает какой-то богатый экипаж и что это срочно. Мадам Виолен уже удалилась на покой, и дворецкий разрешил мне отлучиться. На улице оказался экипаж мадам Сулиньяк, которая получила разрешение от префекта даже раньше, чем мы рассчитывали. Кучер хлестнул лошадей, и мы помчались в сторону Сальпетриер. Письмо от префекта было столь значительным, что нам открыли, хотя на дворе уже совсем стемнело. Нас проводили, освещая масляной лампой палаты, полные больных. Не буду описывать тебе невыносимую вонь этих палат и весь ужас, который нам явился. Пожелаю только, чтобы нога твоя никогда не ступала в приюты для

душевнобольных. Не хочу, чтобы ты даже просто представляла себе тот ад, в котором наша благотельница находится уже более двух месяцев. Частичным утешением может служить лишь то, что мы нашли ее не среди «буйных» и даже не в палате для «беспокойных», а в отделении «тихих». Так здесь называются несчастные, которые не кричат и не бросаются на надзирателей и друг на друга, не крушат все, что подвернется им под руку, но сидят в своем углу, бессловесные, недвижимые. Они не отвечают ни на какие вопросы, не отличают день от ночи, не признают присутствия других людей. Они как будто окружены невидимой стеклянной оболочкой, которая отделяет их от остального мира. «Тихих» пациенток, в отличие от остальных, не привязывают к железным кольцам над кроватью или к оконным решеткам.

Наша бедная подруга, когда мы ее нашли, лежала на грязной соломенной подстилке без простыни. Она походила на марионетку с обрезанными нитками, но при этом не спала. Она постоянно поворачивала голову из стороны в сторону в ритм какой-то мелодии, которую мычала не открывая рта. Глаза ее были открыты и устремлены в потолок, виски и уши были мокры от неиссякаемого потока слез.

«С самого поступления сюда плачет и плачет», — сказала надзирательница.

Она позвала ее и грубо тряхнула за плечо: «Варанс, к вам пришли!» Мадам Селин, казалось, не только не узнала нас, но и вовсе не заметила нашего присутствия.

«Она ест?» — спросила мадам Женевьева. Она старалась не показывать, как сильно она взволнована.

«Сама не ест. Нужно кормить с ложки. А нам некогда. Так что ее кормят соседки по палате. Они ее любят, возятся с ней, как с ребенком, или забавляются, как с куклой. А иногда забывают про нее на день-другой — они непостоянны».

Видела бы ты, Софи, как мадам похудела, какие на ней лохмотья, а ведь она всегда была так элегантна!

Помнишь, как ей шло домашнее белое платье, какой красавицей она была, прямая, как серебряный меч, белая, как цветок лилии, — так ей всегда говорил этот изменник, месье Эдуар. А когда она появлялась на сцене в балетной пачке в образе сальфиды, легкая и светящаяся, как летнее облачко над морем... а ее любящий взгляд, улыбка, благоухание чистоты!

Ты не можешь себе представить, как теперь выглядят ее прекрасные волосы: поблекшие, грязные, спутанные. И какая вонь поднимается от ее пропитанной всякой дрянью подстилки!

Но все же она жива! Жива! Я упал на колени с нею рядом, взял ее руку, поцеловал и заплакал от горя и радостного облегчения.

Мадам Женевьева хранила спокойствие. Она дала денег надзирательнице, чтобы та сама ее кормила и чтобы умыла. Перед уходом она обратилась к нашей несчастной благодетельнице так, как если бы та могла услышать ее и понять: «Скоро мы вас заберем отсюда, Селин. Вы встретитесь с дочкой. Вы поправитесь. Спокойной ночи, дорогая. До завтра».

Добрая старая мадам Сулиньяк уверена, что благодаря своим связям она добьется разрешения забрать Селин к себе домой до суда. Глядя на нее, я и сам начинаю верить, что все еще может получиться.

Огонек надежды не погас, Софи. Молитвы мои, пусть они и не отвечают церковным канонам, были не напрасны.

Оставляю тебя, уже поздно, и свеча догорает.

Доброй ночи, воробушек. И пожелай от меня доброй ночи Деде. Жду ваших новостей и надеюсь, что скоро смогу вам сообщить хорошие вести о нашей дорогой благодетельнице.

Ваш старший брат

Туссен

6

ТОРНФИЛЬД,

3 СЕНТЯБРЯ 1837 ГОДА

Дорогой Тусси,
какое облегчение знать, что мадам жива! Страшно думать о том, что ей пришлось перенести и в каких условиях она пребывает. А мы-то представляли себе, что она здорова и спокойна, что она в безопасности, несмотря на все лишения

одиночной камеры. Что она читает при свете свечи наши письма и знает о наших делах, что она переживает о наших маленьких трудностях и согревается нашей любовью. Интересно, знают ли племянники Гражданина Маркиза, какой трагедией обернулись их лживые обвинения? И как-то еще повлияет на суд болезнь мадам Селин?

Я всем сердцем надеюсь, что власти позволят бабушке Олимпии забрать мадам к себе домой. Сердце подсказывает мне, Тусси, что любовь и заботы друзей, а также помощь хорошего врача исцелят нашу благодетельницу. Если бы она могла видеть свою дочь, слышать ее голос, если бы Адель могла осыпать ее поцелуями, это помогло бы мадам прийти в себя, ведь материнская любовь сильнее всех снадобий. В то же время я совершенно уверена, что даже если объясню месье Эдуару, почему это так важно и нужно, он все равно не отпустит нас с Аделью в Париж.

Уповаю на возвращение Олимпии. Когда же наконец она вернется?..

Вряд ли стоит повторять, с каким нетерпением я жду твоего ответа. Напиши мне поскорее. Напиши, что наша благодетельница уже в безопасности, в доме мадам Сулиньяк. Конечно, Адели лучше ничего этого не знать — иначе она начнет спрашивать, почему мама нам не пишет, но я совсем не хочу говорить ей, что ее мать потеряла рассудок.

У нас в Торнфильде все хорошо, хотя и скучновато. С другой стороны, это означает, что в нашей жизни не так много страданий и забот.

После отъезда месье Эдуара в доме не осталось никого, кто понимал бы хоть слово по-французски, поэтому мы с Аделью можем болтать, обсуждать все, что видим, потешаться над английскими привычками, над их едой, над старинной рухлядью, которую мы нашли в комнатах третьего этажа. Миссис Фэйрфакс думает, что во время дождя мы сидим у себя: я штопаю, а Адель играет с куклой Катрин. Мы же исследуем дом или идем в библиотеку. Месье Эдуар оставил незапертым только один книжный шкаф, — видимо, он считает, что именно эти несколько книг должны будут пригодиться гувернантке для обещанного в объявлении «солидного английского образования». Я же использую эти книги, чтобы учить Адель английскому, — и уже

виден прогресс! Миссис Фэйрфакс так наивна, что думает, что это она, болтая с девочкой, научила ее словам и предложениям, которые Деде теперь знает и произносит правильно. Как же мне трудно продолжать делать вид, что я не понимаю по-английски! Ведь это означает, что я могу говорить только с Аделью; а она очень умная и очень милая девочка, но всего лишь ребенок.

Иногда мне кажется, что это излишняя предосторожность: если окружающие добры и расположены к нам, то зачем лгать, зачем притворяться, пытаюсь выведать их намерения? Но потом я вспоминаю жестокую ложь месье Эдуара о смерти мадам... Больше того, Тусси, иногда мне кажется, что, когда месье Эдуар пришел на улицу Сент-Огюстен за Деде, ему уже могло быть каким-то образом известно, что мадам Селин находится в Сальпетриере — похороненная заживо. «Упокоилась с миром» — как говорили безжалостные средневековые судьи. При этом он ничего не сообщил ее друзьям, не пожелал ей помочь! Может быть, миссис Фэйрфакс и другие слуги — прекрасные люди, но владелец Торнфильда — «хитроумный обманщик», как наш крестный говорил про Одиссея. И этот обманщик наверняка сплетет еще какую-нибудь ложь. А потому нельзя ослаблять бдительность.

Рассказать тебе о последних фантазиях Адели?

Несколько дней назад у нее завелась воображаемая подруга Берта, которая говорит по-английски и ужасно озорничает. Думаю, что Адель назвала ее так, потому что скучает по кукле Дагоберте. С другой стороны, нет ничего удивительного, если ребенок, живущий в уединении, у которого нет компании сверстников для игр, выдумывает себе друга. У меня тоже был Пиполет, помнишь? Адель говорит, что Берта не может выходить из дома. Поэтому в хорошую погоду, когда мы гуляем в парке или идем на почту в Хэй, Адель собирает для своей подруги самые яркие листья, орешки, последние осенние цветы и ягодки, камушки странной формы, птичьи перышки. За обедом она оставляет для своей подружки фрукты и кусочки десерта, потому что Берта — большая сладкоежка. Надо бы найти, где Деде все это прячет, а то еще заведутся мыши или по всему дому поползет запах гнили. Миссис Фэйрфакс и так уверена, что мы, французы, не великие любители чистоты. Я слышала, как она говорила об этом Ли. Не хотелось бы, чтобы она окончательно утвердилась в

своем предрассудке и считала нашу Адель грязнулей.

Обнимаю тебя, дорогой Тусси.

Как всегда, кладу в конверт записку от Адели. Надеюсь, что в скором времени мадам прочтет все ее записки вместе с нашими письмами и сможет улыбнуться, оглядываясь на прошлое.

Помни, как мне тяжело быть вдали от вас, не имея возможности обнять мадам Селин.

Помни, как я жду вестей, и напиши мне скорее.

Твоя Софи

Дорогая мама!

А ты знаешь, что у меня вырос новый зуб вместо того, который выпал в Париже? Тут все время идет дождь, Софи читает английские книги из библиотеки, а мне ужасно скучно. К счастью, можно поиграть с Бертой, она смешная, говорит плохие слова и кидает на пол чашки с чаем, так что все разбивается и на ковре грязные пятна. Берте всегда холодно, но я ей говорю, что она глупая, потому что иногда она сдирает с себя одежду, комкает и бросает в камин, а потом у нее насморк. Это секрет, его можно рассказать только тебе и Софи, потому что Берта тоже думает, что Софи не умеет говорить по-английски. Это я ей так сказала, а она поверила. Она не знает, что это хорошая ложь. На самом деле Софи отлично умеет говорить по-английски, она слушает всё, что все говорят, и учит меня новым словам. Вот мы сейчас пойдём в Хэй, и, если встретим кого-нибудь, кто скажет: «What a pretty little girl!»^[10], я отвечу: «Thank you»^[11]. А если меня спросят: «Where do you come from?»^[12], то я отвечу: «We now live in Thornfield, but we come from Paris»^[13]. Видишь, какая я умница? Когда мистер Рочестер вернется, он мной будет доволен и не станет больше говорить, что я глупая девочка.

Крепко-крепко тебя целует твоя faithful^[14]

Адель

ПАРИЖ, ПРЕДМЕСТЬЕ СЕН-ЖЕРМЕН,

13 СЕНТЯБРЯ 1837 ГОДА

Дорогая Софи,

сегодня у меня много новостей. Одни хорошие, другие похуже, но ни одной трагической или отнимающей последнюю надежду. Первая и самая главная новость состоит в том, что суд объявил нашу дорогую благодетельницу «неспособной нанести вред или осуществить попытку к бегству» и отдал ее под опеку мадам Женевьевы, которая тотчас перевезла ее к себе, и теперь я могу проводить ее каждый день.

Вторая хорошая новость: Олимпия вернулась! Она приехала из Италии и завтра же отправится в загородный дом мадам Сулиньяк, чтобы отыскать старые письма маркиза, которые должны вскрыть гнусную ложь и посрамить его наследников.

Третья новость, к сожалению, не так хороша. Несмотря на все наши усилия, мадам Селин никого из нас не узнает, она по-прежнему погружена в состояние полной отрешенности и апатии. Чтобы смыть всю грязь и коросту, выросшую в Сальпетриере, Олимпия долго купала мадам в горячей ванне. Волосы пришлось сбрить, так как они были не только спутаны и грязны, но и полны вшей. Видела бы ты, Софи! Наша мадам Варанс теперь похожа на истощенного подростка. Лицо ее очень бледно, под глазами большие черные круги, по всему телу — укусы клопов, на спине и на руках они превратились в настоящие язвы.

Кажется, мадам не заметила никакой разницы между грязным соломенным тюфяком больницы и мягкой кроватью с белоснежным бельем, куда уложили ее наши спасительницы. Она все время плачет, невидящий взор уставлен в потолок, а голова ее непрерывно мотается в такт заунывной мелодии, которую она мычит, не открывая рта. Олимпия, сидя у ее постели в тишине ночи, сумела распознать мотив — эту песню мадам много лет назад пела вместе с месье Эдуаром, помнишь? «Но, наши жизни разделив, пустыня пролегла...»

Олимпия говорит, это хороший знак, что мадам помнит что-то из прошлого. Сама Олимпия оказалась потрясающей сестрой милосердия: она терпелива, деятельна и никогда не устает. Мадам

Женевьева полностью препоручила ей заботу о больной, и внучка тут же призвала к мадам Селин самого знаменитого в Париже врача по душевным расстройствам, доктора Манетта, он еще во времена Великой революции участвовал в опытах над «животным магнетизмом» доктора Месмера.

И вот тут возникает четвертая новость, не особенно хорошая, но все-таки обнадеживающая. Слушай внимательно, Софи. Доктор говорит, что не нашел необратимых повреждений, а «кататоническое», как он его определил, состояние мадам вызвано глубочайшим нервным потрясением; и что в один прекрасный день к больной могут вернуться все ее умственные способности.

Когда? Трудно сказать. Ей нужны уход, лекарства, массаж, ванны и постоянное внимание. Доктор говорит, что мы должны разговаривать с мадам, как если бы она нас слышала и понимала, обнимать ее, усаживать в кровати, кормить ее любимыми блюдами, петь ей и играть ту музыку, какую она слушала раньше. И чтобы рядом с нею всегда кто-то был и она не оставалась бы в одиночестве. Олимпия уже наняла специальную сестру, чтобы делать массаж и другие процедуры, и ночную сиделку. А днем они с мадам Женевьевой будут сами заботиться о мадам Селин. Я бы тоже хотел помочь. Сердце разрывается всякий раз, когда приходится возвращаться в предместье Сен-Жермен, в дом виконта. Но я не смею злоупотреблять добротой кучера и его жены. Если, не дай бог, из-за меня их рассчитают, тогда-то я уж точно не смогу отлучиться ни на минуту.

На этом все, воробушек мой дорогой. Я знаю, что мое письмо принесло тебе большое разочарование и маленькую надежду. Но ты сильная и, я уверен, станешь еще сильнее ради Адели.

Ответь мне поскорее. Олимпия и ее бабушка тоже с нетерпением ждут новостей из Англии. Рассказывай нам обо всем, что происходит в Торнфильде, ведь, когда мадам очнется, ее первым словом наверняка будет «Адель».

Обнимаю тебя, дорогая Софи, призываю на тебя благословение Обатала, нашего главного ориши, облаченного в белые одежды. Символ его — голубь. Пусть он согреет и осветит для тебя холодные темные комнаты этого далекого дома и раскроет тебе все коварно сплетенные интриги хитроумного

лжеца Эдварда Рочестера.
Твой старший брат

Тусси

Р. S. Знаешь, кого я тут встретил на днях? Столько важных новостей, что чуть не забыл тебе рассказать. Я встретил на набережной Соланж: она катила коляску с близнецами лет трех, а за руку волочила еще одного малыша, плаксивого и вредного на вид. Соланж бросилась мне на шею, стала спрашивать обо всех вас и сокрушаться о том, что Адель теперь так далеко... Она хорошая, добрая женщина. Она сказала, что тоскует по дням, проведенным на бульваре Капуцинов, и, мне кажется, ее слова были искренни. Я спросил ее, согласна ли она пойти в суд, свидетельствовать в пользу мадам, и она не задумываясь назвала мне адрес своих новых хозяев, чтобы я смог ее найти. Я сказал ей, что няня Адели теперь ты, и она обрадовалась: «Слава богу!»

Я попросил ее разузнать адреса остальных слуг. Надеюсь, что с помощью мадам Сулиньак нам удастся записать их в свидетели.

Целую тебя нежно.

8

ТОРНФИЛЬД,

2 °СЕНТЯБРЯ 1837 ГОДА

Дорогой Тусси,

у нас все хорошо. Я тебе сразу об этом сообщаю, чтобы ты спокойнее читал все письмо целиком. Сердечно благодари от меня Олимпию и ее бабушку за все, что они делают для нас. Как бы мне хотелось оказаться на улице Нотр-Дам-де-Шан и помогать им, ухаживать за нашей любимой благодетельницей! Как бы мне хотелось первой угадать приметы ее выздоровления! Потому что я уверена, что мадам поправится. Помнишь, я не верила, что мадам умерла, — сердце подсказывало мне, что она жива. Точно

так же сегодня я знаю, что мадам поправится, — готова держать пари на все оставшиеся в чулке монеты, а также на все жалованье, которое должна мне миссис Фэйрфакс по окончании первого полугодия службы (если, конечно, мы не уедем отсюда раньше, на что я очень надеюсь).

Мне так жаль, что все тяготы и расходы легли на Олимпию и мадам Женевьеву. Не переставай их неустанно благодарить и уверять в нашей вечной признательности!

Знай Адель, в каком состоянии ее мама, она бы тоже их благодарила. Но я, конечно, ничего ей не говорю. Бедная Деде, в некотором смысле она тоже узница. Вот уже несколько дней стоит такая ужасная погода, что мы не можем выйти на улицу, а миссис Фэйрфакс — не слишком веселая компания. Ее речи благоразумны, но так банальны! К тому же она убеждена, что Адели не следует сходить с прислугой, а потому Деде запрещено переступать порог кухни, где Ли, Мэри или Джон могли бы рассказать ей какую-нибудь занятную историю.

Нам обеим уже так все наскучило, что мы почти с нетерпением ждем приезда гувернантки. Миссис Фэйрфакс говорила, что ее зовут Джейн Эйр и у нее отличные рекомендации. Она закончила ловудскую школу для дочерей священнослужителей. Ты ведь знаешь, Тусси, что англичане — протестанты и их священники могут жениться? Интересно, как должна выглядеть дочь священника? И сколько лет этой Джейн Эйр? Будем надеяться, что она не слишком стара и что характер у нее общительный.

Кстати, о слугах и гувернантках. Я нашла в библиотеке очень забавную книгу того же автора, который написал «Путешествия Гулливера». Должно быть, это запрещенная к прочтению книга, она стояла в закрытом на ключ шкафу. Впрочем, открыть его шпилькой не составило труда, и теперь я могу читать гораздо более интересные книги, чем те, что оставил в нашем распоряжении месье Эдуар. Эта книжка называется «Наставления слугам». Не думай, однако, что это учебное пособие по поведению для прислуги. Ничего подобного. Знал бы ты, Тусси, какие наставления дает слугам мистер Джонатан Свифт! Он утверждает, что все безобразия, которые слуги совершают исподтишка и пытаются скрыть, входят в круг их обязанностей, и они не должны упускать ни единой возможности их совершить.

Например: всегда ставить самый ценный хрусталь поближе к краю стола, чтобы он упал и разбился; не опорожнять ночные горшки, пока они не будут полны до краев; выливать их из окна, чтобы не терять время на дорогу от господских покоев до выгребных ям на дворе. Похоже на рассказы Адели о проделках ее подруги Берты.

Крестный объяснял нам, что, когда, вместо того чтобы смеяться, автор пишет со всей возможной серьезностью, это называется «парадоксом», но таких забавных парадоксов я прежде не встречала. Мистеру Свифту следовало бы написать что-нибудь и для нянь, таких как я, которые не говорят по-английски, — тогда я бы поняла, как отвечать миссис Фэйрфакс, устроившей мне вчера разнос из-за того, что я отпустила Адель гулять в одиночку по третьему этажу.

Деде не первый раз там играет, не понимаю, что в этом плохого. Она ничего не сломала, нигде не наследила, ничего не разбросала. Еще на бульваре Капуцинов, помнишь, ее можно было оставить играть одну в гостиной, и все было в порядке. К тому же, поднимаясь и спускаясь по лестнице, она хотя бы может размять ноги. Шестилетняя девочка не должна целый день сидеть неподвижно с прямой спиной, как желала бы миссис Фэйрфакс. Мне вон уже почти пятнадцать, а у меня ноги немеют и гудит в голове, когда я долго сижу за книгой или за штопкой.

Да даже если бы Адель и пошумела немного на третьем этаже, кого она этим побеспокоит? В комнатах третьего этажа нет никого, кроме швеи, которая предпочитает сидеть одна, вместо того чтобы спуститься на кухню и поболтать с остальными слугами. «Может, это Грейс Пул пожаловалась?» — думала я, пока миссис Фэйрфакс, красная как рак, кричала, чтобы я ни на секунду глаз не спускала с Адели. Я, естественно, делала вид, что ничего не понимаю, и смотрела на нее с самым тупым выражением лица. Тогда мадам попросила Деде перевести мне ее слова. Было довольно смешно слушать, как малютка выговаривает няне за то, что та отпустила ее поиграть. Я ответила, что если Адель шумела на третьем этаже, то я могу проводить ее к швее, чтобы она попросила прощения. Но тут миссис Фэйрфакс разволновалась еще сильнее и начала вопить не своим голосом: «Нет! Нет! Ни в коем случае! Это опасно! Запрещаю вам!»

Это не могло не вызвать моего любопытства, Тусси. Почему попросить прощения у швеи — опасно? Я видела много раз, как Грейс Пул спускается на кухню и поднимается обратно, унося наверх поднос с ужином. Она показалась мне довольно молчаливой, но вполне разумной.

Поэтому, накрыв чай для Деде и миссис Фэйрфакс и убедившись, что раньше чем через полчаса они не выйдут из гостиной, я взяла свечу и двинулась вверх по лестнице. Я еще никогда не бывала на третьем этаже после заката. Камин там не топились уже много лет, воздух был так холоден и влажен, что Кэтрин Морланд сразу пришли бы на ум мрачные гулкие подземелья. Надо сказать, мне тоже было не по себе. Коридор там узкий, с низким потолком, с окошком в конце и двумя рядами темных дверей. Миссис Фэйрфакс говорит, что двери эти запретны и опасны, как в замке Синея борода. Но твоя подруга Софи — девочка очень храбрая! Я набрала в грудь побольше воздуха и решительно шагнула к двери, из которой однажды — я это видела — выходила Грейс Пул. Ошибиться было невозможно: перед этой дверью стоял поднос с остатками ужина.

А теперь самое замечательное! Ты будешь смеяться надо мной, Тусси. А уж как развеселятся мадам Селин и Олимпия, когда я им об этом расскажу...

Я уже было постучала в эту дверь, когда услышала то, что Кэтрин Морланд назвала бы «леденящим кровь» звуком. Он был ужасен: что-то среднее между смехом и иканием, а в конце — глубокий вздох. Должна признаться, я вся покрылась гусиной кожей, и первым моим желанием было пуститься наутек. Но я сумела призвать на помощь рациональное мышление, подождала, пока сердце перестанет биться с такой частотой, и постучала. Внутри послышался какой-то грохот; пока Грейс Пул с предосторожностями приоткрыла дверь, я успела досчитать в уме до тридцати семи. «Чего тебе?» — спросила она как-то невнятно. И что мне было делать? Я совершенно не была готова к тому, что она заговорит, и ничего не придумала на этот случай. Я же нянька-иностранка, не понимаю по-английски, и вопрос ее тоже понять не могу. Поэтому я с тем же идиотским выражением на лице сделала реверанс и выпалила по-французски: «Я пришла попросить прощения, если вверенный моему попечению ребенок нарушил ваш покой».

«Прочь с дороги!» — грубо ответила швея. Одновременно со словами из ее рта вырвался отчетливый запах перегара. Тусси, ты не поверишь! Она была так пьяна, что едва держалась на ногах и опиралась о дверной косяк. Вот и вся тайна! Вот откуда странные звуки и грохот перед тем, как открылась дверь. Она же не знала, что это я, и бросилась прятать бутылку. Должна тебе сказать, мне стало жаль бедняжку. Пьяницы мне никогда не нравились, но одно дело — напиваться в веселой компании, как, бывало, делал Жан-Батист в свободный от работы вечер, а другое дело — в полном одиночестве. Помнишь, как нам всегда говорил Гражданин Маркиз? «Если уж пить, то пусть это будет бургундское, или сент-эмильон хорошего года, ну или шабли. А если шампанское, то только ангулемское».

Очевидно, миссис Фэйрфакс, будучи пуританкой, считает алкоголь орудием дьявола и боится, что невинности Адели может быть нанесен ущерб, если девочка обнаружит, что Грейс Пул время от времени выпивает лишку. Мистер Свифт в своих наставлениях прислуге посвящает много страниц «обязанности» слуг напиваться так, чтобы хозяин не заметил.

Есть, впрочем, в этой книжке и пассаж о няньках, и похоже, что он написан нарочно для нас. В нем говорится, что если ребенок собирается заплакать, нянька тут же должна рассказать ему страшную историю о привидениях.

К счастью, Адель вовсе не плакса, а то бы я могла рассказать ей, что на третьем этаже расхаживает призрак кровавой безумицы, которую предки месье Эдуара замуровали заживо много лет назад. Это отбило бы у нее охоту туда ходить, и миссис Фэйрфакс была бы рада.

Прости меня, что отнимаю столько времени такими глупостями, но наша жизнь в Торнфильде так скучна, что приходится придумывать самые нелепые истории, лишь бы не умереть от тоски. Знал бы ты, как я скучаю по Парижу! Даже те недели, что мы провели на улице Сент-Огюстен, кажутся мне, в сравнении со здешней серостью, яркими и интересными.

Ответь мне как можно скорее. Ты ведь знаешь, как я волнуюсь о мадам. И напиши что-нибудь о предстоящем суде. Нашла ли мадам Женевьева хорошего адвоката? Нашли ли вы друзей, готовых свидетельствовать в нашу пользу?

Адель поручила мне спросить, как поживает Дагоберта.

Надеюсь, ты обращаешься с нею бережно, потому что, когда мы вернемся, я уверена, Деде захочет забрать ее себе. Советую, если ты держишь ее в ящике или в шкафу, обернуть ее чистым полотном.

На сегодня все, обнимаю тебя, Тусси. Твой любящий воробушек

Софи

Dear мама,

ты знаешь, что к нам скоро придет новая гувернантка, для одной только меня? Миссис Фэйрфакс сказала, что она научит меня быть настоящей леди. Берте леди не нравятся, она говорит, что они все врунишки и писаются по ночам. Я показала ей свою doll^[15] Катрин, у которой платье, как у дамы. Но она мне сказала, что ей это не нравится и что если я еще раз принесу ей Катрин, то она швырнет ее на пол и разобьет, как она это сделала на днях с чайником для заварки. Берта говорит, что мы должны убежать отсюда вместе и отправиться на остров, где огромные цветы, говорящие птицы, всегда светит солнце и девочки могут ходить босиком по песку. Я бы хотела туда поехать, только пусть с нами будет Софи. И чтобы не слишком долго, ведь как только ты выйдешь из тюрьмы, мы должны тотчас возвратиться в Париж.

Когда уже тебя отпустят, мама? Я хочу come back^[16] домой and stay^[17] с тобой.

Обнимаю тебя крепко-крепко,

Your good little daughter^[18]

Адель

9

ПАРИЖ, ПРЕДМЕСТЬЕ СЕН-ЖЕРМЕН,

7 ОКТЯБРЯ 1837 ГОДА

Дорогая Софи,

пишу тебе в спешке, потому что через полчаса нужно ехать сопровождать виконтессу к вечерне.

Я только что от мадам Селин. Благодаря неустанной заботе Олимпии ее здоровье поправляется очень быстро, хотя, к сожалению, пока речь идет только о здоровье телесном. Теперь она уже не выглядит истощенной, потому что регулярно и хорошо ест. Раны и язвы на спине и руках потихоньку затягиваются. Такими темпами за несколько месяцев она сможет вернуть себе былой вид. Однако ее душевное здоровье и психическое состояние пока без улучшений. Хотя кое-что изменилось: теперь мадам не лежит неподвижно, как в первые дни, но рвется куда-то с кровати, кричит, призывает крестного и своих давно уже умерших родителей. По мере возвращения физических сил ее бред становится все более беспокойным, полным ужаса и тревоги. Она никого из нас не узнает, но на днях, во время осмотра доктора Манетта, она начала разговаривать с Аделью, как если бы та была в комнате. Она сказала, чтобы Адель переоделась, сняла грязные башмаки и села к ней на колени. Потом она спела ей песню о добром короле Дагобере. Она отлично помнит слова, спела все куплеты тонким голоском, от которого сжимается сердце. И она рассердилась, что Адель не поет вместе с ней. Доктор попытался ее успокоить, говоря, что дочери нет в комнате, она сейчас путешествует и не может ее услышать, но в комнате есть другие близкие ей люди, которые с удовольствием выполнят ее пожелание. И он взглядом пригласил нас с Олимпией исполнить эту песенку. Однако мадам натянула на лицо одеяло и не стала слушать.

На прошлой неделе Олимпия поехала в загородный дом мадам Сулиньяк и привезла оттуда сундучок с письмами бабушки. Три из них могут быть нам полезны. В первом маркиз сообщает мадам Сулиньяк о своем намерении оставить Поммельер, дом на улице Жакоб и ренту в десять тысяч франков своей крестнице Селин Варанс, которой тогда было девять лет. Во втором, написанном в 1823 году, Гражданин Маркиз опять возвращается к этой теме, жалуется на поведение племянников и говорит, что хочет защитить крестницу от их притязаний, закрепив при участии нотариуса свою волю на бумаге. В третьем письме от 1831 года он выражает обеспокоенность в связи с

замужеством Селин и пишет, что так составил свое завещание, чтобы месье Рочестер не мог по своему усмотрению продать ни поместье, ни дом на улице Жакоб, ни завладеть капиталом жены.

Мадам Сулиньяк бросилась с этими письмами к судье, который готовит процесс, она говорит, что на него они произвели большое впечатление и зародили сомнения относительно версии, изложенной племянниками маркиза, которой до сих пор он слепо доверял.

«Но, мадам, к сожалению, — сказал он мадам Женевьеве, — со времени написания этих писем прошли годы, и маркиз Филарет мог уже поменять свои намерения. Для того чтобы оправдать вашу протезе от всех обвинений, мне нужно завещание или хотя бы нотариус, который его составлял».

Как ты, без сомнения, помнишь, крестный не очень-то распространялся на этот счет. Единственная, кто может знать имя нотариуса, — это мадам Селин, и она же единственная, кто знает, где находятся завещание и документ о моем освобождении. Не говоря уже о деньгах и драгоценностях, которые пропали вместе с бумагами.

Я написал «знает», но, возможно, в мозгу нашей бедняжки нет уже ничего, что может быть обозначено этим словом. Нам же остается только ждать.

Обещаю: если случится что-либо достойное внимания, я тут же тебе напишу.

А сейчас заканчиваю: меня зовет лакей. Обнимаю тебя, воробушек, обнимаю Деде и даже проказницу Бертю, чего уж там.

Ваш

Туссен

10

ТОРНФИЛЬД,

19 ОКТЯБРЯ 1837 ГОДА

Дорогой Тусси,

мне кажется, ты слишком мрачно настроен. Что с тобой происходит? Ты боишься поверить, что мадам становится лучше, чтобы потом не разочароваться? Мне кажется огромным шагом вперед то, что мадам помнит слова песни целиком, что она поет ее членораздельно, что она связывает ее с Деде. А что говорит доктор Манетт? Бьюсь об заклад, в следующем письме ты сообщишь мне о новых успехах мадам.

Нельзя терять надежду, Тусси! Иначе как дальше жить?

Ты, наверное, понял, что я говорю правильные слова, но на самом деле немного унываю.

Тут все переменялось. Торнфильд больше не видится мне безопасной гаванью, он скрывает в себе западни и коварство. Тебе кажется, что я по-прежнему нахожусь под впечатлением от недавнего «приключения» на третьем этаже и что теперь я боюсь опасной Грейс Пул? Нет, вовсе не она меня заботит. Но в эти дни я, как никогда, нуждаюсь в защите твоего Обатала.

«Что там стряслось?» — должно быть, недоумеваешь ты. А стряслось вот что: Тусси, я потеряла Адель. Приехала гувернантка и отобрала у меня мою девочку. Нет, она никуда не увезла Деде из поместья — но следит за каждым ее шагом. Миссис Фэйрфакс счастлива и вздохнула с облегчением. А мне остались лишь жалкие крохи. Бедная Адель в полном смятении. Она знает, что должна слушаться «эту», но она ведь привыкла быть весь день рядом со мной. А теперь мы и повидаться-то можем лишь урывками, на бегу, между уроками. К тому же нужно следить за тем, что мы говорим, ведь мисс Джейн прекрасно понимает по-французски. Я ужасно боялась, что миссис Фэйрфакс определит гувернантке спать в комнате Адели; но, к счастью, она выделила мисс Джейн комнату рядом со своими покоями — изящно обставленную, Деде не позволено туда заходить. Поэтому мы можем хотя бы ночи проводить вместе.

Сразу же после приезда мисс Джейн начала выспрашивать Адель о родителях, о том, где она жила до Англии и кем ей приходится месье Эдуар... Деде умница! Ответила на все вопросы, ничего лишнего не сообщив. Удивительно владея собой, она сыграла роль бедной сиротки, сказав, что «мама улетела к Пресвятой Деве». Меня она называет няней и всегда напоминает, что я ни слова не понимаю по-английски. Поэтому мисс Джейн благоволила побеседовать со мной по-французски. Она

спросила, как меня зовут и сколько мне лет. Я с готовностью ответила, что восемнадцать. Она поверила — может быть, потому, что я выше ее ростом.

Сама она маленькая и худенькая, бледная, с резкими чертами лица. Определить возраст гувернантки очень сложно, потому что одета она всегда в черное или серое и причесывается гладко-гладко, как старая дева, — ни одного завитка ни на висках, ни на затылке. Однако она весьма энергична. Она завладела библиотекой, разложила там свои вещи, книги и все, что ей понадобится для занятий. Мне туда вход запрещен, разве что вытереть пыль и убрать, помогая Ли. Нужно быть внимательной, чтобы не попасться никому на глаза с книгой в руках, даже французской. Мисс Джейн уверена, что я не только английского не знаю, но и не умею читать и писать.

Дни наши теперь протекают так: я поднимаю Адель затемно, помогаю ей умыться и одеться и провожаю в маленькую гостиную миссис Фэйрфакс, где вручаю ее мисс Джейн. Они вместе завтракают и поднимаются в библиотеку, я же возвращаюсь в нашу комнату, убираю и сажусь к камину за штопку. Ты знаешь, Тусси, что я никогда не любила шить! А тут я, пока не стемнеет, должна сидеть с иглой в руках, если только Ли не понадобится моя помощь в уборке дома или кухни. Я сижу и жду, готовая мгновенно прийти на зов мисс Джейн, если она раньше времени утомится и возвратит мне Адель. Но этого почти никогда не происходит. Она не только дает ей уроки и учит ее невесть чему, но и каждый день таскает на прогулки по парку, даже в дождь. А после обеда Адель играет с куклой, сидя рядом с гувернанткой и миссис Фэйрфакс в маленькой гостиной. Адель уже говорит по-английски лучше меня; только иногда ошибается в глаголах, но это вовсе не мешает ей поддерживать беседу с этими двумя леди и с прислугой.

Я теперь гораздо чаще хожу на кухню, к другим слугам. Миссис Фэйрфакс спрашивала, не хочу ли я есть у себя в комнате, как это делает Грейс Пул, но я сказала, что предпочитаю спускаться вниз. Если бы я целый день должна была не выходить из комнаты, мне бы показалось, что я в тюрьме.

Ли и Мэри, должно быть, считают меня идиоткой, потому что за три месяца в Торнфильде я не выучила ни словечка по-английски. Они любезны и пытаются общаться со мной при

помощи жестов, но это им быстро надоедает, и они болтают друг с дружкой. Я слушаю их разговоры. Они обсуждают новоприбывшую гувернантку. Ли тоже полагает, что она слишком сурова, слишком серьезна, одевается как квакерша, будто ее цель — самобичевание. Она тут уже неделю, а никто еще ни разу не слышал, как она смеется. Бедная Деде! Она привыкла быть целыми днями с такой веселой, любящей мамой, а теперь должна проводить время с этой занудой!

К тому же погода стоит серая и дождливая. Теперь стало нелегко добираться до Хэя, чтобы отправить письмо, дороги покрыты непролазной грязью. К счастью, никто не следит за моими передвижениями, так что, когда я уверена, что Адель и мисс Джейн точно не будут меня искать в течение часа или двух, я могу под предлогом прогулки в парке направиться, куда мне надо. Не знаю, сохранится ли такая возможность, когда пойдет снег.

Вот я тебе все и рассказала. С грустью думаю о том, сколько все это может продлиться. Как ты вспомнил в момент опасности о древних божествах твоей родины, так и я порой возвращаюсь к тому, чему учила меня мама, когда мы с ней жили на улице Маркаде. Высший Разум и Богиня Рассудка — прекрасные идеи, но, когда хочется плакать, никто не может утешить так, как Иисус и его Пречистая Мать. Я молюсь каждую ночь, чтобы они исцелили мадам Селин как можно скорее и чтобы мы могли вернуться домой. И я молю их, чтобы они защитили тебя, дорогой Тусси, милую Олимпию и мадам Женевьеву.

Напиши мне поскорее. С печалью обнимает тебя твоя

Софи

Dear мама,

гувернантка приехала. Мы должны с ней сидеть в библиотеке целый day^[19], а если я ошибаюсь в упражнении, она сердится и говорит: «Тебя что, учили только распевать всякие непристойности?»

А все из-за той песенки из оперы, которую вы пели с месье Жоливе, про женщину, которую бросили и она will^[20] мстить. Я

думала, гувернантке понравится, а она сказала миссис Фэйрфакс по-английски, потому что думала, что я don't understand^[21]: «Учить такому ребенка! Какой ужасный вкус!» — а меня никто и не учил, я learned it^[22] сама, пока слушала вас singing^[23]. Она спросила, знаю ли я какую-нибудь little song^[24] для детей, тогда я спела ей про king^[25] Дагобера. Когда мисс Джейн услышала про штаны наизнанку, она так покраснела, как будто своими глазами увидела попу короля без штанов. И она приказала мне замолчать im-me-dia-tely^[26], она так и сказала по слогам, чтобы я поняла, что нужно слушаться без разговоров.

Мама, Софи грустит. Она ни с кем не может поговорить и is bored^[27]. Я сказала ей, чтобы она пошла поиграла с Бертой, я не буду ревновать. Но Софи мне ответила, что ее друга звали Пиполет и он давно исчез.

«А Берта должна оставаться здесь. Ее не отпускают, — объяснила я. — Поэтому она так хулиганит, чтобы сделать всем назло. А со мной она добра, и если ты к ней пойдешь, она будет добра с тобой». Но Софи не хочет туда идти.

Мама, выйди уже поскорее из тюрьмы, тогда мы вернемся в Париж и Софи перестанет cry^[28].

Обнимает тебя крепко-крепко youг^[29]

Деде

11

ПАРИЖ, ПРЕДМЕСТЬЕ СЕН-ЖЕРМЕН,

29 ОКТЯБРЯ 1837 ГОДА

Дорогой мой воробушек,
меня очень расстроило твое письмо. Теперь мой черед уговаривать тебя потерпеть. Вот увидишь, гувернантке скоро наскучит целыми днями возиться с Аделью, и она будет держать ее у себя только во время занятий.

Возможно, ей просто одиноко в первые дни в этом темном

мрачном доме, удаленном от всякого другого жилья.

Чтобы утешить и обнадежить тебя, скажу, что лечение доктора Манетта, похоже, работает: каждый день мадам Селин делает успехи. Теперь она уже замечает наше присутствие, хотя пока еще никого не узнает. Иногда она обращается к нам, думая, что мы ее сокамерницы в тюрьме Сен-Лазар, и страстно убеждает, что у нее нет с собой денег, умоляет, чтобы мы ее не били. Как грустно видеть ее в таком страхе, в таком унижении! Однако она разумно отвечает, когда мы ее спрашиваем, не голодна ли она, не помочь ли ей сесть, не хочет ли она послушать музыку. Олимпия пригласила скрипача, чтобы он сыграл ей арию из «Сильфиды». Мадам отбивала ритм рукой и шевелила ногами под одеялом. Доктор говорит, что и руки, и ноги у нее в полном порядке, так что, если она обретет рассудок и будет заниматься, то сможет вернуться и к танцам. Он продолжает ко всему сказанному добавлять «если», но кажется, что теперь он уже вполне верит в исцеление нашей больной.

Бывают, впрочем, и такие дни, когда она очень беспокойна, зовет маму, крестного и даже месье Эдуара. Обращается к Соланж, переживает, что у нее ушло молоко, а Адель не хочет пить козье.

Олимпия ходила поговорить с племянниками Гражданина Маркиза, попросить их забрать свои обвинения. Она показала им одно из писем дяди, свидетельствующее о его желании облагодетельствовать крестницу. Знаешь, что сделал младший из наследников, маркиз д'Арконвиль? Он вырвал письмо из ее руки и попытался уничтожить. К счастью, остальные два письма подшиты к делу, которое лежит у судьи.

Олимпия была в таком негодовании, что назвала маркиза бесчестным человеком и вызвала на дуэль. Он отказал ей, презрительно бросив: «Я не дерусь с женщинами!»

«Тогда будьте осторожнее, — ответила ему Олимпия, — потому что как только вы попадетесь мне без охраны, я проткну вас без предупреждения».

Она вернулась домой вне себя от ярости. Мадам Женевьева сказала: «Он бы не согласился на дуэль, даже будь ты мужчиной. Сулиньяки — не аристократы, а такие, как д'Арконвиль, не считают достойным скрестить свои шпаги с тем, кто недостаточно знатен. Они скорее прикажут своим слугам побить

их палками».

«Тогда нужно устроить еще одну революцию! — закричала Олимпия в гневе. — Великую революцию, как в 1789 году. Повесить аристократов на фонарях, созвать Учредительное собрание и установить республику!» Казалось, что я снова слышу голос Гражданина Маркиза, Софи. Как же мне не хватает его горячности и в то же время рассудительности! Иногда я представляю себе, как бы он возмутился, если бы узнал, как обошлись с его крестницей и в каком она состоянии. К счастью, Олимпия и мадам Женевьева вылеплены из того же теста, что и крестный, они не пасуют перед препятствиями.

Надеюсь, что наши новости тебя приободрили, бедная моя Софи. Посоветовать же тебе могу только одно: пока мисс Джейн гуляет с Аделью, ступай в библиотеку и как следует запасись книгами. Впрочем, наверное, ты уже так и поступила. Обещаю тебе, что если у нас будут новости, я сообщу тебе о них, не дожидаясь твоего ответа.

Поцелуй от меня Адель. И от куклы Дагоберты тоже поцелуй ее. Скажи, что у Дагоберты все хорошо, хотя неправдой будет утверждать, что я сплю с нею в обнимку каждую ночь.

Обнимаю тебя крепко-крепко,

Туссен

12

ТОРНФИЛЬД,

10 НОЯБРЯ 1837 ГОДА

Дорогой Тусси,

ты не можешь себе представить, как меня утешают новости о том, что мадам Селин мало-помалу поправляется. Я всегда была твердо уверена, что она исцелится. Описываемые тобой знаки вселяют в меня надежду.

Когда ты подойдешь к ее кровати, погладишь или поцелуешь ее руку, вспомни обо мне. Как бы мне хотелось ее обнять! Но это

невозможно. А как Деде тоскует без мамы!

Шепни мадам на ушко, что мы думаем о ней каждое мгновение нашей жизни, что мы ее очень любим. Не имеет значения, поймет ли тебя ее рассудок, но сердце поймет точно.

Передавай снова и снова привет и благодарность мадам Женевьеве и ее внучке. Скажи Олимпии, что, если она нанижет на свою шпагу, как перепелку на вертел, этого жестокосердого маркиза, весь Париж будет ей аплодировать. Скажи ей, что это он схватил Адель под мышки и выставил на тротуар, захлопнув перед нею двери дома, в котором она родилась и выросла.

Ох, Гусси, мы обе так скучаем по нашему дому! Я мечтаю быть с вами в Париже.

Что до гувернантки — ты был прав: Адель ей уже наскучила. Я слышала, как она жалуется миссис Фэйрфакс на то, как сложно обучать избалованную и капризную девчонку, живую, но поверхностную и не способную, как все французы, на глубокие чувства. Она благодарила Бога, что в Торнфильде нет чересчур снисходительной матери, которая могла бы вмешаться в ее воспитательные методы. Мне кажется, что такая предубежденная и лишенная какой бы то ни было нежности женщина должна прийти по вкусу месье Эдуару, когда он вернется в поместье. Они еще не знакомы, а размышляют совершенно одинаково.

Когда Деде описывает мне эти «воспитательные методы», меня зло берет. Я спрашиваю себя: «Да эта старая дева вообще читала Руссо? Чего она хочет от нашей девочки? Английский — трудный язык, а Адель услышала его впервые всего несколько месяцев назад».

Мисс Джейн считает, что Адель должна правильно и бегло читать и писать по-английски, понимать математические задачи и выучивать наизусть списки английских королей... Но не проходит и пары часов занятий, как она теряет терпение и отправляет свою ученицу вон: «Ступай к Софи».

Я подозреваю, что Адель не всегда слушается ее приказаний и не идет напрямую в нашу комнату. Полагаю, что время от времени, устав от сидения на месте, она поднимается на третий этаж «поиграть с Бертой». Скорее всего, она там бегает и катается по скользкому полу, болтая с воображаемой подружкой. К счастью, Грейс Пул больше на нее не жаловалась. Более того, встречая Адель в холле или на лестнице, она улыбается ей и

заговорщицки подмигивает — очень странная женщина.

В мисс Джейн угас первоначальный пыл, ей тоже постепенно становится скучно. Я догадываюсь об этом по тому, как она нервно меряет шагами холл, как смотрит вдаль из окна. Иногда она поднимается на чердак, где есть люк, ведущий на площадку на крыше, огражденную зубчатой, как в замке, стеной. Однажды мы возвращались домой с пруда и заметили, как она оттуда высматривала что-то за Вороньим лесом.

Адель сказала: «Она похожа на сестру последней жены Синеи Бороды, ту, что залезла на башню и ждала, когда братья приедут их спасать. Только сюда, в Торнфильд, никто не примчится спасать девиц из заточения».

«Почему ты так думаешь?» — спросила я.

«Мне сказала Берта», — ответила Деде.

Знаешь, иногда она говорит о своей воображаемой подруге с такой уверенностью, что я начинаю сомневаться: в самом деле, не скрывается ли где-то там, наверху, девочка, которая живет в одном с нами доме, но видеть ее может только Деде? Узнай об этом гувернантка, она бы тут же сказала, что французы невежественны, иррациональны и суеверны.

Хоть я и раздражаюсь на мисс Джейн по семь раз на дню, часто мне ее просто жаль. Думаю, до того, как попасть в Торнфильд, она жила совсем в другой обстановке — скорее всего, в большом городе, в доме, полном людей, с которыми можно вести светские беседы.

А здесь — только обменяться банальными любезностями с миссис Фэйрфакс, и всё: прислугу-то она не считает достойной откровенных бесед. Со мной она попыталась было несколько раз завести разговор по-французски, но это было больше похоже на допрос, чем на разговор, и мне не очень хотелось продолжать. Конечно, нам обеим было бы легче, если бы я открыла ей правду о себе и мы бы смогли подружиться. Впрочем, не думаю, что, узнав обо всем, она бы встала на нашу сторону против мистера Рочестера. Так что не стану рисковать.

Тусси, боюсь, что это последнее письмо, которое я смогу отправить тебе в этом — 1837-м — году. Холодно, и снег валит почти каждый день. Слуги просто не поверят, что я отправляюсь после обеда гулять по парку на целых два часа (а чтобы дойти до Хэя и вернуться, нужно никак не меньше). До приезда

гувернантки никто не отслеживал с часами в руках мои передвижения. Когда была хорошая погода, я брала Адель с собой, а когда шел дождь, просила ее тихо посидеть в комнате: почитать или порисовать до моего возвращения. Теперь же мисс Джейн посылает за мной в самые неожиданные моменты. Она полагает само собой разумеющимся, что я никуда не выхожу из дома, и требует, чтобы я тут же являлась на зов в библиотеку.

В общем, это как тюрьма. Я думала, что смогу отдавать свои письма почтальону, который заходит раз в несколько дней, но боюсь, что он, ничего не подозревая, однажды проговорится Мэри или Ли, а те уже все донесут миссис Фэйрфакс и мисс Джейн. В худшем случае меня заставят прочесть, что я такое пишу, а в лучшем — просто обвинят во лжи и притворстве, ведь я выдавала себя за безграмотную няньку.

А потому придется ждать весны или, по крайней мере, чтобы снег перестал валить и хотя бы на несколько дней вышло солнце.

И это значит, что, пока все не растает, я не смогу получать твои письма, Тусси. Пиши, только когда очень сильно захочется. Если, конечно, на улице Нотр-Дам-де-Шан не случится чего-нибудь исключительно важного.

В этом случае можно отбросить все предосторожности и отправить мне радостную весть прямо в Торнфильд. А если кто-то заметит, я скажу, что это родственники мне пишут и что мне прочтет это письмо Адель. Даже если не поверят, в тот момент это уже будет неважно, потому что мы сразу же вернемся в Париж.

Уповаю на то, что ждать весны не придется, что твое следующее письмо принесет почтальон и будет это очень скоро!

Обнимаю тебя с любовью, твоя

Софи

Dear мама,

мисс Джейн заставила меня писать all the afternoon^[30], переписывать одну и ту же фразу: «Я была неаккуратна и невнимательна». У меня теперь the fingers^[31] болят, и я не могу написать длинное письмо. Софи says that^[32] даже если мисс

Джейн слишком строгая, я должна терпеть и слушаться.

Тут очень холодно и снег. Вчера я хотела пойти с Софи лепить снеговика в аллее, но мисс Джейн didn't permit it^[33]. Миссис Фэйрфакс сказала, что до весны из Торнфильда нельзя никуда уйти, потому что дороги замело. Мы как будто в осажденной крепости. Но я скажу дракону, который в погребке, ондохнет на снег своим огнем, и все растает.

Берта простудилась, и кашляет, и плюет на угли в камине. Я ей говорю: «Ты невоспитанная», а она отвечает: «Ну и пусть! I want^[34] убежать на остров, где всегда тепло».

And I say^[35]: «Тусси на его острове тоже всегда было тепло, но ему пришлось оттуда уехать, потому что он — раб, и его продали». А Берта говорит: «Я тоже рабыня». Только у нее нет никакого хозяина, и кожа у нее не черная, как у Тусси. Врунишка она, эта Берта. Dear мама, совсем не могу больше писать.

Kiss^[36] крепкий и hot^[37] от your daughter^[38]

Деде

Глава вторая. Торнфильд, зима 1837–1838

1

Хуже всего, что мы заперты, как в тюрьме, в этом доме на всю зиму и не имеем возможности общаться с нашими дорогими друзьями, не имеем никаких известий из Парижа. Я стараюсь сдерживаться, чтобы Адель не заметила, как мне тоскливо. Она мужественная девочка, с чувством собственного достоинства, что бы ни говорила мисс Джейн. Однако после всех переживаний последних месяцев ей необходим такой взрослый, которому можно полностью довериться, которого ни в чем невозможно подозревать.

Раньше я никогда не думала о себе как о взрослой.

А сейчас смотрю на себя в зеркало и говорю: «Софи, ты уже совсем не та девочка, которая несколько месяцев назад вошла в дом мадам Фредерик, держа за руку Адель. Тогда ты была четырнадцатилетней ученой барышней, мечтающей о медицине, а теперь ты — восемнадцатилетняя нянька, слуга своих господ».

Ненавижу быть прислугой, ненавижу слушаться и кланяться,

ненавижу стирать и гладить нашу одежду, а тем более все остальное, что скидывает на меня Ли, когда не справляется сама. Ненавижу чистить лампы, выметать золу из каминов, таскать на второй этаж дрова и уголь. Ненавижу мыть ночные горшки. Ненавижу шить и штопать, а к роялю подходить, только чтобы вытереть пыль, не помышляя поднять крышку и поиграть. Ненавижу не сметь вмешиваться в разговор, даже когда мне есть что сказать. Ненавижу прятать книгу под матрас, едва заслышав чьи-то шаги. Ненавижу подавать на стол к завтраку, обеду, ужину и чаю, когда Ли занята с Мэри на кухне. Правда, можно по крайней мере задержаться в гостиной миссис Фэйрфакс и послушать, о чем дамы ведут беседу.

«Никогда не подслушивай чужие разговоры, Софи! Только королевские шпионы так себя ведут», — говорил мне отец, когда я делилась с ним сплетней, случайно услышанной на лестнице или в привратницкой мадам Анно.

Тут, в Торнфильде, я часто думаю о своих родителях. Кем бы я сейчас была, если бы папа тогда не погиб? Помощницей учительницы в народной школе? Подмастерьем в типографии? Продавала бы книги с лотка? Ходила бы разносчицей по домам с корзиной за плечами? А если бы мадам Селин не подобрала меня после смерти мамы? Сколько бы я продержалась в доме призрения, прежде чем заболеть и умереть? А если бы я оттуда сбежала, какую работу смогла бы найти, чтобы прокормиться? Потрошила бы рыбу у той торговки, к которой хотела определить меня мадам Фредерик? Стала бы проституткой? Или пошла бы побираться? Была ли бы я сегодня еще жива или умерла бы уже давно от голода, чахотки, удара ножом в темной подворотне?

Сама я никогда не смогла бы устроиться в господский дом няней, вот и нечего роптать на судьбу.

У мисс Джейн детство тоже было очень непростым. Хуже, чем у меня, потому что, когда ее в десятилетнем возрасте последние оставшиеся в живых родственники выставили из дома, она не повстречала такого ангела, как мадам Селин, такого друга, как Тусси, и такого превосходного учителя, как наш крестный. Она попала в благотворительное заведение, где ради получения диплома учительницы страдала от холода и голода, где ее унижали, обижали и били. Там ее лучшая подруга умерла у нее на руках от чахотки, которой заболела от холода и недоедания.

Это не сама мисс Джейн мне рассказала. Она со мной говорит, только чтобы поупражняться во французском. Она задает мне сотни вопросов о моей жизни и раздражается, когда я отвечаю не так, как ей бы хотелось. Но ей даже в голову не приходит, что в ответ я могу захотеть узнать что-то о

ней самой. С няньками в доверительные отношения не входят.

Бывает, однако, так, что во время уроков Адели Ли просит меня помочь ей с уборкой, и вот однажды я вытирала пыль со стола гувернантки и нашла ее дневник — и стала читать. Я это сделала не от чрезмерного любопытства, а чтобы защитить себя и Адель.

Я знаю, что мой отец, Пьер Донадье и Гражданин Маркиз сочли бы такой поступок недостойным. Но мне нужно знать намерения и планы англичан в отношении моей Деде. К сожалению, я успела прочесть только три-четыре страницы в самом начале, потому что потом вошла Ли с ведром угля. Больше я дневника не видела. Должно быть, мисс Джейн запирает его на ключ, а в тот день случайно оставила на столе.

Время в этом доме тянется бесконечно. С тех пор как я перестала поминутно заглядывать в календарь, с нетерпением ожидая писем Тусси, дни кажутся мне одинаковыми, каждый следующий похож на предыдущий. Рождество наступило и прошло незаметно, все празднование заключалось в том, что Адель получила в подарок чашку горячего шоколада и молитвослов той протестантской секты, к которой принадлежит мисс Джейн.

Интересно, а как праздновали в доме Сулиньяк? Продвинулась ли мадам Селин на пути к выздоровлению? Помнит ли она, как мы праздновали Рождество в былые времена? Как ехали в карете в полночь к мессе в Нотр-Дам, а Адель несли завернутой в одеяло. Наутро приходили с поздравлениями толпы друзей, а потом был званый вечер в большой гостиной: музыка, шампанское, самые изысканные блюда... и мадам Селин — красивая, элегантная, остроумная — принимала рука об руку с крестным гостей как хозяйка дома.

Говорят, что в Торнфильде когда-то тоже был рождественский бал — миссис Фэйрфакс описывала его гувернантке; учитывая, что хозяин поместья живет как отшельник, это было событие из ряда вон выходящее. Мистер Рочестер пригласил человек пятьдесят гостей из лучших семей графства. Среди них была и некая восемнадцатилетняя особа по имени мисс Бланш Ингрэм, за которой хозяин дома ухаживал, хотя, вопреки ожиданиям многих, так на ней и не женился. Было это в декабре 1831 года. Эту дату мне не забыть — последнее Рождество с мамой на улице Маркаде.

А еще мне сразу же пришло в голову, что это было первое Рождество Адели и последнее, когда мадам Селин еще считала, что замужем за месье Эдуаром. Теперь я вспоминаю, что он в тот год не остался на праздники с семьей, а уехал в Англию, сказав, что старая тетка — та самая, которой нет в природе, — требует его присутствия. А сам, оказывается, поехал в

Торнфильд — развлекаться и волочиться за другой. Какое лицемерие! Какой презренный человек! Адели не следует находиться под его крышей ни минутой больше, чем необходимо.

Какая разница, отец он ей или нет? Он ее не любит, считает глупой, тщеславной и бесхарактерной девочкой, сомневается, что она — его дочь. Он ее «вытащил из парижской грязи» исключительно из чувства долга, из желания искупить свои большие и малые грехи, он сам об этом говорил мисс Джейн.

А эта наивная бедняжка поверила ему и уже готова упасть в западню, как падали до нее мадам Селин, мисс Бланш Ингрэм и еще неизвестно сколько женщин.

2

В январе вернулся хозяин поместья. Его конь поскользнулся на обледенелой дороге, и месье Эдуар вывихнул ногу. Адель, наивная и любящая душа, очень ему обрадовалась, но он лишь рассеянно погладил ее по голове и пробормотал что-то насмешливое. Для хозяина Торнфильда поцелуй Деде значит не больше, чем лапа, поданная ему Лоцманом.

Сразу по приезде он вызвал гувернантку и подверг ее настоящему допросу. Надо признать, мисс Джейн отвечала с большим достоинством, хотя и с легкой иронией. Однако она не преминула сообщить ему, что она — сирота без какой-либо финансовой поддержки и жизненного опыта, если не считать религиозной школы, где она получила образование, и что у нее нет ни родни, ни друзей, ни покровителей, на помощь которых она могла бы рассчитывать.

А еще мисс Джейн оказалась гораздо моложе, чем можно было подумать по ее виду: всего восемнадцать! Можно сказать, моя ровесница, будь мне столько лет, сколько я назвала мистеру Рочестеру.

Бедная, неопытная и одинокая — идеальная жертва для новой западни, думала я, подавая им чай. Хотя, конечно, мисс Джейн настолько непривлекательна, что вообразить ее героиней романтического приключения и увлечься ею можно либо от страшной скуки, либо будучи человеком совсем уже бессовестным и порочным.

Несколько дней спустя из Милкота доставили багаж хозяина поместья. Месье Эдуар привез подарки для Адели и позвал ее вместе с гувернанткой в гостиную, чтобы развлечься, глядя, как девочка открывает коробки и свертки. Он, как водится, подарил ей несколько блестящих безделушек,

какие путешественники обычно привозят в дар дикарям, а взрослые почему-то дарят детям; а также «туалет», то есть красивое платье вместе со всем, что к нему прилагается. В свое время в Париже эти «туалеты» повергали в отчаяние Соланж: слишком легкие и открытые для холодных зимних дней, слишком громоздкие, чтобы резвиться летом, — эти платья были сшиты из плохо поддающихся стирке тканей и к тому же изобиловали шнурами и лентами, которые мешали девочке свободно двигаться.

Адель, приученная вежливо благодарить даже за те подарки, которые ей не по вкусу, попросила меня помочь ей надеть розовое платье, шелковые чулки, белые атласные туфельки и веночек из розовых бутонов и вернулась в гостиную показаться месье Эдуару в новых нарядах и сказать ему спасибо. Он же взглянул на нее холодно и с презрением заметил мисс Джейн: «Вся в мать: кокетство у нее в крови».

На месте мисс Джейн я бы ему ответила: «Это платье для себя выбрала не Адель. Это вы его ей подарили, купив в каком-то роскошном магазине вместе со всеми этими лентами и украшениями, никак не подходящими девочке ее возраста. Вам больше нечем было заняться во время поездки? Вы не могли придумать, как лучше потратить деньги? Я уверена, Адели куда больше удовольствия доставил бы пони».

Но гувернантка промолчала. Я тоже не промолвила ни слова, но как же мне хотелось треснуть этого гнусного соблазнителя чайным подносом по лбу.

Потому что эта его поза аскета, презирающего свет, и раскаявшегося грешника, устремленного к новой честной и благодетельной жизни, — все это просто притворство ради того, чтобы завоевать мисс Джейн. Она же, бедняжка, старается соблюдать строгость и отвечать иронией на провокации и парадоксы месье Эдуара: она морализирует, когда он ей рассказывает о своей разгульной юности, поддерживает его в намерении встать на путь исправления. Не зря она дочь священника и обучалась в религиозной школе!

Впрочем, нужно быть слепым, чтобы не видеть, как она им восхищается, она глаз с него не сводит и смотрит ему в рот. Я даже начала задумываться, не следует ли мне ее предупредить, рассказать, как мистер Рочестер вел себя в Париже, как он обманул мадам, предложив ей не имевшее никакой законной силы замужество, как он потом отказался ей помочь и защитить от несправедливых обвинений. Но я уверена, гувернантка мне не поверит. Тем более что, объясняя, откуда в Торнфильде взялась Адель, месье Эдуар изложил ей всю историю по-своему.

Я с трудом сдерживалась, когда он описывал мадам Селин как

«куртизанку», которую интересовали лишь фунты стерлингов в карманах невинного воздыхателя. О нашей нежной и доброй благодетельнице он говорил, что она — жадная, бессердечная и лживая, вульгарная обольстительница, не умеющая быть верной, — содержанка, падкая до роскоши, из-за чего он, бедный и ослепленный, чуть не разорился. И эта коварная женщина воспользовалась его доверием и внушила ему, что ребенок, родившийся во время их связи, — его дочь. «Девочка может быть моей дочерью, — признавал месье Эдуар, а мисс Джейн молча слушала, смущенная откровенностью о такой порочной вседозволенности, — однако я не нахожу в ее чертах ничего, что могло бы свидетельствовать об этом нежеланном отцовстве».

Потом он добавил с романтическим вздохом: «Моя весна прошла, но она оставила мне этот французский цветочек, от которого в иные минуты мне очень хотелось бы отделаться».

Впрочем, в конце этой речи он заявил со всей жесткостью: «Я не признаю за Аделью никаких прав, потому что я ей не отец».

Я бы хотела возмутиться: «Раз так, отпустите нас обратно во Францию! Там мадам Сулиньяк будет рада нас приютить, чтобы мы жили рядом с матерью Деде, которая от нее никогда не отрекалась, как вы это сейчас делаете». Боже, как трудно молча выслушивать хитросплетаемую этим обманщиком ложь!

Потом настал момент объяснения, как и почему столь великая любовь вдруг закончилась. Под суровым взором мисс Джейн этот хлыщ без зазрения совести принялся очернять мадам Селин и выгораживать себя.

Месье Эдуар рассказал гувернантке, что он по чистой случайности обнаружил измену, когда Адель еще не пошла. Он узнал, что, растрачивая его фунты, мадам крутила роман с молодым развратным виконтом.

В этот момент у него открылись глаза, и к нему вернулось чувство собственного достоинства. Будучи настоящим джентльменом, он вызвал виконта на дуэль и ранил его в плечо, а затем выгнал прочь балерину. Он бы и вовсе о ней забыл, но эта низкая женщина в придачу ко всем прочим своим подлостям оказалась выродком, а не матерью: несколько лет спустя сбежала в Италию с каким-то певцом, бросив Адель в парижской грязи. Оттуда ее и спас великодушный мистер Рочестер — едва успел, пока эта грязь не поглотила ее окончательно.

«Я сказал Адели, что мать ее умерла, чтобы ей не было слишком стыдно», — завершил месье Эдуар свой рассказ.

Я-то знаю, как обстояли дела на самом деле, и отчасти была свидетелем этой истории. Я сгорала от негодования и гнева. Интересно, все

ли мужчины, желающие завоевать добродетельную девицу и не имеющие возможности скрыть предыдущие похождения, так беззастенчиво лгут?

Я ненавижу мистера Рочестера больше, чем штопку чулок и опорожнение ночных горшков. Хорошо, что я не купилась на благодушие миссис Фэйрфакс, не прельстилась кажущейся безопасностью Торнфильда и никому здесь не открылась. Нельзя расслабляться, я должна быть всегда на страже. Я сдержу слово, данное годы назад мадам Селин. Как ни грустно это признавать, но Адель нужно защищать от того зла, которое способен причинить ей ее отец.

3

Они воркуют, как голубки. Хотя нет, скорее как голубка и ястреб. Месье Эдуар уже больше двух месяцев в Торнфильде, и каждый день он приглашает гувернантку после обеда или после ужина в свою гостиную. Он рассказывает ей о своих путешествиях, о своей несчастной юности, пускается в пространные рассуждения о морали, угрызениях совести, искуплении вины, заявляет о своем праве на счастье и выставляет себя печальным героем — точь-в-точь персонаж Байрона. Она слушает молча, кивает, краснеет, улыбается, потупив глаза; отвечает, только если это совершенно необходимо. Я тоже слушаю, неспешно подкладывая дрова в камин или вытирая пыль с безделушек в соседней с гостиной столовой. В это время я думаю о мадам Селин, которой было всего семнадцать лет, когда мистер Рочестер начал за ней ухаживать, наверняка и ей он рассказывал подобные басни. Гувернантка стала старательнее одеваться. К своему квакерскому черному платью она прикалывает по вечерам белый кружевной воротничок или надевает медальон с камеей. Волосы она зачесывает теперь не в такой тугий узел. У нее иногда даже появляются ямочки на щеках, и тогда она кажется довольно-таки привлекательной. Когда он хочет сказать ей что-то приятное, он зовет ее «моя сильфида». Неужели при этом слове не возникает в его памяти образ мадам Селин в белой пачке и с крылышками из прозрачного тюля?

Адель говорит, что во время занятий мисс Джейн стала рассеянна, постоянно прислушивается к тому, что происходит за дверью библиотеки, забывает, куда положила книгу. Еще она стала гораздо ласковее с моей девочкой: за чаем сажает ее себе на колени и даже пару раз зашла в нашу комнату поцеловать ее перед сном.

Со мной мисс Джейн тоже теперь любезна: когда я приношу в

библиотеку ведро угля, она удерживает меня разговором, расспрашивает о Париже, о театрах, о жизни парижской знати. Я бы могла ответить на каждый из ее вопросов получасовым докладом, но я просто качаю головою и на все говорю: «Я не знаю». А сама тем временем хотела бы закричать в голос: «Мисс Джейн, бегите, пока еще не поздно! Это замок Синей Бороды, только, как верно заметила Берта, никакой рыцарь не примчится сюда вас спасать».

Мистер Рочестер как будто прочел мои мысли, он остановил меня в холле, куда я пришла, чтобы протереть напольные часы. «Я видел, как ты говорила по-французски с гувернанткой, — сказал он. — Держи язык за зубами, девчонка, не то уволю тебя в два счета».

— Oui, monsieur^[39]. — И я почтительно поклонилась.

Адель не находит себе места. Уроки ее стали гораздо короче, чем прежде, и часто ей нечем заняться в послеобеденное время. Я пытаюсь как-то закрыть пробелы в ее образовании, сажусь с ней в комнате и учу ее тому, что помню из наших занятий с крестным. Но Деде необходимо двигаться и играть. И сколько я ни стараюсь заменить ей мадам Селин, ей все равно очень нужна мама. Она с грустью смотрит в окно на покрытые снегом лужайки и спрашивает с отчаянием: «Когда же придет весна? Когда мы пойдем в деревню за письмами от Тусси? Мама, наверное, уже вышла из тюрьмы. Почему она не едет за нами?»

Потом она вынимает из-за пазухи медальон, открывает его и целует крохотный портрет мадам. Мне становится так ее жаль, мою бедную птичку, что я говорю: «Пойди побегай на третьем этаже, поиграй с Бертой».

У Берты, похоже, тоже дурное настроение. «Она страшно сердится на мисс Джейн, — сообщила мне Адель. — Она ревнует. Ее тут никто не любит, и она хочет сбежать. Хочет вернуться к себе домой».

«А я не знала, что у твоей подружки есть другой дом», — заметила я. У моего Пиполета не было такой развернутой биографии. Где он появлялся, там и был его мир.

«Раньше она жила на острове, — объяснила Адель. — На том самом, где девочки могут ходить босиком, ну как графиня Мерседес. У Берты тоже было много рабов, а потом она их освободила».

«Она же тебе сказала, что она сама рабыня».

«Это здесь. А там она была госпожа».

Наверное, Адель помнит, как мадам Селин читала ей вслух «Мои первые двенадцать лет жизни» графини де Мерлен. А что касается ревности и раздражения по отношению к гувернантке, то Адель наделяет ими свою воображаемую подружку, чтобы не признаваться себе, что сама

испытывает эти чувства.

Снег уже неделю как перестал валить, но по дороге в Хэй все еще не пройти. Если бы я могла поехать на лошади или в экипаже, можно было бы добраться туда кружным путем, как добираются почтальон и мясник. Но это на пятнадцать миль длиннее, дорога огибает холм — пешком ее не одолеть. И даже будь у меня такие крепкие ноги, разве я могу уйти из поместья на весь день?

Вот так и я начала заглядываться в окно в ожидании оттепели и считать дни, которые отделяют нас от окончания зимы. Я все пытаюсь представить: что сейчас в Париже? Как себя чувствует мадам Селин? Я понимаю, что не следует обольщаться, что мгновенного и быстрого исцеления не случилось, иначе бы Тусси мне об этом сообщил. Но я надеюсь изо всех сил, что постепенное улучшение происходит неуклонно, что каждый день приносит новые успехи.

Адель за эти месяцы выросла на целых три сантиметра. Я сделала отметку на косяке двери в тот день, когда мы сюда приехали, а вчера измерила разницу. Я тоже, должно быть, подросла, потому что гувернантка мне уже заметила, что юбки у меня слишком короткие и длина выставленной на всеобщее обозрение лодыжки несовместима с целомудрием, какое пристало няне из приличного дома.

«Распори подол, а если его длины не хватит, надставь полосой того же цвета», — приказала она мне.

Я вот думаю: ведь она считает, что мы — ровесницы; может, она ревнует? Это было бы смешно — и с точки зрения моего положения в этом доме, и учитывая мои чувства к его хозяину.

4

Прошлой ночью произошло событие, которое всех взбудоражило. У мистера Рочестера есть обыкновение читать в кровати, и тут он уснул, не погасив стоявшую на комодке свечу. Ворочаясь во сне, он, видимо, задел занавеси кровати, они попали в огонь и загорелись. Вряд ли это был большой пожар, месье даже не проснулся. Однако страдающая бессонницей гувернантка утверждает, что услышала шум на галерее, а выглянув, увидела, как из-под двери клубится дым. Тогда она устремилась в комнату месье Эдуара с кувшином воды и залила всю кровать вместе со спящим в ней хозяином.

Теперь она изображает из себя героиню, спасающую своего господина от

страшной и неминуемой гибели. Она намекает, хотя и не говорит прямо, что по галерее блуждал кто-то (или что-то?) и чуть на нее не напал. Чудовище? Привидение?

«Это наверняка была Берта», — прошептала Адель.

Порой она так убедительно рассказывает о своей подружке, что я забываю про свою рациональность и готова поверить, что Деде и правда видит что-то, разговаривает с кем-то, с каким-то призраком умершей девочки. Может, это кто-то из предков месье Эдуара? Например, дочь дамы с портрета в холле — того, что висит напротив рыцаря в латах. Потом мне становится стыдно. Люди, которые верят в привидения, мне всегда казались невежественными и смешными, и я никогда бы не предположила, что к их числу может принадлежать мисс Джейн.

Хотелось бы спросить ее: читала ли она «Удольфские тайны», как главная героиня «Нортенгерского аббатства»? Потому что если да, то гувернантка была наказана за свои мрачные фантазии, точь-в-точь как Кэтрин Морланд, — она лишилась возлюбленного: наутро после пожара мистер Рочестер уехал, ни с кем не попрощавшись. Он даже не сказал миссис Фэйрфакс, куда направляется, когда ждать его назад и ждать ли вообще.

«Может, он уехал за границу и раньше чем через год не вернется, — заметила старая дама безмятежно. — С ним такое и прежде случалось».

Гувернантка, заслышав такие слова, побледнела и была готова разрыдаться, но сдержалась. Видимо, про себя она уже решила, что между нею и хозяином поместья зародилось нежное чувство.

Она стала нервной, ругает Адель за каждую ошибку, не разрешает ей заходить в гостиную и играть на пианино простенькие арии, которым сама же ее и обучила.

Я ее как-то застала за изучением объявлений на последней странице «Вестника...ширского графства». Уж не собралась ли и она покинуть Торнфильд? Честно говоря, не знаю, буду ли я этому рада. Несмотря на все ее странности, Адель ее полюбила, да и для меня лучше, что в доме проживает моя ровесница или почти ровесница — все-таки не так тоскливо.

С отъезда мистера Рочестера минуло пять дней, дороги уже почти расчищены. Мисс Джейн уже несколько раз выходила с Аделью на прогулку, но до Хэя они ни разу не дошли. Миссис Фэйрфакс затеяла большую весеннюю уборку: Ли и Мэри от рассвета до заката двигают мебель и сворачивают ковры, моют полы и окна, сметают паутину и переворачивают весь дом вверх тормашками. Я поняла, что миссис

Фэйрфакс ждет, чтобы я предложила свою помощь, ведь я всегда охотно помогаю Ли с домашними делами, но в этот раз я сделала вид, что меня это совершенно не касается. Генеральная уборка не входит в обязанности няньки, такого даже мистер Джонатан Свифт в своих «Наставлениях слугам» не решился бы написать. Так что я твердо намерена воспользоваться кутерьмой в доме и выбраться в Хэй на почту.

Думаю, что попробую завтра, даже если пойдет дождь. Я уже написала длиннющее письмо для Тусси с рассказом обо всем, что здесь произошло за эти несколько месяцев. Даже если меня на почте не ждет письмо, я все равно прогуляюсь не зря — отправлю свое: ведь Тусси, Олимпия и мадам Женевьева всю долгую зиму наверняка изнывают без наших новостей не меньше, чем мы без весточки от них.

Глава третья. Париж — Торнфильд, март-июнь 1838

1

ПАРИЖ, ПРЕДМЕСТЬЕ СЕН-ЖЕРМЕН,

1 МАРТА 1838 ГОДА

Дорогая моя Софи, воробушек любимый, знала бы ты, как я скучал без твоих писем! Точнее, как все мы скучали, потому что и наши добрые друзья вздыхали: «Как там наши девочки?» К счастью, и Олимпия, и ее бабушка обладают несокрушимым оптимизмом и никогда не пускаются в фантазии об ужасах и несчастьях. Этого я бы просто не выдержал, потому что сам тревожусь и, пока не получу от тебя ответа, успокоиться не смогу.

Я отправляю это письмо в первый день марта, но понимаю, что оно может еще какое-то время пролежать в почтовом отделении Хэя. Не имею ни малейшего представления о том, когда ваши проселочные дороги снова станут проходимыми. Наберусь терпения и буду ждать, но умоляю: как только сможешь выбраться из дома, тотчас мне напиши!

Я знаю, что ты тоже сгораешь от нетерпения. Уже больше трех месяцев у тебя нет вестей о мадам Селин. То, что ты до сих пор не получила письма, адресованного напрямую в Торнфильд, наверняка подсказывает тебе, что тут все без больших изменений. Вселяющие надежду крошечные улучшения перемежаются с минутами помутнения и бреда. Доктор Манетт говорит, что это нормальное течение болезни и чтобы мы не отчаивались: так проявляется крепость организма мадам Селин, и вообще, она подает знаки успешного выздоровления. Он призывает нас продолжать лечение, массаж и упражнения. Как только потеплело, он посоветовал Олимпии вывозить мадам на прогулку в экипаже.

Мадам Женевьева как официальный опекун должна была для этого испросить разрешения судьи, который из уважения к ней сам явился осмотреть больную и со слезами на глазах тут же это разрешение подписал.

Похоже, нашей бедной благодетельнице свежий воздух, солнце и мерное движение кареты пришлись по вкусу. Сердце сжимается при виде ее потерянной улыбки, когда она, глядя в никуда, тихонько напевает тонким голоском себе под нос. Мадам Сулиньяк в какой-то момент даже подозревала, что от полученных в тюрьме ударов по голове мадам Селин утратила зрение. Правда, доктор уверяет, что с глазами у нее все в порядке, проблема в том, что ее мозг не в состоянии ни на чем сосредоточиться. Олимпия не хочет, чтобы кто-то из старых знакомых увидел мадам в таком состоянии, поэтому избегает модных гуляний, не ездит в Булонский лес, на Елисейские поля и в Люксембургский сад. Она собственноручно правит лошадьми и возит мадам по дальним бульварам. Там деревья и кусты уже покрыты нежной зеленью, скоро все расцветет.

Олимпия — удивительная! Она настоящий друг. Она продолжает одеваться в мужское платье и увлекается мужским спортом. У нее мускулы крепче, чем у меня! Видела бы ты, как

она справляется с двумя нервными чистокровными рысаками, которые так и норовят понести.

Но вечером, когда наступает ее черед выполнять обязанности сестры милосердия, она надевает капот, распускает волосы и превращается в темноглазую красавицу с чудесными классическими чертами лица.

Знаешь, Софи, я тут пытался набросать ее портрет и задумался: с тех пор, как я оказался в Париже, я ни разу не встретил ни одной темнокожей женщины или девочки. И самое странное, что я не могу себе их представить. Мои детские воспоминания очень размыты. От мамы и сестры в моей памяти остались только глаза и улыбка, а целиком лица я не помню, не говоря уже о фигуре, походке, мимике. Удивительно, правда? Если бы мне на улице повстречалась темнокожая женщина, я смотрел бы на нее с не меньшим изумлением, чем все белые вокруг. Конечно, это все праздные размышления, но я знаю, что ты меня поймешь.

Заканчиваю свое длинное письмо. Тебе и так есть чем заняться, я же хочу, чтобы свободное время ты посвятила не тому, чтобы меня читать, а тому, чтобы мне писать.

Поцелуй от меня Деде. Скажи ей, что Дагоберта поживает хорошо и за зиму ни разу не простудилась, потому что я храню ее, обернув шерстяным шарфом, как ты мне велела.

Ответь мне скорее. Горячо и крепко обнимает тебя твой друг и старший брат

Туссен

2

ТОРНФИЛЬД,

16 МАРТА 1838 ГОДА

Дорогой Тусси,
спасибо за письмо, хотя я, конечно, ждала лучших новостей о нашей дорогой мадам Селин. Я в отчаянии, что не могу сама за

ней ухаживать, утешает только то, что она находится в окружении стольких любящих и заботливых друзей.

Как мы провели зиму, я рассказала тебе в прошлом письме, которое отправила в тот день, когда получила первую твою весточку. С тех пор немного изменилось. Месье Эдуар написал миссис Фэйрфакс, что он гостит у окружного судьи Эштона в Лисе и намеревается пробыть у него долго. По всей видимости, в поместье Эштонов собралось большое общество из местных аристократов, в том числе в поисках удачной партии приехали несколько красивых богатых наследниц. С тех пор как гувернантка узнала эту новость, она стала еще печальнее и раздражительнее. У нее нет ни малейшего терпения к выходкам Адели, которая истосковалась за целую зиму взаперти и каждый день выводит гувернантку из себя. Например, вчера Деде предстала в гостинной миссис Фэйрфакс с совершенно невообразимой прической. Обычно ее волосы привожу в порядок я, и до вчерашнего дня я думала, что она сама не умеет с ними ничего делать. Помнишь, какие у нее густые кудри? Я всегда завязываю ей ленту на макушке, чтобы локоны рассыпались по ее плечам, как у мадам Селин. Так я ее причесала и вчерашним утром. После обеда она играла несколько часов одна, потому что мисс Джейн лежала с мигренью, я же должна была помочь Мэри чистить каминные решетки. Так вот, к чаю Адель пришла причесанная совершенно иначе. Между локонами у нее были заплетены по крайней мере две дюжины тоненьких косичек, кончики их были перевязаны швейными нитками. Я едва сдержала улыбку, потому что эта прическа придавала ей вид бунтовщический, задорный, безумный и немного дикий, и я понимала, что это шокирует наших леди.

Миссис Фэйрфакс посмотрела на Адель в изумлении, опустила чашку на блюдечко и поднесла руку ко рту. Признаюсь, я и сама недоумевала: Адель никогда не выражала желания уложить волосы по-новому. Я подумала, что ей могла помочь Ли, и уже собиралась было спросить у Адели, так ли это, но тут на пороге появилась мисс Джейн. Она замерла в дверях, разглядывая Адель так, будто перед нею Медуза с извивающимися змеями вместо безобидных тоненьких косичек на голове.

«Кто тебя привел в такой ужасный вид?» — крикнула мисс Джейн с яростью, совершенно несообразной детскому озорству

Адели. В сущности, всего-то и требовалось, что пару раз пройтись щеткой по волосам.

«Никто», — ответила моя девочка. Видно было, что она испугалась, но решила ни за что не выдавать свою сообщницу.

«Лгунья», — мисс Джейн почти сорвалась на крик. Миссис Фэйрфакс растерянно помешивала ложечкой чай, куда так и не положила сахар.

«Адель, признайся скорее мисс Джейн, что это сделала Софи», — сказала я по-французски, потому что не хотела, чтобы Ли досталось за ее неосторожную снисходительность к девочке.

Деде расплакалась, а мисс Джейн обрушила на меня поток упреков и угроз, я даже представить себе не могла, сколько она знает обидных французских ругательств.

«Извините, мадемуазель, я просто хотела испробовать способ, каким в моей деревне женщины завивают себе волосы, — придумала я в качестве оправдания. — Их заплетают влажными в косички, а когда косички высохнут, их расплетают, и волосы остаются волнистыми».

«Ах эти француженки! Чего только не придумают, чтобы угодить своему тщеславию, — вздохнула гувернантка и добавила сурово: — По ночам занимайтесь такими экспериментами, а я тут не хочу видеть ни косичек, ни чертенят!»

Кажется, невзирая на свое суровое Ловудское воспитание, она все же что-то знает о женских ухищрениях, которые помогают следовать моде.

Позже, когда мы остались одни в комнате, я похвалила Адель за то, что она не выдала Ли, и отругала за глупую и неосторожную выходку.

«Это была не Ли, а Берта, — захныкала Адель. — Я не хотела, но она мне сказала, что так я буду гораздо красивее».

Честно тебе признаюсь, меня начала утомлять эта воображаемая подружка, и я бы хотела, чтобы она уже исчезла, как это сделал в подходящий момент мой Пиполет. К тому же он был воспитанным созданием и не учил меня шалостям и непослушанию. Боюсь, впрочем, что Берта не исчезнет, пока у Адели не появится компания для игр из настоящих живых детей.

Под конец Деде заснула, а я встала у ее кровати и смотрела с восхищением на эти маленькие пальчики, которые оказались способны на такой сложный кропотливый труд.

Что мне делать, Тусси? Я должна ее наказать? Она же ребенок, ей нет еще и семи, к тому же она не понимала, что поступает плохо. Как объяснить ей, почему ее гувернантка стала так раздражительна?

Обнимаю тебя нежно, шоколадка (помнишь, мадам Селин любила так тебя называть?), и жду скорого ответа.

Твоя верная подруга

Софи

Dear мама,

сегодня все было very bad^[40], и мисс Джейн рассердилась. А Софи сказала неправду, потому что виновата была Берта. Софи сказала мне ни с кем не speak about^[41] Берта, особенно с мисс Джейн. Она сказала, что взрослые обычно не могут понять, что у маленькой девочки can be^[42] такие странные друзья. Софи меня понимает, потому что у нее был Пиполет. А мисс Джейн сказала бы, что это всё французские глупости и что это ты меня плохо воспитала. А на самом деле плохо воспитали Берту, которая вовсе и не француженка. Она вообще не слушается свою воспитательницу и однажды даже пнула ее ногой. Я ей сказала: «Если ты меня так пнешь, я к тебе больше играть не приду», и она promised me^[43], что не будет пинаться.

Дорогая мама, I love you very very much^[44], ночью, когда Софи не слышит, I cry because^[45] хотела бы спать вместе с тобой в большой зеленой кровати. Когда тебя уже выпустят из тюрьмы? Я рассказала Берте, что ты в тюрьме, и она сказала, что быть узницей — очень плохо, но ты хотя бы получаешь письма и у тебя есть любящая little daughter waiting for you^[46] и еще такой друг, как Олимпия, которая поможет тебе сбежать. She said^[47], что друзья для этого и нужны, чтобы помочь убежать. На листочке уже больше нет места, поэтому прощаюсь с тобой.

Большой-пребольшой kiss^[48] от твоей

Деде

ПАРИЖ, ПРЕДМЕСТЬЕ СЕН-ЖЕРМЕН,**31 МАРТА 1838 ГОДА**

Дорогая Софи,

наконец-то у меня есть для тебя хорошая новость, хоть она и не о здоровье мадам Селин. Анжелика и Максимильен с родителями вернулись из Америки! Видела бы ты, как они выросли! Анжелика стала красавицей, она похожа на графиню де Мерлен в юности. А Максимильен так загорел, что стал как мулат, причем он не стыдится этого, а, наоборот, гордится. Когда семья виконта д'Анже узнала, что мадам была в тюрьме, а теперь больна, они все тут же приехали с визитом на улицу Нотр-Дам-де-Шан, а не отвернулись от нас, как многие другие знакомые. Они были потрясены, увидев мадам в таком плачевном состоянии. Анжелика сразу же предложила, что будет тоже ухаживать за больной и, если понадобится, подменять Олимпию. Граф был возмущен поведением наследников маркиза и сказал, что немедленно отправится к судье, чтобы выступить свидетелем в защиту мадам. Сердцу становится тепло при мысли о том, что наша благодетельница в счастливые времена сумела так расположить к себе друзей и внушить им глубокие и постоянные чувства.

А теперь я должен рассказать тебе странную историю. Я посмотрел на дату твоего письмо и обнаружил... Только не подумай, что я шучу. Меня это совпадение поразило в самое сердце. Ты же знаешь, какие у меня волосы. Мадемуазель Атенаис сбривала их всегда наголо, да и на бульваре Капуцинов они оставались очень короткими: мадам Селин называла меня «черной овечкой своего стада». Как только они становятся длиннее, они встают дыбом, и голова кажется огромной. Я долго не стригся, и вот 15 марта виконтесса Лагардьер посмотрела на меня, когда я помогал ей выйти из кареты, и говорит: «Иди-ка ты к цирюльнику, пусть он тебя как следует побреет!» Но мне почему-то совсем не хотелось в этот раз сбривать свою шевелюру,

я чувствовал себя Самсоном, который вместе с волосами может потерять свою силу. И тогда я вспомнил, что, когда мы были проездом на Ямайке, я видел множество негров с длинными волосами. Чтобы содержать их в порядке, они разделяли их на пряди и заплетали в тоненькие косички, перевязывая каждую на кончике. У меня пока не такие длинные волосы, но с помощью Олимпии и Анжелики я с ними справился, и теперь голова моя покрыта такими же косичками, как те, что начала заплетать себе Деде. Гражданин Маркиз не одобрил бы с точки зрения рационального мировосприятия мои мысли о телепатии между нами.

Однако я должен сказать тебе, Софи, что это весьма непростая операция! Не знаю, как Адель могла бы сделать это собственными руками даже на половине головы, — если я правильно понял, она ведь не довела дело до конца? Чтобы так заплести волосы, нужна помощь по крайней мере еще одного человека, и воображаемый друг — уж точно не лучший помощник в таком деле. Ты в какой-нибудь вечер запри дверь на засов, чтобы мисс Джейн не ворвалась к вам без предупреждения, и попроси Адель снова заплести себе такие косички. Мне очень интересно, сколько времени у нее на это уходит, получают ли у нее ровные проборы между рядами косичек и как она их завязывает на концах, если только они не так длинны, чтобы можно было зажать их губами.

Видишь, сегодня я болтаю о всякой ерунде, просто чтобы подольше побыть с тобой — пусть мы и далеко друг от друга. О Боже, косички у юноши, какой кошмар, воскликнула бы, прочтя это письмо, мисс Джейн, да еще бы назвала меня французским пижоном и обвинила в тщеславии и распущенности. Как будто Красавчик Браммел, кумир всех денди и законодатель мужской моды в Европе, не англичанин!

Но довольно о глупостях: мне пора выезжать с виконтессой Виолен. Между нами говоря, ей очень понравилась моя новая прическа. Полное послушание темнокожего гиганта (я ведь тоже вырос за эту зиму), имеющего к тому же вид... — как это ты написала про Адель? — бунтовщический, безумный и несколько дикий, доставляет ей такое жгучее удовольствие, в каком она бы и сама себе не призналась.

Не теряй надежды, воробушек, вот увидишь — в следующем

письме я расскажу тебе об успехах нашей любимой покровительницы.

Крепко обнимает вас обеих ваш старший брат

Туссен

4

ТОРНФИЛЬД,

14 АПРЕЛЯ 1838 ГОДА

Дорогой Тусси,

если бы ты в глубине души питал какие-то сомнения, то вот уже несколько дней, как я могла бы тебе доказать, что месье Эдуар — все тот же ветреный и жестокий эгоист, каким он был шесть лет назад, когда обманул нашу бедную мадам Селин и разбил ей сердце. Он вскружил голову мисс Джейн своими рассуждениями об аскезе и об отречении от порочного прошлого и развлекается, глядя, как она страдает.

Теперь мисс Джейн не нужно воображать себе неведомых соперниц, чтобы терзаться ревностью. Вопреки ожиданиям, мистер Рочестер отсутствовал не больше трех недель. Зато вернулся он не один, за ним приехало из Лиса все тамошнее общество: шесть джентльменов, четыре дамы и столько же девиц на выданье. Самая красивая из них, а также самая уверенная в себе и решительно настроенная завоевать мистера Рочестера — та самая мисс Бланш Ингрэм, которая уже безуспешно пыталась его обольстить семь лет назад. Она все еще красива и совсем непохожа на мадам Селин. Не будь она так высока, ее можно было бы принять за испанку: у нее черные, как вороново крыло, волосы, черные огненные глаза и смуглая кожа. Профиль классический, как с римских монет, а ведет она себя надменно и недобро. Интересно, она за всю свою жизнь высказалась о ком бы то ни было благожелательно, явила хоть раз сердечность и искреннее расположение? На всех, начиная с собственной матери, она смотрит свысока. С нами, слугами, гувернанткой и миссис

Фэйрфакс она невыносимо груба.

Адель совершенно заморожена дамами, их нарядами, их блестящей беседой. Наверное, они напоминают ей подруг мадам Селин, ее приемы на бульваре Капуцинов. Адель под любым предлогом пытается проникнуть в гостиную, некоторые из старших дам с нею нежны и приветливы. А мисс Бланш терпеть ее не может, а если обращается к ней, то лишь затем, чтобы высмеять и отослать прочь из комнаты. Она называет Деде «обезьянкой». Может, она боится, что девочка занимает слишком много места в сердце мистера Рочестера — ей самой ничего не останется? А может, в Лисе он лицемерно изображал из себя любящего опекуна, а то и отца, души не чающего в своей крошке.

Месье Эдуар — единственный, кого она считает достойным своей любезности. Он же волочится за нею без удержу. Он сопровождает ее в ежеутренних конных прогулках. Эта бесстрашная амазонка каждый день желает скакать по поместью, как будто объезжает владения и оценивает их размер и стоимость. (Впрочем, возможно, во мне говорит неприязнь.) Он подыгрывает ей на рояле, и они на два голоса поют страстные баллады. Вообрази себе мою тоску, когда он затянул те же куплеты, которые исполнял для мадам на бульваре Капуцинов. Перед гувернанткой он делал вид, что устал от светской жизни и легкомысленных увеселений, а теперь он с удовольствием наряжается в нелепые костюмы для игры в шарады и исполняет даже самые безумные капризы и прихоти мисс Ингрэм.

Все остальные гости начиная от матери и братьев мисс Бланш считают их женихом и невестой, и даже миссис Фэйрфакс посматривает на них радостно и с некоторым беспокойством. Может, она боится, что после свадьбы молодые поселятся в Торнфильде и мистер Рочестер уже не будет нуждаться в управляющей имением?

Бедная мисс Джейн страдает; она тает как свеча. Я вытирала пыль с письменного прибора гувернантки и заметила, что она набросала углем автопортрет. Она нарисовала самый худший свой образ, почти карикатуру, и подписала: «Портрет одинокой неимущей дурнушки». Не понимаю! Разве не довольно того, что тебя мучают окружающие? Неужели надо самой сыпать себе соль на раны? Может, это ее суровая религия требует от нее смирения и заставляет ее унижать себя самоё в наказание за слишком

высоко воспарившие надежды?

Гости привезли с собой толпу слуг: у каждой дамы и каждой барышни — личная горничная, четыре лакея, два кучера, три младших конюха. Дом битком забит, от чердака до подвала. Адель сообщила мне, что Берта очень нервничает из-за всей этой неразберихи и говорит, что она бы дала кулаком в нос мисс Бланш Ингрэм и оттаскала бы ее за волосы. Нам с Аделью тоже непросто уснуть по ночам: в гостиной до глубокой ночи ведут беседы, играют в карты и на бильярде, музицируют. Внизу на кухне у Мэри работают теперь в помощниках три выписанные из Милкота кухарки и судомойка.

Только одного человека вся эта суматоха никак не коснулась. Это Грейс Пул — она по-прежнему спокойно шьет в своей комнатке на третьем этаже. Не могу сказать, что она мне приятна как человек, но такая невозмутимость вызывает восхищение. Также внушает уважение то, что, при всем ее пристрастии к алкоголю — а ее часто можно встретить на лестнице несущей наверх кружку пива, а иногда от нее пахнет джином или еще чем-то горячительным, — свою комнату она покидает всегда в трезвом виде.

Месье Эдуар, со свойственной ему бесчувственностью, а может, и вовсе с коварным намерением посмеяться над гувернанткой, велел ей участвовать в ежевечерних праздниках, как если бы она была членом семьи, а не на службе у хозяина дома. Мисс Джейн ничего не остается, как надевать свое единственное нарядное платье — такое же строгое и закрытое, как и все остальные, но сшитое из жемчужно-серого шелка, спускаться в гостиную и слушать, с каким сарказмом и презрением дамы обсуждают гувернанток своих детей, не обращая внимания на ее присутствие в комнате. Хуже того, ей приходится смотреть на ухаживания мистера Рочестера за мисс Бланш. Похоже, она так и не поняла, что ее «добрый хозяин», как она называла его еще в феврале, на самом деле — бессердечный человек, способный любить лишь самого себя, и на сестре лорда Ингрэма он женится исключительно по расчету. Я уверена, в этот раз он женится по-настоящему, на глазах у всех, получив благословение церкви и закона — ведь мисс Бланш ему ровня, она богата и происходит из знатной английской семьи. Аристократы все одинаковы, Тусси, — и здесь, и во Франции.

Они думают, что принадлежат к высшей расе. А потому не могут смешивать свою голубую кровь с кровью простых смертных вроде нас. Однако у себя во Франции мы устроили революцию, чтобы утвердить равенство всех людей!

Знал бы ты, как мне не хватает крестного! Вот он был по-настоящему благородным, у него было щедрое и открытое сердце, и он почитал равным себе даже самое убогое создание. Помнишь, как он переживал смерть маленького Антуана? А еще я часто вспоминаю папиного друга Пьера Донадье, добрую «обезьяну» из моего детства. Интересно, что с ним стало, вернулся ли он во Францию, ходил ли искать нас на улицу Маркаде.

Возвращаясь к мисс Джейн, хочу заметить, что она во время этих вечеринок не отходит от Деде, цепляется за нее, как утопающий за спасательный круг; что неудивительно, учитывая, как для гувернантки должно быть мучительно и унижительно находиться в гостиной среди знатных господ.

А для меня во всей этой неразберихе есть даже преимущество: все так заняты своими обязанностями, заботами и интригами, что никто не замечает моего отсутствия, когда я решаю прогуляться на почту в Хэй.

Обнимаю тебя и иду одеваться на выход. Напиши мне поскорее.

Софи

Dear мама,

Тусси думает, что я вру, но это не так. Это Берта заплела мне косички. I am not able to do it^[49]. Софи сказала мне try^[50], но у меня ничего не получилось. Do you know^[51], мама, что тут в Торнфильде теперь много красивых дам, but^[52] мисс Бланш со мной груба. Она меня всегда зовет обезьянкой. Берта сказала: «Ну и укуси ее, как обезьянка». Но я не буду ее кусать, а то месье Эдуар рассердится. Я надела вечером, чтобы выйти к гостям, нарядное платье, как в Париже, когда приходила поздороваться с твоими friends^[53]. А месье Эдуар сказал мисс Джейн, что я слишком тщеславна и думаю только о своих нарядах. Но он ведь

специально подарил мне это платье, чтобы я понравилась его гостям! А если бы я приходила в своем домашнем черном платье, он все равно не был бы satisfied^[54]! Мисс Джейн too^[55] надевает нарядное платье, но оно не очень красивое. У него нет выреза и атласной ленты на талии, а главное, оно не такого веселого цвета, как платья других дам. Мама, самые красивые платья в мире были у тебя! Тебе их let bring^[56] с собой в тюрьму? Берта мне сказала, что в тюрьме всегда холодно. Прошу тебя, не сиди с голой шеей, надень шарфик.

Обнимаю тебя крепко-крепко, youг

Адель

5

ПАРИЖ, ПРЕДМЕСТЬЕ СЕН-ЖЕРМЕН,

19 АПРЕЛЯ 1838 ГОДА

Дорогая Софи,

признаюсь, мне совершенно нет дела до любовных страданий вашей гувернантки, да и до нарядов ваших дам тоже. Все мои мысли заняты другим. Сегодня на улице Нотр-Дам-де-Шан праздник, потому что мадам Селин впервые назвала свое имя. Доктор Манетт приходит раз в два-три дня и задает ей самые простые вопросы, чтобы проверить ее способность к рассуждению. До сегодняшнего дня на вопрос «Как вас зовут?» она всегда отвечала: «Не знаю» — или в растерянности молчала, а то и вовсе начинала рыдать. Так же она отвечала и на вопросы о том, сколько ей лет, чем она занимается, где находится, какое сегодня число и какой идет год. Сегодня же, услышав твердый ответ мадам, что зовут ее Селин Варанс, Олимпия от потрясения так сжала кулаки, что расцарапала ногтями ладони. Правда, на вопрос доктора о том, сколько ей лет, она ответила: «Двенадцать». Еще она сказала, что находится в поместье Поммельер вместе со своими родителями и что ей пора идти, потому что ее ждет крестный, чтобы зажигать костер в честь

праздника Святого Иоанна. Как ты, наверное, помнишь, эти костры зажигают в июне. Доктор спросил, а есть ли у нее дети, тогда мадам ответила: «Дочка». Тут Олимпия опять преисполнилась надеждой, но на вопрос «А как зовут вашу дочь?» мадам ответила: «Дагоберта. Принесите ее сюда, я должна ее переодеть, а то Соланж всегда надевает ей платье наизнанку».

Доктор Манетт, однако, остался весьма доволен. Он объяснил Олимпии, что, хотя мадам все еще не ориентируется во времени и пространстве, она уже твердо знает, кто она такая, и способна к установлению логических связей, например правильно соотносит имя куклы с песней о добром короле в штанах наизнанку и помнит имя няни, одевавшей ее дочку.

Он велел нам продолжать вести с мадам осмысленные беседы, как будто она все понимает, рассказывать ей истории из нашей жизни на бульваре Капуцинов, но не переусердствовать. Читать побольше вслух. И самое главное, все, кто ухаживают за мадам, а нас теперь вместе с Анжеликой пятеро, должны в точности исполнять предписания доктора.

С тех пор как моя хозяйка, виконтесса де Лагадьер, обнаружила, что я умею читать, я ей тоже читаю вслух. Знаешь, когда она приказывает мне это делать? Когда лежит в ванне. Она проводит там кучу времени, одетая лишь в тонкую батистовую сорочку, которая в воде становится совершенно прозрачной и облегает тело, как кожа. Горничные постоянно подливают в ванну горячую воду, чтобы мадам Виолен не простыла. Я думал, что она постесняется показываться почти голой слуге мужского пола. Она же так набожна, исповедуется по два раза на неделе. Однако она объяснила зашедшей в гости подруге, что считает абсолютно бессмысленными безумные теории просветителей и Великой революции, она соблюдает только законы предшествующей эпохи, когда мир еще не сошел с ума. А по законам времен Короля-Солнца и его «Черного кодекса» я не человек, а принадлежащий ей предмет, хотя она и признает, что я довольно сообразителен. Как лошадь, например, или собачка.

«Вы же позволяете вашему Фифи ходить вокруг, когда принимаете ванну? — спросила она у подруги. — А ведь он очень понятливый песик, разве что говорить не умеет. Отчего же я должна переживать из-за присутствия Туссена, когда мне требуются его услуги?»

Думаешь, меня обидело или унизило такое размышление? Вовсе нет. Когда меня привезли во Францию, мадам Селин своей любовью и заботой показала мне, что считает меня человеком, крестный подкрепил эту уверенность книгами и доверием. Разве могут заставить меня усомниться в себе слова необразованной, темной женщины, пусть она и виконтесса? Я бы, правда, ее предупредил, что принимать, лежа в ванне, человека противоположного пола может оказаться опасным: помнишь, что случилось с Маратом и Шарлоттой Корде?

Однако — шутки в сторону. Знаешь, что меня беспокоит? Что виконту Лагардьеру не понравится чрезмерное доверие ко мне жены и он захочет от меня отделаться. А если он продаст меня кому-то, кто живет в провинции, и мне придется покинуть Париж, вот это будет настоящая беда. Я поговорил об этом с мадам Женевьевой, она в своем обычном великодушии тут же предложила, что купит меня сама, чтобы оградить от всех неприятностей. Олимпия возразила, что это было бы неосторожно: племянники Гражданина Маркиза знают, что мадам Селин находится в особняке мадам Сулиньяк, и могут что-то заподозрить. А потому я должен запастись терпением и не поддаваться на провокации хозяйки.

Как же мне надоело терпеть и ждать! Я хочу быть свободным человеком перед лицом закона, иметь право свидетельствовать в пользу мадам Селин. Хочу, чтобы наша дорогая подруга уже выздоровела и чтобы жизнь опять стала такой, какой была прежде.

Вот, начал я свое письмо, сообщив, что рад, а теперь вгоняю тебя в тоску. Прости, воробушек. Напиши мне что-нибудь веселое. Весна в сельской Англии — должно быть, чудесное зрелище. В саду мадам Женевьевы уже зацвели все розы. Мадам Селин радуется их аромату, и Олимпия все время ставит ей в комнату букет. Лепестки, завернутые в письмо, — от той розы, которую наша бедная мадам поднесла к губам, чтобы почувствовать ее бархатистое прикосновение. Я их тоже поцеловал перед тем, как вложить в конверт.

Пусть наши поцелуи согреют твое сердце и придадут тебе мужества.

Обнимает тебя твой старший брат

ТОРНФИЛЬД,

27 АПРЕЛЯ 1838 ГОДА

Дорогой Тусси,

спасибо за лепестки. Они дошли до нас скорее в виде пыли, но сохранили запах Парижа, мадам Селин, наших французских садов. Они навеяли воспоминания о самом начале моей жизни на бульваре Капуцинов, когда коза Джали, вместо того чтобы щипать траву, пожирала любимые цветы мадам прямо с клумбы, — помнишь? Крестный говаривал в шутку, что это из-за ароматных цветов в козьем молоке у нашей Адели такой мягкий, мечтательный характер.

Я очень рада успехам мадам Селин. Я тоже оптимистка, как доктор Манетт, да и всегда ею была. Надеюсь, что наша дорогая подруга в скором времени поправится. Жду не дождусь того дня, когда я привезу Адель домой и всех вас обниму.

Как же я мечтаю уехать из Торнфильда. Мне тут не нравится. Я не люблю его хозяина, и гостей тоже не люблю.

Тусси, ты не поверишь, кто сюда пожаловал вдобавок к компании из Лиса! Последний человек, которого я думала встретить в Англии!

Помнишь мистера Мейсона? Того креольского джентльмена, который приехал с Ямайки в Европу вместе с мистером Шельшером и так нетактично повел себя в доме на бульваре Капуцинов, что был выставлен за дверь? Столько лет прошло! Но я сразу же его узнала. А он меня — нет. Мне тогда в Париже было всего десять, — помнишь, я все хотела соли ему в чай насыпать? — да и фартука няньки я тогда не носила.

Он прибыл сегодня в карете во время дождя и захотел увидеть месье Эдуара. Тот его, конечно, не ждал: он еще утром укатил по делам в Милкот. Мистер Мейсон представился гостям как друг хозяина дома с юных лет и рассказал, что он только что

вернулся из далекого путешествия.

«Мне нужно с ним поговорить. Полагаю, что наша многолетняя дружба дает мне право остаться здесь до его возвращения», — сказал он.

Какой обман скрывается за этими словами? Друг с юных лет! Он даже не узнал его на портрете, когда был у нас, помнишь? Я прекрасно помню, как он сказал: «У меня нет знакомых по имени Эдуар».

Интересно, он лжет сейчас или лгал тогда? Сестра мисс Бланш и другие барышни находят его очень привлекательным, а гувернантке он не нравится. Новоприбывший сказал, что познакомился с мистером Рочестером в Спаниш-Тауне, и мисс Джейн это поразило. Она отвела меня в сторону и шепотом спросила по-французски: «Ты знала, что месье бывал в Новом Свете?»

Очевидно, что два месяца назад, во время их недолгого счастья, хозяин успел рассказать ей о своих путешествиях в Париж, Рим, Вену, Петербург, но и словом не обмолвился о том, как переплывал Атлантику.

Что я должна была ей ответить? Еще бы я об этом не знала! Откуда, думает она, взялась большая часть его состояния? От плантаций, которыми он владеет в колониях! Они стоят пятнадцать тысяч фунтов вместе с трудящимися на них рабами. Ах, ваша религия против рабовладения? Именно поэтому, перечисляя свои подношения парижской содержанке, месье ни слова не сказал о самом дорогом и самом удивительном своем подарке: негритенке с клеймом, как у домашнего скота. Мальчике, в девять лет оторванном от семьи и родины.

Благоразумно ли было выказывать такую осведомленность? Я, как водится, изобразила глупое лицо и сказала: «Нет, не знала».

Есть еще одна вещь, которую я никак не могу понять, и это меня тревожит. Новый гость показался чрезвычайно привлекательным мисс Луизе Эштон, и она пригласила его сыграть с нею в паре в настольную игру, во время которой игроки обмениваются записками. Когда я вечером помогала Ли прибрать в гостиной, мне попались на глаза две записки, написанные и подписанные мистером Мейсоном.

Ты не поверишь, Тусси, но я уже видела этот почерк. Где? На

бульваре Капуцинов. Я его сразу узнала, никаких сомнений быть не может. Помнишь большой светло-коричневый конверт, который лежал несколько недель на камине в ожидании месье Эдуара — незадолго до того, как мадам вновь начала танцевать? И когда хозяин приехал, вскрыл его и прочел письмо — помнишь, в какую он впал ярость? Жалко, что месье сразу бросил письмо в огонь и ты не смог разглядеть подпись. Потому что адрес на конверте, несомненно, написал мистер Мейсон. Этот почерк невозможно спутать с другим. Ты спросишь меня, как это возможно, что я так хорошо помню почерк, спустя столько лет? А все потому, что он произвел на меня тогда такое впечатление, что я даже пыталась его перерисовать. «Р» с угловатой петелькой и длинным росчерком, маленькие «а», закручивавшиеся как улитки, узкие заглавные «С» — я никогда их не забуду.

Что такого ужасного мог написать мистер Мейсон в том письме другу своей юности? Да и друг ли он или, может быть, враг? Раскроем ли мы когда-нибудь эту тайну?

Только не говори мне, что я все преувеличиваю, как Кэтрин Морланд, и что я жертва собственного воображения!

Посылаю тебе вместе с письмом шуточные записочки, которые мисс Луиза получила от своей пары: я уверена, ты тоже узнаешь этот почерк.

К вечеру месье Эдуар вернулся из Милкота. Он не выказал большой радости при виде друга, вернувшегося из столь далекого путешествия. Он смотрел на мистера Мейсона с недоверием, как настороженный боксер, который ждет от соперника удара ниже пояса. Я теперь его уже хорошо знаю и понимаю, когда его любезность неискренна. Мистер Мейсон же, как мне показалось, обнял его от всего сердца. Затем он сказал, что очень устал и хотел бы поскорее лечь. Месье устроил его в соседней комнате, рядом со своей. Вскоре разошлись и все остальные гости.

Уже совсем поздно. Адель давно спит. К счастью, миссис Фэйрфакс не скупится на свечи, у нас их полно, и я могла бы долго еще тебе писать, но чувствую, что засыпаю, а пото

28 АПРЕЛЯ, 5 ЧАСОВ УТРА

Кошмар, Тусси! Я прервалась на полуслове и уронила чернильницу, потому что случилось страшное. Боюсь, мистер Рочестер напал на мистера Мейсона и пытался его убить. Наверняка они кинулись друг на друга, сцепились...

«Где? Когда? Софи, дыши! Объясни вразумительно, что произошло». Мне кажется, что я слышу твой голос, как ты пытаешься меня успокоить. Я спокойна, Тусси. У меня была целая ночь, чтобы все обдумать. Теперь уже светает. В саду на ветвях щебечут птицы. Через пару часов весь дом проснется, и никто даже не заподозрит, что в ночи здесь разыгралась настоящая драма. Потому что я по глупости замыла кровь, стекавшую со ступенек лестницы, по которой доктор Картер и месье Эдуар тащили раненого, чтобы погрузить его в карету.

Все началось с вопля — того самого, от которого перо выпало у меня из руки. Этот вопль донесся с третьего этажа, он был так ужасен, что пробудил весь дом. Гости повыскакивали из своих комнат в халатах и ночных сорочках и столпились на галерее, не понимая, что стряслось. Я тоже выглянула из-за двери. Мне показалось, что в комнате прямо над нашей голос мистера Мейсона взывает: «Нет, нет, ради бога, Рочестер!» — а затем раздались глухие удары и полузадушенный стон.

По всей видимости, до слуха остальных гостей, комнаты которых располагаются дальше по галерее, донесся только крик, и у них не было никаких подозрений относительно хозяина дома. А он, как я и предполагала, был вовсе не у себя в комнате. Он спустился с третьего этажа и успокоил гостей, объяснив, что одной из служанок приснился кошмарный сон, она закричала, и он пошел ее успокоить. Как могли эти господа ему поверить? Почему никто не удивился отсутствию на галерее мистера Мейсона? Возможно ли, что никто не заметил темных пятен на рукаве халата мистера Рочестера? Я-то их разглядела. Если бы я не знала, как аккуратен и придиричив хозяин Торнфильда,

подумала бы, что он облился вином. Но я еще в Париже усвоила, что ни за что на свете месье Эдуар не наденет вещь, на которой уже есть пятно, а значит, этот рукав испачкан только что и пятна эти — не вино, а кровь.

Успокоенные гости разошлись по комнатам и, вероятно, вскоре заснули. А ко мне сон никак не шел. Я тревожилась о безопасности Адели и в то же время умирала от любопытства и желанья понять, что же там на самом деле происходит. Ведь мистер Рочестер не вернулся к себе, как все остальные. Он опять поднялся на третий этаж, якобы затем, чтобы утешить несчастную служанку — а может быть, чтобы довести начатое дело до конца.

Адель проснулась. Бедный мой ангелок, как бы она не напугалась! Прощаюсь с тобой, Тусси. Напишу еще, когда выдастся свободная минутка.

28 АПРЕЛЯ, 10 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Свободной минутки не выдалось за весь сегодняшний день ни разу, потому что я должна была помогать мисс Джейн собираться. А как только гувернантка уехала, миссис Фэйрфакс позвала меня накрывать к чаю для гостей. Теперь я уже уложила Адель, сняла верхнюю юбку и корсет, чтобы было немного легче дышать, распустила волосы и могу спокойно писать дальше.

На чем мы остановились? Мистер Рочестер опять поднялся на третий этаж, а у меня все не получалось заснуть. Я ожидала, что сейчас повторится этот вопль раненого зверя, но сверху доносились только приглушенные шаги и стоны. Потом я услышала, что кто-то на цыпочках спускается по лестнице. Мне не хватило смелости открыть дверь и посмотреть. Наоборот, я на всякий случай заперла ее на засов. Затем я услышала, как скрипнула входная дверь. Тогда я побежала к окну, чтобы увидеть, кто выйдет из дома. Это был мистер Рочестер. Он украдкой пробрался к конюшне и вскоре выехал на Мансуре. Я видела его отчетливо, потому что светила полная луна. Он проскакал по аллее до ворот, открыл их и припустил галопом в

сторону Хэя. Над моей головой по-прежнему раздавались стоны и вздохи, но теперь они были такие тихие, что можно было подумать, будто это сквозняк и поскрипывание старого деревянного дома. Но я-то знала, что это не так. Время тянулось бесконечно, я замерзла, но не могла вернуться в постель. В душе я благословляла щедрость миссис Фэйрфакс, которая, вместо того чтобы выдавать по одной свече по мере необходимости, передала мне сразу большой запас, так что в полной темноте я бы, слава Богу, не осталась! Я размышляла о том, что делать, если месье решит напасть на Адель и взломает засов. Можно обрушить ему на голову фаянсовый кувшин, стоящий на умывальнике. Можно вылить на него ночной горшок. Но задержать его у меня точно не выйдет.

Потом я заметила на каминной полке массивный бронзовый канделябр. Я взяла его и поставила на тумбочку. Пусть будет под рукой на всякий случай. Можешь себе представить, Тусси, как я провела эту ночь!

Месье Эдуар вернулся часа через полтора после отъезда. За ним следовала карета, из которой вылез доктор Картер из Хэя. Они вместе вошли в дом. Вскоре в комнате наверху послышался шум: сначала звук отодвигаемого кресла, потом звякнуло что-то металлическое о мраморную крышку туалетного столика. Потом опять шаги на лестнице, на этот раз тяжелые, будто что-то волокли по ступенькам. За окном светало. Я увидела, как из дверей показался мистер Мейсон, мертвенно-бледный и закутанный в свою шубу. Его с двух сторон поддерживали доктор Картер и мистер Рочестер. Вдвоем они с трудом погрузили мистера Мейсона в карету, доктор уселся рядом, и экипаж тронулся. Мистер Рочестер вернулся в дом. «Ну, теперь наша очередь», — подумала я. Впрочем, в этот момент мне совсем не было страшно, меня как будто поддерживала какая-то нервная сила, подобная той, какую люди с Востока получают от своих наркотиков. Представь себе, я отодвинула засов и вышла ему навстречу на галерею с канделябром в руке. Но его там не было. Зато я заметила перед самой нашей дверью и дальше, на лестнице, капли крови. Я подумала, что если их увидит утром Адель, она испугается, поэтому я вернулась в комнату, взяла влажную тряпку и всё вытерла. Зря я это сделала, ведь эти капли могли быть уликой, свидетельством того, что все это мне не

приснилось, наутро я могла бы предъявить их окружному судье мистеру Эштону.

В доме все было тихо и спокойно, и я вернулась к окну. Мистер Рочестер вышел из дома и двинулся в сторону сада... угадай с кем: с мисс Джейн! Они прогуливались между деревьями, а потом уселись на скамейку. Они беседовали мирно, и было похоже, что очень откровенно, как несколько месяцев тому назад. Тусси, я не знаю, что и думать! А если бы мисс Бланш их застала, как бы она к этому отнеслась?

Когда они вернулись в дом, я вновь засела за письмо, но вскоре проснулась Адель, мы оделись и вышли на галерею, как раз когда месье с полным спокойствием объяснял своим гостям: «Мистер Мейсон поручил мне кланяться, он выехал рано утром в Лондон по неотложному делу. Я поднялся в четыре, чтобы с ним попрощаться».

Можно ли быть настолько бессовестным человеком? Мисс Джейн тоже все утро давала уроки Деде как ни в чем не бывало. Я сгорала от желания спросить ее, что же произошло сегодня ночью и что рассказал ей мистер Рочестер в саду. Но в таком случае мне пришлось бы признаться, что я многое видела и слышала. «Осторожнее, Софи, будь благоразумна! — уговаривала я сама себя. — Вы с Деде должны стать невидимками, как две белые куропатки на снегу, чтобы никто вас не замечал».

На этом, однако, все не закончилось. Тебе придется отдать не меньше тридцати су на почте, чтобы получить это письмо, потому что оно уже длиною с целый роман и весит немало. Что еще случилось? Ты, верно, помнишь, что мисс Джейн приехала в Торнфильд в октябре. С тех пор она не получила ни единого письма, ни записки, ни приветов через проезжающих, никто ее ни разу не навестил, как будто нет у нее ни одной родной души на свете. Так вот, сегодня после обеда в Торнфильд приехал элегантный экипаж с аристократическим гербом на дверце. Правил им кучер в траурном платье. Он объявил, что приехал за гувернанткой, чтобы ее забрать. Куда? К ее родной тетке, леди Рид из Гейтсхэдхолла.

Получается, что мисс Джейн вовсе не дочь нищего священника, с трудом сводящая концы с концами, как мы с ее слов всегда считали. У нее, оказывается, есть богатые и знатные родственники. Почему же она до сегодняшнего дня о них не

рассказывала? Почему изображала одинокую сиротку? Мистера Рочестера это открытие поразило. Может быть, известие о том, что у мисс Джейн есть влиятельные покровители, рушит все его планы?

Одного я не понимаю, как племянница таких людей, как Риды, оказалась в Ловудском приюте и стала гувернанткой у чужих людей.

На этом сюрпризы не закончились. Нам никто не сообщил, как надолго покидает нас мисс Джейн и вернется ли она вообще. Но перед самым отъездом гувернантка отвела меня в сторонку и сказала: «Адель в скором времени отправится в колледж, тебе следует начать подыскивать новое место, Софи, а лучше, раз уж тебе совсем не дается язык, подумай о том, не вернуться ли на континент».

Адель — в колледж?! Хорошенькая новость в завершение и без того ужасного дня.

Будем надеяться, что это просто фантазия мисс Джейн: она ведь полагает себя незаменимой. Я не вижу причин, чтобы, в случае если эта гувернантка не вернется, миссис Фэйрфакс не нашла другую.

Ах, Тусси, только бы мадам Селин поскорее излечилась, выиграла процесс и вызвала нас во Францию! Чтобы мы не должны были в страхе ожидать, какие решения о наших судьбах примет мистер Рочестер, этот хитроумный и опасный обманщик...

Я постоянно молю Пресвятую Деву и твоего Обатала, чтобы уже в следующем твоём письме я прочла, что мадам снова здорова и к ней вернулся рассудок. Рассказывай мне все, что только можешь рассказать, Тусси.

В беспокойстве и волнении, твоя

Софи

Dear мама,

ты знаешь, что мисс Джейн уехала? Теперь я могу весь день быть с Софи. Я смогу пойти с ней на почту и help her^[57] отправить это письмо. Моя кукла Катрин очень храбрая. Я ее

посадила на Лоцмана, и, когда она упала, she didn't cry^[58], хотя у нее облупился нос и сломались два пальца. Потому что она фарфоровая. Вот с Дагобертой вообще бы ничего не случилось. А Берта плохая. Она говорит, что поссорилась со своим братом, толкнула его и укусила. Я ее ругала, говорила, что так делают только little children^[59], а она говорит: «Если тебя сердят, надо защищаться, маленькая ты или большая. Дик очень плохой, он меня не слушает». Тогда я сказала: «А мой брат, хоть и старше меня, всегда меня слушает. Его зовут Туссен, и кожа у него черная». Берта сказала: «Это невозможно. Я тебе не верю». «А я не верю в твоего брата! Где он, почему я его ни разу не видела?» Берта ответила, что он уехал. Но я сказала ей, что она врунья и все придумала. Тогда она заплакала, потому что ей никто не верит. Сегодня Берта такая злая, что ее воспитательница дала ей лекарство и рано уложила в постель, и мы не смогли поиграть.

Софи говорит, чтобы я поторопилась, нам уже пора в Хэй, опускать письмо в ящик. Софи too^[60] ужасно нервная сегодня.

Обнимаю тебя крепко-крепко, мамочка. Катрин и Берта тоже шлют привет.

Your

Деде

7

ПАРИЖ, ПРЕДМЕСТЬЕ СЕН-ЖЕРМЕН,

14 МАЯ 1838 ГОДА

Дорогая Софи,

мне совсем не нравится то, что ты пишешь. Почерк в записках, и верно, тот же, что был на коричневом конверте. Я тоже узнал его с первого взгляда. И вспомнил, как обескураженно рассматривал мистер Мейсон обстановку нашей гостиной: очевидно, ему был знаком Торнфильд и его поразила схожесть убранства. Я припоминаю, с каким недоверием он вглядывался в нарисованный мной портрет месье Эдуара над каминной полкой.

Вот уж чего он явно не ожидал увидеть на бульваре Капуцинов; и для него новостью было узнать, что изображенный на портрете человек женат на мадам Селин Варанс. Помнишь, как он расспрашивал, где и когда состоялось бракосочетание. Теперь, сопоставив все факты, я думаю, что в письме шла речь именно об этом. Непонятно, почему месье был обязан ставить в известность о своей женитьбе именно его. Они, насколько мне известно, не родственники, и Мейсон не может быть его опекуном.

Разве только Мейсону было доподлинно известно, что это было не настоящее бракосочетание и что нет никакой тетки в Англии. Возможно, в этом письме он шантажировал месье Эдуара и требовал денег, угрожая раскрыть обман. Месье предпочел не платить, а оставить «своего ангела» якобы потому только, что она, не послушавшись его, вернулась на сцену. Вот она, цена его любви! Гнусный лицемер и предатель!

Все равно я не вижу логики: если никакой тетки нет, то кого или чего должен был опасаться месье Эдуар? Может, он боялся мести Гражданина Маркиза, которому бы точно не понравилось, как он обманул его крестницу?.. В своей надменности он и не подозревал, как обрадуется крестный его исчезновению.

У меня от всех этих предположений уже голова трещит, и все равно ничего не складывается.

Прошло шесть лет, непохоже, что мистер Рочестер раскаялся и оплакивает свою жизнь в Париже. Ты писала, что гувернантке он описывал ее с отвращением и стыдом. Почему же тогда он вместо благодарности к мистеру Мейсону, вернувшему его на путь истинный, питает к нему такую ненависть? Понимает ли это Мейсон? Если да, то зачем было открыто являться в логово врага? Зачем угрожать и шантажировать — да так, что мистеру Рочестеру оставалось только завлечь его на третий этаж и выхватить нож?

Я, в отличие от тебя, не думаю, что он хотел убить своего недруга. Иначе зачем бы он отправился звать доктора? Или доктор — тоже сообщник, ему заплатили, чтобы он прикончил мистера Мейсона и спрятал тело? А какую роль играет в этой истории гувернантка? Почему она так внезапно оставила Торнфильд? Тетка, которая вспомнила о ней после стольких лет именно в этот день, кажется мне неубедительным предлогом. Существует ли вообще на белом свете леди Рид? Или она —

такая же выдумка, как аристократическая старуха, которая не могла вынести мысль о женитьбе своего наследника на балерине?

Нет, Софи, мне совсем не нравится эта история. Умоляю тебя, будь осторожна и не спускай глаз с Адели ни на минуту! К счастью, гувернантка уехала, и ты можешь держать ее при себе даже в те часы, когда раньше она должна была учиться. Постарайся ее отвлечь: погода хорошая, можно подолгу гулять. Выясни, нет ли в Хэе семьи с детьми ее возраста, и води ее играть с ними.

От письма Адели создается впечатление, что ее фантазии про Берту становятся почти болезненными. Я могу понять, что Адель наделяет воображаемую подругу собственным нетерпением, неприязнью, злостью, всем тем, что она не решается ни сделать, ни произнести. Но откуда взялся еще какой-то брат? Единственный, кого Адель может назвать братом, — это я, ее любимый старший друг, вот она и хвастается мною перед непослушной Бертой. Возможно, подсознательно наша девочка на меня сердится: мы не виделись уже целый год, и она думает, что я в этом виноват? Она так злится, что хотела бы меня укусить? Наша-то Адель, которая в жизни никого не кусала, даже когда была маленькой! Получается, что у меня теперь есть двойник? Двойник по имени Дик. Меня тревожит, что Адель выбрала это имя. Дик — сокращение от Ричарда, так мистер Рочестер зовет своего приятеля-неприятеля Мейсона. «Убирайся к черту, Дик!» — в ярости кричал он в тот вечер, когда прочел письмо и, скомкав, бросил его в огонь. Никогда не забуду свирепого выражения его лица!

Видимо, Адель уловила какое-то напряжение между мистером Мейсоном и своим опекуном. Может, она что-то слышала сквозь сон, когда они схватились. А может, кто-то из слуг что-то видел и рассказывал об этом на кухне. Может, и мисс Джейн на уроке сболтнула лишнее.

Бедная Софи! Я испещрил целую страницу вопросами, на которые ни у меня, ни у тебя нет ответа. Вместо того, чтобы тебя успокоить, еще сильнее тебя напугал.

Впрочем, я вовсе не раскаиваюсь, если это поможет тебе быть еще осторожнее.

Что же касается сообщения об отправке Адели в колледж, мне тоже кажется, что это выдумки гувернантки. Не терзай себя

по этому поводу. Даже если к осени мистер Рочестер примет такое решение, это будет ненадолго, и мы найдем способ сделать так, чтобы ты ее проводила и осталась с ней.

Если я еще ничего тебе не написал о мадам, так это потому, что никаких существенных изменений не произошло. Только несколько едва заметных сдвигов, которые Олимпия с неизменным энтузиазмом педантично вписывает в свою сестринскую тетрадку. Наша любимая покровительница по-прежнему не узнаёт окружающих. Олимпию она называет «милосердной сестрой», а мне на днях сказала: «Месье трубочист, у вас лицо испачкалось углем, умойтесь, пожалуйста».

Анжелика вчера вспомнила, как мадам любила Россини, и заиграла на рояле арию Розины из «Севильского цирюльника». Спустя несколько секунд мадам стала ей подпевать. Голосок у нее тихий, но все слова она выговаривала отчетливо и правильно. Помнишь? «Ни перед чем я не оробею, поставлю я всё на своем!»

Когда они допели, Олимпия, чтобы проверить память больной, спросила: «На каком языке вы пели?» — и мадам, к нашему утешению, не только ответила «на итальянском», но и перевела песенку на французский.

Кстати об итальянском языке: в последнее время я часто вспоминаю «Неистового Роланда» мессера Лодовико Ариосто — рыцарскую поэму, которая так нравилась крестному. Помнишь, как он нам читал из нее наизусть и как музыкально звучал итальянский язык с его рифмами? А как нам нравились его герои: король Карл, его паладины, красавица Анжелика, Брадаманта. Олимпия была бы отличной Брадамантой. Впрочем, думаю я не об этом. Помнишь, как паладин Роланд повредился умом из-за любовных страданий, а его соратник Астольф верхом на мифическом звере гиппогрифе полетел на луну, чтобы вернуть другу потерянный рассудок? Я часами лежу без сна по ночам и думаю, где может быть спрятан рассудок нашей мадам Селин. Вдруг он в стеклянном сосуде лежит на луне и я могу поскакать за ним на гиппогрифе!

Доктор Манетт говорит, что я слишком мрачно настроен, что рассудок мадам не утрачен, а как бы завернут в паутину, что он спит, как гусеница шелковичного червя в коконе. Постепенно он освободится от всего, что его сдерживает, и выйдет наружу прекрасной бабочкой.

Будем надеяться, это произойдет очень скоро. А пока будьте обе осторожны. Точнее, Софи, будь ты осторожна за двоих. Адель лучше не пугать всякими предостережениями.

Крепко обнимаю тебя изо всех сил, твой Астольф-трубочист

Тусси

8

ТОРНФИЛЬД,

25 МАЯ 1838 ГОДА

Дорогой Тусси,

во-первых, хочу тебя успокоить. Не волнуйся о нас. После той ужасной ночи ничего тревожного больше не происходило.

Еще хочу сказать, что я тоже полетела бы с тобой на луну, если бы это могло помочь. Так грустно просто ждать и молиться каждую ночь Христу и Пресвятой Деве, чтобы мадам поправилась до того, как месье Эдуар женится на мисс Бланш, потому что жить с этой грубой и высокомерной особой в одном доме и подчиняться ее распоряжениям будет очень тяжело и мне, и Адели.

Миссис Фэйрфакс уверена, что месье и мисс Ингрэм уже назначили дату бракосочетания, хотя и тянут с официальным ее объявлением. Когда гости разъезжались десять дней назад, эти двое прощались у всех на глазах так, будто уже помолвлены; а леди Ингрэм обращается с месье как настоящая теща. Вслед за гостями уехал и хозяин поместья. Он отправился в Лондон заказывать новую карету. Старая и правда выглядит обшарпанной, хотя ездить на ней удобно. Мисс Бланш только и делала, что критиковала этот экипаж, называя его «допотопной рухлядью», в которую запрягают «клячу хуже, чем у Дон Кихота». Теперь, говорила она, в моде совсем другие модели. Видел бы ты, с какой печалью выслушивал все это старейший Джон: он привязан к этой лошади и к этому экипажу, как к собственным детям.

После такого оживления и стольких переживаний Торнфильд кажется чересчур тихим и спокойным. Если бы мы не могли уходить на долгие прогулки, нам было бы сейчас еще скучнее, чем зимой. К счастью, погода стоит отличная. Миссис Фэйрфакс утверждает, что не припомнит такого мая: тепло, сухо и солнечно. Бывает, что по три дня кряду нет ни капли дождя.

Мы берем с собой завтрак в корзинке и проводим целые дни в Вороньем лесу. Мы зарисовываем очертания деревьев и форму листьев, как учил нас крестный. Мы наблюдаем за насекомыми, ищем вороньи яйца. Адель очень веселится, кидая гальку в ручей. К ней вернулся румянец, а то от сидения взаперти она побледнела — почти как мисс Джейн. А теперь она стала еще больше похожа на мадам Селин, так что у меня иногда при взгляде на нее сжимается сердце.

Миссис Фэйрфакс рада, что мы проводим так много времени вне дома. Думаю, что и прислуга рада, потому что без нас можно вернуться к обычному распорядку дня. Джон был так мил, что соорудил простые качели из веревки и доски. Поверь мне, на них качается не только Адель. Мне тоже нравится взмывать ввысь, задевая ногами ветви деревьев. Жаль только, что у Адели не хватает сил раскачать меня по-настоящему. Был бы тут ты, вот бы я полетала! Когда мы устаем, то садимся на упавший ствол и читаем вслух сказки баронессы д'Онуа. Деде очень полюбила «Принцессу-кошку» и готова слушать ее без конца. Каждый день она собирает большой букет полевых цветов — «для Берты». Наверное, складывает их где-то на чердаке, и там они вянут.

Я бы хотела попросить Грейс Пул, чтобы она мне сказала, если наткнется в каком-нибудь углу на груды сухих листьев, сморщенных фруктов и тому подобной дребедени, и я все уберу. Только как мне ее об этом попросить? По-английски я с нею говорить не решаюсь, а французского она совсем не понимает.

Я узнала из болтовни слуг на кухне, что Грейс Пул получает в пять раз больше, чем Ли, и что у нее есть сбережения в Милкотском банке. Вероятно, она не только штопает простыни и чинит скатерти в своей комнате на третьем этаже. По-видимому, она шьет белье и рубашки хозяину, в том числе и парадные. Может, она из тех искусных портних, что умеют кроить и редингот, и фрак и вышить жилет или галстук.

Когда я смотрю, как она идет с игольницей на груди, то

неизменно вспоминаю свою маму. Знал бы ты, как я скучаю по родителям, хотя столько лет прошло с тех пор, как я их лишилась! Как же я злюсь на месье Фелисьена. Если бы он платил моей матери хотя бы четверть того, что, по слухам, получает Грейс Пул, нам бы всего хватало, и мама не заболела бы и не умерла.

Бедный Тусси, должно быть, это очень странное и очень грустное ощущение — не помнить лица мамы и сестры. Ужасно ничего о них знать: живы ли они еще или уже нет. Я могу хотя бы навестить могилы на Монмартрском кладбище. Когда мы вернемся, я хочу посадить на них два лавровых деревца — в память о мужестве моих родителей, об их стремлении к лучшему миру, об их скромной добродетели. Гражданину Маркизу это бы понравилось. Раньше я была слишком маленькой и не задумывалась над стихотворением, которое Виктор Гюго написал в 1830-м, посвятив его моему отцу и его товарищам по борьбе — всем восставшим парижанам. Тогда даже женщины присоединились к бунту и бросали из окон старые кастрюли на головы войска Карла X, помнишь?

О братья, и для вас настали дни событий!
Победу розами и лавром уберите
И перед мертвыми склонитесь скорбно ниц.
Прекрасна юности безмерная отвага,
И позавидуют пробитой ткани флага
Твои знамена, Аустерлиц!^[61]

Выучу его с Деде. А то теперь она со всеми, кроме меня, говорит по-английски. Хорошо бы она не забыла наш прекрасный язык.

Обнимаю тебя, Тусси, и умоляю: не волнуйся о нас. Передавай приветы Олимпии и ее бабушке, а также Анжелике и всей ее семье. Как ведет себя виконтесса? Раз уж она сравнивает тебя с собакой, то Берта бы посоветовала тебе: «А ты ее укуси!»

(Я обнаружила, что Берта говорит только по-английски, но Адель начала учить ее французскому. Может быть, именно поэтому в своих письмах она с некоторых пор так смешно мешает языки).

Возвращаясь к виконтессе, твоя подруга Софи просит тебя

быть разумно-хитрым. «Черный кодекс» предписывает хозяевам крестить своих рабов (какая непоследовательность: как можно крестить предметы?!) и воспитывать их в католической вере. Поэтому кажись еще набожнее, чем она сама. Как только она начнет выказывать знаки излишней откровенности, тут же затягивай какое-нибудь великопостное песнопение. Увидишь, она тут же отступит.

Дорогой Тусси, обнимаю тебя от всего сердца.
Напиши как можно скорее. Твоя подруга

Софи

Dear мама,

вчера миссис Фэйрфакс писала письмо мисс Джейн и спросила, хочу ли я передать ей привет. Я написала ей in English, so she will be happy^[62]. Софи говорит, что мисс Джейн, может быть, никогда не вернется, а миссис Фэйрфакс считает, что вернется, когда умрет ее тетя, которая is very very ill^[63]. Я была бы рада, если бы она вернулась. А Берта говорит, что нам без нее лучше.

Мама, Софи прочла со мной «Принцессу-кошку», она жила в замке, и у нее было много невидимых servants^[64]. Только их руки двигались в воздухе, а все остальное было невидимо. На картинке в книжке кошка одета like a lady^[65] в платье с кринолином и воротник в складочку. Тогда я сняла платье с Катрин и попыталась его надеть на кошку миссис Фэйрфакс, но она не захотела и поцарапала меня. Она всегда царапается!

Дорогая мама, I love you very much and I pray the Holy Virgin^[66], как ты меня научила, чтобы она тебя поскорее освободила. Еще я молюсь, чтобы она освободила Берту. Ее наказали, потому что она плохо себя вела, и теперь держат взаперти. Но она хочет сбежать. Я тоже сбегу, если месье Эдуар marries^[67] мисс Бланш и привезет ее сюда жить. Я сбегу к тебе.

Смотри, я положу в конверт two strange leaves^[68], которые я нашла в Вороньем лесу.

Крепко-крепко обнимаю тебя, youг

Деде

9

ПАРИЖ, УЛИЦА НОТР-ДАМ-ДЕ-ШАН,

7 ИЮНЯ 1838 ГОДА

Дорогая Софи,

это письмо я пишу тебе из дома мадам Сулиньяк. Сегодня после обеда я предложил сменить Олимпию у нашей бедной больной. Сейчас она спит. Утро выдалось довольно беспокойное. Мы надеялись, что выздоровление уже близко, потому что каждый день есть какой-то прогресс и поведение мадам Селин становится все более разумным.

Она уже одевается, умывается и ест без посторонней помощи, гуляет по саду, читает ноты и часами играет на рояле. Несколько дней назад она вдруг узнала мадам Сулиньяк и удивленно спросила: «Отчего я в домашнем капоте у вас в гостях?» Бабушка Олимпии попробовала в общих чертах, опуская неудобные подробности, объяснить ей, что произошло, но после нескольких слов мадам перестала слушать, взгляд ее стал пустым, она сжала виски руками и стала жаловаться на головную боль, потом расплакалась и захотела лечь в кровать и остаться в темноте. Доктор считает: то, что больная смогла узнать место, где находится, — отличный знак. Также ему кажется важным, что вот уже несколько дней больная постоянно спрашивает об Адели, о тебе, обо мне, о крестном, о прислуге с бульвара Капуцинов. Правда, потом, когда я беру ее за руку, заглядываю ей в глаза и говорю: «Это я, Тусси, ваш старший сын, ваша шоколадка» — она смотрит на меня растерянно и отвечает: «Не понимаю, что вы говорите. Вы кто такой, месье? Не имею чести вас знать». А Олимпию она постоянно благодарит за заботы и называет «сестрой».

Мы то ликуем, то впадаем в отчаяние. Например, сегодня мы были очень счастливы. Когда пришла Анжелика, мадам не только назвала ее по имени, но и спросила, как будто увидела в первый

раз: «Когда вы вернулись из Америки? На каком корабле вы приплыли?» Потом она со вниманием слушала рассказ и задавала самые осмысленные вопросы. Она с интересом смотрела альбом с рисунками Анжелики из Нового Света: растениями, животными, пейзажами... Боже, как я соскучился по этим краскам, по всему этому!

Анжелика показала нам некоторые портреты и рассказала, что белые в тех краях, несмотря на страшную жару, старательно следуют европейской моде: мужчины носят сюртуки и жилеты из плотной темной ткани, дамы — кринолины, десятки нижних юбок, шали и перчатки. Пот льется с них ручьями, но они не могут отказаться от французской и испанской моды. Мадам рассмеялась: «Полное отсутствие здравого смысла! Но, что еще хуже, полное отсутствие гигиены».

Казалось, что она совершенно вернулась к прежней себе. Однако после обеда мы остались вдвоем, и тут на нее нашло. Она заламывала руки и умоляла меня, чтобы я немедленно принес Дагоберту. Говорила, что это очень важно, что Дагоберта потеряла часть набивки и что мы набьем ее свежими цветами лаванды. «Скорее, скорее, пока не поздно!» Она была столь беспокойна, что я чуть было не побежал выполнять ее просьбу. Но в таком случае мне бы пришлось вернуться в дом виконта, оставив ее одну, и неизвестно еще, смог бы я вырваться оттуда сразу или нет, ведь, попадись я на глаза дворецкому, он тотчас загрузил бы меня работой.

Я пообещал ей, что принесу куклу завтра. Мадам спросила: «А где она сейчас?» Я, не подумав, ответил: «В доме виконта Лагардьера». И тут она разрыдалась: «Все пропало! Этот человек — моя погибель». Успокоить ее не было никакой возможности. Она отказалась смотреть в окно на проезжающие экипажи, хотя раньше ее всегда занимало это зрелище. Отказалась есть клубнику, которую очень любит. Она плакала и билась головой о спинку кресла так долго, что я решился дать ей успокоительное, которое доктор Манетт оставил «на крайний случай» — если она от волнения будет причинять себе вред. Спустя несколько минут мадам заснула, и я на руках отнес ее в постель.

Удивительная все же штука жизнь, Софи! Первые девять лет своей жизни, перед тем как, приехав с Ямайки, я попал в дом к мадам Селин, я спал только на полу, на циновке или на голых

досках под дверью у своих хозяев. Матрос, которому меня вверили на корабле, тоже велел мне спать на полу. В первую же ночь на бульваре Капуцинов мадам спросила, грущу ли я, не боюсь ли я спать один в своей комнатке в мансарде, не лучше ли мне будет на первую ночь лечь с кем-нибудь рядом. Я подумал, что она имеет в виду прислугу, а поскольку я уже понял, что все слуги в доме — белые, я решил, что они откажутся или что дождутся момента, когда я засну, и скинут меня с кровати, и поэтому ответил: «Нет».

Лицо у меня при этом, наверное, было такое испуганное, что мадам рассмеялась и сказала: «Не нужно героических поступков! Сегодня поспишь со мной, а завтра посмотрим». Я ушам своим не поверил и боялся пошевелиться. Мне было страшно, а вдруг это западня, вдруг она таким образом хочет проверить, хорошо ли я вымуштрован. К тому же ее кровать была такая высокая: чтобы на нее залезть, мне требовалась скамейка или лесенка. Я тогда был очень мал для своего возраста. Расти я начал позже, когда стал наедаться досыта, причем не остатками со стола господ или старших слуг, а хорошей свежей едой, которую я мог есть сколько хотел, до полного утоления голода.

Так я стоял у изножия кровати в своей новенькой ночной сорочке, и тут мадам вдруг легко подхватила меня и уложила в постель. Потом она сама легла рядом и сказала: «Если хочешь поплакать, не сдерживай слезы, но помни, что я тут, с тобой, и, если ты захочешь, я прижму тебя к себе, пока ты не заснешь».

Я этого никогда не забуду, Софи. Только что я отнес мадам на руках и уложил в постель — и думаю о том, как все поменялось местами. Только крепко обнять ее не удастся теперь никому, даже Олимпии. Может, это потому, что в Сальпетриере, хоть она не была в отделении для буйных, ее держали в смирительной рубашке.

Теперь она спит спокойно как дитя. Расслабленная, с закрытыми глазами, она кажется здоровой и разумной. Я воспользовался этой передышкой, чтобы набросать простым карандашом на листочке писчей бумаги ее портрет. Посылаю его тебе, чтобы ты могла видеть, как она теперь выглядит. Правда, эти впалые щеки и волосы, которые отрастают густыми и кудрявыми — как у меня, до того как я заплел себе косички, — делают ее похожей на подростка, выздоравливающего после

тифа? Интересно, когда она проснется, она будет помнить о том, что заставило ее так рыдать? Как бы то ни было, завтра принесу ей Дагоберту. Если мадам ее не захочет, оставлю Олимпии: вдруг наша дорогая подруга потребует куклу потом. Какая удача, что Адель не увезла ее с собой в Англию!

Тебе, наверное, интересно, как мне удастся столько времени проводить в доме мадам Сулиньяк. У меня теперь появилось больше свободных часов, потому что виконтесса уехала за город на три недели в гости к своей пожилой кузине, маркизе де Вентей. Она ездит туда каждый год, чтобы насладиться мягкой июньской погодой. В этот раз она собиралась взять меня с собой в качестве личного слуги. Она мне об этом сказала накануне отъезда. Представляешь, как я испугался при мысли, что мне придется надолго уехать из Парижа? Причем именно сейчас, когда мадам Селин так нужна наша помощь, чтобы совершить последние шаги на пути к выздоровлению!

Знаешь, кто помог мне избежать этой опасности? Причем спустя тридцать пять лет после собственной смерти! Герой гаитянской революции, вождь бунтовщиков, чье имя я ношу. Дело в том, что кузина мадам Виолен — уже пожилая дама. Она была девицей на выданье, когда в 1798 году ее отец отправился вместе с генералом Леклерком воевать против моих братьев-рабов на Сан-Доминго — когда они, вдохновившись идеалами Великой французской революции, восстали против своих белых хозяев. Как мы прочли в книгах Гражданина Маркиза, генерал Леклерк умер на острове от желтой лихорадки, французская армия потерпела поражение, а мои братья обрели независимость. Молодая красавица-вдова Леклерка Полина Бонапарт вернулась во Францию в сопровождении нескольких верных офицеров, среди которых был и отец мадам де Вентей. С ними во Францию прибыли и ужасные рассказы о свирепости негров, массовых расправах и жестокости по отношению к белым землевладельцам. Помнишь, сколько раз мы об этом говорили в школе? Гражданин Маркиз повторял, что свободу завоевывать — не менуэт танцевать: если тебе в ней отказывают, обращая против тебя оружие, то и тебе ничего не остается, как отвечать тем же. Только Наполеона все считают героем, а освободителей Гаити — кровавыми дикарями.

В общем, после всех этих рассказов мадам де Вентей

прониклась жутким страхом по отношению ко всем чернокожим. Прошло больше тридцати лет, но она до сих пор считает, что все негры только и думают о том, чтобы изнасиловать ее и задушить. Как только она узнала о моем присутствии в доме Лагардьеров, она сказала: «Кузина, ты с ума сошла — держать у себя это кровавое чудовище!» Ближе к июню она объявила, что не желает видеть под своим кровом черномазых дикарей. Виконтесса настаивала, расписывала ей мою кротость и смиренный нрав, но, когда маркиза узнала, как меня зовут, она впала в неистовство. «Опять Туссен Лувертюр! Он настроит против меня всю прислугу. Нас прирежут в собственных постелях!»

Она обезумела от страха, и мадам Виолен пришлось смириться с тем, что я останусь в Париже. Теперь, когда мне не нужно сопровождать виконтессу на все службы, я могу располагать собою почти целый день. Кучер с женой продолжают меня покрывать, надо только не попадаться на глаза виконту и дворецкому, чтобы при виде меня им не пришло в голову поручить мне работу какого-нибудь другого слуги.

Вот и все, что у нас происходит. Должен сказать, твое предпоследнее письмо очень меня встревожило: будь я свободным человеком, я бы немедленно отправился к вам в Англию, поскольку мадам Селин теперь можно спокойно оставить на попечение Олимпии и ее бабушки. Но я раб, и виконт Лагардьер тут же пустил бы по следу полицию, и меня арестовали бы еще на подъезде к Ла-Маншу. К счастью, твое последнее письмо меня успокоило. Какое облегчение узнать, что вы одни и в безопасности. Будем надеяться, что мистер Рочестер пробудет в Лондоне как можно дольше, а если он все-таки женится, то мисс Бланш пожелает поселиться в каком-нибудь менее уединенном месте — например, в Италии или в Провансе, это теперь модно. Да и гувернантка, надеюсь, останется у своей аристократической родни и не будет вам больше докучать.

Надеюсь... последние недели мы все только и делаем, что надеемся. Думая о вас, думая о мадам, я живу надеждой. Как же тяжело, Софи, не иметь возможности действовать, сражаться ради спасения своих близких!

Поцелуй от меня Адель. Я дал ее маме сухие листочки, которые она вложила в конверт, и мадам множество раз подносила их к губам, как будто понимает, кто ей их прислал. Это

мы рассказать Деде не можем, и умоляю: не показывай ей портрет мадам.

Обнимаю тебя, Софи... и надеюсь, что твое следующее письмо расскажет мне о спокойствии и безопасности, о полетах на качелях и прогулках по Вороньему лесу.

Твой старший брат

Туссен Лувертюр Дешатр Лакруа

10

ТОРНФИЛЬД,

15 ИЮНЯ 1838 ГОДА

Дорогой Туссен Лувертюр,

огромное спасибо за портрет мадам. Знал бы ты, как мне не хватает ее улыбки! У Адели на шее есть медальон с ее портретом, в минуты отчаяния я просила у нее позволения взглянуть на него, чтобы набраться мужества. А теперь у меня есть новый портрет, но на него буду смотреть только я, потому что даже сквозь покой сна видно, какие глубокие следы оставило в ней страдание. Мне все труднее рассказывать Деде о том, что мадам в тюрьме, но может читать наши письма и получать подарки. Я все-таки не хочу, чтобы Адель узнала, как страдала и продолжает страдать ее мама, несмотря на все ваши усилия.

Знаешь, Тусси, мне кажется, что эта навязчивая идея, о которой ты мне пишешь, — желание немедленно получить Дагоберту и обновить ей набивку — свидетельствует не об ухудшении ее состояния, а, наоборот, дает надежду на скорое окончательное возвращение памяти.

Может, я тебе не говорила, но незадолго до смерти Гражданина Маркиза мадам Селин сказала мне, что хочет добавить свежих цветов в набивку Дагоберты и что она займется этим, сидя у постели больного, пока он спит. Шарлотта пошла в прованскую лавку и купила мешочек лаванды. Но, по-видимому, стражники схватили мадам Селин еще до того, как она начала

работу, потому что потом мы с Соланж нашли Дагоберту на столе рядом со смертным одром крестного, а кучка лаванды была растоптана на полу.

Мне кажется, что необходимость закончить прерванную работу — это отличный знак, и, может быть, это будет благотворно для нашей больной. Так или иначе, Дагоберта для нее напрямую связана с Деде, а потому ей точно будет на пользу обнять куклу, вдохнуть ее аромат.

Тут в Торнфильде все спокойно, хоть мы уже опять не одни с миссис Фэйрфакс и слугами. Первым вернулся мистер Рочестер: восседая на козлах восхитительной новой кареты, изготовленной по последней моде — с красными кожаными подушками, которые, несомненно, должны прийтись по вкусу мисс Бланш, — он собственноручно управлял парой лошадей. Старую карету он продал вместе с лошастью какому-то фермеру из Ферндина. Джон очень расстроился. Адель тоже, она привязалась к бедному Девилу, ходила каждый день на конюшню, носила ему кусочки сахара.

В утешение Джон предложил прокатить ее в новой карете, и я поехала с ними. Однако эта прогулка не доставила нам удовольствия, потому что новые лошади понесли и мы чуть не свалились в канаву. Это молодые и нервные животные, к тому же они, похоже, понимают, что Джон не привык править парой.

Спустя несколько дней после возвращения месье Эдуара вернулась и гувернантка. Видимо, знатные родственники не оценили ее по достоинству и отправили обратно зарабатывать себе на хлеб. Адель бросилась ей на шею. Она очень обрадовалась возвращению учительницы, хотя и побаивалась, что та возьмется за уроки с таким же энтузиазмом, как прошлой осенью. Но теперь мисс Джейн уделяет Адели всего два-три часа по утрам. Все остальное время мисс Джейн проводит в компании хозяина дома.

Они снова прекрасно ладят друг с другом, воркуют, как и в феврале. Он отбросил саркастический тон и если и говорит колкости, то с почти нежной иронией. Она смотрит на него, как на божество, ловит каждое его слово и во всем с ним соглашается. Все-таки взрослые женщины — странные существа, Тусси. Раньше казалось, что гувернантка — девушка гордая, обидчивая, готовая отстаивать свою независимость. Я никогда бы

не подумала, что она может с такой легкостью забыть унижение и муки ревности, пережитые всего месяц назад. Любовь действительно ослепляет. С другой стороны, а как иначе можно объяснить тот факт, что такая умная женщина, как наша мадам Селин, будучи в возрасте мисс Джейн, попала в сети того же притворщика, который теперь нацелился на гувернантку? Что такого удивительного в мистере Рочестере, что ни одна женщина не может перед ним устоять? Мне он кажется старым и некрасивым. Я бы не поддалась, пусть бы он даже весь мир сложил к моим ногам. А я ведь не настолько моложе мисс Джейн. Мне уже пятнадцать. У многих девушек в моем возрасте уже есть поклонник. Но я предпочла бы молодого и, главное, честного.

В первые дни по возвращении мисс Джейн я время от времени встречала ее в гостиной с выражением такого блаженства на лице, что мне хотелось встряхнуть ее, предупредить, рассказать, как на самом деле ее кумир поступил с матерью Адели. Как он предал ее доверие, бросил ее, отказал в помощи, когда она так в ней нуждалась. Мне казалось, что долг велит уберечь гувернантку от этой западни.

Я этого, однако, не сделала, потому что заметила в ее поведении нечто странное. Как будто ей доставляет удовольствие роль жертвы. Ведь месье Эдуар строит мисс Джейн глазки, а при этом продолжает рассуждать о своей женитьбе на мисс Бланш Ингрэм и о том, как все будет, когда новая миссис Рочестер возьмет в свои руки бразды правления Торнфильдом. Он не упускает случая, чтобы расписать красоту знатной невесты, сравнивает ее с гордыми карфагенскими царицами. Мисс Джейн со всем соглашается, не подает виду, что ревнует, как будто с радостью принимает идею, что это — последние счастливые дни, как будто она готова в нужный момент уступить своего возлюбленного другой и покинуть Торнфильд, чтобы не мешать их счастью. Я даже слышала, как они обсуждают возможное новое место, которое месье подыскал для нее в одной семье из Ирландии.

Если мисс Джейн уедет, что будет с Аделью? Мистер Рочестер полагает, что у его новой жены хватит способностей и терпения, чтобы заниматься ее воспитанием? Или он действительно задумал отправить Деде в колледж? Пока я стараюсь не волноваться, и ты тоже пока не переживай, потому

что, хотя об этой помолвке все говорят... но что-то не так, я это чувствую. С тех пор как семейство Бланш покинуло Торнфильд, месье Эдуар ни разу не съездил их навестить, он даже не показал мисс Ингрэм новую карету. Конечно, они живут недалеко. Но и писем от невесты что-то нет. Когда приходит почтальон, я всегда смотрю внимательно: я ведь жду письма от тебя — того самого, которое ты напишешь, когда в осторожности уже не будет нужды. В какой-то момент я уже было подумала, что по неизвестной мне причине помолвка разорвана. Но нет: и месье Эдуар, и миссис Фэйрфакс преспокойно рассуждают о том, что будет, когда новая миссис Рочестер водворится в Торнфильде. Хотя ни о какой конкретной дате речь не идет — они ни разу не называли ни месяц, ни даже время года.

Я бы очень хотела, чтобы все это произошло, когда мы уже будем во Франции.

Обнимаю тебя и жду ваших новостей, твоя подруга и сестра

Софи

Dear мама,

я очень рада, потому что месье Эдуар came back^[69] вместе с Лоцманом и когда мы с Софи идем гулять, мы можем брать с собой the dog^[70]. Но я очень плакала, когда уехал Devil horse^[71], и Джону тоже было грустно. Теперь у нас есть две новые лошади для новой кареты, они никого не слушаются, только месье Эдуара. Джон сказал, что опасно подходить к ним с sugar^[72], потому что они могут лягнуть.

В этом доме никто не слушается. Берта не хочет пить лекарство и выплевывает его на пол, когда никто не видит. Катрин не хочет больше носить свою юбку, и я ее сняла, чтобы надеть на кошку миссис Фэйрфакс, а кошка опять не захотела и поцарапала меня. Только Лоцман хороший. Я тоже хорошая, Софи говорит, что она не позволит отдать меня в колледж, даже если мисс Джейн уедет, чтобы быть гувернанткой пяти ирландских children^[73].

Дорогая мама, прощаюсь с тобой, потому что месье Эдуар обещал прокатить меня до Милкота в карете вместе с мисс

Джейн.

Обнимаю тебя крепко-крепко, уоиг

Деде

Глава четвертая. Париж — Торнфильд, июнь-июль 1838

1

ПАРИЖ, УЛИЦА НОТР-ДАМ-ДЕ-ШАН

18 ИЮНЯ 1838 ГОДА

Дорогая Софи,

наконец-то все наши трудности позади, воробушек! Мадам Селин выздоровела! Память полностью вернулась к ней. Ты, наверное, поняла это сразу, еще не вскрыв конверт, потому что в этот раз письмо принес тебе почтальон. Неважно, узнает ли об этом месье Эдуар: вместе с этим моим письмом должно прийти письмо и для него.

Я пишу тебе еще до того, как получил твой ответ на

предыдущее письмо, потому что хочу, чтобы ты как можно раньше узнала счастливую весть. Корабли, которые везут наши письма, наверное, встретятся в Ла-Манше.

Но есть и еще одна новость: тебе пишет свободный человек! Знаешь, где была спрятана моя вольная? Внутри у Дагоберты! Вместе с завещанием Гражданина Маркиза, драгоценностями и деньгами, которые были в доме на момент смерти крестного.

Поэтому Адель жаловалась, что кукла стала толще и тяжелее и что у нее «устают руки ее носить». Мы полагали, что Адель все выдумывает, — а если бы мы к ней прислушались и пригляделись бы к кукле, то могли бы избежать большинства постигших нас несчастий.

А теперь я расскажу тебе с самого начала, как это было. Мадам Селин настаивала, чтобы я как можно скорее принес Дагоберту, и у нее были на то основания. Когда к ней уже полностью вернулась память, а мы этого еще не поняли, она вспомнила последнее, что сделала перед тем, как ее увели стражники.

Она рассказала нам, что в ту ночь крестный, казалось, спал спокойно и она решила заняться починкой куклы Адели. Она распоролла шов, вытряхнула превратившуюся в труху старую лаванду и уже было собиралась набивать куклу новыми цветами, когда крестный проснулся и застонал. Мадам отложила работу на середине и стала за ним ухаживать. Однако спустя несколько часов Гражданин Маркиз умер. Новость о его смерти разнеслась с быстротой молнии, и на бульвар Капуцинов нагрянули наследники. Услышав шум подъезжающих карет, мадам сообразила, что они приехали не затем, чтобы выразить соболезнования. Она хорошо знала, что племянники маркиза высокомерны и лишены каких бы то ни было моральных принципов. Мадам опасалась, что они уничтожат все документы, не отвечающие их интересам. Все бумаги, драгоценности и наличные деньги хранились в секретере в примыкающей к комнате крестного маленькой гостиной. Однако вынести их из дома в безопасное место было совершенно невозможно, потому что из окна было видно, что обе двери стерегут слуги виконта Лагардьера и жандармы, которых призвал маркиз д'Арконвиль под предлогом того, что в доме якобы «обнаружилась кража».

Было ясно, что наследники вот-вот поднимутся на второй

этаж, времени почти не оставалось. Пока мадам лихорадочно думала, что делать, взгляд ее упал на Дагоберту, наполовину заполненную новой набивкой, но все еще с незашитым швом. Иголки с нитками уже были приготовлены и воткнуты в крышку корзинки для рукоделия.

Тогда мадам схватила куклу и, торопясь, вытряхнула часть набивки, чтобы освободить достаточно места, завернула драгоценности в тряпочки, которые она держала под рукой, чтобы отирать лоб больного, увязала их потуже в носовой платок, чтобы они не гремели и не звякали, и сунула внутрь куклы. То же она сделала с деньгами и документами, завернув их в мягкую фланель с тумбочки крестного. Сердце мадам билось, она слышала, как стражники приказывают Жан-Батисту отойти, — они уже поднимались по лестнице. Мгновенно она закрыла шов и бросила Дагоберту на стульчик.

Она не успела предупредить никого из нас, потому что в эту минуту вошли стражники и увели ее через черный ход.

Как и предвидела мадам, наследники перерыли весь дом, завладели всем, что показалось им ценным, но не обратили ни малейшего внимания на старую и потрепанную тряпичную куклу. К счастью, Соланж знала, как дорога эта игрушка Адели, вы ее нашли и сунули в сундучок.

Вот так с самого первого дня орудия нашего спасения были у вас в руках. Если бы мы только заметили! Представь себе, Софи, скольких страданий могла бы избежать мадам Селин!

В утешение себе я думаю, что, в общем, нам все равно повезло. Ведь Дагоберту могли выкинуть до того, как Соланж ее нашла и забрала. Да и Адель могла увезти ее с собой в Англию, и, когда мадам попросила бы ее принести, мы не смогли бы исполнить ее просьбу.

Доктор Манетт полагает, что именно те чувства, которые испытала мадам, когда взяла в руки Дагоберту и увидела, что она не тронута, когда прощупала ее содержимое, распорол шов и достала документы и все остальное, — произвели толчок к полному восстановлению ее памяти и рассудка.

На завещании стоит также и имя нотариуса, того самого, который составлял мою вольную. Мадам Женевьева послала за ним, и мэтр Боссе подтвердил законность всех документов. Он сам сопровождал меня к виконту вместе с судебным приставом и

объявил ему, что он незаконно удерживает в рабстве свободного гражданина, приказав немедленно меня отпустить. Таким образом, теперь я тоже живу у мадам Сулиньяк, доброта которой так велика, что мы никогда не сумеем выразить ей всю нашу благодарность в полной мере.

Завещание было передано судьям, но, поскольку судебное разбирательство уже начато, теперь нужно ждать заседания суда, чтобы оправдать мадам Селин по всем пунктам обвинения и дать ей возможность вступить в наследство. Мадам Женевьева пообещала, что пустит в ход все свое влияние и связи, чтобы это произошло как можно скорее.

А вы тем временем вернетесь домой из Англии. Мадам Селин мечтает поскорее вас обнять. Она сама тебе напишет, не буду пересказывать ее слова.

Обнимаю тебя, милый воробушек. Жду не дождусь, когда смогу обнять тебя лично, когда мы вместе будем прыгать от счастья, как акробаты или как на уроках танцев месье Жоливе. Мне не терпится увидеть, как ты выросла, и показать тебе свою новую ямайскую прическу, хоть я уже и не ношу экзотичную ливрею мадам Виолен, а под цилиндром косички не так заметны.

Виконтесса еще не вернулась из-за города. Ее удар хватит, когда она узнает, что ее личный молодой дикарь, живописный и опасный, упорхнул. Представляешь, что с нею будет, когда она встретит меня в карете рядом с Олимпией на прогулке в Булонском лесу, куда ездят покрасоваться все богатые аристократы?

До скорой встречи, Софи. Обними Адель и расскажи ей новости, только так, чтобы она не переволновалась. В конверте есть письмецо и для нее тоже.

С нетерпением ждущий вас старший брат

Тусси

Дорогая Софи,

я знаю, что Тусси тебе уже все рассказал. Я пока не могу написать тебе длинное письмо, потому что еще очень слаба. Я только теперь приступаю к чтению писем, которые ты без устали

писала весь год с отчаянной верой в мое выздоровление. Каждая страница заставляет меня трепетать при мысли о том, какой опасности вы с Аделью подвергались, но я неизменно убеждаюсь, что ты всякий раз принимала правильное решение, наилучшим образом подходящее для сложившейся ситуации.

Я благодарю тебя за любовь и за все, что ты сделала и делаешь для Адели. Моя девочка не могла оказаться в лучших руках, чем твои.

Мне также повезло, что я могла рассчитывать на упорство Тусси в желании меня разыскать, на помощь мадам Сулиньяк и милой Олимпии. Не знаю, много ли еще есть таких подруг, которые бы стерпели столько неприятностей и понесли столько расходов ради спасения несчастной, покинутой всеми. Мне не хватит целой жизни, чтобы выразить свою благодарность. Что на тебя можно рассчитывать, Софи, я знала с того самого дня, как ты, впервые переступив порог моего дома, пообещала, что будешь оберегать Адель от всякой опасности. Кто мог тогда знать, что жизнь подвергнет твоё обещание такой суровой проверке!

В надежде, что скоро мы обнимемся снова, благословляет тебя твой признательный друг

Селин

Дорогая Деде,

не уверена, что ты узнаешь мой почерк. Это я, твоя мама. Я видела, что теперь ты умеешь писать. Спасибо за все чудесные письма, которые ты мне послала, но я была бы рада, чтобы ты писала все слова по-французски. Тебе уже исполнилось семь, поздравляю тебя! Бедный мой птенчик, второй год подряд ты празднуешь день рождения вдали от мамы. Клянусь, это последний раз. Я знаю, что Софи уже рассказала тебе, почему я никак не могла тебе ответить. Теперь я на свободе, живу у Олимпии и уже совсем здорова. К сожалению, я еще не так крепка, чтобы приехать за тобой прямо сейчас, как мне бы того хотелось. Слушайся Софи — и увидишь, что скоро мы уже встретимся и сможем друг друга обнять. Благослови тебя Господь!

Твоя любящая мама

2

СЭРУ ЭДВАРДУ ФЭЙРФАКСУ РОЧЕСТЕРУ

ТОРНФИЛЬД

ПАРИЖ, УЛИЦА НОТР-ДАМ-ДЕ-ШАН

18 ИЮНЯ 1838 ГОДА

Месье,

я узнала, что моя дочь Адель находится у Вас. Я благодарю Вас за помощь и поддержку, оказанные ей в трудную минуту, когда я по не зависящим от меня обстоятельствам не могла о ней позаботиться. Теперь все препятствия преодолены, и Адель вновь может жить со мной. Мои друзья готовы предоставить нам кров, и я надеюсь вскоре вступить во владение своим имуществом. Тем временем прошу прислать мне дочь, посадив ее на первый же дилижанс, который пройдет через Торнфильд по направлению к побережью. Ее няня — ответственная и сообразительная особа, она прекрасно может сопроводить ребенка и разрешить все вопросы в пути. В конверте Вы найдете сумму, которая должна покрыть все сопутствующие расходы.

Со всей возможной признательностью,

Селин Варанс

3

ТОРНФИЛЬД,

29 ИЮНЯ 1838 ГОДА

Мадам,

сообщаю Вам, что не имею ни малейшего намерения исполнить Ваше пожелание. Я совершенно не хочу, чтобы Адель возвращалась к жизни с Вами, соприкасалась с развращенным миром сцены, подвергалась дурному влиянию и брала пример с недостойной матери. Хотя я не признаю за ней никакого законного права на содержание за мой счет, я вынужден был ее подобрать, и теперь она получает солидное английское воспитание, которое через несколько лет превратит ее в честную богобоязненную женщину, какой Вы никогда не были и не станете.

Вас обвиняют в тяжких преступлениях, и я уверен, что Вас признают виновной. Ваше бесчестье не должно замарать и Адель. Девочка считает, что Вы умерли. И Вы можете также считать, что она умерла. Забудьте о ней, вычеркните ее навсегда из своей жизни.

Не советую Вам продолжать докучать мне своими письмами или пытаться связаться с Аделью. Я уже оповестил судебные власти...ширского графства, чтобы в подобном случае были приняты незамедлительные меры.

В конверте Вы найдете присланные Вами деньги.

С надеждой на то, что это наш окончательный и последний разговор.

Сэр Эдвард Фэйрфакс Рочестер

Торнфильдхолл

4

ТОРНФИЛЬД,

29 ИЮНЯ 1838 ГОДА

Дорогая, любимая мадам Селин,
знали бы Вы, как я счастлива! Как я Вас люблю! Как я благодарна всеблагодарному Господу, Который услышал наши

молитвы! Как только я прочла Ваше письмо, я побежала в церквушку, что стоит за оградой парка, чтобы на коленях благодарить Пресвятую Деву, хотя там нет ни образа ее, ни статуи, потому что это протестантская церковь. Я так расчувствовалась, что плакала навзрыд, из ризницы вышел пастор мистер Вуд и посмотрел на меня с тревогой. Он ведь меня первый раз увидел на скамье своей церкви. Мисс Джейн водит Адель по воскресеньям на службу, но я вошла туда впервые. Наверное, пастор Вуд подумал то, что мисс Джейн частенько говорит вслух: «Эти папистки — все истерички».

Адель тоже была вне себя от радости. Свое «личное» письмо она перечитала раз тридцать, не меньше, а когда пришла пора ложиться спать, взяла его с собой в постель и положила под подушку. Могу представить себе, как радуются Тусси, и Олимпия, и все друзья. Счастливого возвращения к тем, кто Вас любит, мадам!

Не тревожьтесь о том, что написал Вам мистер Рочестер. Мы не рабыни, и он нам — не хозяин, он не может держать нас в заточении и не сумеет помешать нам вернуться домой. Конечно, он может существенно осложнить эту задачу, но Ваша Софи уже столько всего преодолела, что несомненно найдет способ в скорейшем времени вернуть Адель в мамины объятия. Верьте мне и скорее поправляйтесь окончательно.

Целую Ваши руки с благодарностью и любовью, Ваша

Софи

P. S. Не удивляйтесь тому, что рассказывает в своих письмах Адель. И в тех, что уже у Вас в руках, и в том, что она сейчас собирается написать. Она уже больше года не видела детей своего возраста, а этот пустой огромный дом пробуждает в ней самые удивительные фантазии. К тому же Вы знаете, как Ваша дочь умеет одушевлять крошки хлеба или тени от облаков.

Дорогой Тусси,

не показывай это письмо мадам. Придумай что-нибудь, но не показывай. Я вне себя от ярости! Подумать только, что вчера я

была совершенно счастлива... Прости меня, мой дорогой, я даже не поблагодарила тебя за то, что ты о нас сразу подумал и поспешил сообщить нам прекрасные новости. Извинить меня может только ужасный гнев, причину которого ты поймешь, когда прочтешь ответ мистера Рочестера на письмо мадам. Этот страшный человек не собирается отпускать нас домой. Я знаю об этом, потому что, прежде чем вложить письмо в конверт, он оставил его сохнуть на письменном столе в библиотеке. К счастью, он так и не знает, что я умею читать, поэтому, когда я вошла вытереть пыль, он его даже не прикрыл.

Большая удача, что вчера, когда пришел почтальон, месье был в Милкоте вместе со своей невестой, а то бы в нем сразу зародились подозрения: я же, по его сведениям, неграмотная. А то еще мисс Джейн предложила бы мне прочесть письмо, и нужно было бы выдумывать предлог, чтобы не принимать ее любезную помощь. Удача также, что я из осторожности никому, кроме Адели, не рассказала о полученных новостях. Когда я увидела, что почтальон достает не только письмо для меня, но и конверт для мистера Рочестера, и узнала почерк на конверте, я решила, что мне лучше еще какое-то время побыть невежественной нянькой. Я начинаю уже ненавидеть этот дурацкий персонаж. До того как я прочла письмо месье, я питала надежды, что со дня на день я с этой ролью расстанусь, что нянька-дура останется в Торнфильде как призрак в компанию Берте. Но, похоже, мне придется пока продолжать этот маскарад. Моя первая спасительница, которую я никогда не встречала, мама мадам Селин, всю жизнь играла разные роли на сцене, и она могла бы мною гордиться.

Сегодня утром мистер Рочестер отправился с гувернанткой в Хэй, чтобы собственноручно опустить в ящик это жестокое и обидное письмо, которое принесет мадам новые страдания, как будто ей не хватает тех, что уже выпали на ее долю!

Пусть он не думает, что мы подчинимся его приказам! Он думает, что если он — огромный орел, а я — маленький воробушек, то меня можно придушить? Он просто не знает, что маленьких птичек не так легко поймать. Если он не захочет нас отпускать, мы просто сбежим.

Вчера в Вестминстерском аббатстве в Лондоне торжественно короновали взошедшую ровно год назад на английский престол

королеву Викторию. Ее подданные уже неделю празднуют это событие: едят, пьют, пляшут и дома, и на улице. Знаешь от какого танца тут теперь все без ума? Вальс! Помнишь, как два года назад они и слышать о нем не желали, обвиняли нас, что мы, французы, предаемся нескромному и бесстыдному танцу? Словом, на дорогах и везде царит полная неразбериха, так что нам с Аделью нетрудно будет ускользнуть незамеченными.

У меня есть еще в запасе немного денег: во-первых, остатки сбережений в чулке, а во-вторых — жалованье за первые полгода. Я его отложила, да тут и тратить особо не на что. Боюсь, конечно, что нам этого все равно не хватит. Нужно будет выяснить, сколько стоит дилижанс до Лондона и от Лондона до Дувра, а также сколько надо денег, чтобы переправиться через пролив. В течение путешествия нам придется три, а то и четыре раза где-то ночевать. Это должны быть приличные постоялые дворы. Я не хочу, чтобы Деде испытывала неудобства или подвергалась опасности. Но сперва нам придется, наверное, дойти пешком до Стренглера, чтобы сбить с толку преследователей: ведь если мы сядем в дилижанс в Хэе или Милкоте, они сразу выйдут на наш след.

Как видишь, я потихоньку составляю план, но пока что не могу начать приводить его в исполнение, как бы мне этого ни хотелось. Если бы мистер Рочестер не отослал деньги мадам обратно, я бы взяла их без малейшего угрызения совести и не считала это кражей. Теперь же придется искать другой выход. Знаю, что, будь ты здесь, ты вмиг заработал бы нужную сумму, не вызывая ничьих подозрений, — ты ведь умеешь показывать фокусы и трюки. Но я не такая умелая и могу надеяться только на помощь Олимпии. Попроси ее, чтобы она узнала, во сколько нам обойдется дорога, и прислала мне денег. Мы вернем их, как только мадам выигрывает процесс.

Перечитывая свое письмо, я обнаружила, что упомянула невесту мистера Рочестера. Не думай, что это мисс Ингрэм снова посетила нас со всем своим семейством. Тут, в Торнфильде, на прошлой неделе, а точнее прямо на Святого Иоанна, случились важные события. Мистер Рочестер обручился с гувернанткой. Это уже совершенно точно, он торжественно объявил об этом миссис Фэйрфакс, и уже назначен день бракосочетания. Они должны обвенчаться в церкви пастора Вуда 25 июля сего года.

Миссис Фэйрфакс все никак не может в это поверить. Однажды ночью, когда молния ударила в каштан в саду, она увидела, как эти двое целуются в холле, и подумала, что между ними — греховная связь. Она все время твердит, что мистер Рочестер принадлежит к такой старинной и знатной семье, что никогда, ни при каких обстоятельствах ее отпрыск не может настолько потерять достоинство, чтобы жениться на гувернантке. Месье Эдуар, однако, уже написал своему банкиру в Лондон, чтобы тот прислал ему фамильные драгоценности, хранящиеся у него в бронированном сейфе. А еще он заказал у модистки для мисс Джейн элегантные наряды. Он хотел подарить ей сразу шесть туалетов, но гувернантка отказалась, произнеся при этом очень обидные слова: «Не думайте подкупить меня вашими дарами. У меня есть чувство собственного достоинства. Я не хочу стать вашей английской Селин Варанс».

Я опасалась, что, когда известие о свадьбе с мисс Джейн разнесется по окрестностям, последует яростная реакция мисс Бланш Ингрэм. Такая надменная знатная леди не сможет принять унижение быть отвергнутой — и ради кого? Ради нищей гувернантки, которая собственным трудом должна зарабатывать себе на хлеб. Похоже, однако, что, прежде чем просить руки мисс Джейн, месье распустил слух, что его состояние вчетверо меньше, чем полагали Ингрэмы, и мисс Бланш тут же сама дала ему от ворот поворот.

Адель замирает от восторга: она ведь думает, что будет нести шлейф свадебного платья своей «мадемуазель Жанетт». Месье заявил, что намерен подарить невесте драгоценную старинную кружевную вуаль, в которой венчались все невесты рода Рочестеров.

Меня же очень беспокоит, что месье сказал, и на этот раз совершенно определенно, что собирается отправить Адель в колледж, чтобы ничто ему не препятствовало путешествовать с мисс Джейн и чтобы освободить ее от всякого труда. Я еще не успела придумать, что с этим делать, как пришли ваши письма, и все мои сомнения разрешились сами собой.

Надеюсь, что Олимпия вышлет нам денег для путешествия следующей же почтой и в день свадьбы мы будем уже далеко отсюда.

Обнимаю тебя, Тусси, на этот раз не с надеждой, а с

уверенностью, что мы скоро увидимся.

Твоя Софи

Дорогая мамочка,

как хорошо, что я научилась читать и по-французски и Софи не нужно было мне помогать: я сама смогла прочесть твое письмо. И могу перечитывать его, сколько захочу. Я ношу его в кармане и никому не показываю. Какое счастье, Софи сказала, что ты уже не в тюрьме, а у Олимпии дома и все к тебе добры. И мы скоро поедem жить к тебе, только об этом нельзя говорить с месье Эдуаром.

Представляешь, мама, в конце июля месье Эдуар женится на мисс Джейн! Я очень рада, потому что мисс Бланш я терпеть не могла.

А Берта сердится. Может, она ревнует, что это я буду держать шлейф во время венчания? Она сказала, что кружевную вуаль она порвет на кусочки и будет топтать ногами. Я ей сказала, что она может делать все, что ей вздумается, потому что мы с Софи убежим еще до свадьбы. Тогда она заплакала и сказала: «Умоляю тебя, не уезжай. Как я тут буду без тебя? Кто будет ко мне приходить?» А я ей сказала: «Чего же ты не убежишь с нами? В Париже не так холодно, как в Торнфильде». Она сказала, что, может, и убежит, если только ей удастся обмануть свою воспитательницу. Ты же не расстроишься, если мы еще и Берту привезем, правда, мама? Мне ее, бедняжку, жалко оставлять тут одну. Я спросила у Софи, и она сказала, что это нетрудно, что ее Пиполет ходил с нею всюду и никому не мешал. Берта иногда озорничает, но, если я ей велю перестать, она слушается.

Дорогая мама, Софи говорит, что, когда придет письмо от Олимпии, мы сможем уехать. Я жду не дождусь, когда тебя увижу. И ты посмотришь, как я выросла. Ты знаешь, что у меня уже два новых зуба? И видишь, я ни слова не пишу по-английски!

Обнимаю тебя крепко-крепко и до скорого-прескорого свидания,

Деде

ПАРИЖ, УЛИЦА НОТР-ДАМ-ДЕ-ШАН,

11 ИЮЛЯ 1838 ГОДА

Дорогая Софи,

вчера утром состоялось слушание моего дела в суде, и меня оправдали по всем пунктам, сняв с меня все обвинения, выдвинутые родственниками Гражданина Маркиза. Их обязали передать мне во владение поместье Поммельер, дом на улице Жакоб, ценные бумаги и облигации, которые оставил мне крестный, и еще покрыть все судебные издержки и выплатить мне десять тысяч франков компенсации за почти год заключения в тюрьме и в Сальпетриере. Все прошло очень быстро. Судья успел внимательно изучить все документы: оригинал завещания, его копию, хранившуюся у нотариуса, письма, которые много лет назад крестный написал мадам Женевьеве, и те, которые совсем незадолго до смерти он отправил в Америку отцу твоих друзей Анжелики и Максимильена. Эти письма подтверждают ясность рассудка нашего дорогого крестного, который вплоть до последнего дня своей жизни пребывал в здравом уме и твердой памяти и имел прекрасную способность к рассуждению. Какими нелепыми и безосновательными выглядели обвинения племянников, что я обвела вокруг пальца беспомощного, слабоумного старика и управляла им! На заседании выступили свидетели. Виконт д'Анже произнес блестящую речь, сравнив презрение и равнодушие племянников по отношению к маркизу с любовью, которой он был окружен на бульваре Капуцинов. Он особенно подчеркнул тот факт, что много лет племянники вообще не встречались с дядей и, следовательно, не могли судить о состоянии его рассудка. Д'Анже добился права свидетельствовать даже для Туссена. Он заявил, что, будучи отпущенным на свободу гражданкой Франции на территории Франции, Туссен стал полноправным гражданином Франции.

К моему невероятному утешению, верными друзьями показали себя и пришли свидетельствовать в мою пользу меся

Жоливе, маэстро Джоаккино Россини, дорогой Теофиль Готье, Сен-Беф и даже графиня де Мерлен, несмотря на то, что всего несколько недель назад она потеряла своего супруга. А еще, конечно же, пришли наши слуги, некоторые из них нарочно приехали из провинции, где нашли себе новое место.

Очень укрепляет сердце, когда видишь, что старые друзья тебя не забыли, что они не боятся неприязни и мести со стороны столь влиятельных особ, как племянники моего крестного.

Теперь я могу не зависеть от милости друзей, дорогая Софи, и даже могу достойно вознаградить всех, кто мне помогал.

Не удивляйся, однако, что в конверте нет денег, которых ты просила у Олимпии и которые я сама могла бы теперь тебе послать. Но я совершенно не одобряю твой план побега. Вы с Аделью вдвоем на английских дорогах, вынужденные скрываться от преследования? Это слишком безрассудно. Конечно, я сама просила мистера Рочестера отправить вас одних, но предполагалось, что он организует путешествие, вверит вас опеке кондуктора, поручит ему устроить вас на ночлег в проверенных постоянных дворах, подскажет надежное судно, чтобы пересечь Ла-Манш. А задуманное тобою путешествие на авось может оказаться опасным. Я запрещаю тебе покидать Торнфильд, пока не приедут Тусси и Олимпия; они отправятся за вами в воскресенье. Сама не могу приехать по нескольким причинам: для такого путешествия я еще слишком слаба; паспорт мне выдадут не раньше чем через два месяца; и главное, я боюсь, что отец моей дочери меня узнает. Он питает, как явствует из его письма, такую обиду и такую неприязнь ко мне, что может спрятать Адель или отдать ее чужим людям, только бы не возвращать мне. Я не думаю, что он узнает Туссена. За прошедшие годы малыш-раб преобразился. Как бы то ни было, Туссен не станет приближаться к дому, он будет дожидаться неподалеку, чтобы сопровождать вас в Париж. В Торнфильд за вами явится Олимпия, которую мистер Рочестер узнать никак не сможет, ведь он никогда ее не видел.

Наверное, тебе интересно, почему я затеяла это «похищение», вместо того чтобы просто предъявить свои законные права на возвращение дочери. Тому есть две причины. Во-первых, в своем...ширском графстве мистер Рочестер — особа известная, как ты сама пишешь: он — друг окружного

судьи. Во-вторых, я очень устала от судов, не могу больше выносить слушаний, адвокатов, свидетельских показаний. К тому же даже при успешном решении дела ожидать результата пришлось бы бесконечно долго, а я хочу поскорее вас обнять.

Поэтому приготовься. Собери немного вещей — то, что понадобится вам в пути. Все остальное оставь, в Париже купим вам все новое. Я поведу тебя к моей портнихе, и она сошьет тебе полный гардероб по последней моде, чтобы хоть как-то восполнить тот год, который тебе пришлось проходить в убогом платье неграмотной няньки.

Я буду ждать вас в Поммельере. Теперь, когда я снова могу выезжать из Парижа, мне хочется вдохнуть воздух, которым я дышала в детстве. Со мною поедут мадам Женевьева, ее личная горничная и... угадай кто? Лизетта, Соланж и Жан-Батист! Они согласились оставить своих новых хозяев и вернуться служить у меня.

Вот и все, воробушек милый. Точнее, нет. Я волнуюсь за ту девушку, гувернантку. Я уверена, что Рочестер обманывает и ее. Понятно, что, пока вы с Аделью не окажетесь в безопасности, ты не можешь ей объяснить, как коварен Эдуар. Держи ее все же в поле зрения, и хорошо было бы, чтобы она как можно меньше оставалась с ним наедине. А когда будете уезжать, напиши ей и расскажи, как он обошелся со мной на самом деле. Убеди ее прежде всего удостовериться в том, что брак будет заключен по-настоящему, а не окажется комедией, как это было со мной. Вера мисс Джейн очень строга, к тому же эта девушка живет не среди актеров, где принято снисходительно относиться к ошибкам, совершенным во имя любви, и у нее нет такого крестного, как Гражданин Маркиз. Что с нею станет, если она слишком поздно осознает, что была обманута? Ведь она может уже к этому времени носить ребенка, которого будут презирать все ее знакомые, потому что он окажется незаконнорожденным. Если же после всего этого она захочет снова стать гувернанткой, кто возьмет ее к себе в дом, кто доверит ей воспитание своих детей?

Я бы написала ей сама, раз она понимает по-французски, но у меня нет сил, и слишком больно вновь обращаться к прошлому.

Что же касается выдумок Адели, то не стоит так удивляться. Я тоже в детстве видела людей и предметы, которых не видел никто больше. Какая удача, что Деде унаследовала от меня не

только богатую фантазию, но и жизнерадостный нрав; в этом мрачном доме, который ты описываешь в своих посланиях, она придумала для себя всего-навсего капризную девочку, с которой можно ссориться и играть. Было бы гораздо хуже, если бы она весь год воображала ужасы, монстров, привидения и убийц, как героиня «Нортенгерского аббатства». Конечно, Адель еще слишком мала, чтобы читать готические романы. Зато она знает про островных духов Туссена и могла слышать, как мы читали вслух «Франкенштейна» — удивительную книгу, написанную дочерью Мэри Уолстонкрафт. Представляю, какое это было адское для тебя время, бедная моя Софи, когда приходилось без конца утешать ее и успокаивать.

Так что пусть приезжает озорница Берта. Я, как и ты, полагаю, что Адель ее так окрестила в честь незабвенной Дагоберты, нашей спасительницы.

Думаю, что это последнее письмо тебе в Англию. Ты же, прошу тебя, ответь мне и, главное, сообщи, когда приедут Тусси и Олимпия. Очень надеюсь, что скоро нам уже не понадобятся перья и бумага для разговора, мы снова обнимемся и сможем беседовать, глядя друг другу в глаза.

Люблю тебя. День, когда ты пришла на бульвар Капуцинов, стал счастливым днем для нас с Аделью.

Умоляю тебя, будь осторожна, целую нежно и жду не дождусь, когда смогу прижать тебя к сердцу.

Твоя благодарная подруга

Селин

Радость моя,

я вся в нетерпении, хочу увидеть твои новые зубки. Однако мне совсем не нравится идея, чтобы вы с Софи пускались в путь одни-одинешеньки. Поэтому я отправила за вами Тусси и Олимпию. Потерпи немножко и слушайся Софи. А главное, никому ничего не рассказывай. Я знаю, что ты все эти месяцы отлично притворялась, что Софи — твоя нянька и что она ни слова не понимает по-английски. Нужно продержаться еще несколько дней. Конечно, ты можешь взять с собой свою

подружку! В Поммельере ты покажешь Берте качели и бассейн с золотыми рыбками. Прошу тебя, Деде, слушайся Софи, это важно; выполняй все, что она говорит, сразу и без обсуждения. Софи знает, что вам надо делать, чтобы как можно скорее вернуться домой.

Обнимаю тебя с любовью,

твоя мама

ПАРИЖ, УЛИЦА НОТР-ДАМ-ДЕ-ШАН

11 ИЮЛЯ 1838 ГОДА

Дорогая Софи,

послезавтра мы с Олимпией отправляемся в Дувр. Но нам может понадобится дней десять, а то и больше, чтобы добраться до Торнфильда. Ведь, оказавшись в Англии, мы должны придумать, как передвигаться, не привлекая к себе внимания. Это важно, чтобы потом, когда мы будем возвращаться с тобой и с Аделью, люди нас не могли узнать и не стали бы о нас сообщать, если месье Эдуар предпримет погоню. А потому запасись терпением. Как только мы прибудем в Милкот, я тебе сообщу.

Как я хочу поскорее увидеть тебя, сестренка, посмотреть, правда ли ты выросла настолько, что юбку приходится надставлять на целую пядь, чтобы прикрыть лодыжки. Хочу еще рассказать тебе смешное, прежде чем закончить письмо. Маркиз д'Арконвиль получил от Олимпии по заслугам. Видишь ли, при разделе имущества крестного между племянниками Поммельер достался маркизу, и в июне он отправился туда на лето. По словам Олимпии, маркиз поспешил нанять новую прислугу, а оставил себе старых слуг своего дяди, тех самых, что заботились о нас каждое лето и помнят мадам еще девочкой. Из Парижа д'Арконвиль привез только своего личного лакея.

Приговор суда предписывал ему немедленно вернуть поместье мадам Селин Варанс. В таких случаях проигравшему

обычно дают неделю на переезд, и мадам так и думала поступить, но Олимпия попросила сделать ей личное одолжение и отпустить ее съездить в Поммельер сегодня утром. Она позвала с собой меня, Жан-Батиста, кучера мадам Женевьевы и еще двух самых здоровенных слуг из дома Сулиньяк. Д'Арконвиль нашего приезда не ожидал. Он только что встал и пил кофе, сидя в халате на террасе. Представь себе, как он удивился и разозлился, когда Олимпия зачитала судебное решение и приказала своим спутникам: «Гоните его взащей!»

Его схватили и понесли к воротам. Маркиз кричал, ругался и звал на помощь слуг из Поммельера, но, как и ожидала Олимпия, старые слуги Гражданина Маркиза с большим удовольствием выслушали судебное решение и даже пальцем не шевельнули. Им всем было известно, что хозяин собирался оставить поместье мадам Селин, а д'Арконвиля они считали захватчиком.

За воротами маркиза вышвырнули на дорогу — в пыль, а когда он попытался вернуться, слуги прогнали его палками. Я вспоминал о том, сколько несчастий они с кузеном заставили нас пережить, и мне тоже очень хотелось пинком под зад помочь ему добежать до большой дороги. Но Олимпия меня удержала: «Ты не слуга, — сказала она. — Прошлой осенью маркиз отказался скрестить со мною шпаги, потому что я „ниже его достоинством“: в моих жилах не течет голубая кровь, и он может только приказать слугам „гнать меня взащей“. Теперь же я сама не хочу пачкать лезвие моей шпаги и руки моих друзей об это грязное существо».

Я так и слышу, как ты, с твоей обычной дотошностью, возражаешь, что пинок испачкал бы мне ногу, а не руки, и даже не ногу, а всего лишь подметку или каблук. Что делать! Олимпия пожелала, чтобы пинки тоже раздавались исключительно слугами.

Личный лакей маркиза, по-видимому, тоже не слишком любит своего хозяина: он с интересом и улыбкой наблюдал за происходящим. Олимпия приказала ему собрать вещи и как можно скорее освободить дом. Потом мы возвратились в Париж. У меня было беспокойно на душе: я думал, что маркиз не такой человек, чтобы проглотить унижение, к тому же от женщины, — он будет мстить. Мадам Женевьева смеялась до слез, она сказала, что гордится внучкой. «Если мы будем всегда бояться

притеснений от власть имущих, — заявила она, — мы никогда не сможем начать бороться за справедливость».

Видишь, воробушек, для женщин дома Сулиньяк осторожность — не главнейшая из добродетелей, и пока что все указывает на то, что они правы.

Ты, однако, по возможности будь осторожна. Жди нас и готовься к побегу, но не раскрывай никому своих планов.

В надежде скоро тебя обнять шлю тебе сердечный привет. Поцелуй от меня Деде.

Ваш старший брат

Тусси

6

КЕНТЕРБЕРИ, ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР «КРЫЛЬЯ ПЕГАСА»,

15 ИЮЛЯ 1838 ГОДА

Дорогая мадам Селин,

спешу сообщить Вам, что мы прибыли в Англию. Вчера нам удалось устроиться на работу в бродячий цирк, который отправляется в сторону Милкота. Олимпия считает, что это самый безопасный способ добраться до Торнфильда, не привлекая к себе внимания. При переправе через Ла-Манш мы обнаружили, что цвет моей кожи в сочетании с костюмом джентльмена вызывает в людях любопытство. На корабле был один господин, удивительно похожий на мистера Мейсона, который всю дорогу неотрывно на меня смотрел, и это довольно подозрительно. Поэтому, когда мы сошли на берег и повстречали конный цирк мистера Слири, среди артистов которого упоминались индейцы из Америки, индусы из Бомбея, африканцы из царства Ашанти и даже китайцы из Нанкина, мы решили, что это — идеальная компания для путешествия, в котором мы не будем обращать на себя внимания.

Записаться в труппу оказалось совсем несложно. Я поразил мистера Слири своими способностями к акробатическим трюкам

и фокусам. Олимпия, или «Дженнаро из Милана» — так она себя назвала, — подросла как раз вовремя, чтобы заменить Древнего Римлянина, который вывихнул плечо и в ближайшие недели не сможет бесшабашно управлять своей квадригой из лозы и папьемаше.

Нет ничего удивительного, что мистер Слири тут же нас принял: ведь мы не только показали ему, на что способны, но и запросили совсем маленькое вознаграждение за свои труды.

Завтра утром мы двинемся на север, остановимся в Лондоне, а потом направимся в...ширское графство, куда надеемся добраться примерно за неделю, ведь в течение путешествия мы будем останавливаться в различных городках и давать представления.

Если по приезде в Милкот нам не удастся связаться с Софи или же что-то осложнит наши планы и задержит побег Софи и Адели, мы Вам сразу сообщим. Если же все пойдет хорошо, то мы вернемся вчетвером, и в скором времени Вы всех нас увидите в Поммельере.

Целую Вашу руку, прошу терпеливо и спокойно ждать и желаю Вам окончательного выздоровления. Ваш старший сын

Тусси

Дорогая Селин,

добавлю и я пару строк к тому, что написал Тусси. Прошу тебя, заботься о себе, следуй прописанной доктором диете и как можно больше гуляй на свежем воздухе. Передай бабушке привет от бесстрашного «Дженнаро».

Скажи ей, что я попросила Тусси набросать мой портрет в костюме Древнего Римлянина, чтобы, когда мы вернемся, она смогла увидеть необыкновенное зрелище, которым каждый вечер наслаждаются теперь жители Кентербери.

Ты знаешь, что такое сцена, а потому можешь понять, как мне весело катить колесницу по арене цирка под аплодисменты зрителей, какая радость в этот момент меня переполняет!

Как подумаю о той скуке, в которой проводят жизнь барышни моего возраста, запертые дома, как в клетке! Мы

должны устроить для них вторую Великую революцию и разорвать их оковы! Я это тебе, наверное, уже тысячу раз говорила — прости. Крепко обнимает тебя твоя преданная санитарка

Олимпия

7

ТОРНФИЛЬД,

22 ИЮЛЯ 1838 ГОДА

Дорогая мадам Селин,

Олимпия и Тусси наконец прибыли! Я так переживала, что их все нет, а день свадьбы мистера Рочестера и мисс Джейн приближается. Они поженятся 25 июля; предполагается, что на следующий день старый Джон отвезет Адель в К. — там находится колледж, куда ее определили. Не знаю, как бы я смогла это предотвратить, если бы Олимпия и Тусси не приехали. Каждую ночь я воображала себе, что с ними случилось какое-то ужасное несчастье, что они оба погибли и ждать теперь не имеет смысла. Я трижды ходила на почту в Хэй, но там не было никакого сообщения для меня. Я думала, не пора ли вернуться к изначальному плану, взять Адель за руку и бежать на юг вдвоем, почти без денег — потому что миссис Фэйрфакс еще не заплатила мне за вторые полгода.

Можете себе представить, какое облегчение я испытала, когда вчера вечером мистер Рочестер вернулся со своими спутницами из Милкота в сопровождении нового помощника кучера, которого он там нанял, и Адель шепнула мне на ухо, что этот итальянец Дженнаро — Олимпия!

Впрочем, лучше я расскажу все по порядку. Так вот, день свадьбы приближается, и, хотя большого празднования не предвидится, прислуга сбивается с ног, готовя одновременно свадебные угощения и багаж молодоженов. Мне пришлось не только собирать вещи Адели для отправки в колледж, но и

помогать Ли, раскладывать по сундукам дорожный багаж «миссис Рочестер», то есть мисс Джейн; она сама до сих пор изумляется, когда видит на багажных бирках свое будущее имя. Недоставало двух легких платьев для Италии и накидки, которые месье Эдуар заказал у лучшей модистки Милкота. Вчера утром жених и невеста отправились за ними в город и взяли с собой Адель и миссис Фэйрфакс, которой не терпелось опробовать новую карету.

Когда они добрались до Милкота, Адель тут же заметила цирк, раскинувший свой шатер на главной площади, и, конечно же, захотела пойти на представление. Вы же знаете, как она любит паяцев, акробатов и дрессированных зверей! Она так просила, что миссис Фэйрфакс согласилась пойти с ней, пока нареченные заедут к модистке и совершат последние предсвадебные покупки на Хай-стрит.

Говорят, почтенной даме особенно понравилась бесстрашная скачка и трюки на лошади Дикого Охотника североамериканских прерий. Адель же сразу узнала чернокожего акробата, который ходил по канату и взмывал на веревке под самую крышу шатра. Это был, конечно же, Тусси. Он тоже узнал Деде и сумел передать ей для меня записку, так чтобы миссис Фэйрфакс ничего не заметила. Знаете, как ему это удалось? Записка была обернута вокруг стебельков маленького букета цветов, который положила Адели на колени дрессированная собачка. Она вместе со своим хозяином исполняла комический номер, который увенчивался цветочным подношением случайно выбранной — как подумали все, включая миссис Фэйрфакс, — девочке в первом ряду. Но Тусси подмигнул Деде, предупреждая, что в цветах — записка, и что ее надо спрятать от провожатой.

В записке Тусси сообщил мне, что они только приехали, и назначил встречу на завтра после обеда, на задворках сельской управы в Хэе. Конечно, теперь, когда Олимпию взяли помощником конюха в Торнфильд, я могла бы и не идти в Хэй, но мне так не терпится обнять Тусси!

Что Олимпия получила место на конюшне — чистое везенье, никто из нас не мог такого ожидать. Обычно, прежде чем кого-то нанять, месье Эдуар подолгу изучает кандидата и задает ему массу вопросов. Вот как было дело. Завершив покупки, нареченные подъехали к цирку, чтобы забрать Адель и миссис

Фэйрфакс. Шел дождь, представление уже заканчивалось, поэтому их впустили в шатер, и они смогли увидеть последний номер: триумфальный галоп по арене римской квадриги под управлением «миланца Дженнаро». Мисс Джейн говорит, что месье Эдуар был под большим впечатлением от легкости и виртуозности Олимпии, которой удавалось удерживать четырех ретивых жеребцов посреди шума и неразберихи, потому что зрители уже всю галдели, вставали со своих мест и направлялись к выходу. Тут бы все и закончилось, но, спустя буквально несколько минут, когда Адель и дамы уже сидели в карете, а мистер Рочестер еще только собирался вскочить на подножку, наши новые лошади взбрыкнули и понесли, рискуя подавить толпу выходивших из цирка людей, опрокинуть карету и еще невесть что натворить. Джон пытался их удержать, но он стар и скрючен ревматизмом. Адель, мисс Джейн и миссис Фэйрфакс визжали от страха. Месье Эдуар сумел схватить за уздечку одну из лошадей, но она брыкалась, а из ноздрей била пена. К счастью, «Дженнаро», успевший переодеться после представления, заметил, выходя из шатра, какой опасности подвергались дамы; он вскочил на козлы, выхватил вожжи у кучера и в несколько мгновений укротил разбушевавшихся лошадей.

Покоренный такой ловкостью, равно как и представлением в шатре, месье Эдуар тут же предложил итальянцу место помощника старого Джона. Олимпия, конечно же, не заставила себя упрашивать. Она сказала, что устала — точнее, устал, потому что, естественно, она представилась как молодой человек, а не как девушка в мужском платье; что с него довольно бродячей жизни — и сразу же последовала за своими новыми хозяевами в Торнфильд. Джон принял ее радушно, для него управлять новыми лошадьми стало настоящим мучением. К тому же ему понравилась мысль иметь для всякой тяжелой работы на конюшне молодого крепкого помощника. Он разместил Дженнаро в комнатке рядом со стойлами. Как только Адель сообщила мне эту новость, я тут же помчалась на конюшню, сделав вид, что Деде забыла в карете чепчик: мне хотелось поскорее обнять Олимпию. Можете себе представить, мадам, как трогательно было вновь свидеться после стольких лет разлуки. Сколько слез, поцелуев, вопросов! Как Олимпия хвалила мне Адель: ее

необыкновенную выдержку, ведь на протяжении многих часов наша девочка ни разу не выдала свою радость от долгожданной встречи с друзьями. Бедная Деде: ей столько приходится притворяться, что, пока вырастет, она уже будет опытной актрисой.

Мы с Олимпией разработали план, который я изложу Тусси, когда он придет завтра встречаться со мной в Хэе.

До свадьбы осталось всего три дня, и мы решили, что не стоит затевать побег раньше — ведь мистер Рочестер пока еще в Торнфильде, он может сам броситься в погоню или пустить по нашему следу полицию. А когда молодожены отправятся в свадебное путешествие, никто не будет проверять, по крайней мере в первое время, доехала ли Адель до колледжа в К. или вернулась домой во Францию. Труднее всего будет уговорить старого Джона остаться дома, а девочку и карету доверить Дженнаро. Чтобы его успокоить, я скажу, что сама поеду с Аделью, а на обратном пути прослежу за итальянцем. Меня Джон знает уже целый год и доверяет мне, как, впрочем, и все остальные: его жена Мэри, Ли, миссис Фэйрфакс. Мне жаль, что приходится их обманывать; но если бы мистер Рочестер сообразовал отправить нас обратно, как Вы его просили, то вся эта ложь была бы не нужна!

Если нам удастся покинуть Торнфильд 26 июля, то 29-го или 30-го мы сможем сесть на корабль и прибудем в Поммельер в первую неделю августа. Если повезет, мы доберемся даже быстрее этого письма. Я знаю, как Вам не терпится нас увидеть. Адель тоже по ночам не может уснуть от возбуждения. Скоро, очень скоро мы воссоединимся и сможем забыть обо всех несчастьях.

Целую Вас преданно и нежно, Ваша

Софи

P. S. Когда наш план был окончательно составлен, я вспомнила, что Вы, беспокоясь о мисс Джейн, просили предупредить ее, чтобы она была бдительна и проверила подлинность своего бракосочетания с месье Эдуаром — чтобы их брак не оказался такой же комедией, как и Ваш. Но Олимпия сказала, что писать мисс Джейн сейчас слишком рискованно: это

можно было сделать, если бы мы решили бежать до венчания, теперь же мы должны соблюдать осторожность и заботиться прежде всего о собственной безопасности. И что вообще не надо волноваться о гувернантке. Они с мистером Рочестером почти год прожили под одной крышей, за это время мисс Джейн могла бы заметить, какой у него отвратительный характер, и увидеть все его недостатки. Олимпия считает, что если она все равно решила за него выйти, то это ее дело, и нечего за нее переживать. Вы же знаете нашу мадемуазель Сулиньяк: она готова защищать женщин со шпагой наголо, но как только они отказываются от своей свободы — например, потому что влюблены, — начинает их презирать и говорить, что они сами виноваты и заслужили свою участь. Как бы то ни было, по словам Олимпии, Вам не стоит бояться за судьбу мисс Джейн: в этот раз месье Эдуар не смог бы разыграть спектакль, как он это сделал в Париже. Здесь все его знают; священник, который должен их венчать, — настоящий пастор, хотя и протестант. Так что этот брак точно будет действительным. А потому, дорогая, великодушная и добрая мадам Селин, не волнуйтесь, другая женщина не подвергнется тем же страданиям и унижениям, какие выпали на Вашу долю.

Дорогая мама,

ты знаешь, что это я первая увидела Тусси, который приехал за нами вместе с внучкой мадам Женевьевы, той, что долго-долго путешествовала по Европе. Если бы я увидела не Тусси, а Олимпию, я бы ее точно не узнала, потому что она уехала, когда я была еще маленькая.

Месье Эдуар не отпускал меня в цирк; к счастью, миссис Фэйрфакс тоже хотела посмотреть, и она его уговорила. Это было прекрасное представление, лучше марионеток Бобино и бродячих театров на бульварах. Там был такой клоун, мистер Джуп, у него была дрессированная собачка, очень умная, она мне принесла букет, в котором была спрятана записка от Тусси. Эту собачку зовут Весельчак, и он умеет считать даже лучше, чем мисс Джейн. Еще там был такой толстый человек, он сначала плясал на большой бочке, а потом — на бутылочном горлышке. Еще один

мальчик крутил тарелку на палке, а большая семья строила живую пирамиду. Еще там были лошади, на них сверху стояли барышни, даже без седла. Одну из них звали мисс Джозефина Слири, по имени цирка. А еще там был Тусси! Он ходил по канату под самым куполом и делал вид, что сейчас упадет, но не падал. Он мне подмигнул, чтобы я следила внимательно. А Олимпия была одета как Древний Римлянин. У нее была колесница и юбочка в складку, а потом она остановила наших лошадей, когда они понесли, и месье Эдуар взял ее с собой в Торнфильд, потому что он не знает, что она женщина, и я никому не должна про это рассказывать.

Мама, а ты знаешь, что Софи уже собрала мне сундучок, потому что мисс Джейн сказала, что я поеду в колледж? Но это понарошку. Теперь приехал Тусси, и мы вернемся во Францию, а они тут в Торнфильде ничего и не узнают.

От Олимпии пахнет лошадьми. Она сказала, что ты меня ждешь. Я очень рада. А Берта сердится. Она швырнула на пол все чайные чашки и сахарницу, и все разбилось. Я думала, она злится, что я собираюсь уехать с Тусси, и сказала ей: «Ты тоже можешь с нами поехать. Мама разрешила тебе жить с нами в Поммельере». Но она сказала, что сердится из-за свадьбы, что она ревнует, а мисс Джейн не должна выходить замуж.

А мисс Джейн все же выйдет, и они поедут путешествовать с месье Эдуаром в Италию, во Францию и в Вену, где я думала в прошлом году, что ты танцуешь с Фанни Эльслер.

Вот я тебе все рассказала и целую тебя крепко-крепко.

Твоя Деде

Глава пятая. Торнфильд, июль 1838

Торнфильд, июль 1838

1

Какой же красавец мой Тусси! Как он вырос! Теперь он выглядит не мальчиком, а юным джентльменом, хоть и пришел на встречу в старом мятом костюме, какие носят служители цирка Слири. Какое счастье снова встретиться после долгой разлуки! Мне пришлось встать на цыпочки, чтобы обнять его, но я все равно не дотягивалась — и я встала ему на ботинки. Адель была вне себя от радости. Тусси взял ее на руки, и она не хотела слезать, все целовала его, терлась носом о его шею, гладила по голове, зачарованная косичками, которые были так похожи на те, что рассердили мисс Джейн.

Мы никак не могли остановиться. Встреча произошла за зданием сельской управы, с той стороны, куда не выходит ни одно окно, да и прохожих там не бывает. Но если бы кто-то из жителей деревни нас увидел и рассказал об этом в Торнфильде — не знаю, как бы я объяснила такую непринужденность в общении с незнакомцем, вдобавок темнокожим.

Тусси согласился, что нам лучше отложить побег и воспользоваться

экипажем, который повезет Адель в колледж. Сам он дождется в Милкоте дня свадьбы и отъезда молодоженов в Лондон, продолжая работать в цирке, а если что-то случится, Олимпия оседлает лошадь и прискачет в город, чтобы его предупредить. Хотя никаких неожиданностей быть не должно. Осталось всего два дня. Надеюсь, они пролетят незаметно. Я считаю часы с большим нетерпением, чем жених и невеста.

2

Завтра уже канун свадьбы. Адель не находит себе места. Бедная девочка, ее можно понять. Хранить столько секретов, таить радость от встречи с Тусси, обманывать свою ненаглядную «мадемуазель Жанетт», которую она любит больше, чем гувернантка может себе представить. Адель никогда в жизни не была на свадьбе, и она была очень разочарована, когда узнала, что не сможет нести шлейф свадебного платья, не попадет в церковь и не будет присутствовать при венчании. Но так решил мистер Рочестер: никаких гостей, только жених, невеста, пастор и свидетель — викарий Джон Крин. В утешение я пообещала ей, что она первая увидит свадебное платье. Его доставили из Лондона в почтовое отделение в Хэе в такой огромной коробке, что Олимпии-Дженнаро придется ехать за ним в карете. Миссис Фэйрфакс попросила меня сразу примерить его на мисс Джейн и поправить все, что потребуется. Эти англичанки презирают наше чисто французское пристрастие к туалетам, но, когда им самим нужно нарядиться, они не стесняются прибегать к нашему опыту и просить о помощи. Если бы они знали, как я ненавижу шить! Лучше бы они обратились к Грейс Пул. Но, кажется, невеста питает к швее глубокую неприязнь — на это указывает множество мелких признаков. Она как будто вместе и презирает ее, и боится.

Возможно, она заметила излишнее пристрастие Грейс к алкоголю и осуждает ее, следуя суровым принципам своей религии.

Мистер Рочестер уехал верхом на Мансуре в какое-то из своих отдаленных владений, чтобы уладить последние дела перед отъездом на континент. Его не будет до завтрашнего дня. Мисс Джейн нервничает.

Она завершила все приготовления, ей больше нечем занять свое время, в доме она находиться не может, а потому ходит быстрым шагом туда-сюда по лавровой аллее, как будто спешит сама не зная куда. Часть моей души хотела бы крикнуть ей: «Уходите, мисс, пока не поздно! Вам не сидится на месте, вот и бегите прочь из замка Синей Бороды».

Другая же часть подсказывает мне молчать и соблюдать осторожность. Мой долг — вернуть Адель матери, а не спасти гувернантку от несчастий, которые отец Адели принесет ей в будущем.

3

Олимпия воротилась с огромной коробкой от лондонского портного и помогла мне занести ее в комнату гувернантки. Роль помощника кучера и лакея очень ее забавляет, а выданная ей ливрея — как будто на нее шита — отлично сидит. Она рассказала мне, заливаясь смехом, что Ли, принимая ее за юношу, строит ей глазки и под любым предлогом пытается остаться с нею наедине. Она попросила, чтобы «Дженнаро» прокатил ее в новой карете, потому что ей якобы тоже нужно было забрать какой-то конверт на почте в Хэе.

Там они встретили некоего чужака, выяснявшего у служащей почты, не проживает ли где-то поблизости мистер Рочестер.

— Это наш хозяин, — вмешалась в разговор Ли. — Если вы хотите послать ему записку или визитную карточку, можете передать с нами.

— Спасибо, я предпочту увидеться с ним лично, — ответил джентльмен. По словам Олимпии, выглядел он весьма пристойно и разговаривал властно, как человек, привыкший повелевать. Однако Ли, в восторге от поездки в карете, вовсе не смутилась.

— Тогда поспешите, — сказала она незнакомцу, — ведь послезавтра он уедет в Лондон.

— Благодарю вас за ценные сведения, — ответил незнакомец, приподнимая цилиндр на прощание. Олимпия предположила, что это был адвокат или деловой человек: при себе он имел кожаный саквояж для бумаг. Однако было непонятно, намеревается ли он посетить Торнфильд завтра или решил отложить свой визит на другое время.

Олимпии было так же любопытно, как и мне, взглянуть на подвенечное платье; однако Дженнаро такое любопытство не пристало, поэтому он не стал ждать, пока мы откроем коробку. Он отправился в сад — позвать гувернантку, а я спустилась в гостиную миссис Фэйрфакс за Аделью.

Платье было шелковое, жемчужного цвета, очень простого кроя и без шлейфа. Будь оно чисто белым, маленькая и худенькая мисс Джейн казалась бы в нем не невестой, а девочкой, идущей к первому причастию. Еще она примерила перед зеркалом старинную кружевную вуаль, при виде

которой Адель вскрикнула от восхищения.

— Она дороже любой драгоценности, — заметила мисс Джейн без особого восторга. — Я бы предпочла что-нибудь поскромнее. Но раз уж ею украшали себя в день свадьбы все невесты рода Рочестеров, придется и мне.

Если бы я не боялась расстроить мадам Селин, спросила бы ее по возвращении во Францию, пересекала ли эта вуаль Ла-Манш восемь лет назад — перед их с месье Эдуаром фальшивым бракосочетанием.

Платье сидело замечательно, не пришлось ни подшивать подол, ни даже переставлять застёжки. Когда она снова переоделась, я аккуратно повесила платье в гардеробной, а рядом разложила вуаль.

4

Адель устала, она вместе с Мэри весь день собирала Вороньем лесу землянику для свадебного торта. Я уложила Деде пораньше, а когда она заснула, пошла на конюшню к Олимпии. Нам еще столько всего надо было рассказать друг другу, о стольком расспросить, и как же мне хотелось наконец излить свои чувства в разговоре с человеком, который знает меня и уважает и который видит во мне меня, а не ту, кем я притворяюсь.

Мы собирались выйти с ней прогуляться по саду за домом, но после заката погода переменилась, набежали тучи, подул ветер. Поэтому мы остались в ее комнатке и болтали до глубокой ночи, сидя на ее раскладной кровати. Время от времени мы представляли себе, что бы подумала Ли, если бы застала нас вместе, и на нас накатывали приступы безумного смеха: горничная точно обвинила бы меня в кокетстве с итальянским конюхом, а может, даже устроила бы сцену ревности.

В свою комнату я возвращалась за полночь. Все окна в доме были уже темны, но полная луна ярко освещала фасад Торнфильда и зубцы на крыше.

— Какая странная архитектура, — заметила Олимпия, которая вышла меня проводить. — Похоже на средневековый замок.

— Ты хочешь сказать, на старинное аббатство, в котором по углам спрятаны скелеты, как в Нортенгере? — засмеялась я.

— Прислушайся, — она прервала меня, посерьезнев, — кто-то плачет.

Олипию не так легко напугать, как героиню романа мисс Остин. Поэтому я наострила уши. Вскоре я и впрямь услышала странные звуки, что-то вроде низкого протяжного завывания.

— Может, ветер воет в трубах? — предположила я, успокаивая скорее

себя, чем свою спутницу.

— Может, собака оказалась за запертыми воротами? — заметила Олимпия.

— А что, если это Адель проснулась и не нашла меня в кровати, — воскликнула я. Деде меня заботила больше привидений.

— Ты права. Беги скорее, успокой ее, пока она весь дом не перебудила, — подтолкнула меня Олимпия.

Я вошла через кухню, от которой у меня были ключи. В доме было темно и тихо. Тот звук, что перепугал нас с Олимпией, — будь то ветер, ребенок или собака — утих, а может, он и правда доносился не из дома. Я сняла туфли и на цыпочках пересекла холл; держась за перила, поднялась по лестнице и оказалась на галерее, куда выходят двери всех комнат. В дальнем ее конце двигалось, помаргивая, пламя свечи. У меня сжалось сердце: я узнала белую ночную сорочку Адели. В мгновение ока я подбежала к ней.

— Что ты тут делаешь? Куда ты пошла? — спросила я шепотом, но резко. Я злилась скорее на саму себя за тот ужас, который меня внезапно охватил.

— Тебя не было! — В голосе Адели звучала обида. — А Берта не могла найти дорогу домой, и мне пришлось ее проводить.

— Хватит уже про эту Берту! — почти крикнула я в отчаянии. — По ночам все друзья спят: и воображаемые, и живые. Немедленно возвращайся в постель!

— Берта не такая, как ты говоришь, — сказала Адель упрямо.

— Я знаю. Берта такая, как говоришь ты. Но у меня Пиполет спал по ночам, и ты, пожалуйста, привей своей подруге эту прекрасную привычку.

— Берта — не придумка из воздуха, как ты всегда говоришь. Она не делает, как я хочу. Она даже свою воспитательницу не слушается.

— Адель, хватит! Я устала от твоих фантазий. И я никогда не говорила, что Берта летает по воздуху. Идем спать!

Я взяла свечу из ее руки, и мы направились к нашей комнате. Проходя мимо спальни гувернантки, я заметила, что дверь приоткрыта.

— Адель, ты же не ходила надоедать мисс Джейн?

— Я-то нет.

Я хотела было спросить: «А кто тогда?» — но мне уже надоела эта глупая ребяческая перепалка, поэтому я просто решила закрыть дверь. Но в этот момент заметила что-то белое на полу. Я встревожилась и заглянула в комнату. Гувернантка спала в своей кровати; сон ее был беспокойным, она вздыхала, ворочалась, обнимала подушку. Вполне в порядке вещей для

невесты за день до свадьбы. На полу белела вуаль. Та самая, которую я собственноручно разложила на сундуке в гардеробной.

Я подумала: «Нет, тут уж Адель перешла все границы». Конечно, она расстроилась, что ее не возьмут в церковь, и конечно, любую девочку притягивают подвенечные наряды. Но войти в чужую комнату ночью, чтобы примерить перед зеркалом кружевную вуаль, — это слишком! Это никак не называется хорошим воспитанием.

Я решила, что, хотя завтра — наш предпоследний день пребывания в Торнфильде, Деде должна быть наказана. Я закрыла дверь мисс Джейн, стараясь не шуметь. Вуаль я оставила на полу, потому что побоялась разбудить и напугать гувернантку. Ветер снаружи завывал все сильнее, в библиотеке дребезжали стекла в оконных рамах. Когда мисс Джейн проснется, она подумает, что это ветер подхватил вуаль и швырнул из гардеробной на пол около кровати. Тогда она не будет сердиться, а я накажу Адель сама.

5

Сегодня ветер дует еще сильнее. Все стекла дрожат, некоторые окна распахиваются. Деревья в парке гнутся под его порывами. К тому же пошел дождь, лужайка перед домом превратилась в болото. Я уже второе лето в Англии, но не представляла себе, что в июле может быть так холодно. Ли попросила меня помочь ей разжечь камин в гостиной миссис Фэйрфакс, и я видела, как Грейс Пул несет на третий этаж два ведра угля. Ей единственной из слуг дозволено топить свою комнату в любое время, и она, по всей видимости, с удовольствием пользуется этой привилегией. Мэри говорит, что в комнате швеи огонь горит в камине круглый год.

С утра я много думала о том, как наказать Деде, чтобы это было не жестоко, но навсегда отбило у нее желание вольничать с чужими вещами. Я решила, что запрещу ей в течение всего дня выходить из комнаты. Я знала, что Мэри разрешила ей прийти на кухню и помочь украшать торт земляникой, которую они набрали накануне, а миссис Фэйрфакс пообещала ей партию-реванш в трик-трак, потому что вчера Адель ей проиграла. К тому же у нее уже были приготовлены кусочки сахара, заботливо спрятанные в ящике комода. Олимпия, в отличие от Джона, умеет успокоить лошадей, так чтобы Деде могла к ним подойти.

Как только Адель проснулась, я сообщила ей, что от всех этих столь желанных ей занятий придется отказаться. Для верности я не стала ее

одевать и сказала, что запру на ключ все ее платья.

— По-твоему, я постесняюсь выйти в ночной сорочке? — спросила Адель с вызовом.

— Дверь я тоже закрою на ключ. Ты должна научиться вести себя прилично. Ты вчера ночью поступила очень дурно.

— Это не я, это Берта!

— Хорошо. Значит, вы с Бертой будете вместе наказаны на весь день.

— Так нечестно! Берта уже давно сидит наказанная. А я ничего плохого не делала. Ты злая, Софи! Не люблю тебя больше.

У меня сжалось сердце, когда она заплакала. Но воспоминание о ее бестактности по отношению к гувернантке, а в еще большей степени об охватившем меня ужасе, когда я увидела свечу, дрожащую в ее руке в конце темной галереи, придали мне решимости.

— Я все расскажу Тусси, когда он за нами придет!

— Отлично. Лучше даже напиши ему письмо. И в правописании поупражняешься, и время пролетит незаметно.

Я закрыла за собой дверь, положила ключ в карман фартука и пошла искать мисс Джейн, чтобы узнать, заметила ли она ночное вторжение. Я застала ее в дверях: она собиралась выйти из дома, закутавшись в теплую шаль и туго завязав чепец под подбородком.

— Вы простудитесь, — сказала я. — Если вам что-то срочно надо купить, пошлите Ли, а еще лучше Дженнаро.

— Нет, Софи, мне ничего не нужно. Я не нахожу себе места и хочу пройтись, чтобы успокоиться.

— Но там же ливень, мисс Джейн! И страшный ветер!

— Я тепло оделась. И я люблю ветер.

Потом она посмотрела мне в глаза, как будто решала, можно ли мне довериться, и, видимо, решила, что можно, поэтому сказала:

— Ночью мне приснился кошмарный сон. Я надеюсь, что моцион и усталость помогут мне прогнать тревогу.

Я уже хотела было ответить: «Не бойтесь, это был не сон. Это Адель, но я ее уже наказала». Однако мисс Джейн продолжила:

— Мне приснилось, что Торнфильд разрушен. Стены обвалились, остался только фасад с пустыми окнами. И над руинами кружит и каркает стая ворон.

— Несчастья снятся к удаче, мисс, — сказала я ей, облегченно вздохнув: ведь это означало, что она не заметила вторжения своей ученицы. — А развалины — к процветанию. Вы будете в этом доме счастливы и богаты.

— Да услышит Господь твои слова! — воскликнула она. Лицо ее было бледно, глаза ввалились. Я вспомнила, как беспокойно она спала в те мгновения, когда я видела ее ночью. Может, лучше было ее разбудить и освободить от кошмара.

— Хотите, я поглажу ваше подвенечное платье? Освежу вуаль? — спросила я, надеясь услышать что-нибудь о сброшенной на пол вуали.

Но мое любопытство не было удовлетворено.

— Нет, — резко ответила гувернантка. — Я все уже сделала сама. Ты только должна завтра утром прийти и помочь мне одеться.

Она открыла дверь и шагнула навстречу ветру, который подхватил ее и понес к воротам, раздувая юбки и концы шали.

6

Около одиннадцати Олимпия пришла в дом, чтобы забрать багаж месье Эдуара и погрузить его в карету. Я, сделав вид, что Дженнаро требуется помощь, проскользнула за ней на конюшню. Джона не было: он отправился в сад ставить подпорки, чтобы ветер не переломал розы. Так что мне удалось выговориться, поведав подруге о ночной эскападе Адели.

— Не знаю, что с нею происходит в последнее время. Очевидно, она сильнее привязана к гувернантке, чем я думала, и ей невыносима мысль, что «мадемуазель Жанетт» выходит замуж за месье Эдуара. — Я была в отчаянии.

— А ты не думаешь, что она может, наоборот, ревновать месье? — спросила Олимпия. — Возможно, она хочет, чтобы он принадлежал только ей. Адель знает, что опекун — ее отец?

— Она знает, что он это отрицает. В разговорах с мисс Джейн он называет ее «девчонкой, которую прижила французская танцовщица». Он много раз повторял, что занимается ею не потому, что она — его дочь, а из милосердия, чтобы искупить грехи своей юности. Гостям из Лиса он представил ее как сиротку, отданную ему на попечение, не упоминая при этом, кем отданную. А дети ведь слушают, что говорится вокруг, и делают выводы. К тому же она знает, что ее фамилия Варанс, а не Рочестер, и он всегда требовал, чтобы Адель называла его на «вы».

— Гадкий лицемер! Мужчинам и законы, и обычаи позволяют избегать всякой ответственности! — в негодовании воскликнула Олимпия. — И даже лучшие из них пользуются этой привилегией. Посмотри на Руссо! Все восхищаются его благородными теориями о воспитании, но если бы

родители стали следовать его примеру, они бросали бы своих новорожденных младенцев на ступенях церкви.

Я не знала, злиться мне или смеяться. Олимпия не изменилась со школы. Она по-прежнему при любой возможности воспламенялась и обличала несправедливость общества по отношению к нашему полу.

— Ну, в нашем случае удачно, что по закону мистер Рочестер не имеет никаких прав на Адель; так что, когда мы добремся до Франции, у него не будет возможности отнять ее у матери.

— Ты права, Софи. Но вспомни, что сделала бабушка по отцу бедняжки Авроры Дюпен!

Я хорошо знаю историю Авроры Дюпен, которая теперь подписывает свои романы как Жорж Санд: она была частой гостьей салона мадам Селин, когда был жив Гражданин Маркиз. Отец ее был аристократом, а мать — простолюдинкой. Когда отец умер, то знатная и богатая бабушка, не имевшая других законных наследников, оторвала ее от матери, к которой девочка была очень привязана, и разлучила их навсегда.

Мне наскучили пламенные речи Олимпии. Я вдруг отчаянно захотела увидеть свою Адель, у меня сжалось сердце, когда я представила ее запертой на ключ в комнате, мне казалось, я слышу ее голосок: «Так нечестно! Ты злая!»

Я решила, что наказание было уже достаточно длительным, попрощалась с Олимпией и вернулась в дом, чтобы освободить бедную узницу.

Когда я открыла дверь, я увидела, что Адель лежит на полу, полностью погрузившись в чтение. По картинкам я тут же узнала книгу, это были «Сказки Матушки Гусыни» Шарля Перро, по которым прошлым летом у Фредериков я учила ее читать.

— Если хочешь, теперь можно умыться и одеться, чтобы спуститься к обеду с миссис Фэйрфакс, — сказала я. Я боялась, что она будет холодна или скажет опять: «Ты злая! Не люблю тебя больше!»

Но она встала и принесла мне книгу, открытую на сказке про Синюю Бороду. И спросила серьезно:

— Я не могу понять одного, Софи: почему мужчине, чтобы жениться на новой жене, нужно обязательно убить всех предыдущих?

— Это не так, радость моя, — ответила я с чувством глубокого облегчения, потому что в ее словах не было больше обиды. — Синяя Борода был очень плохим человеком, к тому же это не настоящая история, это — сказка. В реальной жизни вдовцы и вдовы женятся и по второму разу, когда их предыдущие супруги умирают из-за болезни, несчастного

случая или от старости.

— Все равно, — настаивала Адель, — сначала они должны умереть! А пока первая жена жива, мужчина не может жениться на другой девушке.

— Это не так. В тех странах, где есть развод, может. Ты же знаешь, кто такой Наполеон?

— Да, он был другом Гражданина Маркиза, он боролся за свободу Франции, а потом они поссорились, потому что крестный не любил королей и императоров.

— Верно. Так вот, Наполеон был женат на одной даме, ее звали Жозефина. Он прожил с ней тринадцать лет и устал от нее; тогда он развелся и женился на принцессе Марии-Луизе, дочери австрийского императора. При этом ему вовсе не понадобилось убивать Жозефину, потому что Великая революция разрешила разводы.

— А мисс Джейн говорит, что женятся на всю жизнь и потом уже нельзя передумать.

— Теперь и во Франции тоже так. Реставрация отменила развод. А почему тебя заинтересовала эта тема?

— Потому что мне не нравится, что Синяя Борода заталкивает всех этих девушек в комнату, полную крови, и убивает их там.

Дети все же очень странные создания. Ведь столько сказок кончается свадьбой и счастливым браком до гробовой доски: «Жили они долго и счастливо». Почему же Адель накануне свадьбы мисс Джейн не может оторваться от Синей Бороды?

После обеда Адель осталась в маленькой гостиной играть в трик-трак с миссис Фэйрфакс. Я бы с удовольствием с нею прогулялась, но дождь все еще шел, и ветер дул так сильно, что только самые беспокойные души, вроде мисс Джейн, могли в такое ненастье вышагивать туда-сюда по аллее. Мистер Рочестер приехал, когда мы уже легли, и гувернантка вернулась в дом вместе с ним.

Адель спала; может быть, во сне она видела Синюю Бороду. Я же ворочалась и не могла заснуть. Я думала о Тусси. Вдруг ветер порвал в клочья их шатер? Или все же мистер Слири на всякий случай отменил представление? Где он сейчас, мой друг? Спит с остальными циркачами в фургоне? Или где-то на постоялом дворе? В эту мою предпоследнюю ночь в Торнфильде я пыталась представить себе весь наш побег: как мы сначала доберемся до побережья, а потом — наконец-то! — до Поммельера.

Полночь уже давно пробила, а я все не могла заснуть. И тут я услышала, как поворачивается ручка двери, и увидела полоску света на полу.

— Мисс Джейн! Что случилось? Вам что-нибудь нужно? — спросила я, узнав тоненькую фигурку, проскользнувшую в спальню.

— Ты еще не спишь, Софи? Прости. Я решила, что сегодня буду спать с Аделью, — прошептала гувернантка; она уже переделалась ко сну. — Не забудь завтра проснуться пораньше. Ты должна помочь мне с подвенечным платьем.

Пока я думала, откуда вдруг взялась такая нежность к моей девочке, мисс Джейн сделала странную вещь. Она подошла к двери, закрыла ее на засов и трижды проверила надежность запора. Потом она забралась в постель к Деде и задула свечу.

7

Я проснулась в шесть часов утра, но гувернантка уже ушла. Я быстро умылась, оделась и побежала к ней в комнату. Увидев ее, я не удержалась от возгласа.

— Как вы бледны, мисс Джейн! Вам плохо спалось? Адель пинала вас во сне?

— Нет. Бедная девочка! Знала бы ты, Софи, как мне жаль с нею расставаться.

«Ага, значит, несмотря на резкость и холодность в обращении, у тебя все же есть сердце», — подумала я с удивлением и чуть не сказала ей в утешение: «Но вы же вернетесь».

К счастью, я вовремя удержалась. Мисс Джейн, конечно, знала, что по возвращении в Торнфильд она не застанет здесь свою воспитанницу. Если она так любит Адель, как она может допустить, чтобы мистер Рочестер отправил девочку в колледж? Ведь сама она столько натерпелась в Ловуде.

Гувернантка была уже умыта и причесана и ждала в сорочке и кринолине, чтобы я помогла ей надеть платье. Удивительно, насколько же моложе она казалась в этом простом светлом платье! Я уложила ей волосы.

— А теперь вуаль. Где же она? — Мне хотелось убедиться, что ручки Адели не оставили следов на драгоценном кружеве.

— Вот, — ответила мисс Джейн, указывая на прямоугольник простого белого, ничем не украшенного шитья, разложенный на кровати.

— А где же та, другая? Кружевная? Семейная вуаль Рочестеров? — Я была в изумлении. — Где она?

— Мне больше нравится эта, — ответила гувернантка не терпящим возражений тоном. — побыстрее, пожалуйста. Ты знаешь, что хозяин не

любит ждать.

Ей так не терпелось поскорее увидеть Рочестера, что, едва я закончила закалывать, она выбежала из комнаты, даже не взглянув в зеркало. Я последовала за ней, но на лестнице остановилась, чтобы посмотреть, как воспримет Рочестер отсутствие фамильного кружева.

Месье, однако, и глазом не моргнул. Он покружил невесту, чтобы полюбоваться ею со всех сторон, и сказал восторженно:

— Вы прекрасны, как лилия! Джейн Рочестер, невеста моя, — вы гордость моей жизни и свет моих очей.

Потом он вернулся к своей обычной резкой манере и приказал ей завтракать.

— Даю вам не больше десяти минут!

Но гувернантка была так взволнована, что отказалась есть.

Тогда месье схватил ее за руку и потащил к дверям.

К счастью, за ночь погода переменилась. На улице было тепло и ясно.

Миссис Фэйрфакс и все слуги выстроились в холле в своих парадных нарядах, но хозяин дома не дал им времени поздравить невесту. Он решительно устремился к выходу, держа ее за запястье и волоча за собой, и быстрым шагом пошел по аллее к воротам. Церковь была почти сразу за воротами. Они уже подходили к ней по дороге.

— Уф, — вздохнула Мэри. — Какая спешка! Как будто пожар.

Ли вышла во двор поговорить с Дженнаро, который проверял, крепко ли увязан багаж. Я же вместо приветствия подмигнула помощнику кучера и пошла наверх поднимать Адель.

— Никогда бы от тебя такого не ожидала, — сказала я ей с укором, пока причесывала. — Ты, оказывается, испортила вуаль мисс Джейн. Ты так ее изгвадала, что она не смогла ее надеть!

— Я же сказала, что это не я. — В голосе Деде послышались слезы. — Это сделала Берта. Почему ты не веришь мне, Софи?

— Потому что воображаемые дети не портят вещи. Ты перегнула палку, Адель. Перестань перекладывать свою вину, когда ты плохо себя ведешь, на несуществующую девочку.

— Берта — не девочка. — Адель всхлипнула и резко отдернула голову из-под гребня. — Я тебе никогда не говорила, что она ребенок. Она взрослая женщина. И она вовсе не из воздуха и не воображаемая, как ты утверждаешь. Вот я тебе покажу, существует она или нет.

Она схватила меня за руку так же яростно, как незадолго до этого мистер Рочестер свою невесту — за запястье, и потянула меня вон из комнаты, затем по галерее и вверх по крутой и узкой лестнице, ведущей на

третий этаж.

На ходу Деде плакала от обиды и шмыгала носом. Я следовала за ней в растерянности. Не понимала, что она намерена сделать. Мы остановились перед дверью, которая ведет в комнату, где занимается шитьем Грейс Пул. Адель постучала. Швея отозвалась изнутри.

— Кто там? — Голос ее был ясный и совершенно трезвый.

— Это Адель, — ответила моя малышка. Мы услышали, как отодвигается засов. Дверь приоткрылась. Увидев меня, Грейс Пул вскрикнула от удивления и гнева.

— Нет! Я же говорила, чтобы...

Она попыталась преградить нам путь.

Но Адель уже проскочила в комнату, обогнув внушительную фигуру швеи.

— Берта!

Ей ответил глуховатый голос взрослой женщины, говорившей с иностранным акцентом:

— Я тут, радость моя! Я всегда тут.

Грейс Пул развела руками.

— Вы же никому не расскажете?! — В голосе ее были одновременно мольба и угроза. — Вы же сохраните секрет этой бедняжки и принесете ей немножко утешения, как вот уже почти год делает этот великодушный ребенок?

Потом она отодвинулась и позволила мне войти.

8

Следовало бы лучше прислушиваться к тому, что нам говорят дети, а не истолковывать их слова в соответствии с собственными предубеждениями; ведь так же было и с Дагобертой, когда Адель твердила, что кукла стала тяжелее, а мы не обращали внимания.

Берта существует. Она живет в этой комнатке без окон уже больше десяти лет. Ее заточили сюда в 1827 году. Когда месье Эдуар ухаживал за мадам Селин, дожидаясь ее у выхода из Опера, инсценировал женитьбу, жил с нею в Париже — все это время Берта была узницей и дрожала в этих глухих стенах от холода и тоски. Вот почему он так часто возвращался в Англию «заниматься делами».

В этой ситуации бессмысленно было притворяться, что я не понимаю по-английски: ведь Грейс Пул незачем раскрывать мой секрет.

Грейс объяснила мне, что Берту держат взаперти, потому что она — позор Рочестеров. Сама же швея присматривает и ухаживает за ней. Слово «воспитательница», которое использовала Адель, подкрепляло мои представления о том, что речь идет о ребенке. Грейс утверждает, что не знает, в каком родстве состоят Берта и хозяин дома. Может, она его далекая кузина, а может, незаконнорожденная сестра. На самом деле в них есть некоторое сходство. Она высокая, смуглая, с густыми черными кудрями, в которых поблескивают редкие седые волосы. Только глаза у них совсем разные. У нее они тоже черные, как и у месье, но такие грустные, что заглянешь в них — и хочется плакать. Берта родилась в колониях, поэтому ей все время холодно и Грейс Пул поддерживает огонь в камине круглый год. Сейчас она кажется спокойной, как будто приняла свою участь, но надзирательница рассказывает, что ее подопечная одержима идеей бежать и вернуться в родные края. А там нет никого, кто бы мог о ней позаботиться. Мистер Рочестер, являя доброту, содержит ее тут со всеми удобствами и даже с отдельным человеком, который за ней ухаживает. А она, бедняжка, все не может смириться. То и дело впадает в буйство, крушит все, что попадает под руку, пытается выломать дверь, дерется с теми, кто ее удерживает, бьет себя кулаками по голове, колотится головой об стену — приходится ее связывать.

Я вспомнила, как Тусси описывал отделение «буйных» в Сальпетриере: там связывали и мадам Селин, хотя она была кротка и безобидна.

— Ты бы тоже впала в ярость, если бы тебя вечно держали тут взаперти, — заметила Деде.

— Ты говорила, ее наказали, потому что она плохо себя вела. Что она натворила? — Адель в ответ пожала плечами. Тогда я обратилась к Грейс Пул.

— Что значит «позор Рочестеров»? Кто приговорил ее к вечному заточению в этой комнате? Для расследования преступлений существует суд.

Тут я вспомнила о страшных «письмах с печатью» Старого Режима, с помощью которых аристократ мог избавиться от своих врагов навсегда.

— Она сумасшедшая, — ответила мне надзирательница.

— Сумасшествие — не позор! — возмутилась я. — У самого великого нашего поэта Виктора Гюго был несчастный брат в лечебнице Шарантон — парижском сумасшедшем доме, и месье Гюго никогда этого не скрывал.

— Но женщина может... Вы еще слишком молоды, вам не понять...

Нашу беседу прервал гул взволнованных голосов. Спорили входящие в

дом мужчины.

— Молодожены! Они вернулись! Скорее! Вас не должны здесь застать, — воскликнула Грейс Пул и вытолкала нас из комнаты.

Мы помчались вниз по лестнице и были внизу как раз вовремя, чтобы услышать как мистер Рочестер резко говорит миссис Фэйрфакс:

— Никаких поздравлений! Опоздали на пятнадцать лет.

Пастор Вуд в растерянности объяснил старой даме:

— Бракосочетание совершить не удалось.

Мисс Джейн была бледна как смерть. Вслед за пастором в дом вошли двое незнакомцев. Вошедшие, все впятером, устремились вверх по лестнице. Мы пропустили их и слышали, как мистер Рочестер бросил с презрением одному из незнакомцев:

— Не бойся, Дик, сегодня у нее нет ножа.

Дик? Присмотревшись, я узнала в одном из незнакомцев мистера Мейсона. Мне тут же пришли на ум пятна крови на лестнице, я содрогнулась и крепче прижалась к себе Адель.

— Я же тебе говорила, — прошептала Деде, — что Берта укусила своего брата. Она ему написала письмо: приезжай меня освободить. Он приехал, но не стал помогать ей бежать. Он ей загородил дверь. И тогда она... Они все врут! Она не резала его ножом. У нее нет ножа. Грейс Пул все время следит, она бы отняла у нее нож. Берта его просто укусила!

Мы тоже поднялись на цыпочках и прислушались. Мистер Рочестер сказал с горьким смехом:

— Мейсон прав, господин пастор. Так же, как и адвокат Бриггс. Бракосочетание, которое вы должны были совершить, сделало бы меня двоеженцем. Женщина, на которой я, к несчастью, женился в ранней юности, еще жива, она здесь. Представляю ее вам.

Когда я слышала эти слова, у меня будто пелена спала с глаз, и мне пришлось ухватиться крепче за перила, чтобы не упасть.

К тому же в ответ на последние слова хозяина раздался такой же дикий вопль, который я помнила — да и как такое забудешь? — с той самой апрельской ночи. Адель заметила совершенно спокойно:

— Они рассердили Бертю. Сейчас она что-нибудь разобьет. — Потом посмотрела на меня удивленно и спросила: — Почему ты плачешь, Софи?

себя и не хочет ни с кем говорить. Месье Эдуар сидит перед ее дверью и терпеливо ждет, когда она ему откроет. Кажется, он просто не замечает того, что происходит в доме.

Адель сказала, что хотела бы пойти утешить Берту. Но я не могла отпустить ее одну. У меня мурашки бегут по спине, когда я представляю себе, сколько времени на протяжении этих месяцев моя девочка провела в комнате с буйно помешанной, пока я считала, что она невинно забавляется детскими играми с воображаемой подружкой! Бедная Деде! Она говорила мне правду, а я не верила. Теперь-то у меня нет никаких сомнений, что это Берта заплетала Адели ямайские косички и поджигала постель своего тюремщика перед его отъездом в Лис. Это Берта ранила мистера Мейсона, хотя Адель и отказывается верить, что она могла во время какой-нибудь из своих ночных вылазок завладеть ножом. А услышанный мною вопль «Ради бога, Рочестер!» был не обвинением, но просьбой о помощи. Берта проникла в спальню мисс Джейн и испортила вуаль, которую, конечно, когда-то надевала сама — как «все невесты Рочестеров». Она растерзала вуаль, чтобы соперница не могла покрыть ею голову. Каким же образом ей удалось целых три раза сбежать из своего заточения? Впрочем, ответ очевиден, если вспомнить о пристрастии Грейс Пул к спиртному и о том, что, напиваясь, она проваливается в глубокий тяжелый сон.

Просто чудо, что с Аделью не случилось ничего плохого! Грейс, правда, утверждает, что душевнобольные не бывают агрессивными с детьми и что только малыши в состоянии утихомирить буйство ее подопечной. До нашего прибытия в Торнфильд, когда в поместье заходила нищенка с детьми, Грейс давала ей денег, чтобы та позволила детям подняться на третий этаж, попоудничать с пленницей и развеселить ее. Она утверждает, что это одобрял и доктор Картер, который, единственный во всем...ширском графстве, знал о том, что в доме есть узница.

Адель настояла, чтобы я поднялась с ней, но оказалось, что Берта уже спит, потому что Грейс Пул, чтобы успокоить несчастную, заставила ее принять изрядную дозу опиумной настойки. Насколько я поняла, эта настойка здесь весьма в ходу — ведь ее прописал доктор, хотя пациентке она совсем не по вкусу. Надзирательнице приходится, чтобы она не выплевывала снадобье, подмешивать его в еду или в чай. Деде так обессилела от всего пережитого, что я уложила ее пораньше и, прежде чем отправиться на конюшню к Олимпии, закрыла дверь нашей спальни на ключ.

Впрочем, Олимпия оказалась в доме — на кухне, с прислугой. Викарий Джон Крин, состоявший в родстве с Ли, пришел рассказать, как

все было в церкви, и все жадно его слушали. Он сказал, что когда пастор Вуд произнес полагающийся по обряду вопрос — не существует ли какого-либо препятствия заключению этого брака, — из глубины церкви к изумлению всех присутствующих выступил никому не знакомый человек. Он представился как адвокат Бриггс из Лондона и заявил, что действует в интересах дяди мисс Эйр, проживающего на острове Мадейра. Этот дядя намерен воспрепятствовать тому, чтобы его племянница была обманута и вовлечена в преступное двоебрачие. Ибо мистер Рочестер — женат. Бриггс зачитал свидетельство о браке, заключенном в Спаниш-Тауне на Ямайке, и представил свидетеля того бракосочетания — мистера Мейсона, брата жены мистера Рочестера, который заявил, что видел ее живой в Торнфильде несколько месяцев назад.

Вот почему, будучи у нас в Париже, мистер Мейсон никак не мог поверить, что мадам Селин замужем за его зятем! Вот почему месье Эдуар, когда прочел его письмо, рассердился, потом признался мадам, что их брак был фикцией, и бросил ее. Возвращение мадам на сцену Опера и ревность были всего лишь предлогом! Очевидно, что в письме Мейсон приказывал ему прекратить этот фарс и угрожал разоблачить как двоеженца.

И именно поэтому, когда в апреле разнеслась весть о том, что Рочестер планирует жениться на мисс Бланш Ингрэм, Мейсон приехал в Торнфильд. Он хотел отговорить мужа своей сестры от этого шага.

Оказалось, что Мейсон знаком с дядей гувернантки, живущим на Мадейре. Мейсон там поправлялся после ножевого ранения, когда пришло письмо от мисс Джейн, сообщавшей дяде о скором замужестве. Тогда мистер Эйр договорился с Мейсоном, чтобы тот немедленно вернулся в Англию и воспрепятствовал заключению этого брака.

После викария говорила Мэри. Они с мужем нанялись в Торнфильд одиннадцать лет назад, когда мистер Рочестер уволил всю старую прислугу и набирал новых людей. Мэри знала, что в доме есть какая-то узница, но никогда ее не видела и, конечно, не подозревала, что это жена хозяина. Она слышала от Грейс Пул, что родственникам пришлось ее изолировать, потому что это была очень изворотливая женщина, которая испытывала страсть к мужчинам, ко всем подряд, и в молодости была уличена в множестве постыдных связей, даже с чернокожими рабами со своих плантаций в Вест-Индии.

Во время этого рассказа я увидела, в какое волнение пришла Олимпия: она еле сдерживалась, и я легко могла угадать ее мысли. Мужчина, холостяк ли, женатый, может иметь любые связи и романы со всеми женщинами, с какими только пожелает, он может даже ходить по домам

терпимости, и общество его не осудит. Мистер Рочестер был любовником мадам Селин и имел множество других историй, о которых без всякого стеснения рассказывал гувернантке. Никто и не подумал запереть его в комнате без окон, привязывать к стулу и на протяжении десяти лет одурманивать опиумной настойкой! Крестный говорил, что это лекарство — наркотик; если принимать его подолгу, оно ослабляет организм и замутняет разум хуже алкоголя.

Я знаю, что означают горящие глаза и решительное выражение лица моей подруги. «Эта бедная жертва мужского насилия не должна оставаться навеки в своем заточении. Мы должны ее освободить! Даже если нам придется везти ее с собой во Францию».

Олимпия не знает, что Адель, не читавшая сочинений Мэри Уолстонкрафт, уже пообещала то же самое Берте.

10

Сейчас одиннадцать часов утра. Олимпия укладывает в карету сундучок Адели и узелок с моими вещами. До этого ей пришлось отвязывать багаж мистера и миссис Рочестер, который не последует за ними в свадебное путешествие по Европе. Мы с Аделью готовы, одеты в дорожные платья и ждем в холле. Мы уже попрощались с миссис Фэйрфакс и прислугой. С обеих сторон были пролиты слезы. Правда, после всех треволнений и неожиданностей вчерашнего дня и сегодняшнего раннего утра обитатели Торнфильда, кажется, утратили способность к сильным чувствам и переживаниям. Мэри удивилась, что Грейс Пул не пришла попрощаться. Миссис Фэйрфакс заметила:

— Она такая странная... к тому же в такой момент ей, наверное, непросто оставить свою больную.

Меня тоже не удивило отсутствие Грейс. Я знала, что она спит в кровати Берты глубоким сном, тому виной — изрядная доза опиумной настойки, которую я добавила ей в джин, когда вместе с Аделью заходила к ним вчера ночью, чтобы попрощаться, а вернее, чтобы уточнить детали нашего секретного стговора с пленницей. Это Олимпия мне посоветовала достать бутылку из стеного шкафа за гобеленом, где Грейс хранила свои запасы.

Как только Олимпия закрепит сундучок, мы сядем, и карета покатит в сторону колледжа, куда определили Адель. Все думают, что мы поедем втроем. Джон с нами отправиться не сможет. Он захворал. Или в стельку

пьян, как неуважительно предположил Дженнаро. Как бы то ни было, у него кружится голова, и он не в состоянии встать с кровати. Возможно, его жена Мэри не беспокоилась бы так сильно, если бы знала, что в том пиве, которым вчера угостил Джона его молодой помощник, было десять ложек лекарства, столь часто используемого Грейс Пул для успокоения ее подопечной.

Тусси уже в Милкоте, он ждет нас, спрятавшись в кустах по дороге в Хэй.

Мы боялись, что после вчерашних событий отставку Адели в колледж могут перенести или и вовсе отменить, и тогда пришлось бы полностью перестраивать план. Однако сегодня рано утром, прежде чем отправиться на своем Мансуре в погоню за мисс Джейн, хозяин дома влетел в нашу спальню, разбудил Адель, попрощался с нею сухо и немногословно, велел слушаться и не порочить его честь, а мне сказал по-французски:

— Прощай, Софи, больше мы не увидимся. Удачи!

— Вам тоже, месье, — ответила я вполне искренне. Мне было его жаль, он был так потрясен и в таком отчаянии. Я не желаю ему зла, пусть только не вмешивается больше в нашу жизнь.

Мисс Джейн уехала глубокой ночью. Вечером она согласилась выйти из комнаты и выслушать объяснения мистера Рочестера. Я спряталась за шторой в гостиной, потому что хотела узнать, какую новую ложь преподнесет ей этот обманщик. Предложенная им история брака с Бертой Мейсон напоминает его клеветнические измышления об отношениях с мадам Селин. Месье Эдуару нравится изображать себя невинной жертвой интриг и обманов. Он утверждает, что этот брак был устроен его отцом и мистером Мейсоном, богатым креольским землевладельцем из Спаниш-Тауна. Отца привлекло приданое в тридцать тысяч фунтов, а старого мистера Мейсона — возможность породниться с аристократическим родом из метрополии, а также пристроить дочь, уже проявившую порочный и неукротимый нрав. Жених был только-только из колледжа. Юный и невинный, как агнец, он заметил, увя, слишком поздно, что молодая жена не просто была ему неверна, но предавалась всем возможным порокам и была ненасытна в своих страстях. Она унаследовала это от матери, которая была буйнопомешанной и содержалась в доме для умалишенных — так же, как и младший брат Берты. Единственным членом семьи в здравом рассудке был старший брат Ричард — тот самый, что приехал в Торнфильд, чтобы помешать бракосочетанию с мисс Джейн; однако, если верить словам месье Эдуара, скоро и он должен сойти с ума.

За четыре года такого брака супруг был доведен до крайней степени

отчаяния и помышлял о самоубийстве, настолько он был несчастен. Он решился вывезти жену в Англию, она же окончательно потеряла рассудок. Старый Рочестер и его старший сын к этому времени уже умерли, не раскрыв никому тайну позорной женитьбы младшего Рочестера. Таким образом, месье Эдуар стал законным владельцем Торнфильда. Берту он упрятал в маленькую комнатку на третьем этаже, поручив ее заботам и охране Грейс Пул, а сам начал путешествовать по Европе в поисках настоящей любви, а точнее добродетельной, чистой и невинной женщины, такой как мисс Джейн.

Она выслушала все это в молчании и не спросила — как я бы сделала на ее месте, — куда подевались тридцать тысяч фунтов приданого, не завладел ли он ими и не распорядился ли по своему усмотрению, не давая никому отчета. И почему Берту нельзя было определить в тот же сумасшедший дом на Ямайке, где уже содержались ее мать и брат, — тогда ей хотя бы не пришлось страдать от сурового английского климата. И как так вышло, что мистер Рочестер привез Адель в Торнфильд, чтобы она проживала под одной крышей с душевнобольной. Мисс Джейн не запротестовала, даже когда ее возлюбленный заговорил о рабынях и любовницах. То, что он заявил, возмутило меня до глубины души, а если бы это услышала Олимпия, она бы немедленно дала ему пощечину и вызвала на дуэль. Он сказал так:

— Любовница или рабыня, чаще всего по складу своему и всегда по положению, — существо низшего порядка, а жизнь в близости с низшим существом приводит к деградации. Нынче я ненавижу само воспоминание о днях, проведенных с Селин, как и с Джачинтой и с Кларой.

А я в этот момент ненавидела всеми силами души Эдварда Фэйрфакса Рочестера из Торнфильдхолла и в то же время преисполнялась гордости, потому что я — француженка, плоть от плоти борцов за Революцию, для которых не могло быть «существ низшего порядка», ибо на их знаменах было начертано: СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО. Еще я думала о том, что жизнь рядом с Тусси, пока он был рабом, не привела меня к деградации; напротив, она позволила мне вырасти и стать лучше.

Казалось, что после всех этих разговоров мисс Джейн его простит, и сам месье был в этом совершенно уверен. Он позволил ей пойти в свою комнату и не подумал запереть ее на ночь или стеречь, а пошел к себе и уснул глубоким сном.

Сегодня же утром Ли обнаружила, что дверь на кухню отперта, из буфета исчезла буханка хлеба, а комната гувернантки пуста.

Мистеру Рочестеру придется поспешить, чтобы ее догнать: наверняка

она уже прошла немало. К тому же неизвестно, в каком направлении. В радиусе километра от Торнфильда ранним утром проходят пять дилижансов, направляющихся в разные стороны. Как узнать, не села ли она в один из них? И в какой? Или же пошла через поля пешком? Одно ясно, она вовсе не хотела, чтобы ее разыскали.

Олимпия, конечно же, одобрила побег мисс Джейн.

— Знала бы я, что она намерена бежать, я бы спрятала ее в карете, и мы бы увезли ее с собой.

Я напомнила ей, что у нас уже есть контрабандная пассажирка и что мы можем только благодарить Бога, что месье ускакал за своей возлюбленной. Ведь если бы он остался в доме, осуществить побег Берты Мейсон было бы гораздо сложнее.

Мы понимаем, конечно, что путешествие в компании душевнобольной может оказаться сложным и что мы берем на себя большую ответственность. Рассчитываем на то, что Адель всегда сможет ее успокоить. Кроме того, Олимпия и Тусси за долгие месяцы ухода за мадам Селин многому научились у доктора Манетта и знают, как надо обращаться с людьми, у которых имеется расстройство рассудка. Олимпия, впрочем, утверждает, что Берта вовсе не сумасшедшая, что ее приступы ярости и агрессии — естественный ответ на длительное несправедливое заточение.

11

Сердце стучит у меня в груди, как барабан. Я уже в карете, через несколько мгновений Олимпия прикажет лошадям трогаться. Мы ждем Адель. Она должна вернуться в дом за Бертой, сказав миссис Фэйрфакс, что забыла свою куклу Катрин (которую мы специально оставили на табуретке на третьем этаже). Берта вскочит в карету за секунду до отправления и спрячется под одеялом, которое будет ее скрывать, пока мы не отъедем на достаточное расстояние от Торнфильда.

Прислуга уже вернулась к своей работе. Перед домом осталась только миссис Фэйрфакс, которая вытирает глаза платочком и собирается махать нам вслед, пока мы не выедем за ворота. Что она сделает, когда увидит, как Берта Мейсон выходит из дому за руку с Аделью и залезает в карету? Она слишком стара и слишком слаба, чтобы остановить беглянку, но она может кричать и звать слуг на помощь. Даже если ей не удастся нас задержать, она тут же расскажет все мистеру Рочестеру, и он, поняв, что мы направляемся вовсе не в колледж, пустится в погоню. Мы с Олимпией

понимающе переглянулись. Нужно что-то сделать! Чтобы старушка ушла и не видела, как мы уезжаем.

Я напрягаю мозг изо всех сил. В голову приходит, как миссис Фэйрфакс гордится своими смородиновыми кустами, и меня осеняет. Да, но я же не умею говорить по-английски! Шепчу Олимпии, и она с присущей ее итальянскому обличью галантностью обращается к миссис Фэйрфакс.

— Софи говорит, что Адель без ума от вашей смородины.

Старушка довольно улыбается.

— Да уж, в колледже такой не дадут, — продолжает Олимпия с деланным сочувствием. — Вот был бы сюрприз для девочки, если бы по прибытии мы вместе с ее багажом достали из кареты корзиночку этих прекрасных ягод! Они бы напомнили ей о Торнфильде и его добрых обитателях.

— Прекрасная мысль! — восклицает миссис Фэйрфакс. — Дженнаро, скажите Софи, что я разрешаю ей пойти в сад и нарвать столько смородины, сколько она сочтет нужным.

Ой. Мы же не меня хотели услатить подальше от кареты! Мы быстро переговариваемся с Олимпией, которая отвечает:

— Няня боится повредить ваши кусты, мадам, и к тому же она не умеет отличать спелые ягоды от неспелых.

— Не беда, я схожу сама! — говорит старушка. — И она неторопливо, как и пристало почтенной даме, направляется в сторону сада.

Но мы не успели возликовать, потому что миссис Фэйрфакс еще не завернула за угол, как мы услышали стук подков, и в аллее показался мистер Рочестер верхом на Мансуре — измученный, разочарованный, потный и в дурном расположении духа. Очевидно, мисс Джейн удалось улизнуть.

— Вы еще не выехали? — резко спрашивает он. — Так вы доберетесь до К. ночью! Где Адель?

— Она забыла в комнате куклу, которую вы ей подарили, и пошла за ней, — отвечаю я, как можно более кротким голосом.

— Дженнаро, раз уж ты здесь, займись лошадьёю, — приказывает мистер Рочестер и, спешившись, входит в дом. Господи, пусть он задержится на первом этаже! Если он начнет сейчас подниматься прямо к себе в комнату, чтобы умыться, то на лестнице столкнется с беглянками, которые, должно быть, уже спускаются.

— Ни с места, — вполголоса приказывает мне Олимпия. С замирающим сердцем мы сидим в карете и смотрим, как Мансур, волоча за

собой поводья, идет щипать траву на лужайке.

Господь не услышал моих молений. Мы не видим того, что происходит в доме, но мы отчетливо слышим яростный вопль хозяина.

— Черт вас побери! Куда?! Быстро назад!..

И пронзительный крик Адели:

— Пустите!

Вскрик боли — мистер Рочестер взвыл, как собака, которую пнули. Что он сделал моей девочке? Ни звука от Берты Мейсон. Мы сказали ей, чтобы ее было не слышно, и она соблюдает уговор; но слышны звуки ударов и падения — что-то тяжелое, явно не восемнадцать килограмм веса нашей Адели. Мистер Рочестер стонет и ругается:

— Дьявол! Стой, проклятая!

Прошло должно быть, несколько секунд, но они кажутся нам вечностью. Внезапно на третьем этаже распаивается окно, из него высовывается расхристанная Грейс Пул и кричит:

— Она сбежала! Ловите ее!

Как же так? Неужели опиумная настойка действует так недолго? Не хватает еще, чтобы на помощь хозяину подтянулся Джон. Я ставлю ногу на подножку, собираясь выпрыгнуть из кареты. Олимпия повторяет с напором:

— Ни с места.

Из окна — того окна, откуда кричала Грейс Пул, — вырываются клубы черного дыма.

— На помощь! Дом горит! — слышен ее голос.

Из холла разносится хлопок, затем звон осколков. Катрин. Мне знаком этот звук: разбитая вдребезги фарфоровая кукла. В то же мгновение из дома выбегает Берта, а за ней Адель. Они несутся к карете, Олимпия стегает лошадей, мы втаскиваем Берту и Адель в уже тронувшуюся карету. Прочь! Прочь! Адель плачет от нервного напряжения; Берта Мейсон, следуя нашим указаниям, послушно натягивает на голову одеяло, хотя прятаться теперь уже поздно: ее мучитель видел, как она бежала с нами. Лошади галопом несутся прочь от горящего дома; но прежде чем скрыться за воротами, мы видим неспешно выходящую из сада миссис Фэйрфакс, она протягивает вслед карете корзинку смородины, а затем устремляет взгляд на пламя, теперь уже вырывающееся из всех окон третьего этажа. Грейс Пул, пытаясь спастись, вылезла на крышу и уцепилась за один из зубцов. С галереи доносится голос мистера Рочестера.

— Держитесь, Грейс! Сейчас приду к вам!

Окна на втором этаже лопаются, мы видим, как огонь пожирает внутренности дома. Раздается страшный грохот — это обвалилась

лестница. Прислуги не видно. Наверное, они пытаются разбудить Джона и увести его подальше от дома — может, на пруд с гусями. Грейс Пул кричит от ужаса. В ответ ей с лужайки доносится испуганное ржание Мансура.

— Может, вернемся, посмотрим, что там, — спрашиваю я неуверенно.

— А чем мы им поможем? Нет, мы едем в Хэй, Тусси ждет, — отвечает Олимпия и подстегивает лошадей.

12

— Представляешь, Тусси, мы спускались по лестнице, Берта шла со мной за руку. Берта меня слушается: видишь, она дает себя причесать и распутать колтуны. А я всегда плакала, когда Соланж меня дергала за волосы. Мы уже почти дошли до самого низа, где стоят большие часы и можно через стеклянную дверь выбежать на лужайку, но тут вошел месье Эдуар и не пускал нас. Он встал перед дверью и схватил Берту за плечи. Он ее в сто раз сильнее, но я укусила его за руку так больно, что Берту он тут же отпустил. Но выйти нам все равно не давал. И везде был дым. Берта схватила его за горло, и они стали драться. Месье уже почти победил, но тут я запрыгнула на ступеньку вверх, взяла Катрин за ноги и как тресну изо всех сил его по голове. Жалко, что Катрин разбилась... Месье порезался осколком, и кровь потекла ему в глаза, тут-то мы и побежали и запрыгнули в карету.

— А пожар, Деде? Это Берта подожгла дом?

— Нет. Это ее воспитательница. Она не нарочно. У нее подсвечник стоял рядом с кроватью, она спала, но когда мы с Бертой выходили, она услышала шум и проснулась. Она нам крикнула: «Стойте!» Но мы не послушались. Тогда она встала и рукавом задела подсвечник, а от него загорелась занавеска. Горело несильно, и я подумала, что она сначала потушит огонь, а потом уже погонится за нами... честное слово, Тусси! А Берта вообще ничего не заметила.

— Может, она плеснула на пламя воды и решила, что этого довольно, — сказала Олимпия. — Значит, она возилась с занавеской и поэтому не сразу стала бить тревогу. Когда она высунулась в окно и стала кричать, чтобы вас задержали, вы были уже внизу. Может, именно из-за распахнутого окна огонь разгорелся с новой силой, а Грейс-то думала, что уже его потушила.

Мы сидим в Портсмуте, в таверне «Гарцующий жеребенок», и ждем судно, которое должно переправить нас во Францию. Плыть отсюда

придется дольше, чем из Дувра, куда мы прибыли, когда добирались с месье Эдуаром в Англию. Но Тусси посчитал, что если, несмотря на пожар, месье решит послать за нами погоню, то стража будет искать нас именно в Дувре. Тусси утащил из цирка Слири все, чтобы замаскировать нас и сбить со следа погоню. Если не приглядываться, то и не поймешь, что это цирковые костюмы, а не обычная одежда. На Олимпии — желтое платье из индийского муслина и соломенная шляпка с цветами. В женском платье она восхитительна, хоть оно и сковывает ее движения, так что наша подруга кажется совсем другим человеком. Я выкинула нянькин фартук и переоделась в элегантное платье с декольте и короткими рукавами-фонариками, с широкой голубой лентой по талии. Деде — мальчик в костюмчике наездника, украшенном лиловым позументом: этот наряд Тусси позаимствовал у младшего сына эквилибристов. Для довершения образа Тусси укоротил ей волосы. Он стриг ее, напевая арию Фигаро из «Севильского цирюльника»:

Бритвы, расчески,
Ланцеты и ножницы —
Всё под рукою,
Всё по местам.

Когда все было готово, он воскликнул:

— Вот теперь ты действительно похожа на свою маму!

Казалось, мы вернулись во времена нашей школы, когда мы менялись нарядами перед премьерой «Сильфиды». Может, поэтому Олимпия так загрустила, глядя на Адель в мальчишеском костюме. Должно быть, она вспоминала маленького стекольщика Антуана, своего семилетнего жениха, которому она обещала дожидаться, когда он вырастет, но не имела возможности сдержать слово.

До Портсмута мы добрались на дилижансе. Карету и лошадей мы оставили в Лондоне, в каком-то постоялом дворе, прикрепив на подушки сиденья записку: «Имущество мистера Рочестера из Торнфильдхолла... ширское графство».

Всю дорогу со всеми трактирщиками и станционными зрителями, подавальщиками и прочими людьми, у которых мы что-то хотели спросить, разговаривала только я. По-английски! Наконец-то я могла свободно спрашивать обо всем, не делать вид, что не понимаю того, что мне говорят, отвечать... Какое утешение после целого года молчания! Впрочем, я это

делала не для того, чтобы наговориться всласть. Мы подумали, что если кто-то сообщит в Торнфильд о том, что мы тут проезжали, то преследователям будет так труднее нас опознать: ведь они считают, что я ни слова не понимаю по-английски.

Наши страхи не оправдались: на протяжении всего пути Берта была совершенно спокойна. По ночам она спит в обнимку с Деде и разговаривает только с девочкой, а та уже передает нам, что ей нужно или что не так. Тусси не знал, что мы привезем ее с собой, он вообще не знал о ее существовании, потому что мы не успели его предупредить. Когда он ее увидел, а Адель сказала: «Это Берта», — он дар речи потерял. И, конечно же, у него не оказалось с собой платья, которое могло бы подойти высокой крупной сорокалетней женщине. Но он согласился с нами, что невозможно оставить ее в бесформенной рубашке, которая в сочетании со спутанными неубранными волосами сразу наводит на мысли о приюте или лечебнице для душевнобольных. К счастью, у Олимпии еще оставалось немного денег, и, едва прибыв в Лондон, мы купили на блошином рынке пару подержанных, но приличных платьев, соломенную шляпку и шаль. Берта Мейсон послушно оделась, но дотрагиваться до своих волос она позволяет только Адели, поэтому Деде пришлось терпеливо распутать ей колтуны, расчесать волосы щеткой и собрать в приличную для дамы ее лет прическу. Теперь нашу спутницу никто не смог бы узнать. Даже смотрит она по-другому, не грустно и потерянно, как раньше, а иногда с интересом. А когда мы шутим и смеемся — а по мере приближения к побережью мы все чаще шутим и смеемся, — в глазах Берты даже начинают проскакивать едва уловимые искорки веселья.

Адель удивляется, что Берта стала молчаливой и кроткой. Раньше, когда они играли в маленькой комнатке на третьем этаже, Берта говорила куда больше: она протестовала, раздражалась, была вредной и нетерпимой к правилам и запретам. А время от времени у нее случались приступы ярости, хотя и не по отношению к Адели.

Пришлось объяснить малышке, что это был не настоящий Бертин характер, а ее ответ на длительное заточение, на то, что с нею обращались как с безумной.

Олимпия уверена, что лечение доктора Манетта и наша поддержка помогут Берте за несколько месяцев полностью вернуть ясность рассудка.

И, пожалуй, хватит уже называть ее Бертой Мейсон. Теперь ее зовут Агнес Присцилла Драммонд — до тех пор, пока к ней не вернется рассудок и она не выберет себе новое имя, которое будет с ней до конца жизни. Берта Мейсон умерла, ее останки покоятся на маленьком кладбище в Торнфильде

под мраморной доской рядом с коленопреклоненным ангелом, который уже двести лет сторожит могилы Деймера Рочестера, погибшего во время гражданской войны, и его жены Элизабет. Так, во всяком случае, полагают жители Торнфильда, Хэя, Милкота и все те, кто прочел последний номер «...ширского вестника».

Нам попала на глаза эта газета, когда наш дилижанс менял лошадей в Гилдфорде. Заголовок на первой странице тут же привлек внимание Олимпии.

Трагедия в Торнфильдхолле. Пожар полностью уничтожил старинное поместье Рочестеров

Мы с жадностью набросились на статью.

Утром 26 июля разгоревшийся по неизвестной причине пожар уничтожил поместье мистера Эдварда Фэйрфакса Рочестера. В попытке предотвратить распространение огня хозяин поместья получил ожоги руки и головы. Выписанные из Лондона врачи надеются, что ему удастся вскоре восстановить свое здоровье. К несчастью, при обрушении кровли погибла супруга мистера Рочестера, в девичестве Берта Мейсон, которая находилась ввиду плохого самочувствия в своих апартаментах на третьем этаже. Тело, обнаруженное слишком поздно прибывшими спасателями и обгоревшее до неузнаваемости, было из сострадания к покойной помещено в закрытый гроб. Похороны прошли на местном кладбище в присутствии преданной прислуги и пастора фамильной часовни, преподобного мистера Вуда. Не было только юной воспитанницы мистера Рочестера, которая проходит обучение в одном из колледжей Ирландии. Все остальные обитатели Торнфильдхолла не пострадали при пожаре и пребывают в добром здравии. От старинной постройки остался только фасад, и тот в таком состоянии, что, по словам мэра Милкота, его тоже придется снести.

«Значит, сон мисс Джейн сбылся», — было первой моей мыслью.

Тусси, настроенный более практично, спросил:

— Интересно, а кроме месье Эдуара, кто-нибудь знает, что это неузнаваемое тело принадлежало бедной Грейс Пул?

— Служанки наверняка укрылись на конюшне и ничего не видели, — сказала Олимпия. — Никто, кроме мистера Рочестера, не видел, как узница бежала; и, конечно, все поверили, что это она залезла на крышу.

— А миссис Фэйрфакс? — Мне пришла на память старушка, которая изумленно протягивала нам вслед корзинку со смородиной.

— Возможно, она единственная знает тайну хозяина Торнфильда. Но она полностью зависит от его благорасположения и никогда его не выдаст, — сказала Олимпия и добавила задумчиво: — А может, и она побежала в парк, к ручью или к пруду, где безопаснее, еще до того, как обвалилась кровля, и не видела, что там произошло на самом деле.

— Но ведь кто-то же должен был начать искать Грейс Пул после пожара, — заметил Тусси. — У нее что, не было ни детей, ни родственников?

— Нет, — ответила ему я. — Когда одиннадцать лет назад мистер Рочестер нанял ее на эту работу, Грейс жила в приюте Гримсби, и у нее не было никого на этом свете. Это мне Мэри рассказала. Прислуга недолюбливала Грейс, они все завидовали ее жалованью и обижались на ее скрытность и скверный характер. Для них это, скорее всего, совершенно естественно: узницы больше нет, надзирать не за кем, вот хозяин ее и рассчитал. Там, наверное, в первые часы и дни была большая неразбериха.

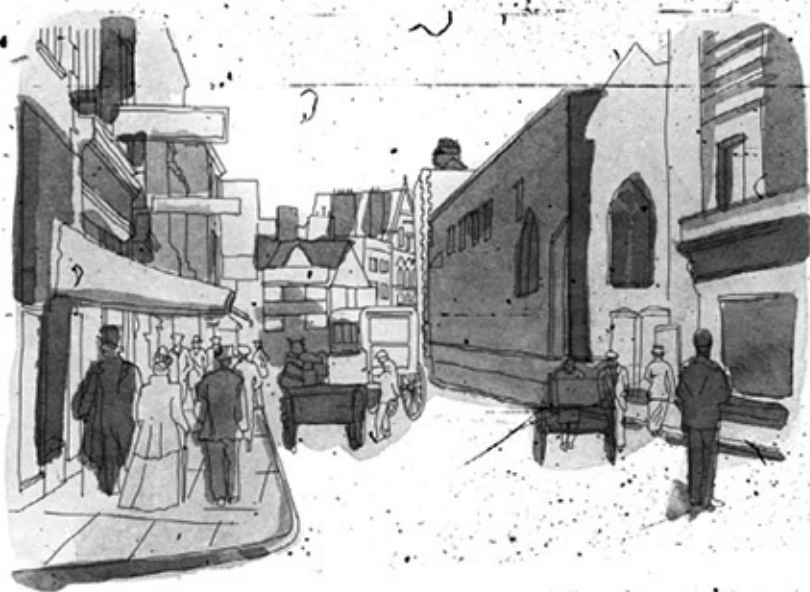
— То есть теперь в глазах общества и церкви мистер Рочестер вдовец и может спокойно жениться на мисс Джейн, — сказал Тусси. — Вряд ли наша Агнес Присцилла решит вернуться, чтобы ему помешать.

— Ну, если ему удастся отыскать гувернантку и если та не будет держать на него зла, — прибавила Олимпия.

— Но я-то тут, с вами, а ни в каком не в ирландском колледже! — возмутилась Адель и потребовала перечитать ей про «юную воспитанницу» хозяина Торнфильда.

— Хитер, однако, мистер Рочестер! Когда в К., где ждали тебя напрасно, прочтут эту заметку, они подумают, что твой опекун передумал и послал тебя в другой колледж. И не догадаются, что ты сбежала, — подвела черту Олимпия.

Глава шестая. Бристоль, 16 апреля 1840

Бристоль, 16 апреля 1840

1

Двух лет еще не прошло, а мы снова в Англии. Точнее, в английских водах, в Бристольском порту. Но недолго нам здесь оставаться, потому что через несколько минут наше судно отправляется в Новый Свет. Виконт д'Анже с удовольствием разглядывает дым, поднимающийся из труб, и любезно беседует с графиней де Мерлен, которая грустит по надутым ветром парусам, поэтическим и опасным плаваниям, еще совсем недавно составлявшим счастье и муку путешественников по морю. Нынче, с негодованием восклицает графиня, с этими пароходами можно даже предусмотреть точный день прибытия, можно даже оштрафовать капитана, если он не войдет в порт в назначенное время.

Мы на борту «Фанни Эльслер» — первого корабля, который пересечет Атлантический океан благодаря силе пара, а не ветра. Раньше он назывался «Грейт Вестерн», потому что принадлежал Большому Западному пароходству, но его переименовали в честь танцовщицы, которая в Америке становится все более знаменитой. Прибытие в Нью-Йорк ожидается

третьего мая.

Анжелика, которая уже много раз пересекала океан на больших парусных судах и с интересом следит за научными достижениями, поскольку хочет заняться изучением инженерного дела, объяснила, что прошло всего два года после изобретения винта, а пароходы уже стали быстрее парусных судов, а значит, выгоднее для долгих путешествий.

Когда ее отец узнал, что мы хотим сопровождать Тусси и Агнес Присциллу в их путешествии на родину, он предложил плыть с ним и его семьей, которая возвращалась в Америку, на пароходе «Фанни Эльслер». На этом же пароходе была заказана и каюта для графини де Мерлен, которая спустя тридцать восемь лет впервые возвращается к себе на Кубу.

Дальше из Нью-Йорка мы вместе с графиней поплывем на фрегате «Кристобаль Колон» на родной остров Тусси, где он надеется найти если не мать, то хотя бы сестру, выкупить ее и освободить. Ведь на Кубе, как и во Франции, и в Соединенных Штатах Америки, рабство еще не отменено.

Тусси был потрясен, когда графиня де Мерлен заявила, что она против немедленной отмены рабства из-за того, что в колониях это приведет к экономической катастрофе. Для графини единственный верный путь к уничтожению рабства — это строгое соблюдение запрета на работоторговлю, в результате которого рабство исчезнет само собой.

— Но если дети рабов, которые рождаются в колониях, по-прежнему будут рабами, оно не исчезнет никогда! — воскликнул Тусси, дрожа от негодования. — А мои братья-рабы, почему они не заслужили, чтобы их освободил закон, уважающий человеческое достоинство? Что они сделали, что не могут располагать самими собой даже в старости и должны умирать в колодцах?

Я тоже не могу поверить, что такой образованный и тонкий человек, как графиня, друг Гражданина Маркиза, писательница, которая менее чем десять лет назад в книге «Мои первые двенадцать лет жизни» написала такие гуманные и глубокие слова о страданиях рабов и любви к свободе, стала теперь столь бесчувственной и жестокой.

— Потому что состояние ее родственников-креолов основано на эксплуатации рабов, и теперь, овдовев и потеряв свои богатства, она рассчитывает, что они будут ей помогать, — прошептал мне на ухо Максимильен. — Идеи гуманизма прекрасны для обсуждения в салонах, но когда речь заходит об отказе от привилегий, которые дают деньги...

— Твой отец не только тратит свою жизнь и средства на дело аболиционизма бок о бок с Виктором Шельшером, — ответила я, — но он три месяца назад подписал вольную всем рабам, которые достались ему по

наследству от дяди на острове Маврикий. А бедная Ангес Присцилла заплатила своей личной свободой и бесконечными страданиями за то, что в молодости освободила своих рабов.

2

Узница Торнфильда, вылечившись, решила сохранить имя, которое мы дали ей во время побега. Когда мы прибыли в Поммельер, мадам Селин и мадам Женевьева были потрясены, совсем как Тусси, узнав, что воображаемая подружка Адели оказалась на самом деле женой месье Эдуара, несчастной напуганной женщиной, державшейся за свою маленькую спасительницу, как потерпевший кораблекрушение держится за канат спасательной шлюпки. Мадам Селин, растроганная до слез, помня о пережитом недавно в больнице Сальпетриер и сравнивая его с годами заточения нашей спутницы, ни секунды не колеблясь прижала ее к сердцу и распахнула перед нею двери своего дома.

С самого момента побега у больной больше не было приступов агрессии и сопротивления; казалось, что она скорее погружена в состояние оцепенения и вялости, и это внушало еще большее беспокойство. Олимпия написала доктору Манетту, который приехал два дня спустя в сопровождении молодого ассистента. После осмотра больной оба заявили, что ее случай некоторым образом напоминает случай мадам Селин, но осложняется долгими годами заточения, продолжительным использованием опиумной настойки, сыростью английского климата и тоской по далекой родине. Однако они не теряют надежды, что при надлежащем лечении мадам Агнес Присцилла Драммонд полностью выздоровеет.

В последующие месяцы больной занималась я, следуя назначениям доктора Манетта, который похвалил меня и сказал, что из меня выйдет прекрасная сестра милосердия.

— А почему не врач, как вы? — спросила я его. — В Англии уже есть женщины-врачи. Я даже слыхала, что королева Виктория появилась на свет благодаря женщине-врачу.

— Эта работа не для женщин с их чувствительностью и целомудрием, — ответил доктор. — Приходится сталкиваться с такими ужасными вещами, мадемуазель!

— Не больше, чем сестре милосердия, — возразила Олимпия. Она поддерживает мое желание изучать медицину, подбадривает меня и обещала, что если денег мадам Селин окажется недостаточно, ее бабушка

одолжит мне необходимую сумму для учебы в университете.

Благодаря уходу, в том числе и моему, весной нашу гостью объявили здоровой, но нервноически неустойчивой. К ней вернулась память, и она рассказала всю правду о своем браке с мистером Рочестером. Эта история частично совпадает с той, которую я слышала за занавесками гостиной в Торнфильде. Брак действительно был заключен в результате договора между двумя семьями, и жених с невестой впервые встретились только накануне свадьбы, ничего друг о друге не зная.

Но дальше между двумя историями возникает расхождение: из рассказа нашей гостью следовало, что если молодой Рочестер, судя по всему, приветствовал решение отца и брата, так как его тоже привлекали размеры приданого, то сама Берта Мейсон до последнего сопротивлялась воле отца; ее поддерживала мать, брак которой был очень несчастлив. У Берты была тайна, которую она не осмеливалась раскрыть отцу: она была влюблена в молодого поэта, мулата Томаса Вудрафа, который родился от белого ремесленника и рабыни и в соответствии с «Черным кодексом» тоже считался рабом.

Мать и сын принадлежали пожилой вдове, сестре мистера Мейсона, и Берта еще девочкой часто встречала на плантации тетки мальчика с умным взглядом.

У ремесленника не было средств, чтобы выкупить сына, но он добился права обучать его на свои средства. С самого детства Томас выказывал тонкий поэтический талант, и хозяйка любила демонстрировать его в салонах Спаниш-Тауна как ярмарочное чудо. Он имел такой успех, что, когда вырос, некоторые богатые креолы, почитатели его таланта, принадлежавшие к интеллектуальной элите, собрали деньги и выкупили его из рабства.

Но мистер Мейсон никогда не позволил бы дочери выйти замуж за чернокожего и бывшего раба, и у Берты не было надежды воплотить свою мечту в жизнь, хотя Томас отвечал ей страстной взаимной любовью. Оба разделяли пришедшие из Европы идеи об отмене рабства, но если для мулата такие идеи были более чем естественными, то для дочери богатого рабовладельца казались — в глазах белых жителей Ямайки — совершенно неприемлемыми.

Тайная связь между молодыми людьми продолжалась три года, когда сестра мистера Мейсона умерла, завещав по иронии судьбы все свое богатство племяннице, которая стала не только самой богатой девушкой на выданье на всем острове, но и, к ее большому огорчению, владелицей матери и сестер возлюбленного. Берта отказывала всем просившим ее руки,

и отец начал уже что-то подозревать, когда поступило предложение от старого Рочестера.

После нескольких месяцев слез, голодовок и угроз сбежать Берта сдалась. Но до свадьбы она решила на деле осуществить идеи аболиционизма и принести последний дар влюбленному поэту. В часть ее приданого, оставленного ей в личную собственность теткой, а не выделенного из состояния отца, входили богатые плантации сахарного тростника, хлопка, табака и кофе. Их стоимость — тридцать тысяч фунтов стерлингов — включала также цену ста двадцати рабов, которые на этих плантациях работали. После ее замужества земля и рабы должны были перейти в собственность мужа, но пока что принадлежали лично молодой женщине, которая, достигнув двадцати пяти лет, могла распоряжаться ими по своему усмотрению. Поэтому — тайком от отца и при содействии матери — Берта, незадолго до прибытия на Ямайку жениха, освободила всех своих рабов.

Когда она проговорила это, Селин обняла ее со слезами на глазах.

— А я-то думала, что проявила великую щедрость, освободив Тусси! — воскликнула она.

Только через несколько дней после свадьбы месье Эдуар обнаружил, что совершила его жена: без рабочих рук его новые земли теряли добрую половину своей стоимости. Ему пришлось продать половину плантаций, чтобы купить новых рабов, и он обвинил Берту и тестя в том, что они обманули его и подстроили ловушку. Между мужем и женой постоянно вспыхивали ссоры — еще и потому, что Рочестер был вспыльчивым и часто жестоким хозяином и не брезговал лично браться за плетку-девятихвостку, страшное орудие с металлическими крючками, чтобы поставить на место «черномазых», как он их называл. Берта не могла выносить такое обращение с несчастными, оскорбляла его и не допускала в спальню. Она больше не виделась со своим возлюбленным, но, читая в местных газетах его стихи, очень тосковала. Муж ничего не подозревал и считал, что опрометчивое освобождение старых рабов и чрезмерное снисхождение к новым проистекали только из «яда идей аболиционизма», докатившихся уже до колоний.

Прошло три года, а супругам так и не удалось обрести хоть немного согласия, любви и взаимного уважения, они по-прежнему выносили друг друга с трудом. Молодого мужа никогда не бывало дома: если он не объезжал плантации, то проводил время в городских кафе, пил, курил и постепенно проигрывал в карты то самое приданое, из-за которого чувствовал себя обманутым. Так продолжалось до тех пор, пока молодой

креол, с которым Рочестер обращался с аристократическим презрением и обвинял в карточном шулерстве, не бросил ему в лицо отместки ради, что у его жены связь с мулатом. Да, да, с тем самым темнокожим молодым человеком с курчавыми волосами, который, стоя сейчас посреди кафе, декламирует стихи о любви.

Оскорбленный, потерявший разум от ярости, молодой Рочестер поднял плетку и ударил по лицу — нет, не своего недоброжелателя, а неизвестного поэта, разбив ему губы и ранив глаз. Потом ринулся домой и набросился на жену, упрекая ее в измене, в том, что она опозорила его, своего мужа. Чтобы белая женщина испытывала нежные чувства к темнокожему — это неслыханно, непристойно, это оскорбляет приличия, нравственность и здравый смысл. Лишь повредившись в уме, можно пасть так низко. Берта выслушала его с презрительным спокойствием. Но когда услышала о том, как муж покарал недостойного соперника, она тоже пришла в бешенство, выхватила у него из рук плетку и ударила по лицу.

Этот удар все и погубил. Три дня спустя Рочестер сел вместе с ней на корабль, направлявшийся в Англию, он держал ее взаперти в каюте в продолжение всего плавания, привез в Торнфильд и заживо замуровал в комнатке третьего этажа. Он сообщил о ней — но не о том, кто она на самом деле, — только доктору Картеру и сиделке, которым платил и за работу, и за молчание. Отец и старший брат тем временем умерли, никому не рассказав о его браке, и молодой Эдвард унаследовал титул, владения и право быть полным хозяином на своих землях.

Слезы, мольбы, обещания жены уйти в монастырь, если он позволит ей вернуться на Ямайку, — все было бесполезно. Из ее семьи только брат Ричард пытался заступиться за нее, но безрезультатно.

3

Мадам Селин трясло, когда она слушала рассказ об этом чудовищном насилии. Она говорила, что ей повезло, потому что месье Эдуар никогда не поднимал на нее руку — может быть, страхась крестного. Повезло, что ее брак с англичанином оказался недействительным и его так легко было разорвать. Повезло, что у нее есть такие друзья, как я, Тусси и Олимпия, которые вырвали Адель из рук этого бессердечного человека и вернули ей.

Хотя в Поммельере Берта была окружена всей любовью и заботой, на какую мы были способны, теперь, вновь обретя память, она страшно тосковала по своей родине. Мы объяснили ей, что на Ямайке уже семь лет

как отменили рабство, поскольку это — английская колония. Мадам Женевьева, используя свои многочисленные знакомства, выяснила, что за те одиннадцать лет, что Берта провела в заточении, ее родители умерли и из всей семьи остался только ее брат Ричард, который перебрался поближе к Европе, на остров Мадейра. Томас Вудраф печатался в местной газете, он потерял один глаз, был женат на черной девушке, у них родилось пятеро детей, а теперь он овдовел.

— Если бы у меня было достаточно денег, чтобы оплатить такое далекое путешествие и жить независимо, я бы вернулась туда и встретила с ним, — говорила Агнес Присцилла с грустью. Она очень изменилась за эти годы, и с этим новым именем никто из обитателей Спаниш-Тауна не смог бы ее узнать.

К нашему большому удивлению, Тусси, который до этой минуты никоим образом не проявлял тоски по родине, вдруг заразился от разговоров и вздыханий бывшей узницы. Он начал вспоминать много всего из своего детства на плантации, мадемуазель Атенаис, а главное, сестренку, которую оставил на Кубе в хижине, где жили рабы месье Дешатра Лакруа.

— Ей сейчас примерно двадцать один год, если она еще жива, — вздыхал он. — Будь я богат, я мог бы вернуться и выкупить ее.

Проклятые деньги! Ни у Туссена, ни у Агнес Присциллы, ни у меня не было никаких доходов, а мы с Туссеном были еще настолько молоды, что могли бы зарабатывать себе на жизнь, только нанявшись к кому-нибудь прислугой. Но эту работу мы уже опробовали, пусть и не по своему желанию, и это было не то занятие, о котором мы мечтали в будущем.

В настоящее время мы, так же как и Агнес Присцилла, зависели от щедрости мадам Селин.

Но она и на этот раз оказалась на высоте.

— Мой долг благодарности вам огромен, — сказала нам однажды наша благодетельница. — Если бы не вы, я бы до сих пор лила слезы, глядя в пустоту, на грязной соломе в Сальпетриере. А Адель оказалась бы в английском колледже, ее бы поролли розгами, она ходила бы голодная, промерзшая и, вероятно, с легкими, пораженными чахоткой. Состояния, которое оставил мне крестный, хватает, чтобы жить в достатке во Франции, но в колониях жизнь дешевле, и мы могли бы даже позволить себе немного роскоши. Фанни Эльслер имеет огромный успех в театрах Нового Света; уверена, что и я легко смогу получить ангажементы в театрах Гаваны, Матансаса и Спаниш-Тауна. Месье Жоливе хвалит меня и говорит, что скоро я снова буду танцевать, как раньше.

Пока мы плакали и отчаивались, наша благотельница строила планы. Поммельер и дом на улице Жакоб она решила сдать в аренду на пять лет — на случай, если мы передумаем и решим вернуться. Мадам Женевьева тем временем будет управлять всем состоянием и раз в полгода направлять нам доходы в Новый Свет.

Олимпия поедет с нами.

— Я знаю, что на Кубе много молодых патриотов мечтают о независимости от Испании и об отмене рабства. Я присоединюсь к ним и постараюсь добавить к их целям еще одну — освобождение женщин, — заявила она.

Мы приедем на остров Тусси, сделаем все необходимое, чтобы разыскать и освободить его мать и сестру, а затем поедем жить на Ямайку.

— Мне не хотелось бы жить в стране, где есть рабство, — пояснила мадам Селин.

Мы снимем виллу на берегу моря, и у Агнес Присциллы, которая найдет своего поэта, будет достаточно времени, чтобы понять, изменились ли их чувства или они по-прежнему сильны, и решить, оставаться ей с нами или жить с Томасом, взяв на себя заботу о воспитании пятерых чернокожих сирот.

Пока Олимпия узнавала о судах, которые отправляются в Новый Свет, виконт д'Анже рассказал нам о преимуществах плавания на «Фанни Эльслер», и вот — мы тут, в ожидании, что пароход загудит и отойдет от причала.

Все пассажиры, толпясь на палубе, прощаются с провожающими. Только один человек остается в сторонке, сидит на сложенном в бухту канате и, кажется, с головой ушел в книгу, которую держит на коленях. Я смотрю на него внимательно: интересно, что он читает, что так захватило его внимание? Смотрю на него, и наклон его головы кажется мне знакомым. Знакомыми кажутся его брови, его уши. Больше мне увидеть не удастся, потому что он склонился над книгой, а на лоб надвинута шерстяная фуражка. Руки тоже кажутся похожими... нет, не похожими — это те самые руки, которые помогали моим детским пальцам выводить первые буквы! Которые сжимались в кулак и стучали по столу в нашей квартирке на улице Маркаде, когда, с трудом выговаривая слова и путаясь в ударениях, я читала в газете о злоупотреблениях или несправедливости.

«Пьер Донадье!» — едва не кричу я. Потом вспоминаю, что имя может выдать человека, может стать причиной его гибели, и кричу изо всех сил:

— «Обезьяна»! Если ты моя любимая «обезьяна», то подними голову, дай посмотреть тебе в глаза!

Человек медленно поднимает взгляд от книги. Его рот, скрытый седой бородой, растягивается в недоверчивой улыбке.

— Ты! Мой мелкий гравий-Гравийон с улицы Маркаде!

Он встает, и я бегу обнять его. Он поднимает меня в воздух и кружит, мы кружимся как в вальсе, пока судно выходит из порта, и ветер раздувает мне юбки так, что мисс Джейн была бы недовольна, а Селин Варанс улыбается.

— Софи, милая, неужто и правда ты? Значит, жизнь не раздавила тебя, как утверждала мадам Анно...

Он ставит меня на доски палубы и оглядывает с головы до ног.

— Вылитая мать, крошка Софи. Но у нее никогда не было таких элегантных платьев. Ты ограбила банк? Я искал тебя везде, я семь раз ходил в дом призрения — боялся, что они лгут, говоря, что тебя там нет.

К нам подходит Селин, серьезная, полная достоинства и немного обеспокоенная.

— Вы знакомы с моей дочерью, месье? С кем имею честь?

— С «обезьяной», которая потеряла детеныша своего друга-«медведя», а теперь наконец нашла.

Глава седьмая. Старый Багамский пролив, 12 мая 1840

Старый Багамский пролив, 12 мая 1840.

Касательно разницы между парусными судами и пароходами, я полностью согласна с тем, что пишет графиня де Мерлен своей дочери Терезе, разложив бумагу на пюпитре, с которым никогда не растается:

Человек научился сдерживать огонь и рассчитывать его действие. А ветер непостоянен, его сила неизвестна, его ярость непредсказуема, и в этой неопределенности кроется поэзия парусников. Это как человеческая жизнь с ее неуверенностью, страхами, чаяниями, обманчивым весельем; но когда судьба вдруг меняется, когда попутный ветер дует в корму — с каким ликованием его приветствуют, с какой радостью весь экипаж отдается во власть этому дуновению жизни и надежды!

Вчера я провела добрую половину ночи на палубе, в гамаке, омываемая лунным светом, под звездным небосводом. Паруса были подняты, легкий теплый ветерок едва касался поверхности воды. Корабль плавно скользил по волнам, разрезая носом воду, которая что-то нашептывала и обращалась в белоснежную пену, оставляя позади длинный светлый след.

Мы с Тусси тоже весь вчерашний день качались в гамаке, убаюканные мерным колыханием волн.

Еще совсем немного, и мы прибудем на Кубу. Через неделю после того, как мы сошли с «Фанни Эльслер» в порту Нью-Йорка, мы пересели на этот прекрасный фрегат с большими белыми парусами. Мы простились с Анжеликой и Максимилиеном, которые вместе с родителями остались в Соединенных Штатах, а Пьер Донадье вместе с нами поднялся на борт «Кристобаля Колона».

Когда Селин — она больше не хочет, чтобы мы называли ее «мадам», — еще возле английских берегов спросила, куда он направляется, мой друг пожал плечами и ответил: «Как можно дальше от Европы».

За эти последние семь лет Пьер Донадье переезжал из Франции в Швейцарию, Испанию, Англию; его преследовала полиция всех стран: его подозревали, на него доносили, его предавали собственные товарищи по борьбе. Он был заточен в тюрьму, но бежал; был приговорен к ссылке на Дьябль — Чертов остров, — но перепилил кандалы и бросился в воду за минуту до того, как берег Марселя скрылся из виду. И все это — из-за его воззваний против тиранов, из-за идеалов, которые были так дороги и Гражданину Маркизу.

Сегодня прекрасный день. Вчера мы обогнули Багамскую отмель и теперь плывем вдоль берегов Кубы. Как бы понравилось Гражданину Маркизу это путешествие! Помню, что однажды к уроку испанского языка он велел нам выучить наизусть письмо, которое Христофор Колумб написал в 1492 году королю Фердинанду и королеве Изабелле:

Всевозможные пальмы разнообразной формы, самые высокие и прекрасные, какие я когда-либо встречал, и множество иных высоких и зеленых деревьев; птицы с разноцветным оперением и природная растительность придают этой стране, Ваши высочества, такую дивную красоту, что она превосходит все остальное по изяществу и привлекательности, как день превосходит ночь. Я настолько поражен этой великой красотой, что мне не хватает слов для ее описания.

Спокойное море сверкает, как россыпь алмазов. Десятки дельфинов окружают фрегат и сопровождают наше путешествие своими веселыми играми. Какие-то рыбы с серебряными крыльями и перламутровыми телами вылетают из воды и падают на палубу нашего корабля.

Олимпия внизу, в каюте, собирает вещи. Когда мы в Гаване сойдем с

корабля, она поедет вместе с нами на восток, но не до Сантьяго, как мы. Она направится в Байямо вместе с молодым патриотом Карлосом Мануэлем де Сеспедесом: он возвращается из Испании навестить семью и пригласил Олимпию на свою ферму в Демахагуа. Их представил друг другу на причале в Нью-Йорке Пьер Донадье, который познакомился с молодым кубинцем в Испании и считает его способным на великие свершения в деле освобождения его родины. Олимпию захватили и потрясли слова Карлоса Мануэля, которые он повторяет при каждом удобном случае: «Товарищи, власть Испании одряхла, ее сожрали черви, и если она до сих пор кажется нам великой и сильной, то только потому, что в течение трех веков мы смотрели на нее, стоя на коленях. Давайте выпрямимся в полный рост!»

Вероятно, наступило время и для женщин, с воодушевлением сказала мне Олимпия, больше не смотреть на мужчин стоя на коленях.

Тусси и Пьер Донадье стоят бок о бок у борта и разговаривают, наслаждаясь солнцем и игрой дельфинов. Оба обнажены по пояс. У каждого на плече клеймо с двумя буквами алфавита. Я подхожу на цыпочках и обвожу пальцем инициалы первого хозяина Тусси, выжженные на его коже: DL — Дешатр Лакруа. Вчера я видела, как Селин обводила пальцем клеймо TF — что означает «каторга» — на плече моей дорогой «обезьяны».

Я боялась, что обман месье Эдуара навсегда разобьет ей сердце, что ей суждена долгая одинокая жизнь. Но улыбка Пьера Донадье совершила чудо. Они поженятся, едва мы прибудем на Ямайку, и исполнится наконец мечта Адели нести шлейф свадебного платья.

Тусси и я... Мы знаем, что у нас впереди еще много времени, много встреч — много всего. Тусси должен найти свою семью, встретиться со своим народом. Кто знает, возможно, девушки с черной бархатной кожей будут нравиться ему больше меня. А мне нужно пройти через учебу в университете, через недоверие преподавателей и товарищей-студентов, чтобы стать одной из первых французских женщин-врачей. Я начну учиться на Ямайке, но постараюсь закончить обучение в Сорбонне, как хотел Гражданин Маркиз.

Мы знаем, что еще не пришло время строить планы. Но все, что нам довелось пережить вместе, чувства, связавшие нас накрепко, верность друг другу и смех — всего этого у нас никто уже не отнимет.

И если не я буду матерью его детей, они все равно всегда будут и моими детьми. И если у меня самой будут дети, кто бы ни стал их отцом, я знаю, что они всегда смогут рассчитывать на любовь и защиту Тусси — как Адель.

— Адель! — кричит мадам де Мерлен. — Видишь вон ту гору? Это Пан-де-Матансас. А та деревня — Пуэрто-Эскондидо. Скоро покажется Кастилло-де-ла-Фуэрса — и мы в Гаване. Добро пожаловать на Кубу, дитя мое.

От автора

Эта книга родилась из моих размышлений над великим произведением английской классической литературы — «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте, опубликованным в 1847 году.

При написании этой книги было использовано много других романов и статей, часть из которых я читала раньше, а к некоторым обратилась, уже когда писала «Французскую няню», — в поиске сведений об истории и повседневной жизни тех лет, либо из желания узнать что-то новое, что диктовала мне сама книга.

Выражаю благодарность всем этим книгам и их авторам.

Перечислю самые важные, хотя их общее число таково, что я неминуемо что-то забуду; заранее прошу за это меня простить.

Первая и главная благодарность — всем произведениям Шарлотты Бронте, прежде всего романам «Джейн Эйр» и «Городок» (1853), в которых писательница высказывает осуждающее отношение к «фальшивому, легкомысленному и поверхностному» характеру француженок, а также к взрослым, которые чересчур умиляются детям. Питая слабость к детям и испытывая чувство восхищения характером и культурой французов, особенно XIX века, я попыталась ответить на это двойное осуждение.

Перестать видеть в «Джейн Эйр» «священную корову» мне очень помог потрясающий роман 1966 года на английском языке «Безбрежное Саргассово море», в котором креолка Джин Рис рассказывает о жизни и размышлениях сидящей в заточении безумной жены Рочестера из «Джейн Эйр». Примерно такой же подход использован и в романе Валери Мартин «Мэри Райли» (1990), где изложенная в 1886 году Р. Л. Стивенсоном «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» пересказана служанкой доктора Джекила.

Во времена, когда разворачивается действие моей книги, уже были написаны и в Англии хорошо известны романы Джейн Остин (Шарлотте Бронте они не нравились), в том числе «Нортенгерское аббатство» (1818) — тонкая пародия на готический роман, которую я использовала в качестве противовеса мрачной и таинственной атмосфере «Джейн Эйр». В те годы Мэри Уолстонкрафт уже опубликовала свой скандальный труд «В защиту прав женщин» (1792), а ее дочь Мэри Гудвин Шелли — своего «Франкенштейна» (1818). Поскольку моя героиня — образованная девушка, которая вынуждена выдавать себя за няню, она не может не знать

очаровательную книжицу Джонатана Свифта «Наставления слугам» (1743). В этот же период только-только начинал печататься великий Диккенс. Я позволила себе позаимствовать у него несколько персонажей из более поздних его романов «Тяжелые времена» (1854) и «Повесть о двух городах» (1859).

Узнать больше о жизни белых в колониях на Антильских островах, о положении рабов и о полемике, касающейся отмены рабства, мне помогли эссе «Проблемы Латинской Америки» великого натуралиста и путешественника Александра фон Гумбольдта, его труды «Путешествие в равноденственные области Нового Света» (1804–1827) и «Космос» (1845–1858), статья Виктора Шельшера «О рабстве черных и о колониальном законодательстве» (1833) и три книги кубинской креолки графини Мерседес де Мерлен: «Мои первые двенадцать лет жизни» (1831), «Воспоминания креолки» (1836) и «Путешествие в Гавану» (1844). Нашлись и более современные источники: «История Кубы» Хью Томаса (1971); статья Жана Мейера «Рабы и работорговцы» (Jean Meyer, *Esclaves et negriers*; 1996) и, наконец, роман кубинской писательницы Марты Рожас «Овьедский гарем» (Marta Rojas, *El haren de Oviedo*; 2003).

Также обнаружили ценные свидетельства о восстании рабов на Гаити: глазами французов в романе «Бюг-Жаргаль» Виктора Гюго (1826), глазами гаитян в статье Эме Сезер «Туссен Лувертьюр» (Aim Cesaire, *Toussaint Louverture*; 1960), а также глазами кубинцев в романе Алехо Карпентьера «Царство земное» (1949).

Интересные и подробные сведения о повседневной жизни и образовании детей в конце XVIII и в первой половине XIX века я нашла у Сьюзен Ласдан в ее книге 1981 года «Дом по-викториански» (Susan Lasdun, *Making Victorians: The Drummond children's world; 1827–1832*), в «Рукописи для Терезы» Пьетро Верри (Pietro Verri, *Manoscritto per Teresa*; 1784); о детях бедняков писал в XIX веке Артур Моррисон — «Неизвестный Лондон» и «Повести гнусных улиц» (1894), а в XXI — Джан Антонио Стелла: «Орда. Когда мы были албанцами» (Gian Antonio Stella, *L'orda. Quando gli albanesi eravamo noi*; 2002).

Среди немногих книг, которые были тогда в распоряжении французских детей помимо басен Лафонтена (1668–1694), я не могла не упомянуть «Сказки Матушки Гусыни» Шарля Перро (1697) и «Сказки фей» мадам д'Онуа (1698).

Поскольку мои героини — француженки по происхождению и воспитанию, при создании их характеров и биографий я использовала много современных им художественных произведений, в которых черпала

как конкретные сведения, так и атмосферу — «дух времени». Это, во-первых, вся «Человеческая комедия» Бальзака, прежде всего «Утраченные иллюзии» (1843) и «Блеск и нищета куртизанок» (1847). Все прозаические, поэтические и эпистолярные труды Виктора Гюго, в первую очередь «Последний день приговоренного к смерти» (1829), «Отверженные» (1862) и «Письма» (1813–1885); биография Виктора Гюго, написанная Аленом Деко (Alain Decaux; 1984), и еще одна, написанная Арно Ластером (Arnaud Laster; 1984); «Годы Гюго» Жака Марселя и Франсуаз Гомес (Jacques Marseille et Françoise Gomez, *Les années Hugo*; 2002); а также два романа Жорж Санд: «Индиана и История моей жизни» — к которым добавилась биография их автора, написанная Гортензией Дюфур: «Жорж Санд, сомнамбула» (Hortense Dufour, *George Sand, la somnambule*; 2002).

Далее по памяти: автобиографические записки Россини; «Мадемуазель де Мопен» Теофиля Готье (1835); «Смешные жеманницы» (1659), «Школа жен» (1662) и «Ученые женщины» (1672) Мольера; фантастические новеллы Шарля Нодье (1822); «Эмиль Руссо» (1762); «Простодушный» Вольтера (1767); «Парижские тайны» Эжена Сю (1843); и множество балетных и оперных либретто, в том числе «Роберт Дьявол» (1831), «Тщетная предосторожность» (1789) и «Сильфида» (1832).

И в заключение — хотя, разумеется, многие названия так и остались неупомянутыми, — «Политическая экономия искусства» Джона Рескина (1857), «Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры» Роберта Дарнтон (1984), «Меридиан» Дениса Геджа (Denis Guedj, *Meridian*; 1987), «История безумия» (1961) и «Надзирать и наказывать» (1975) Мишеля Фуко.

Что касается описания реалий, фактов и персонажей, истории балета, текстов законов — «Черного кодекса» (23, 4, 1615), «Декларации прав человека и гражданина» (26, 8, 1789) и «Декларации прав женщины и гражданки» (1791), а также песенки XVIII века о короле Дагобере, то все это я нашла в интернете.

Давайте дружить!

- <http://www.samokatbook.ru/>
- <http://facebook.com/SamokatBook>
- <http://vk.com/samokatbook>
- <http://instagram.com/samokatbook>
- <https://twitter.com/Samokatbook>
- <http://samokat-library.livejournal.ru/>

Дорогой читатель, мы хотим сделать наши электронные книги ещё лучше!

Всего за 5 минут Вы можете помочь нам в этом, ответив на вопросы [здесь](#).

Над книгой работали

Перевод с итальянского *Ольги Гуревич и Татьяны Никитинской*

Обложка и иллюстрации *Влады Мяконькиной*

Литературный редактор *Наталья Калошина*

Корректоры *Алёна Щербакова, Ольга Дергачёва*

Верстка *Алис Аккер*

Художественный редактор *Влада Мяконькина*

Ведущий редактор *Алёна Щербакова*

Главный редактор *Ирина Балахонова*

ООО «Издательский дом „Самокат“»

Юридический адрес: 119017, г. Москва, ул. Ордынка М., дом 18, строение 1, офис 1

Почтовый адрес: 119017, г. Москва, ул. Ордынка М., дом 18, строение 1, офис 1

Телефон (495) 180-45-10

info@samokatbook.ru

www.samokatbook.ru

Электронная версия книги подготовлена компанией Webkniga.ru, 2021

notes

Примечания

По комедии Пьера Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро» (отрывок приведен в переводе Н. М. Любимова) в 1830-е годы на парижских сценах шло множество спектаклей, в том числе балет («Тщетная предосторожность» Ж. Доберваля) и оперы («Свадьба Фигаро» В. А. Моцарта, «Севильский цирюльник» Дж. Россини и др.).

Перевод на русский язык А. Тетеревниковой.

Здесь и далее отрывки из либретто оперы «Севильский цирюльник» приводятся в переводе Рафаила Зотова.

Романс Эдварда Рочестера из романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр»
(отрывок в переводе Б. Лейтина).

Перевод Т. Никитинской.

6

Королевы (англ).

7

Целую (англ).

8

Королева (*англ.*).

Письмо с печатью (*lettre de cachet*) — приказ об аресте с пропуском вместо имени, по которому можно было без суда и следствия посадить в тюрьму на неопределенное время кого угодно. Изначально целью таких писем было предупредить раскрытие государственных тайн и избежать публичных скандалов. Однако французские аристократы широко пользовались *lettres de cachet* для мести личным врагам. Во времена Французской революции письма с печатью стали символом абсолютизма и неограниченной власти короля. Хождение таких писем было отменено Национальной Ассамблеей 1 декабря 1789 года. — *Примеч. автора.*

10

Какая милая маленькая девочка (*англ.*).

11

Спасибо (*англ.*).

12

Вы откуда? *(англ)*.

Мы теперь живем в Торнфильде, но приехали из Парижа (*англ.*).

Преданная (*англ.*).

Куклу (англ).

16

Вернуться (*англ.*).

И БЫТЬ (*англ.*).

Твоя хорошая малютка-дочь (*англ.*).

День (*англ.*).

Будет (англ).

21

Не понимаю (*англ.*).

Выучила это (*англ.*).

Как вы поете (*англ.*).

Песенку (*англ.*).

Короля (англ).

Не-мед-лен-но (*англ.*).

Ей скучно (*англ.*).

Плакатъ *(англ)*.

Твоя (англ).

30

От обеда до ужина (*англ.*).

Пальцы (*англ.*).

Говорит, что *(англ)*.

Этого не разрешила (*англ.*).

Я хочу *(англ)*.

А я говорю (*англ.*).

Поцелуй (*англ.*).

Горячий (*англ.*).

Твоей дочери (*англ.*).

Да, месъе (*фр*).

40

Очень плохо (*англ.*).

Говорить о *(англ.)*.

Могут быть *(англ)*.

43

Пообещала мне *(англ)*.

Я очень тебя люблю (*англ.*).

Я плачу, потому что *(англ)*.

Дочка, которая тебя ждет (*англ.*)

Она сказала (*англ.*).

Поцелуй (*англ.*).

Я сама не умею (*англ.*).

Попытаться (*англ.*).

Ты знаешь (*англ.*).

Но (англ).

Друзьями (англ).

Доволен (англ).

Тоже (*англ.*).

Разрешили принести (*англ.*).

Помочь ей (англ).

Она не плакала (*англ.*).

Мальши (*англ.*)

Тоже (*англ.*).

Перевод Е. Полонской.

По-английски, так что она будет счастлива (*англ.*).

Очень, очень больна (*англ.*).

Слуг (*англ.*).

Как дама (*англ.*).

Я тебя очень люблю и молю Святую Деву (*англ.*).

Женится на (*англ.*).

Два странных листочка (*англ.*).

Вернулся (*англ.*).

Собаку (*англ.*).

Конь Девил (*англ.*).

Сахаром (*англ.*).

Детей (англ).